

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Нижний Новгород

ДЕКОМ

2012

ББК 63.3 (2Рос–4Ниж)
С-47

С-47 Славное прошлое нижегородской земли: книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края / сост. и науч. ред. **Ф. А. Селезнёв**. Нижний Новгород: ДЕКОМ. – 2012. – 412 с.

Данное издание предназначено для школьников, учителей и всех интересующихся прошлым Нижегородского края. В соответствии с учебной программой для основной школы по Истории Нижегородского края, оно разделено на части по хронологическому принципу (с древнейших времен до начала XVII в.; XVII–XVIII вв.; XIX в., XX в.). Кроме того, отдельная часть книги рассказывает о прошлом народных промыслов и отдельных местностей Нижегородской области.

ISBN

Составитель и научный редактор д. и. н. **Ф. А. Селезнев**

Рекомендовано к изданию Научно-методическим экспертным советом Нижегородского института развития образования и Ученым советом Исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Рецензенты: к. и. н., доцент **Ю. В. Сочнев**,
Заведующая Отделом краеведческой литературы
НГОУНБ **О. А. Кузнецова**

ISBN

ББК 63.3 (2Рос–4Ниж)

© Коллектив авторов, 2012

Дорогой друг!

Книга, которую ты держишь в руках, расскажет тебе о славных страницах истории Нижегородского края. Ты узнаешь, как на территории современной Нижегородской области появились люди, как постепенно они осваивали эту землю, строили здесь села и города, дороги и промышленные предприятия.

В этой книге рассказывается о прошлом старинных городов Нижегородской области – Арзамаса, Балахны, Павлова, о мастерах народных промыслов, прославивших нашу область на всю Россию, о красотах Нижегородской земли.

Созидатели и созидание – вот главная тема этой книги. Люди дела, люди, любившие свой родной край и своё большое Отечество – Россию – вот её главные герои.

Авторы книги постарались рассказать о жизненном пути известных нижегородцев прошлых веков – таких как создатель народного Ополчения 1612 года Кузьма Минин, преподобный Серафим Саровский, изобретатель Кулибин, писатель Максим Горький, великие летчики Петр Нестеров и Валерий Чкалов, фотографы Дмитриев и Карелин, конструктор Ростислав Алексеев, заводчики Баташовы.

На страницах книги перед тобой предстанут нижегородские князья и крестьяне – создатели знаменитой хохломской росписи, рабочие и инженеры Горьковского автозавода и «Красного Сормова», наши земляки – герои Великой Отечественной войны, ученые Нижегородского университета. Ты узнаешь о том, кто строил Нижегородский кремль, и как в Нижнем гостили цари Петр I и Николай I.

Может быть, когда ты пролистнешь последнюю страницу книги тебе захочется пройтись по Нижегородскому кремлю, полюбоваться красотами озера Светлояр, побывать в древнем Городце. А может быть ты решишь пойти в библиотеку и побольше узнать о славном прошлом Нижегородской земли? Может быть, у тебя возникнет желание посмотреть чудесные картины нижегородской природы на фотографиях, размещенных в сети ИНТЕРНЕТ? В любом из этих случаев авторы книги могут считать свою задачу выполненной. В добрый путь, дорогой друг!

*Заведующий кафедрой истории России
и краеведения Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского Ф. А. Селезнёв*

СЕДАЯ СТАРИНА

(от древности до начала XVII века)

Ф. А. Селезнев

НАШ КРАЙ В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

Природные условия на территории современной Нижегородской области неоднократно менялись. Её поверхность то представляла собой скалистую безжизненную пустыню, то оказывалась дном моря, то зарастала густыми лесами, то покрывалась ледниковым панцирем толщиной до двух метров.

Граница ледника иногда перемещалась дальше на юг, иногда отодвигалась к северу. У его пределов расстилалась тундра. За нею следовали лесотундра и тайга. Здесь обитали гигантские слоны, заросшие косматой шерстью – мамонты. Тут же бродили большерогие олени и шерстистые носороги. Кости этих животных можно увидеть во многих музеях Нижегородской области.

Примерно 10–15 тысяч лет назад в мире произошло резкое потепление. Природа приняла современный вид. После этого территорию нынешней Нижегородской области начали обживать люди.

Жизнь людей той далёкой эпохи изучает наука археология. Археологи раскапывают в земле остатки древних поселений и орудий труда. В разное время люди изготавливали орудия труда из разных материалов: сначала из камня, потом из меди и бронзы и, наконец, из железа. Поэтому ученые делят историю человечества на каменный, бронзовый и железный века. В свою очередь каменный век подразделяют на палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век).

Осваивать территорию современной Нижегородской области человек стал в VIII–VI тысячелетиях до нашей эры, в период мезолита. Следы поселения людей той эпохи найдены у села Старая Пустынь Арзамасского района, на правом берегу реки Сурежи.

Места, связанные с жизнью древних людей называются археологическими памятниками. К ним, например, относятся: стоянки (остатки неукрепленных поселений каменного века), могильники (следы древних захоронений), городища (укрепленные поселения). Группу памятников одного времени и типа объединяют понятием археологическая культура. Часто она получает наименование от близлежащего населенного места. Так балахнинская культура эпохи неолита (IV–III тысячелетия до нашей эры) названа по городу Балахна. Поселения и стоянки «балахнинцев» найдены не только близ Балахны, но и в других местах Нижегородской области. Например, у села Саконь Ардамовского района и в Арзамасе. Ученые установили, что представители балахнинской культуры были охотниками. Об этом говорят находки каменных наконечников стрел, обнаруженных при раскопках. «Балахнинцы» охотились на лосей, кабанов, медведей, зайцев, бобров. (Кости именно этих животных сохранялись на местах стоянок). Из шкур убитых животных с помощью костяных игл шили одежду.

Жизнь людей значительно облегчилась, когда они стали использовать металлы. Сначала это была медь. Она нередко встречается в природе в виде относительно крупных кусочков – самородков. Попав случайно в костер, медный самородок мог расплавиться и изменить форму. Древние люди обратили на это внимание и постепенно научились изготавливать медные орудия труда.

Медный топор можно было сделать гораздо быстрее каменного. Однако он быстро тупился. К тому же медь встречается не повсеместно. Поэтому, наряду с медными, по-прежнему применялись и каменные орудия. Эта переходная эпоха получила наименование энеолита – медно-каменного века.

Примером археологической культуры периода энеолита является волосовская (III–II тысячелетия до нашей эры). Ученые дали ей такое название, потому что следы стоянки её носителей были обнаружены у деревни Волосово Навашинского района, при слияния рек Тёша и Велетьма. Представители Волосовской культуры пришли на территорию современной Нижегородской области в конце III тысячелетия до нашей

эры. Они знали медь, но изделия из неё были редки. Зато в обработке камня «волосовцы» достигли совершенства. Сделанные ими каменные ножи для разделки рыбы, наконечники для копий и плоские кинжалы вызывают восхищение археологов. Ещё при раскопках поселений людей этой культуры ученые нашли разнообразные кремневые и костяные фигурки человеческих существ, животных, птиц и рыб. Исходя из этих археологических находок, исследователи полагают, что хозяйство «волосовцев» основывалось на охоте и рыболовстве. Охотиться человеку теперь помогала собака. На Волосовской стоянке были обнаружены кости этого первого прирученного людьми животного.

В III тысячелетии до нашей эры люди сделали важное открытие. Они изобрели бронзу – сплав меди и олова. Орудия из бронзы оказались тверже и острее медных. Теперь у людей расширились возможности для хозяйственной деятельности. Начался бронзовый век.

Всемирно-известный памятник бронзового века был открыт в 1912 году в нескольких километрах от станции Сейма (современный Володарский район). Произошло это случайно: военные во время саперных учений откопали несколько бронзовых предметов (бронзовые литые топоры, большие наконечники копий, кинжалы). Археологи нашли тут ещё и каменные кольца, вырезанные из белого нефрита. Этот красивый редкий камень был добыт в Восточных Саянах, около нынешнего Иркутска. Видимо из тех мест, через Сибирь и Урал, и пришли хозяева найденных под Сеймой предметов. Похожие вещи ученые позднее обнаружили у деревни Турбино возле Перми, а также у населенного пункта Решное в Выксунском районе. Эти находки археологи относят к сейминско-турбинской культуре (16 век до нашей эры) и считают её одной из самых загадочных. До сих пор они спорят о её происхождении.

Следует сказать, что и в бронзовом веке люди продолжали использовать привычные каменные орудия, например каменные топоры. Они служили главным оружием для группы археологических культур лесной полосы, которой ученые дали собирательное название культуры боевых топоров. Её носители, по мнению ученых, являлись индоевропейцами, далекими общими предками славян, германцев и балтов.

В ее состав ученые включают фатьяновскую культуру (II тысячелетие до нашей эры). Она получила своё название по могильнику,

открытому у деревни Фатьяново Ярославской губернии. «Фатьяновцы» пришли с Запада и постепенно заняли огромную территорию от верховой Волги до Оки и Камы. Археологи относят к фатьяновской культуре могильник, открытый у деревни Чуркино Балахнинского уезда. Там ученые обнаружили кости свиньи, барана, собаки, коровы, лошади. Это значит, что «фатьяновцы» были животноводами. Приручение животных и начало их разведения в домашних условиях было для человечества огромным шагом вперед.

К фатьяновской культуре близка ещё одна культура бронзового века, чьи следы имеются в Нижегородской области. Это балановская культура, названная по деревне Баланово в Чувашии. Некоторые ученые считают её частью Фатьяновской культуры. Другие же, отстаивают мнение о существовании особой балановской культуры, носители которой по своему внешнему облику отличались от «фатьяновцев».

В Нижегородской области могильник, относимый к балановской культуре, был найден в трех километрах от Уреня, не доезжая деревни Климово. Там обнаружили пять сверленных боевых топоров.

Как и «фатьяновцы», «балановцы» были животноводами. В бронзовом веке на территории Нижегородской области появились и земледельцы. Это были племена поздняяковской культуры. Она получила своё наименование от села Поздняково в Навашином районе. «Поздняковцы» поселились в низовьях Оки около середины II тысячелетия до нашей эры. Как полагают ученые, они возделывали землю мотыгами. Изобретение земледелия стало новым великим достижением человечества.

Очень важные последствия имело и знакомство людей с железом. Новый металл имел значительные преимущества перед медью или бронзой. Во-первых, изделия из железа по твердости превосходили и медные, и бронзовые. Во-вторых, железные руды были достаточно широко распространены.

К древнейшим культурам железного века, чьи следы обнаружены на территории современной Нижегородской области, относят дьяковскую и городецкую культуры (I тысячелетие до нашей эры – первая половина I тысячелетия нашей эры).

Дьяковская культура названа по имени городища у села Дьяково (ныне в черте Москвы). Её носители жили от Верхнего Поволжья до Оки. На территории дьяковских городищ находят железные серпы. Это

значит, что среди занятий «дьяковцев» присутствовало земледелие. Юго-восточнее «дьяковцев» жили племена носителей городецкой культуры. Она названа по городищу у с. Городец (Спасский район Рязанской области). Между Дьяковской и Городецкой культурой много схожего. Их носителей ученые относят к числу предков многочисленных финно-угорских народов, до сих пор живущих в Восточной Европе.

В I тысячелетии нашей эры на территории современной Нижегородской области обитали представители четырех таких народов: мордва, марийцы, мурома, меря. Наиболее многочисленными среди них были мордва и марийцы. В образе жизни у них имелось немало общих черт. Основой хозяйства этих народов являлись охота на пушного зверя, бортничество, рыболовство, животноводство, земледелие. У них существовал культ предков, которым поклонялись в священных рощах и урочищах – кереметях.

Мордва разделяется на народности эрзя и мокша. Обе они имеют свой язык. В Нижегородском крае жили преимущественно эрзяне. На территории современной Нижегородской области находилась северная оконечность расселения древних эрзянских племен. Эрзяне предпочитали селиться в лесах, вдоль относительно небольших рек, таких как Тёша, Сережа и Кудьма. Местами их обитания были современные Дальнеконстантиновский, Вадский, Арзамасский, Шатковский, Первомайский, Дивеевский, Ардатовский, Вознесенский, Кулебакский, Выксунский районы. Здесь нередко встречаются названия сел и рек, которые имеют мордовское происхождение. Многие из них имеют конечный элемент «лей» (по эрзянски – «река»). Например, села Сарлей и Симбилей в Дальнеконстантиновском районе, село Салалей в Вадском районе. Что касается мокшан, то о них нам напоминают река Мокшанка и расположенное на ней село Мокса в Бутурлинском районе.

В древнемордовском могильнике VI–VII веков близ села Кужендеево Ардатовского района учеными были обнаружены различные орудия труда: серпы и мотыжки, коса, топор, наконечники копий и стрел, литейные формы. Судя по этим находкам, среди занятий древней мордвы присутствовало земледелие. Животноводство (разведение коров и лошадей) носило стойловый характер: летом с помощью кос заготавливали сено на зиму. Своё значение сохранила охота. Имелись у древних мордвинков и свои металлургии.

С течением времени все большее значение в жизни мордвы приобрело бортничество. Получил распространение особый бортный топор с длинной, узкой, слегка изогнутой лопастью. Им прорубали дупло в дереве, где потом поселялись пчелы. Бортный топор найден археологами в древнемордовском могильнике XI–XIII веков у села Личадеево Ардатовского района.

В X–XIII веках у мордвы в лесах имелись укрепленные убежища, защищенные валами и рвами. В русских летописях они называются тверди. К их числу археологи относят городище у рабочего поселка Сатис Первомайского района и Федоровское городище – у ныне не существующей деревни Федоровка Шатковского района.

(У соседей закрепилось другое их название – черемисы). Марийцы исстари живут на севере современной Нижегородской области, преимущественно к востоку от реки Ветлуга, на территории современных Шарангского, Тонкинского, Тоншаевского районов. Здесь немало населенных пунктов имеют названия, происходящие от марийских слов, таких как энер (речка) и нур (поле). К их числу относятся Вякшенер (река и деревня в Тоншаевском районе), Письменер (река и две деревни в Тоншаевском районе), Кугланур, Кушнур (деревни в Шарангском районе). Марийские древности VII–XI веков обнаружены археологами также на территории современных Шахунского, Ветлужского и Воскресенского районов. В давние времена марийцы жили и на правом берегу Волги, там, где сейчас Кстовский, Лысковский и Воротынский районы.

Древние марийцы были искусными звероловами. Орудиями охоты у них служили лук, стрелы и копье. Для ловли мелких зверей применялся деревянный капкан. Промышляя белку, черемисы употребляли стрелы с костяными шишкообразными наконечниками, не портившими шкурки зверя.

Долгие века нижегородские марийцы сохраняли почитаемые их предками священные рощи. Так, например, большой известностью пользуется роща у деревни Большие Ашкаты Тоншаевского района.

Память о муроме сохранилась в названии города Муром. Муромские племена жили преимущественно на левом берегу Оки (нынешний Муромский район Владимирской области). Следы их пребывания определены учеными и на правобережье Оки – в Выксунском, Навашином, Вачском и Павловском районах. Так, например, с муромой

археологи связывают селище и могильник у села Нижняя Веря Вьксунского района, могильник у села Звягино Вачского района. Благодаря раскопкам мы знаем, что древние представительницы этого народа имели много украшений. Особенно они любили «шумящие» подвески из бронзы. Интересно, что, по мнению ученых, их, как и другие ювелирные изделия женщины изготавливали сами. Они же лепили из глины посуду. Свою одежду женщина народа мурома всегда подпоясывала кожаным ремнем, к которому привешивалось множество предметов обихода. При этом обязательным элементом женского костюма считался нож.

В конце VII века на востоке от современной Нижегородской области поселились болгары, кочевники, пришедшие с Северного Кавказа. Они явились сюда, не желая находиться под властью хазар. Но хазары настигли болгар и на новом месте. В IX веке Хазарский каганат сильно расширил свои пределы и подчинил своей власти славянские племенные союзы полян, северян, радимичей, вятичей, а также народы, жившие южнее и восточнее слияния Оки и Волги: мордву, черемисов и болгар. С них хазары собирали дань мехами и серебром.

От тяжкого хазарского ига народы Поволжья освободил русский князь Святослав. Легендарный полководец Древней Руси в 964 году проплыл со своей дружиной мимо того места, где сейчас стоит Нижний Новгород, чтобы неожиданно обрушиться на столицу Хазарского каганата, Итиль, находившийся в устье Волги.

После разгрома хазар Волжская Булгария обрела независимость. Это было богатое государство. Булгары, перешедшие от кочевого скотоводства к отгонному, славились большим искусством в обработке кожи. Хорошо развилось у них и земледелие. В летописях отмечены случаи, когда во время неурожая в русских землях булгары снабжали их хлебом.

Киевский князь Владимир Красное Солнышко захотел наложить на булгар дань и в 985 году совершил поход в их земли. Однако, одержав победу, он отказался от мысли подчинить булгар, сочтя, что с ними лучше поддерживать добрососедские отношения. Русские и булгары поклялись не воевать. Причем булгары сказали: «Тогда не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель – тонуть».

Чтобы укрепить дружбу с Русью, булгары в 986 году направили посольство в Киев, предложив князю Владимиру отвергнуть языке-

ство и принять ислам – ту религию, которую исповедовали они сами. Владимир отказал им. Предки русских выбрали православную веру. Но это не привело к вражде между русскими и булгарами. Владимир Красное Солнышко позволил булгарским купцам без опаски торговать в русских городах.

Торговцы из Булгарии приплывали на Русь по Волге и Оке, а также приезжали сухим путем – через Рязань и Муром. Путь из Булгарского государства на Муром проходил через юг современной Нижегородской области. Археологами обнаружено здесь немало булгарских вещей, например, обломки керамики. Ученые полагают, что жившие тут мордовские племена находились в сфере влияния Булгарского государства. На этом торговом пути, вероятно, существовали булгарские поселения или заставы. К их числу можно отнести селище Архангельское (Кобылино) на правом берегу реки Теши в Шатковском районе. Там археологами найдена только булгарская гончарная посуда.

Некоторые исследователи связывают с булгарами курганы и городища Лысковского и Воротынского районов. Но их гипотезы пока не подтверждены достаточным количеством археологического материала. Впрочем, присутствие булгар к востоку от реки Сундовик в XI–XIII веках вполне вероятно.

Ф. А. Селезнев

ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ И ЕГО ДЕТИ В ИСТОРИИ ГОРОДЦА

Городец – древнейший город Нижегородской области. Он возник в ходе освоения русскими людьми Верхнего Поволжья и междуречья Волги и Оки.

Соседями славян на Верхней Волге были племена, принадлежавшие к древнему финно-угорскому народу меря, родственному муроме, марицам и мордве. Вверх по Оке – от устья Клязьмы жил народ мурома.

Через земли меря и мурома, по многочисленным здесь рекам и озерам, издревле проходили международные торговые пути. Они соединяли Балтийское море с Ближним Востоком и Средней Азией. По этим путям

в междуречье Волги и Оки, тогда богатое пушниной, попадали купцы из Скандинавии и восточных стран. Они устраивали стоянки рядом с племенными центрами мерян, где вели торговлю с местным населением. С XIX века здесь стали селиться словене ильменские. Они, спускаясь сюда от озера Ильмень назвали эту землю «Низовской» или «Низом».

В эпоху Киевской Руси в Низовской земле, вблизи от мерянских городов и торговых поселений на Волжском пути, начали появляться княжеские крепости. Старейшей из них был Ростов Великий, город на озере Неро. По нему Низовскую землю иногда называли «Ростовской».

Ростовская, она же Низовская земля в X – первой половине XI века управлялась из Новгорода. Но в 1054 году Ярослав Мудрый завещал брать дань с Ростовской земли своему сыну Всеволоду, правившему на юге Руси, в Переяславле Русском. От Переяславля и Киева Ростовская земля отделялась полосой дремучих лесов. Поэтому переяславцы и киевляне, а вслед за ними и летописцы, начали называть её «Залесской» землей.

Сын Всеволода, Владимир Мономах неоднократно посещал Залесскую землю. Его резиденцией там стал Суздаль, где Мономах возвел крепость. Вокруг Суздаля появились монастыри, русские села и погосты (места сбора дани). Теперь Суздаль, наравне с Ростовом, превратился в один из двух главных городов Залесской или Ростово-Суздальской земли.

Энергичное освоение Владимиром Мономахом окрестностей Суздаля обеспокоило восточных соседей Руси – болгар. Они вели торговлю по Клязьме, а русские, выйдя со стороны Суздаля к этой реке, могли бы брать с проплывающих здесь болгарских купцов пошлины. В 1107 году болгары по Оке, Клязьме и Нерли пришли ратью к Суздали, разорив окружавшие его села и погосты. Но суздальцы дали решительный отпор нападавшим.

После этих событий Владимир Мономах предпринял ряд действенных мер, направленных против болгар. Сначала он заключил союз с половцами. Их кочевья доходили до юга современной Нижегородской области. А здесь шли важные для Булгарии торговые пути на Муром и Рязань, которым половцы могли угрожать.

Этот союз Мономах скрепил, женив своего маленького сына Юрия на дочке половецкого хана Аепы. Сразу после свадьбы молодые были отправлены в Суздаль, где стал княжить Юрий. Туда же приехал и сам Владимир Мономах. В 1108 году он построил на Клязьме крепость

Владимир, проплывая мимо которой болгарские купцы должны были уплачивать пошлины.

Теперь русские, впрочем, как и половцы были заинтересованы в том, чтобы восстановить добрые отношения с булгарами и привлечь их торговцев. Летопись сообщает, что в 1117 году Аепа и прочие половецкие ханы пришли к булгарам. Однако болгарский князь выслал им питьё с отравой. Видимо он не хотел заключать мир на предложенных условиях.

Сын Мономаха, Юрий (в историю он вошёл под прозвищем «Долгорукий»), должен был отомстить за гибель тестя. В 1120 он отправился в поход на Булгарию. Чтобы нападение было неожиданным, русская судовая рать поплыла не обычным коротким путем от Владимира, через Клязьму, Оку и Волгу, а по Волге от Ярославля.

Молодого князя сопровождал боярин Георгий Шимонович. С детства он был его воспитателем и, по сути, заменил юноше отца. Лучшие годы Георгия Шимоновича были связаны с Киевом. Он много рассказывал своему питомцу об этом чудесном городе и его окрестностях.

Наверняка, когда русская рать плыла по Волге, Георгий Шимонович обратил внимание Юрия на то место, где, обычно низкий, левый берег реки высок, как и напротив Киева, где стоял город Городец Песочный. Через много лет на этом месте Юрий Долгорукий основал город с таким же названием – Городец Волжский.

Поход 1120 года окончился для Юрия удачно. Он победил болгар и, как сообщает летописец, вернулся «поздорову с честью и славою». В дальнейшем между русскими и булгарами всё-таки установились мирные и взаимовыгодные отношения, которые были скреплены жемчужной нитью сына Юрия, Андрея (будущего князя Андрея Боголюбского), на болгарской царевне.

Андрей был третьим сыном Юрия Долгорукого. А всего у князя было одиннадцать сыновей. И каждому он должен был оставить город с волостью для княжения. Как вы знаете, в 1097 году, на своем съезде в Любече, русские князья решили: «каждый да держит отчину свою». Иначе говоря, любой из них должен был править только там, где княжил его отец. Соответственно дети Юрия Долгорукого могли рассчитывать лишь на города Залесской земли (или Суздальской, как её стали называть по городу, где теперь находился князь). Однако в Суздальской земле все города были наперечет. Сама же она была малонаселенной, а, значит, не могла обещать князю больших доходов.

Юрий пытался исправить это положение. Он привлекал сюда переселенцев из Южной Руси и других земель, с размахом вел строительство в Суздале и Владимире. Однако Суздальская земля всё-таки заметно уступала богатством южнорусским княжествам. Между тем Юрий Долгорукий имел права на лучшие города Руси – Киев и Переяславль Русский, поскольку там когда-то правил его отец, Владимир Мономах. Но воспользоваться этим правом он мог только после своих старших братьев – Мстислава, Ярополка и Вячеслава.

Дело осложнялось тем, что Юрий был намного их младше. Так получилось, поскольку он был рожден от другой матери – второй жены Владимира Мономаха. Племянники (сыновья Мстислава) были его ровесниками. Поэтому старшие братья не воспринимали Юрия как близкого человека и не хотели считаться с его правами.

Мстислав, который в 1125–1132 годах был великим князем Киевским, перед уходом из жизни обещал передать Киев брату Ярополку, княжившему в Переяславле. Но с условием, что Ярополк отдаст Переяславль сыну Мстислава – Всеволоду. Это было явным ущемлением Юрия Долгорукого. Всеволод Мстиславич не имел никаких прав на Переяславль, поскольку его отец никогда не владел этим городом. А для Юрия Долгорукого Переяславль Русский как раз являлся отчиной, по батюшке, Владимиру Мономаху.

Поэтому Юрий быстро собрал суздальскую рать, сговорился со своим младшим братом Андреем Добрым и ворвался в Переяславль – через несколько часов после того, как туда въехал Всеволод Мстиславич. Без лишних разговоров дядья выгнали племянника из города.

Три года между потомками Мономаха бушевали распри. Города переходили из рук в руки. Князья воевали, менялись землями, заключали и расторгали договоры. В конце-концов Юрий и Андрей отстаивали свои права. Андрей Добрый стал княжить в Переяславле Русском. Юрий Долгорукий хотя и вернулся в свой северный Суздаль, но получил во владение несколько городов на юге. Полагают, что среди них находились Городец, на левом берегу Днепра, напротив Киева (Городец Песочный) и Городец Остёрский, на левом берегу реки Остёр у впадения её в Десну. Однако это примирение было временным. Дядья и племянники остались врагами. Распря между ними неминуемо должна вспыхнуть вновь.

По старшинству Юрий Долгорукий имел больше прав и на Переяславль, и на Киев, чем его соперники. Но до Суздаля вести с юга до-

ходили слишком поздно, и Юрий часто не успевал вовремя вмешаться в ход событий. К тому же из союзников у него имелся только брат Андрей. И когда тот ушёл из жизни, Юрий Долгорукий остался в полном одиночестве. Поэтому ему пришлось смириться с потерей Городца Песочного и Городца Остёрского, а также с утратой Переяславля, где стал править его племянник Изяслав Мстиславич. Но когда Изяслав в 1146 году захватил Киев, Юрий Долгорукий стерпеть уже не смог. Уступи он здесь – и его сыновья должны были бы проститься с надеждой на уделы в богатых южных городах.

Между Юрием Долгоруким и Изяславом началась затяжная борьба. Она шла с переменным успехом. Дважды Юрий отбивал Киев (1149, 1150), наделяя сыновей Переяславлем и близкими к столице городами. И оба раза Изяслав его изгонял.

В 1151 году Изяслав нанёс Юрию, казалось бы, решающее поражение. Юрию Долгорукому пришлось пообещать, что он навсегда уйдет в Суздаль. Но перед тем Долгорукий пожелал побыть немного в своём любимом южном Городце (скорее всего в летописи идет речь о Городце Остёрском). Однако покинуть это чудесное место было выше его сил. Напрасно сын Андрей звал его в Залескую землю. Убедить отца не удалось. Андрей так и уехал один. Изяслав был вынужден выгнать дядю домой силком.

Удрученный и страшно расстроенный Юрий вернулся в Суздаль. С надеждой обеспечить сыновей богатыми южными волостями приходилось расстаться. Но что же он оставит в наследство детям? Старшему, Андрею, Юрий Долгорукий выделил Владимир. А остальные? Они что будут мыкаться изгоями? Допустить этого Юрий не мог.

Между тем Суздаль и Ростов отдавать в удел было нельзя: старшие города – собственность главы рода. Крайние Ярославль и Кснятин слишком малы и бедны. Оставалось возвести новые города. Причем там, где они могли быстро вырасти и разбогатеть, т. е. на торговых магистралях. Этим и занялся Юрий в 1152 году. У Клещина озера, на древнем пути из Ростова, он заложил новый Переяславль (взамен утерянного Переяславля Русского). На Клязьме был возведен город Стародуб. У пересечения дорог от Клещина озера к Владимиру и от Суздаля к Москве, князь основал город Юрьев. А рядом с Суздалем, на оживленной торговой реке Нерль, он намеревался поставить крепость в селе Кидекша, превратив его в город.

Новые города должны были красотой не уступать старинным городам юга. И Юрий намечает в них строительство великолепных белокаменных храмов, прежде невиданных в этих местах. Но возведение подобных сооружений требовало громадных средств. Следовательно, Юрию был необходим новый источник доходов.

Между тем в XII веке, по мнению ученых в русских землях начался «безмонетный период». Из-за перестройки системы международной торговли сюда перестало поступать серебро. А своих месторождений драгоценных металлов в Древней Руси не было. Поэтому роль денег стали играть связки кунных или беличьих шкур. Естественно для внутреннего обращения и для вывоза на внешние рынки требовалось огромное количество пушнины. И вот за богатые пушным зверем северные леса началась борьба между новгородцами, суздальцами и булгарами.

Булгары издавна ездили за мехами к Белому озеру и далее в Заволочье (земли за волоком от Онежского озера к Белому). Их путь лежал мимо Ярославля. Теперь ярославцы начали чинить им препятствия. Возмущенные булгары в 1152 году напали на Ярославль. И хотя взять его они не смогли, Юрий Долгорукий решил обезопасить этот город от новых набегов, а также затруднить булгарам путь к богатым пушниной местам. Для этого следовало взять под контроль устья рек Кострома и Унжа.

Ниже устья Унжи начинался отрезок Волги, где было много мелей, перекатов и островков. Из-за них течение реки сильно замедлялась. В самом узком месте этого участка, на возвышенном левом берегу, Юрий Долгорукий повелел возвести город Городец. Здесь было удобнее всего не пускать булгар во время войны или брать с них пошлины во время мира.

Скорее всего название этому городу было дано Юрием в память о Городце Остёрском. Как раз в 1152 году непримиримый враг Юрия Долгорукого, Изяслав Киевский сравнял этот город с землей, чтобы суздальский князь никогда не смог туда вернуться. Весть об этом потрясла Юрия. Как сообщает летописец, он «вздыхнул от сердца». Некоторые исследователи полагают, что в 1152 постройкой Городца на Волге руководил боярин Радил, отчего в одной из летописных статей он назван Городец Радил.

Крепость, возведенная Радилом в 1152 году, находилась в прибрежной части нынешнего Городца (там, где сейчас улицы Щорса,

Кожанова и конец улицы Свердлова). Она расположилась на высокой горе, ограниченной двумя параллельно врезающимися в левый берег Волги оврагами. Старожилы до сих пор называют это место Княжьей горой. Оно было выбрано для закладки города не случайно. Внизу под горой бил родник и протекал ручей. Таким образом, жителям крепости не пришлось бы испытывать недостатка в питьевой воде.

Судя по данным раскопок, произведенных в 1960 и 1962 годах известным археологом А. Ф. Медведевым, первоначальная крепостица представляла собой оплот – сплошную стену из бревенчатых клетей. В трех метрах от оплота с внешней его стороны был поставлен острог – частокол из заостренных бревен.

От нового города была проложена дорога к обжитым русским землям. Она прошла через теперешние Чкаловский район и Ивановскую область. Первым крупным населенным пунктом на ней тогда была Кидекша (Китеж).

Городец Радил защищал дорогу к Китежу и далее, к Суздалию. С укреплений Городца русские витязи зорко следили: не покажется ли из низовий Волги враг. Городец стал на дальних рубежах ростово-суздальских земель как город-часовой, город-воин.

Значение этого города особенно возросло в эпоху Андрея Боголюбского, отмеченную рядом войн с Волжской Булгарией.

В отличие от Юрия Долгорукого, его сын Андрей Боголюбский, правивший в 1157–1174 годах не грезил о Киеве. Лучшим местом на земле он считал родной Владимир, который украшал и благоустроивал не жалея средств. Именно этот город князь Андрей желал сделать новой столицей Руси и её церковным центром, местом пребывания митрополита всея Руси.

Удобный случай для такой перемены представился в 1163 году, когда киевская митрополия опустела. И Андрей Боголюбский не стал его упускать. Он постарался делом показать константинопольскому патриарху, что является ревностным распространителем и защитником православной веры, а город Владимир достоин стать центром митрополии, поскольку украшен дивными храмами, в которых хранятся чудесные реликвии христианства.

Важная роль в планах князя отводилась Городцу. Судя по данным раскопок археолога А. Ф. Медведева, изначальная городищная крепость простояла лет 10–15, а потом была сожжена. Сделали это,

скорее всего булгары, которым Городец мешал свободно плавать по Волге. Нападение булгар, вероятно, произошло в 1163 году. Андрей должен был нанести ответный удар.

Но сначала князь отправился в Городец (1164). С собой Андрей Боголюбский взял икону Всемилоостивого Спаса и две иконы Богородицы – одну из Успенского собора во Владимире, другую из Федоровского монастыря, расположенного около Владимира.

Этот монастырь Андрей Боголюбский основал во имя Федора Стратилата. У князя было особое отношение к святому Федору. Однажды, в день его памяти, Андрей в пылу битвы оторвался от своих дружинников и был окружен врагами, но чудесным образом спасся.

Путь князя к Волге пролегал через Переяславль Залесский, Ростов и Ярославль. В Ярославле Андрей Боголюбский сел в струг и поплыл вниз по Волге. В Городце князь пристал к берегу. Прежде всего, он повелел начать восстановление города. Вероятно, оно началось с постройки детинца. (Так на Руси называлось изначальное, внутреннее укрепление города).

Детинец, возведенный в 1164 году, расположился на том же месте, где стояла сгоревшая крепость Юрия Долгорукого – на Княжьей горе. С востока территорию древнего детинца теперь ограничивает улица Ворожейкина. Два врезающихся в берег Волги оврага соединил ров, являвшийся для противника почти непреодолимым препятствием. Ширина рва достигала 18 метров. В глубь же он уходил на 5 метров. Тому, кто рискнул бы ринуться через него, угрожал острый дубовый частокол, шедший по дну рва.

Вдоль оврагов и рва дугой вытянулась линия вала. Основу его составили деревянные срубы, засыпанные землей. Ширина вала у его подошвы составляла 22 метра.

К детинцу должна была примкнуть торгово-ремесленная часть города – посад. Её Андрей Боголюбский тоже повелел защитить рвом и валом. Скорее всего, князь лично указал, где должна пройти их линия. Ведь иначе, чем княжеской волей трудно объяснить, почему укрепления молодого пограничного города окружили такую огромную по меркам Древней Руси территорию – примерно в 60 га. В результате Городец стал одним из крупнейших русских городов. Для сравнения: площадь древнего Суздаля составляла 50 га, Рязани – 40 га. А тогдашнюю Москву Городец превосходил размерами во много раз.

С северной стороны от Волги линия укреплений 1164 года начиналась глубоким оврагом (ныне о нем напоминает Кировский съезд), который переходил в ров (начало улица Кирова). Первые дома по улице Кирова стоят прямо на древнем валу. Там, где улицу Кирова пересекает улица Новая, вал поворачивал на юг. Отсюда шел его восточный участок. Его мы можем наблюдать воочию. Он идет вдоль улиц Чапаева, Азина и параллельно улице Маслова. У пересечения улиц Маслова и Загородной древние укрепления поворачивали на запад. Вдоль Загородной улицы можно наблюдать их южный участок, выходящий к Волге.

Современная высота насыпи достигает 7,5 метров, а в древности вал (или, как его называли, «соп») был в два раза выше. В основание «сопа» были заложены деревянные срубы. Эти срубы выходили на поверхность и являлись основой шедших по верху вала наземных деревянных конструкций.

За прошедшие столетия «соп» порос могучими соснами и березами. Это одна из достопримечательностей Городца. Внушительно выглядит и примыкающий к валу ров. Его глубина около 5 метров, а ширина колеблется от 18 до 24 метров.

Дав указания по строительству вала и рва окольного города, Андрей Боголюбский покинул Городец. Перед отъездом князя городчане начали его молить, чтобы он оставил в городе икону Божьей Матери. Андрей даровал им Федоровскую икону. Во имя её здесь был основан монастырь.

От Городца князь Андрей поехал сухим путем. Он переправился через Волгу, Санохту (в современном Чкаловском районе) и через территорию нынешней Ивановской области вернулся в центр своих владений – к Кидекше (Китежу). Рассказ об этом важном путешествии был записан. В XVII веке в переработанном виде он лег в основу знаменитого «Китежского летописца», созданного в Городце или около него, и ставшего любимым чтением нижегородских старообрядцев. В этом литературном произведении XVII века Городец впервые был назван «Малым Китежом».

Из Кидекши Андрей Боголюбский во главе войска водным путем, по Нерли, Клязьме и Оке, направился в поход против булгар. Вместе с Андреем Боголюбским в военных действиях участвовали его сын Изяслав, брат Ярослав и муромский князь Юрий. Это предприятие увенчалось полным успехом. Князь Андрей и его воины возвратились с победой.

Однако, несмотря на все славные деяния Андрея Боголюбского, константинопольский патриарх не согласился сделать Владимира центром митрополии. Ростовчане и суздальцы также противились превращению Владимира в столицу. Среди них начало зреть недовольство политикой Андрея. Между тем именно ростовчане и суздальцы составляли основу княжеского войска. Это отразилось на его боеспособности. Возглавлявший ростово-суздальские рати воевода Борис, в 1170-х годы начал срывать военные походы Андрея Боголюбского.

Особенно показательный случай произошёл зимой 1172 года. Тогда Андрей Боголюбский послал своего сына Мстислава на болгар. Мстислав прибыл в Городец на Волге, затем соединился с рязанцами и муромцами на устье Оки. А воеводы Бориса с основными войсками всё не было. Мстислав тщетно прождал две недели и отправился без большой дружины. Это едва не привело княжеского сына к гибели. Он взял шесть сел и один город (видимо, между Сундовиком и Сурой). Булгары же, услышав, что князь Мстислав вторгся в их пределы с малой ратью и возвращается назад с пленниками и добычей, погнались за ним. Им не хватило всего лишь двадцати верст, чтобы настичь беззащитного русского князя. Ведь Мстислав добравшись до устья Оки, отпустил своих муромских и рязанских союзников и остался почти без войска. Но булгары уже повернули обратно.

Удивительно, но даже после этого случая князь Андрей оставил Бориса воеводой. А вскоре Андрей Боголюбский пал жертвой заговора. После этого в Залесской земле началась двухлетняя усобица. Ростовчане и суздальцы, стремились подчинить Владимир, а его жители им успешно противостояли и, в конце концов, сами взяли верх. Приглашенный владимирцами в князя младший брат Андрея Боголюбского, Всеволод сделал их город столицей Низовской земли.

Всеволод, впоследствии получивший за свое многочисленное семейство прозвище «Большое Гнездо», правил с 1176 по 1212 год. Укрепив свою власть в Низовской земле, он ещё несколько лет должен был восстанавливать позиции своего княжества в борьбе с новгородцами и рязанцами.

Распри, бушевавшие на Руси, сделали небезопасной торговлю по Оке и Волге. Стали часто подвергаться ограблениям болгарские купцы. Булгары дважды просили Всеволода найти управу на разбойников.

Тот, однако, был бессилён, ведь в основном лихоедействовали рязанцы и муромцы. Тогда булгары, озлобясь, собрали большое войско и в 1183 году в ладьях и берегом пришли в Низовскую землю. Одна их рать двинулась к Мурому и Рязани, другая – по Волге к Городцу. Русские города устояли, но окрестности их были разорены.

Всеволод Большое Гнездо не мог оставить нападение булгар без ответа. Городец защищал подступы ко всем русским землям на левом берегу Волги. Нужно было отбить у булгар охоту нападать на этот город. Однако Всеволоду не доставало сил для того, чтобы одному разгромить Волжскую Булгарию. Но владимирский князь решил эту проблему, показав себя искусным дипломатом. Всеволод Большое Гнездо сумел привлечь к походу на болгар княжеские рати из Киева, Чернигова, Муромы, Рязани, Смоленска, Переяславля Русского.

Возглавлявшие их князья весной 1184 года собрались у Всеволода во Владимире. Оттуда некоторые из них отправились по Клязьме к Оке. Другие же, вместе с самим Всеволодом Большое Гнездо, верхом на конях двинулись в Городец. Там их наготове ждал военнотранспортный флот. Городец, таким образом, сыграл роль главной базы похода.

Предприятие владимирского князя увенчалось успехом. Был заключен выгодный мир. Условия его были тяжелы для булгар. Видимо, они их нарушили. Это заставило Всеволода вновь послать на болгар своих воевод (1186). На этот раз войско состояло из одних городчан. Они тоже вернулись с победой.

То, что Городец мог выставить собственную рать для похода, свидетельствует о многолюдности города. Об этом же говорят данные археологии. Ученые давно ведут раскопки в Городце. Особенно большой вклад в изучение древнего Городца внесла Т. В. Гусева. Благодаря ее исследованиям, мы достаточно много знаем о жителях древнего Городца.

Среди них было много ремесленников. Судя по всему, в древнем Городце достигло большого развития кузнечное дело. Около некоторых жилищ были ямы с железными шлаками. Археологи нашли инструменты для обработки железа и цветных металлов: напильник, пробойник, зубило. Обнаружено немало вещей из железа. Например: топоры, ножницы, долото.

О городецких ювелирах свидетельствуют находки специальных инструментов: глиняных горшочков (тиглей) для плавки металла, а также

вырезанных из камня литейных формочек. Среди ювелирных изделий особенно часто встречаются бронзовые женские украшения: витые из проволоки височные кольца, подвески.

Археологи нередко находят фрагменты гончарных изделий: черепки глиняной посуды, глиняные погребушки и свистульки. Найдены писала – остро заточенные кованые железные стержни. Ими чертили буквы на бересте и на покрытых воском дощечках. Очень любопытны маленькие костяные ложечки-копоушки: ими в древности чистили уши.

Среди горожан были люди разного достатка, в том числе и богачи. В 1956 году на улице Щорса был найден клад – семь гривен (это слитки серебра весом около 200 г каждый).

Население Городца так быстро росло, что в начале XIII века уже не убиралось за прежними укреплениями. Поэтому горожане начали пристраивать к южному участку посадского вала ещё одну линию обороны, которая могла бы защитить дополнительно территорию в 17 га. Однако до монгольского нашествия эту работу не удалось окончить.

Данные археологии позволяют утверждать, что на месте Городца не было предшествующего ему поселения. Он возник на пустой земле. Население города было преимущественно славянское. Однако находки шумящих подвесок (женских украшений характерных для финно-угорских народов) позволяют предположить, что некоторые городчане имели неславянское происхождение.

Правда, никаких археологических памятников, связанных с мерей или марицами, в Городецком районе не найдено. К тому же наименования населенных пунктов здесь исключительно русские. Хотя названия рек (Узола, Лемша, Шмиль) имеют неславянское происхождение. Вероятно, редкое финно-угорское население в Заволжье всё-таки имелось. Скорее всего, это были меряне. Возможно, о восточной границе их продвижения напоминает село Мериново Семеновского района. Приняв православие, меряне влились в состав русского народа. Крестились язычники в Городце, в озере Свято (по-другому – Светлоозеро; теперь этот древний водоём называется Рязаново болото – от находившегося рядом завода Рязановых).

Из Городца русское население начало осваивать здешний край. Отсюда вверх по Волге и затем по реке Унже двинулся поток охотников, промышлявших пушного зверя. Часть из них поднималась далее по Унже. Другие же сворачивали с Унжи на восток и по реке Лапшанге

добирались до Ветлуги. На правом берегу этой реки в месте известном как «Красная горка» (в районе современного поселка Варнавино) обнаружено русское поселение XII–XIV веков.

Быстро была заселена и округа Городца. Археологами обнаружены русские селища XII века близ деревень Нагавицыно и Скипино. Как полагают ученые уже на рубеже XII–XIII веков русские поселения существовали на берегах Узолы. Недалеко от устья этой реки стоит село Николо-Погост. Возможно, погост в этом районе существовал ещё в домонгольский период. В Древней Руси так называли место, где «гостили» княжеские дружинники и куда жители окрестных сел свозили дань. Устье Узолы было очень удобно для устройства погоста. Из Городца по Волге сюда могли легко добраться дружинники, а вниз по Узоле можно было привезти все, что полагалось отдать княжеским людям.

Так Городец из маленькой пограничной крепости благодаря труду и энергии своих жителей превратился в богатый крупный город, центр быстро развивавшейся сельской округи.

Ф. А. Селезнев

ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА КНЯЗЬ ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович родился 26 ноября 1188 года в многочисленном семействе великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Совершеннолетия достигли шесть сыновей Всеволода: Константин, Юрий, Ярослав (будущий отец Александра Невского), Владимир, Святослав, Иван. Таким образом, Юрий был вторым по старшинству братом после Константина.

В 1207 году отец дал Константину Ростов Великий. Когда-то это был главный город Низовской земли. Затем, как мы помним, ростовчанам пришлось уступить первенство Владимиру. Теперь же получив князя, да ещё такого, который должен был наследовать великое княжение, они воспылали надеждой на возвращение своему городу значения столицы. Но вновь покоряться ростовчанам владимирцы не собирались. Чтобы успокоить их, Всеволод Большое Гнездо, чувствуя

приближение кончины, вызвал Константина к себе. Он намеревался завещать ему править во Владимире, передав Ростов следующему по старшинству брату – Юрию.

Однако Константин (вероятно, под влиянием ростовчан) на зов отца не явился – даже после повторного приглашения. По словам летописца, Константин хотел «взять Владимир к Ростову». Иначе говоря, он собирался княжить в Ростове, с тем, чтобы Владимир был придан ему как младший город. Тогда во Владимире собрались бояре, духовенство, дворяне, купцы и «все люди» из разных городов и волостей Владимирской земли. Всеволод Большое гнездо объявил им, что поручает Юрию быть старшим в роду и править во Владимире.

Юрию Всеволодовичу в это время было двадцати три года. Он должен был согласиться с повелением отца. Но теперь отношения Юрия с братом были испорчены. Тот сильно обиделся.

Когда в 1212 году Всеволод Большое гнездо ушёл в мир иной, Константин не признал верховенства младшего брата. Между Константином и Юрием началась затяжная ссора, разжигаемая соперничеством Ростова и Владимира. Не остались в стороне и младшие братья. Ярослав и Иван поддержали Юрия, а Владимир и Святослав – Константина.

Междоусобица тянулась несколько лет. Наконец братья поделили Низовскую землю. Константин стал править в Ростове, Юрий Всеволодович во Владимире и Суздале. Разделено было и церковное управление Залеской Русью. Свои епископы были поставлены в Ростовской и Владимиро-Суздальской землях.

Епископом Владимиру и Суздалю стал Симон, бывший духовник матери Юрия Всеволодовича, княгини Марии, а с 1206 года (после ее ухода из жизни) – игумен монастыря Рождества святой Богородицы во Владимире. С молодых лет Симон жил в Киево-Печерской лавре. Там и принял пострижение в монашество. Симон известен как выдающийся церковный писатель, автор жизнеописаний киево-печерских подвижников. Один из образованнейших людей своего времени, он стал для Юрия Всеволодовича наставником и верным спутником.

В 1216 году Симон последовал вслед за князем в ссылку в Городец, куда Юрий Всеволодович был отправлен после поражения в битве на реке Липице. Юрий попал в эту беду из-за брата Ярослава. Тот поссорился с новгородцами (у которых княжил) и со своим тестем – Мстиславом Удатным. Пришлось Ярославу искать убежища в Низов-

ской земле. За ним туда пришли разгневанный тесть с союзниками и буйные новгородцы. Их сторону взял и старший брат Ярослава – Константин. Только Юрий Всеволодович дал Ярославу помощь и приют. На предложение врагов выдать брата (мол, у нас с тобой-то ссоры нет) Юрий ответил: «Мы с братом Ярославом один человек».

Для защиты Владимиро-Суздальской земли от незваных гостей Юрий собрал большое войско, вызвав всех, кто мог носить оружие. У кого не было лошади, тот шёл пешком. Прибыли даже воины из пограничного Городца на Волге. Но в сражении на реке Липице владимирская рать потерпела поражение. Юрий Всеволодовичу пришлось покориться победителям. Великое княжение было дано Константину. А Юрия отправили в далекий Городец. Возможно, князя сопровождали уцелевшие городецкие ратники. Вместе с Юрием в ссылку отправились его приближенные, домочадцы и епископ Симон.

Наскоро погрузившись в ладьи, Юрий и его близкие поплыли вниз по Клязьме, затем по Оке. На устье Оки необходимо было сделать остановку, поскольку дальше предстояло идти против течения. Красота этого места не могла оставить равнодушными изгнанников. Симону же, вероятно, бросилось в глаза сходство Дятловых гор с кручами правого берега Днепра, на которых вознесся Киев. Возможно, именно тогда у Юрия Всеволодовича возникла мысль заложить здесь город.

Пребывание Юрия в Городце было недолгим. Через год Константин, мужчина, находившийся в самом расцвете лет, (ему было всего

Памятник основателям Нижнего Новгорода великому князю Юрию Всеволодовичу и епископу Симону (скульптор В. И. Пурихов)

32 года), видимо, заболел. Разумеется, его беспокоило, какая судьба ждёт его маленьких детей, если ему придется уйти из жизни. Старшему княжичу, Васильку, было всего 8 лет. А вдруг Юрий будет мстить ему за свои обиды?

Константин вызвал брата и в знак примирения вернул ему Суздаль, с тем, чтобы впоследствии Юрий стал и владимирским князем. Юрий Всеволодович в случае кончины старшего брата должен был опекать его сыновей и не лишать их владений. Василько Константинович был распределен в Ростов, Всеволод Константинович – в Ярославль.

В феврале 1218 года Константин скончался. Юрий Всеволодович стал великим князем, старшим в роду. Булгары, узнав об этом, отправились в поход на давно мешавший им Устюг и хитростью взяли его (1219). Этот город, расположенный в месте впадения реки Юг в Сухону, перекрыл для булгар освоенный ими после построения Городца новый путь в Новгород и богатое пушниной Заволочье,

Устюг принадлежал княжившему в Ростове Васильку Константиновичу. Булгары, вероятно, надеялись на усобицу между Юрием Всеволодовичем и Васильком или, по крайней мере, на то, что дядя не придёт на помощь юному племяннику. Но Юрий Всеволодович не дал племянника в обиду. По его почину за Василька вступилось все потомство Всеволода Большое Гнездо.

Возглавить поход на булгар, состоявшийся летом 1220 года, Юрий поручил своему брату Святославу, князю Юрьева Польского. Но свои полки тоже послал, поручив руководство ими воеводе Еремею Глебовичу. (Еремей был опытным воином, он командовал княжеской дружиной ещё у Константина). Не остался в стороне и другой брат Юрия – Ярослав. Рать из Переяславля Залесского, где он правил тоже участвовала в походе. По зову Юрия явились и дружины Муромских князей. Все они соединились на устье Оки и поплыли в Булгарскую землю вниз по Волге.

Разумеется, выступили в поход и войска Василька Константиновича во главе с его воеводой Воиславом Добрыничем. Но ростовцы и устюжане двинулись другим путем. От Устюга, по рекам Юг, Молома, Вятка они вышли на Каму и оказались в самом центре Булгарской земли.

Обе русские рати одержали полную победу и соединились на устье Камы. Возвращающихся победителей радостно встретили в Городец. Здесь Святослав и его воины вышли из ладей, и пошли к Владимиру на конях. Это важное сообщение летописи позволяет нам предполо-

жить, что княжеское войско в начале похода в конном порядке прибыло в Городец и уже здесь погрузилось на суда. Таким образом, древний Городец предстает перед нами в виде базы княжеских речных походов, где, вероятно для них строились корабли. Также от Городца имела наезженная дорога в центр Владимирской земли. По ней Святослав добрался до Боголюбова, где его на речке Сурамне радостно встретил Юрий Всеволодович, устроивший в честь брата трехдневный пир.

Очевидно, на нём братья обсудили подробности похода и виды на будущее. Возможно, именно тогда у князя Юрия и возникла мысль поставить город на устье Оки, вблизи булгарских земель. Добровольно булгары наверное бы не согласились на его постройку. Оставалось только склонить их к этому военным путем. И Юрий Всеволодович начал готовиться к походу. Напуганные булгары отправили к нему послов с просьбой о мире. Но чтобы условия договора оказались наиболее выгодными, нельзя было сразу соглашаться с предложениями противоположной стороны. Поэтому владимирский князь был непреклонен. Он начал собирать воинов, а Василька Константиновича послал в Городец, с тем, чтобы он там ждал подхода основных сил. Сам же Юрий Всеволодович остановился в селе Омут (вероятно нынешнее село Омутское на реке Нерли, чуть к северу от Суздаля). Здесь его нашло второе булгарское посольство. Верный избранной тактике, Юрий опять отпустил булгарских послов без мира. После этого он отправился в Городец, где уже находился Василько. Сюда прибыло третье булгарское посольство «со многими дарами и челобитьем». Только тогда Юрий дал им мир.

Следствием этого договора стало усиление Владимиро-Суздальской Руси и расширение её восточных пределов. Впервые владимирские князья установили свою власть на правом берегу Оки. Здесь, в том месте, где Ока впадает в Волгу, Юрий Всеволодович в 1221 году повелел заложить новый город – Новгород. На Руси уже были города с таким названием. Старейшим был Новгород Великий. В Северной земле (там, где прежде обитал племенной союз северян) в XI веке возник Новгород Северский. Новгород, основанный Юрием Всеволодовичем, находился в земле, называемой на Руси «Низовской». Постепенно «Новгород Низовской земли» для краткости стали называть Нижним Новгородом.

Он был возведен на правой стороне реки. Высящиеся здесь вершины окского и волжского берегов первопоселенцы называли Дятловы

горы. (Вероятно, в покрывавших их густых лесах водилось много красавцев-дятлов). Дятловых гор семь: Егорьевская (там, где Верхне-Волжская набережная). Кремлевская (здесь сейчас здание Городской думы Нижнего Новгорода), Часовая (названа по Часовой башне кремля), Успенская (слева от Зеленского съезда), Ильинская (где улица Ильинская), Гремячая (справа от Похвалинского съезда), Ярилина гора или Гребешок (выше Благовещенского монастыря).

Дятловы горы отделены друг от друга глубокими оврагами. По оврагу между Часовой и Успенской горами текла речка Почайна. По легенде такое название реке дал сам Юрий Всеволодович, восхитившийся чудесным сходством здешних мест с гористыми кручами Киева, где в широкий Днепр также впадала маленькая Почайна. Следует сказать, что в окружении князя был человек хорошо знакомый с природой Киева. Это был духовный наставник Юрия Всеволодовича, епископ Владимирский и Суздальский Симон, прошедший молодые годы в Киево-Печерском монастыре. И в горе и в радости «милостивый учительный епископ» был рядом с Юрием Всеволодовичем. Не слу-

В. Малиновский. 2003. Основание великим князем Георгием Всеволодовичем Нижнего Новгорода у Дятловых гор

чайно установленный в Нижегородском Кремле памятник изображает Юрия Всеволодовича рука об руку с Симоном.

С именами Юрия Всеволодовича и Симона связано строительство и освящение новых храмов, украсивших Владимиро-Суздальскую землю. Среди них была и каменная церковь святого Спаса, заложенная Юрием Всеволодовичем в Нижнем Новгороде в 1225 году. Этот храм в советское время был разрушен. Сейчас на его месте установлен памятный крест.

Рядом с каждым древнерусским городом всегда возникал монастырь. Он играл роль дома престарелых, больницы, школы. В нем писались летописи. Около Нижнего Новгорода был построен монастырь Пресвятой Богородицы. Есть мнение, что он находился там, где теперь Благовещенский монастырь. По другой догадке, основанной на сходстве Нижнего Новгорода с Киевом, эта древняя обитель должна была стоять на старом месте Печерского монастыря, поскольку Киево-Печерский монастырь тоже располагался чуть ниже города по течению реки.

Нет единства среди ученых и по поводу внутренней структуры Нижнего Новгорода 1220-х годов. Одни утверждают, что он состоял из двух укрепленных частей. Одна, со Спасским собором – на Кремлевской горе, другая, с храмом Михаила Архангела – на Часовой горе. Другие полагают, что обе горы опоясывала общая линия укреплений. По мнению третьих древняя крепость имела лишь на Кремлевской горе. Часовая гора начала осваиваться позже: церковь Михаила Архангела и вал со рвом появились там лишь в XIV веке.

К югу от Нижнего Новгорода начинались мордовские земли. Через них из Волжской Булгарии шли пути на Рязань и Муром. Мордва платила дань булгарам. Мордовские князья являлись вассалами Булгарии. Но после построения Нижнего Новгорода один из мордовских правителей – Пуреш – принес присягу в верности Юрию Всеволодовичу.

Скорее всего, именно это привело к новому разрыву мирных отношений между Владимиро-Суздальской Русью и Булгарией. Возникли два враждебных союза. С одной стороны Юрий Всеволодович, муромские князья, а также половцы и Пуреш, с другой – правители булгар и их вассал Пургас. Военные действия между ними продолжались с 1224 по 1229 год.

Многие историки полагают, что Пуреш был предводителем мордвы-мокши, а Пургас – главой мордвы-эрзи. В летописях упоминаются его владения – Пургасова волость. О том, где она располагалась, нам

рассказывают данные топонимики. В Рязанской области около Кадома имеется село Пургасово. Известны два археологических памятника под названием Пургасово городище. Один находится в Мордовии, другой – около с. Большой Макателем Первомайского района. В верховьях реки Иржи (Ардатовский район) есть Пургасово прудище. Таким образом, Пургасова волость располагалась на востоке современной Рязанщины, на западе нынешней Мордовии и на территории Первомайского, Дивеевского, Ардатовского, а возможно также Кулебакского и Навашинского районов Нижегородской области. В 1224–1229 годах сюда неоднократно – со стороны Нижнего Новгорода и Мурома – вторгались владими́ро-суздальские и муромские полки.

Самые драматические события пришлось на 1229 год. Летописцы сообщают, что зимой 1229 года Пуреш подвергся нападению со стороны болгарского князя, в то время как Юрий Всеволодович совершал поход на мордовские земли подчиненные Пургасу. В ответ в апреле 1229 года Пургас осадил Нижний Новгород, но не смог его взять. Уходя, он сжег монастырь Пресвятой Богородицы, находившийся вне города. В свою очередь летом 1229 года Пурешев сын вместе с половцами победил Пургаса, нанеся большой урон его владениям.

В 1229 длительные междоусобицы между Русью и Волжской Булгарией завершились, поскольку в описываемое время у русских, мордвы и болгар появился общий враг – монголы. В 1229 монгольский полководец Субедей был остановлен на подступах к Булгарии. Монгольская опасность заставила русских и болгар в 1230 году заключить мирный договор.

Первой монгольскому нашествию подверглась Волжская Булгария. В 1236 году монголы захватили её столицу и сожгли болгарские города. Пострадали и мордовские земли. Зимой 1237/1238 годов году настал черед Руси. В декабре 1238 года войско Батыея вторглось в Рязанское княжество. На помощь рязанцам владимирский князь Юрий Всеволодович послал своего сына Всеволода и опытного воеводу Еремея Глебовича. Однако когда владимирский отряд пришёл в пограничный рязанский город Коломну, Рязань уже пала. Здесь, в Коломне, владимирцы и встретили врага, двигавшегося по Оке от испепеленной Рязани. Защищая Коломну, от которой начинался путь на Москву, владимирцы и рязанцы мужественно сражались и все сложили здесь свои головы. Увы, врага остановить не удалось.

От Коломны по льду Москвы-реки монгольское войско направилось к Москве и с боем взяло её. От Москвы по Яузе и Клязьме путь захватчиков лежал во Владимир.

Орда Батыея была хорошо вооружена и многократно превосходила в численности дружину владимирского князя Юрия Всеволодовича. Князь Юрий понял, что без помощи ему не обойтись. Но где собрать рати из разных русских земель? К Владимиру до прихода Батыея они бы уже не успели. Удобнее всего соединить общие силы на Волге – значит нужно немедленно ехать туда, предварительно выслав гонцов! Но не падут ли духом жители Владимира, если князь покинет столицу? Как дать им понять, что князь обязательно вернётся? И Юрий оставляет в городе самое дорогое – семью. Оборону же столицы возлагает на сыновей и воеводу Петра Ослядюковича.

С небольшим числом воинов Юрий Всеволодович уехал на Волгу. Если бы Владимир продержался несколько недель, князь успел бы вернуться с войском. Монголы могли оказаться между двух огней – крепостью и подошедшей русской ратью. Это был единственный шанс на победу. Увы, Владимир пал уже на четвертый день осады. Жена Юрия Всеволодовича вместе с внуками и снохами погибла в пламени пожара. Убиты были старшие сыновья князя.

После взятия столицы отряды Батыея рассыпались по всей Владимиро-Суздальской земле в поисках Юрия Всеволодовича. Один из монгольских полков ринулся на Городец, «попленив», как повествует летописец «все по Волге». Между тем Юрий Всеволодович с полками, собравшимися из разных городов, ждал врага на реке Сить, притоке Волги. С ним были брат Святослав и племянник Василько Константинович. Юрий уже знал о падении Владимира и гибели своей семьи. Но, когда появились монголы, князь, как пишет летописец, «отложил свою печаль» и повел рать в бой. Ему было суждено пасть на поле брани. Это случилось 4 марта 1238 года.

Монголы вскоре покинули русские земли, но через год вернулись вновь. Их целью теперь была южная Русь: Чернигов и Киев. Но один из монгольских отрядов в конце 1239 года обрушился на юг современной Нижегородской области (Арзамасский, Ардатовский, Навашинский районы) Монголы взяли эти населенные мордвой земли и, преодолев Оку, сожгли Муром. Затем вдоль Оки поднялись до устья Клязьмы и разорили земли вдоль этой реки до Гороховца, который был ими

предан огню. Как повествует летописец, был тогда переполох по всей Суздальской земле, и люди не знали, куда бежать от страха. К счастью монголы от Гороховца вернулись в свои станы.

В том же 1239 году гроб с телом Юрия Всеволодовича перевезли из Ростова, где он первоначально нашёл упокоение, во Владимир. Плачем огласился весь город. Владимирцы со слезами вспоминали своего погибшего князя. Добрую память сохранили о нём и потомки. Православная Церковь называет основателя Нижнего Новгорода Юрия Всеволодовича «святым и благоверным». День его памяти – 17 февраля.

Ф. А. Селезнев

ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ЕГО СЫНОВЕЙ

Александр Невский – великий полководец и государственный деятель Древней Руси. В народе о нём вспоминают с уважением. Люди не случайно сохранили добрую память об этом князе. Из общего курса истории России вы знаете, что Александр Невский дал достойный отпор захватчикам с Запада – немцам и шведам. Что касается монголов, то по отношению к ним Александр действовал мудро и гибко, оберегая русские земли от разорения.

Как вам известно из учебника по истории России, в то время Монгольская империя управлялась великим ханом, находившимся в городе Каракоруме, и состояла из нескольких частей. Одну из них называли Золотой Ордой. Ханом Золотой Орды был Батый. Его столицей стал город Сарай-Бату («Дворец Батя»), построенный в низовьях Волги (около современной Астрахани). Золотая Орда непосредственно соседствовала с русскими землями, поэтому Александр Невский старался не ссориться с Батыем. В этом отношении он продолжил политику своего отца, Ярослава Всеволодовича.

Ярослав стал править во Владимире в 1238 году, сменив своего погибшего брата, Юрия Всеволодовича. Это было тяжелое время. С разных сторон русской земле грозили враги. И хотя сын Ярослава, Александр Невский, разгромил шведов и немцев, они вполне могли

вернуться вновь, с ещё большими силами. В этих условиях Ярослав решил урегулировать отношения с Золотой Ордой и в 1243 году поехал к Батыю. Как сообщают летописцы, хан оказал Ярославу «великую честь» и назначил его старшим среди русских князей. На другой год (1244) к Батыю поехали князья Владимир Угличский, Борис Ростовский и Василий Ярославский «просить о своих отчинах». Батый и их почтил «достойной честью», распределив каждого в свою отчину. С тех пор повелось, что князья стали ездить в Орду, за дозволением вступить в управление отцовским княжеством.

Следует сказать, что право на отцовское княжество (или «отчину») имели все сыновья по очереди. Сначала им должен был управлять старший, потом следующий по возрасту брат. После последнего из откняживших братьев престол переходил к следующему по старшинству князю. Но только если его отец сам был раньше великим князем! Таким образом, отчина (её ещё называли «великим» или «большим» княжением) переходила не по нисходящей мужской линии (от отца к сыну и внуку), а от старшего в роду к следующему по старшинству (от брата к брату, потом от младшего дяди к старшему племяннику). Князьям не получившим великого княжения выделялись особые области для княжения. Они стали называться уделами. Для сыновей удельного князя удел тоже становился отчиной.

Такой порядок наследования княжеских столов существовал со времен Любечского съезда князей, состоявшегося ещё в 1097 году. Монголы не стали его менять. Так после ухода из жизни Ярослава Всеволодовича великим князем Владимирским стал его брат Святослав. Затем владимирский престол перешёл от дяди к племянникам, сыновьям Ярослава Всеволодовича.

Если между князьями возникали споры о старшинстве, решал их хан. В том числе и с помощью вооруженной силы.

Черед Александра Невского пришел в 1252 году. Он был великим князем Владимирским до 1263 года. В это время Городец и Нижний Новгород находились под его непосредственным управлением.

Александр приходилось неоднократно бывать в Городце и Нижнем Новгороде на пути в Золотую Орду. Здесь же останавливались, ездившие в Орду за ярлыками (грамотами на право княжения в своей отчине) другие русские князья. Иногда они встречались между собой и вели предварительные переговоры.

Такой княжеский съезд состоялся в 1256 году. После смерти Батые, русские князья съехались в Городец и Нижний Новгород, чтобы потом отправиться в Сарай-Бату. Побывал на съезде и Александр Невский. Сам он, однако, в Орду не поехал. Расклад сил там была слишком неясным. Неожиданно умер сын Батые и союзник Александра Невского, Сартак. Развернулась борьба между сторонниками его сына Улагчи и братом Батые, Берке. Мудрый Александр счел за благо дождаться исхода этого противоборства, а пока отправил в Орду из Нижнего Новгорода дары.

В следующем году (1257), когда Улагчи утвердился на престоле, Александр отправился к новому хану лично, видимо снова через Нижний Новгород. Однако вскоре трон все-таки завладел Берке. И в 1258 году Александру опять пришлось ехать в Сарай-Бату.

Еще раз Александр Невский посетил Нижний Новгород в 1262 году. Как вы знаете из учебника по истории России в этом году в Ростове, Суздале, Владимире и Ярославле вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани. Хану Золотой Орды Берке это было на руку, поскольку они были присланы от хана Монгольской империи, от которой Берке стремился обособиться. При Берке Золотая Орда фактически становится независимым государством. После 1262 года она стала получать и дань с русских земель. Кроме того, Берке стремился использовать русские рати в войнах со своими соперниками. Он хотел, чтобы русские приняли участие в его походе против Хулагу, монгольского правителя Ирана. И Александр Невский в 1262 году отправился к Берке, чтобы, как сообщает летописец «отмолить людей от беды той».

Русскому князю пришлось провести в Золотой Орде целый год. Там он заболел. Занемогшего князя везли по Волге в ладье. В Нижнем Новгороде сделали кратковременную остановку. Александра Ярославича. До дома оставалось совсем немного. Нужно было добраться до Городца. А оттуда шла прямая конная дорога на Суздаль. Но в Городце недуг совсем одолел Александра Ярославича. 14 ноября 1263 года Александр Невский принял монашеский постриг и в ту же ночь скончался. Тело его было отвезено в столицу княжества, Владимир. Там его и похоронили. Люди горько оплакивали смерть князя. В надгробной речи митрополит Кирилл сказал: «Чада мои, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суздальской!»

Жители Городца бережно хранят память об Александре Невском. Еще в 1700 году по почину городчан был построен храм во имя

Феодоровской иконы Божьей Матери с приделом во имя Александра Невского и учрежден Феодоровский монастырь. Некоторые историки полагали, что монастырь с таким названием существовал и в древнем Городце, и именно там принял постриг великий полководец Древней Руси. Ныне Городецкий Феодоровский монастырь – одно из мест особого почитания Александра Невского. В 1993 году в Городце на берегу Волги был поставлен величественный памятник князю Александру.

После кончины Александра Невского великим князем Владимирским, в соответствии с установившимся порядком наследования, стал его брат Ярослав Ярославич, а сыновья Невского получили уделы. Уделом третьего сына Александра Невского – Андрея – стал Городец. Так возникло Городецкое княжество. В его состав вошел и Нижний Новгород, являвшийся «младшим» (подчиненным) по отношению к Городцу городом.

Следующим после Ярослава Ярославича великим князем Владимирским стал его младший брат Василий Ярославич Костромской. У него был боярин Семен Тонильевич, которому суждено было сыграть роковую роль в судьбе Андрея Городецкого. Семен Тонильевич находился во враждебных отношениях с братом Андрея – Дмитрием Переяславским. И, когда Дмитрий в 1276 году (после смерти Василия Костромского) стал великим князем Владимирским, Семену Тонильевичу пришлось искать новое место службы. Принял его к себе Андрей Городецкий и Семен Тонильевич начал всячески настраивать его против родного брата.

Между тем Дмитрий не поехал за ярлыком на великое княжение в Сарай. И это в то время когда прочие князья, в том числе Андрей Городецкий, в 1277 году по зову хана Менгу-Темира отправились со своими полками в Золотую Орду – хан повел их в поход на Кавказ.

Памятник Александру Невскому. Городец. Скульпторы И. Лукин, В. Пурихов. 1993

Там русские воины отличились в боях. За это, как сообщает летописец, Менгу-Темир сильно хвалил русских князей, и, щедро наградив их, отпустил в 1278 году каждого в свою отчину.

Разумеется, Менгу-Темир не забыл ни доблести Андрея Городецкого, ни отсутствия в походе Дмитрия Переяславского. Поэтому, когда князь Андрей в 1281 году попросил хана передать ему великое княжение Владимирское, Менгу-Темир согласился. Возможно, и мысль о замене Дмитрия Андреем изначально принадлежала самому хану Золотой Орды. Во всяком случае Менгу-Темир оказал Андрею Городецкому полную поддержку и отправил вместе с ним и Семеном Тонильевичем татарское войско. Оно пограбило Муром, Владимир, Юрьев, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов, Тверь. Князь Дмитрий не решился на сражение и бежал в сторону Новгорода. Когда же ордынцы покинули русские земли, Дмитрий Александрович вернулся в свой родной Переяславль-Залесский. Власть Андрея Городецкого он не признал.

Андрей не знал, что делать. Тут пришло известие о смерти Менгу-Темира, и князь Андрей с Семеном Тонильевичем отправились в Орду, к новому хану Туда-Менгу. Оттуда они вновь вернулись с татарским войском, опять подвергшим земли Дмитрия Переяславского разорению (1282).

Теперь уже Дмитрий отправился с дружиной в Орду, где был принят могущественным эмиром Ногаем, правителем обширной области на западе Золотой Орды (между Нижним Дунаем и Днепром), фактически вершившим дела во всем государстве. (Хан Туда-Менгу был равнодушен к делам управления страной. Он проявлял тягу к чудесному и проводил все свое время с факирами и людьми известными своим благочестием). Ногай вернул Дмитрию Переяславскому право на великое княжение Владимирское. Андрей Городецкий должен был с этим смириться. Братья восстановили отношения. Но цена этого внешнего согласия была высока для Андрея: ею была жизнь Семена Тонильевича. Дмитрий Переяславский потребовал головы ненавистного ему боярина. И люди Дмитрия убили Семена Тонильевича, схватив его в Костроме. Было это в 1283 году.

Однако, уступив Владимир, Андрей желал сохранить богатый Новгород. Сами новгородцы тоже не хотели возвращения Дмитрия, которого они за три года до этого прогнали с княжения. Их представители зимой 1284 года встретились с Андреем Городецким в Торжке, где обещали не искать себе другого князя. В свою очередь князь

Андрей сказал, что никому не уступит Новгород. Но в ту же зиму он был вынужден изменить данному слову. Его брат-соперник, Дмитрий Переяславский привел татар из Ногаевой орды, которые учинили много зла землям Андрея. В итоге и Андрею Городецкому, и новгородцам пришлось подчиниться Дмитрию Переяславскому.

Но на следующий год (1285), как сообщают летописи, Андрей привел для борьбы с Дмитрием татарский отряд какого-то царевича (видимо из поволжской части Золотой Орды). Скорее всего, речь идет о царевиче Туля-Буге (в русских летописях его называют Телебугой), который находился в плохих отношениях с Ногаем и соперничал с ним за влияние в русских землях. Дмитрий, однако, чувствуя за спиной поддержку Ногая, не испугался и названного царевича прогнал.

После этого на восемь лет открытая вражда Дмитрия и Андрея прекратилась. В Золотой Орде тем временем был низложен питавший отвращение к государственным делам Туда-Менге. Ханом, с согласия Ногая стал Телебуга (1287). Они не любили друг друга, но между собой не воевали. Однако, в конце концов, Ногай устранил Телебугу, обманом выдав его на расправу сопернику, Тохте (1291).

Отношения между Тохтой и Ногаем вначале были вполне дружескими. Но когда Тохта показал, что не хочет быть игрушкой в руках Ногая и желает править единодержавно, между ними произошёл разрыв. Золотая Орда распадается на две части – Орду Ногая (к западу от Волги) и Волжскую Орду Тохты.

Дмитрий Переяславский признал власть Ногая. Этим тотчас же воспользовался Андрей Городецкий. В 1293 году он, с союзными ему ярославским и ростовским князьями, отправился в Волжскую Орду. Оттуда они вернулись с братом Тохты Туденом (в русских летописях – Дюдень) и большим татарским войском. В ходе этого опустошительного набега («Дюденева рать») были захвачены Муром, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Коломна, Москва. Дмитрия Переяславский бежал во Псков. В Переяславле сел на княжение союзник Андрея Городецкого, Федор Ростиславич Ярославский, а сам Андрей занял ещё и княжеский стол в Новгороде Великом (1294). Дмитрий, потрясенный всем произошедшим в том же году скончался.

Теперь у Андрея остался только один брат – Даниил Московский. Прежде он всегда поддерживал Дмитрия против Андрея. Также как

и тверской князь, Михаил Ярославич. Андрей попытался перетянуть Михаила на свою сторону. В 1294 году они женились на сестрах Василисе и Анне, дочерях ростовского князя, союзника Андрея Городецкого. Но отношения между прежними долголетними противниками продолжали оставаться напряженными.

Камнем преткновения теперь стал Переяславль-Залесский. После изгнания Дмитрия, Андрей отдал этот город своему союзнику Федору Ярославскому. Но у Дмитрия остался сын Иван, который не желал отказываться от своей отчины. Молодого князя поддержали и переяславцы, и Даниил Московский с Михаилом Тверским. Вдобавок Даниил в 1296 году занял Новгород и, видимо опираясь на поддержку Ногай, провозгласил себя великим князем.

Князья-соперники собрали свои рати и хотели идти друг на друга войной. Избежать кровопролития помогли вмешательство церкви и приезд посла из Волжской Орды Олексы Неврюя. Мудро поступил и Андрей Городецкий. Он согласился с переходом Переяславля-Залесского к Ивану Дмитриевичу. За это противники Андрея признали его власть над Новгородом.

Таким образом, Андрей Городецкий стал полновластным великим князем Владимирским и Новгородским. Прочие князья должны были ему подчиниться. Успеху Андрея способствовало то, что Ногай, на которого опирались враги городецкого князя, потерпел поражение от хана Волжской Орды Тохты и погиб (1299).

Между тем огонь последних сражений между войсками Ногай и Тохты жестоко опалил Киевскую землю. Живший в Киеве митрополит всея Руси Максим в 1299 году покинул этот запустевший город и переехал во Владимир. Дошедшие до нас летописи не сообщают, кто позвал туда главу Русской церкви. Однако ясно, что появление митрополита во Владимире не могло произойти без согласия владимирского князя. А им был Андрей Городецкий. Приглашение митрополита всея Руси во Владимир было мудрым шагом Андрея Городецкого, оказавшим важное влияние на дальнейшую историю России.

Большие последствия имел и полководческий подвиг Андрея Городецкого, совершенный им в 1301 году. Тогда Андрей Городецкий показал себя выдающимся воителем, достойным славы своего отца, Александра Невского. Подобно ему, князь Андрей дал достойный отпор новому натиску шведов на новгородские земли.

К этому времени шведы захватили Финляндию и закрепились на Карельском перешейке. Далее их целью стал устье Невы. Морской поход сюда возглавил фактический правитель Швеции Торгелъс Кнутсон. В 1300 году его войско высадилось на берегах Невы. Прибывшие с ним искусные мастера (их прислал Папа Римский), возвели мощную крепость там, где в Неву впадает Охта. (Сейчас это место находится в городской черте Петербурга).

Берега названных рек служили естественной защитой крепости. С третьей стороны её оборонял ров, прокопанный шведами от Охты до Невы. Над рвом был насыпан высокий вал. По валу враги установили 8 деревянных башен с бойницами. Это внушительное сооружение захватчики самоуверенно назвали Ландскрона – «Венец земли». Вражеская цитадель вонзилась в новгородские земли, отрезав их от устья Невы.

Из Ландскроны шведы огнем и мечом прошли по землям карелов, ижоры и води (карело-финских племен, союзных Новгороду), где жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся. Новгородцы кинулись им на помощь и попытались взять шведскую крепость, но потерпели поражение. Тогда они отправили гонцов к Андрею Городецкому.

Права на ошибку у князя не было. Поэтому он тщательно подготовился к походу и весной следующего 1301 года привел свои полки из Низовской земли в Новгород. Там к ним присоединилась новгородская рать. 18 мая 1301 Андрей Городецкий с войском подошел к Ландскроне. Его воины штурмовали вражескую крепость день и ночь. Наконец русские превозмогли и ворвались в город. Оставшиеся в живых шведы во главе с начальником гарнизона Стеном сложили оружие. Вражеский форпост был сожжен. Вал, на котором стояла крепость, по приказу Андрея Городецкого сравняли с землей. Эта блестящая победа остановила натиск Швеции на русские земли. Она позволила Новгороду через двадцать лет заключить со шведами выгодный Ореховский мир (1323), на триста лет (до Смуты) сохранивший за русскими устье Невы и выход к Балтийскому морю.

Как и его отец, Александр Невский, Андрей Александрович окончил свой жизненный путь в Городеце. Это случилось 27 июля 1304 года. Сыновей он не оставил. Городец остался без князя. Это привело к тому, что его политическое значение упало. Он оказался подчинен Нижнему Новгороду, который в середине XIV стал центром княжества.

Ф. А. Селезнёв

НИЖЕГОРОДСКОЕ КНЯЖЕСТВО

В начале XIV века между тверскими и московскими князьями развернулась борьба за первенство в русских землях.

Решающего перевеса в борьбе с Тверью Московское княжество добилося при Иване Калите. В 1327 году великий князь Владимирский и Тверской, Александр Михайлович, поднял восстание в Твери против ордынского посла Шелкана, племянника хана Узбека. Разгневанный хан направил против тверского князя татарские и русские войска во главе с Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем. Александру Тверскому пришлось бежать. Владимирский великокняжеский стол опустел. Тогда Узбек в награду Ивану Калите и Александру Васильевичу Суздальскому поделил великокняжеские земли между ними. Иван Калита получил Новгород и Кострому, а Александр Суздальский – Владимир и Поволжье, включая Нижний Новгород и Городец (1328).

После смерти Александра Васильевича Суздальского хан Узбек отдал Владимир с Поволжьем тоже под власть Ивана Калиты (1332). Так Нижний Новгород и Городец стали управляться московским князем, одновременно являвшимся теперь великим князем Владимирским.

По обычаю, великий князь Владимирский мог дать какой либо из великокняжеских городов в удел своему сыну. Иван Калита выбрал богатый Нижний Новгород. Как полагают некоторые историки, московский князь назначил владеть Нижним своего старшего сына, Симеона Гордого. Именно в Нижнем Новгороде в 1340 году застала этого решительного и смелого князя горестная весть о смерти отца.

После того, как Иван Калита ушел из жизни, русские князья поехали в Золотую Орду, чтобы вновь выяснить вопрос о судьбе великого Владимирского княжения. Хан Узбек, отдал Владимир Симеону Гордому, назначив его старшим среди князей. Но чрезмерное усиление Москвы не отвечало желаниям хитроумного правителя Орды. Поэтому одновременно он отнял у Симеона его удел – Нижний Новгород и Городец и передал его суздальскому князю Константину Васильевичу, надолго рассорив московских и суздальских князей. Это произошло в 1341 году. Названная дата считается временем возникновения Суздальско-Нижегородского княжества.

Нижний Новгород в это время представлял собой богатый, стремительно развивавшийся город. За пределами детинца раскинулись два посада, населенных ремесленниками и торговцами – верхний и нижний. Нижний посад разместился в округе современной площади Народного единства. Здесь у речных пристаней шумел главный нижегородский торг. К торгу по нынешней Ильинской улице спускалась Муромская дорога. По обе стороны от неё Ильинская гора в XIV веке была плотно застроена.

Верхний посад ограничивали теперешние улицы Минина, Пискунова и река Почайна. Особенно густо он был заселен там, где сейчас площадь Минина и Пожарского, а также в районе современного Театра Драмы. Здесь находились многочисленные усадьбы горожан, а также мастерские гончаров и других ремесленников.

Рост города был связан с бурным развитием торговли по Волге. С принятием ханом Узбеком ислама в Золотую Орду устремились мусульманские купцы из Средней Азии, Персии, Индии, Египта. Приплывали они и в Нижний Новгород, где их товары приобретались специально приезжавшими сюда новгородцами. У нижегородского причала бросали якорь десятки судов из разных стран. Таким образом, Нижний Новгород стал главным перевалочным пунктом в торговле между русскими и восточными землями. От тех времен археологами при раскопках в Нижнем Новгороде обнаружено большое количество фрагментов керамики, стеклянных изделий, украшений из Золотой Орды, Ирана, Египта, Китая.

Неудивительно, что Симеон Гордый не захотел расставаться с таким богатым городом. Когда воцарился новый хан, Джанибек, московский князь отправился в Золотую Орду (1343) с тем, чтобы вернуть Нижний Новгород и Городец. С молодым князем в Орду отправились нижегородские и городецкие бояре, любившие своего прежнего господина. Но Джанибек хоть и оставил Симеона великим князем Владимирским, в возвращении ему Нижнего Новгорода решительно отказал. А подержавших его бояр выдал на расправу Константину Васильевичу.

Константин между тем понял, что пока он будет жить в Суздале, нижегородцы будут постоянно смотреть в сторону Москвы и когда-нибудь он потеряет Нижний Новгород. Поэтому суздальский князь скоро сам переехал в Нижний. Это позволяет историкам говорить уже не о Суздальско-Нижегородском, а о Нижегородско-Суздальском княжестве.

Где же был возведен дворец для приехавшего правителя? Конечно же, не в тесном детинце! Княжеские хоромы построили за его пределами, в западной части кремлевского холма (там, где сейчас двор Законодательного собрания). Устроившись на новом месте, Константин принялся украшать свою столицу. По его повелению в 1350–1352 годах было построено новое здание главного храма города – Спасо-Преображенского собора. Его украсил росписями великий художник средневековья Феофан Грек. Собор имел золоченые двери высокой художественной работы и пол из позолоченных медных плит.

По князьему слову началось заселение окрестностей (или, как тогда говорили, уезда) Нижнего Новгорода. Русские люди, прибывшие из суздальских земель, начали обживать междуречье Оки, Волги и Кудьмы. Константин Васильевич разрешил им селиться там, где кто захочет.

На юге от Нижнего – от Оки до реки Дубенки – тогда шумел рослый дубовый лес. Пройдя его, переселенцы наткнулись на красивую и удобную для жизни местность, которую они называли Березовым Полем. Она располагалась между левыми притоками Кудьмы – реками Прорвой и Великой. Сейчас здесь находятся г. Богородск, села Березовка и Великосельево. Около Великосельева археологами обнаружено крупное древнерусское селище. В этих местах найдено большое число и других древнерусских археологических памятников, относящихся к описываемой эпохе.

Чаще всего новые поселения возникали вокруг княжеских и боярских усадеб. Усадьба становилась центром села. Рядом с селами князя и бояр и под их защитой возникали деревни зависимых крестьян. С именем самого князя Константина легенды связывают названия сел Ближнее Константиново (сейчас находится в составе Приокского района Нижнего Новгорода) и Дальнее Константиново.

Дальнее Константиново располагалось уже за Кудьмой, среди дубрав на реке Шемлей. Видимо оно играло роль пограничной заставы на пути на Нижний Новгород с юга.

К востоку от Нижнего Новгорода русские земли шли вдоль правого берега Волги до устья реки Сундовик. Над устьем Сундовика (западнее современного города Лысково) нависала крутая Оленья гора. Там до сих пор видны остатки валов и рва древней крепости. Она защищала Нижегородское княжество с востока.

Южной границей продвижения русских людей здесь стала река Пьяна. Однако постепенно они продвинулись и дальше нее. За Пьяной нижегородские рубежи стерегли пограничные пункты Сара Великая и Кишь.

К западу от Нижнего Новгорода, там, где в Оку впадает Клязьма по мнению ученых стоял город Бережец. Дальше него, вверх по Клязьме находился Гороховец, западная оконечность «тянувших» к Нижнему Новгороду земель.

К юго-западу от Нижнего Новгорода, вверх по Оке уже начиналось Муромское княжество. Его пограничной крепостью вблизи нижегородских пределов был Стародуб Воцкий. По мнению некоторых ученых он располагался на месте деревни Городищи, которая теперь находится в черте Вачи. Таким образом, земли современных Вачского, Навашинского и частично Павловского районов тогда принадлежали Муромскому княжеству.

По левому берегу Волги нижегородские земли шли от реки Унжи до реки Ватомы. На противоположной стороне Волги северным нижегородским форпостом был Юрьевец. К нему с юга примыкала местность, именуемая «Белгородье», включавшая современный Чкаловский район. Как возникло это красивое название? У ученых на этот счет пока нет удовлетворительного объяснения.

От Белгородья Нижегородско-Суздальское княжество простиралось дальше на запад, где уже находились коренные суздальские владения и сам Суздаль.

Стоит отметить, что владевший столь обширными и богатыми землями, Константин Васильевич пользовался уважением не только на Руси, но и за её пределами. С ним счел за честь породниться могущественный правитель Литвы Ольгерд, чья дочь Агрофена вышла замуж за сына Константина, Бориса Константиновича.

Константин смело спорил с московскими князьями за первенство в русских землях. Его наследник, Андрей Константинович также мог рассчитывать на верховенство среди русских князей. Однако тяга к власти была чужда этому богобоязненному правителю. В 1355 году после ухода из жизни отца, он совершил поездку в Орду, но не стал помогать владимирского княжения. Андрей довольствовался отцовским наследством, получив ярлык на Нижний Новгород.

Этим он чрезвычайно порадовал молодого московского князя Ивана Красного, тоже отличавшегося кротким нравом. В 1356 году

московский и нижегородский князья встретились в Переяславле Залесском. Андрей Константинович признал себя «братом младшим» Ивана Красного и с миром возвратился в Нижний Новгород.

Набожный князь Андрей проводил время в посте и молитве. В 1359 году рядом со своим двором он воздвиг прекрасный белокаменный храм, посвященный Михаилу-Архангелу. Археологи обнаружили деталь чудесного убранства этой церкви – каменную голову льва. Стены храма были расписаны фресками, пол устилали кирпичные плитки с врезным звездообразным орнаментом.

В отличие от Андрея, его младшие братья, Дмитрий и Борис, были воинственны и энергичны. Они не довольствовались своими уделами, полученными после смерти отца (Дмитрию Константиновичу достался Суздаль, Борису Константиновичу – Городец). Летописи сохранили сведения об их заметном участии в бурной политической борьбе конца 1350–1370-х годов, когда и Золотая Орда и Русь пережили эпоху нестабильности и междоусобиц, названную современниками «великой замятней».

«Великая замятня» началась в 1357 году, когда старый хан Джанибек погиб от руки заговорщиков. Дальше последовала череда новых переворотов, в ходе которых брат шёл на брата, а сын на отца. Соперничающие ханы выдавали ярлыки на великое Владимирское княжение разным князьям. Тем самым ордынские распри порождали раздоры между русскими князьями.

Междоусобица на Руси началась после того как в Москве в 1359 году ушел из жизни великий князь Владимирский и Московский Иван Красный. Его сын Дмитрий (будущий Донской) был ещё ребенком и поэтому не мог поехать в Орду за ярлыком на великое княжение. Между тем все прочие князья отправились в столицу Золотой Орды – Сарай-ал-Джадид (Новый Сарай, другое название – Сарай Берке) за ярлыками на свои отчины. Среди них был и Андрей Константинович. Ему и счел нужным предложить ярлык на великое владимирское княжение правивший тогда хан Новруз. Однако Андрей Нижегородский отказался от подобной чести. Он понимал, что, поскольку Владимирское княжение не является его отчиной, заняв его, он будет должен вступить в братоубийственную борьбу с Московским княжеством. Довольствовавшись ярлыком на Нижний Новгород, Андрей Константинович уехал домой.

Тогда хан предложил владимирское княжение брату Андрея, Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Его долго упрасивать не пришлось. Он взял ярлык и 22 июня 1360 года торжественно въехал во Владимир.

В Сарае Берке между тем произошел новый переворот. Власть захватил хан Кадыр. Он сохранил великое княжение за Дмитрием, но решил испытать его верность. На Волге в это время, пользуясь отсутствием сильной власти, грабили прибрежные города ушкуйники – разбойники из Новгорода. Они плавали на ушкуях – больших весельных судах с палубой. Жертвой нападения этих речных пиратов стал булгарский город Жукотин. Кадыр потребовал от Дмитрия Константиновича найти разбойников. По этому поводу Дмитрий созвал княжеский съезд в Костроме. Там было решено выдать ушкуйников в Орду. Так Дмитрий нажил в их лице многолетних врагов.

Между тем Москва не желала признавать нового Владимирского князя. Началось трехлетнее противостояние Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского.

В это время в Золотой Орде один хан сменял другого. Среди прочих утвердиться в Сарае упорно стремился военачальник Мамай, зять правившего до «замятни» хана Джанибека. Мамай не был потомком Чингис-хана и по монгольским законам не мог быть ханом Золотой Орды. Поэтому он провозглашал ханом кого-то из юных татарских царевичей и правил от его имени. Когда же царевич достигал зрелого возраста, Мамай безжалостно убивал его. С 1361 по 1370 год Мамай действовал от имени молодого хана Абдуллаха.

В 1363 году Мамай и Абдуллах захватили Сарай-ал-Джадид, однако вскоре были оттуда изгнаны и откочевали в Крым. Золотая Орда распалась. К западу от Волги правил Мамай. На восточном берегу Волги переходил из рук в руки Сарай-ал-Джадид. Именно туда по традиции отправляли дань русские князья. Но Мамай хотел, чтобы богатства Руси поступали ему. Однако для этого нужно было, чтобы русские князья признали хана Абдуллаха как законного правителя.

Великим князем Владимирским тогда был юный Дмитрий Иванович Московский, получивший ярлык от правившего в Сарае хана Амурада. Мамай от имени Абдуллаха направил к Дмитрию Московскому посла с ярлыком на великое княжение. В Москве приняли и этот ярлык, чем привели в ярость Амурада. Он тут же прислал ярлык сопернику

Москвы – Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Но московское войско нанесло суздальцам ряд чувствительных поражений, так что Дмитрию Суздальскому пришлось оставить не только Владимир, но и родной Суздаль.

Дмитрий Константинович отправил своего юного сына Василия (в летописях сохранилось его прозвище «Кирдяпа», видимо имевшее мордовские корни) с жалобой в Сарай. Сам Дмитрий укрылся у старшего брата Андрея в Нижнем Новгороде. Но там началась ужасная эпидемия (1364). Больные харкали кровью, метались в жару, у них распухали лимфатические узлы. Через несколько дней мучений человек умирал.

Дмитрий Константинович был вынужден покинуть Нижний Новгород. Зимой к нему из Сарая вернулся сын Василий с ярлыком от нового хана Азиза. Но у Дмитрия Константиновича Суздальского уже не было сил тягаться с Москвой. Он отказался от борьбы.

Однако Азизу всё-таки нужно было найти какого-то русского князя, которому можно было передать ярлык на великое княжение. Выбор пал на Бориса Городецкого. Ему же должен был по ханской воле отойти и Нижний Новгород, поскольку правивший там Андрей Константинович, потрясенный эпидемией, которая поразила его владения, вероятно, увидел в этом наказание за свои грехи и постригся в монахи.

Бедствия, между тем, не оставляли нижегородскую землю. Весной 1365 года установилась неимоверная жара, томившая людей три месяца. Горели леса и торфяники. Воздух был насыщен дымом. Маленькие речки пересыхали совсем, а в больших реках засыпала рыба. Все эти грозные события нанесли тяжелый удар по здоровью князя Андрея. 2 июня 1365 года он скончался.

По старшинству наследовать Андрею должен был его следующий брат, Дмитрий Суздальский. Однако поскольку в Сарае хотели видеть нижегородским князем не его, а Бориса Городецкого, то Борис и занял нижегородский великокняжеский стол.

Конечно, Дмитрий Константинович был огорчен поступком младшего брата. Но он хотел уладить дело миром. Взяв с собой матушку, княгиню Елену и Суздальского епископа Алексия он поехал увещевать Бориса. Но тот был непреклонен. Более того, Борис дал понять, что готов силой дать отпор посягательствам на его власть. Он повелел копать оборонительный ров.

Многие историки полагают, что этот ров, с валом и частоколом на нём шёл по нынешней улице Пискунова, окружая весь верхний посад. Участок этого внушительного сооружения восстановлен учеными. Он находится напротив пересечения улиц Пискунова и Большая Печерская. Есть, однако, исследователи, которые сомневаются в том, что, ожидая в скором времени нападение, Борис мог затеять такое грандиозное строительство. Они полагают, что на улице Пискунова сохранились остатки укреплений XVI века. А Борис опоясал рвом ту часть кремлевского холма, которая находилась западнее нынешнего Ивановского съезда и тогда не имела защиты. (Ведь именно там, недалеко от храма Михаила-Архангела стоял княжеский дворец, прежде всего нуждавшийся в обороне). Эти историки считают, что открытые в ходе раскопок в западной части Кремля следы дерево-земляных оборонительных сооружений относятся не к XIII веку, а ко времени Бориса Константиновича.

Что, однако, было делать Дмитрию со своим непокорным братом? Суздальский князь не желал кровопролития. Он решил использовать авторитет московского князя, с которым только что помирился, и пребывавшего в Москве митрополита Алексия для воздействия на неуступчивого Бориса. И вот из Москвы к Борису прибыл посланник Дмитрия Московского и митрополита Алексия Сергей Радонежский. Но и этот мудрый человек не смог убедить мятежного князя уступить старшему брату. И лишь когда на Нижний Новгород двинулось

Остатки оборонительного вала

объединённое суздальско-московское войско, у Бориса хватило благоразумия не начинать братоубийственную войну. У Бережца он со своими боярами встретил Дмитрия и признал его власть.

Братья помирились. Дмитрий Константинович стал править в Нижнем Новгороде, передав Суздаль своему сыну Василию Кирдяпе. Борис Константинович уехал в Городец. В дальнейшем братья выступали как союзники. С разрешения Дмитрия, Борис начал осваивать земли на правом берегу Волги, между Сундовиком и Сурой, поставив здесь несколько сёл. Видимо тогда здесь и возникло село Спасское, центр современного Спасского района.

На левом берегу Волги владения городецкого князя простирались до реки Ватома. В её верховьях городчанами была воздвигнута пограничная крепость. Её остатки были обнаружены археологами у села Городищи Борского района.

Вернув, благодаря поддержке москвичей, власть над Нижним Новгородом, Дмитрий Константинович сохранил дружественные отношения с Москвой и в дальнейшем. Союз Дмитрия Константиновича и Дмитрия Ивановича Московского был скреплён женитьбой московского князя на нижегородской княжне Евдокии Дмитриевне.

Сильные союзники были нужны Дмитрию Константиновичу, поскольку он имел немало недругов. Ушкуйники, узнав о его вокняжении в Нижнем Новгороде, летом 1366 года на 150 судах совершили опустошительный набег на город. Ограблению подверглись как торговавшие здесь иноземные купеческие корабли, так и сами нижегородцы. Есть основания полагать, что в плен к разбойникам попал сам Дмитрий Константинович. Выкупил князя и других земляков из плена богатый нижегородский купец Тарасий Петров. За это Дмитрий Константинович сделал Тарасия своим боярином и казначеем. После этого Тарасий Петров приобрел у князя Муромчинова (боярина Дмитрия Константиновича) шесть сел между Кудьмой и Сундовиком. Два из них существуют и теперь. Это села Запрудное и Мунарь (ныне – Монари). Видимо в память о своем спасении Дмитрий возвел в 1366 году на реке Почайне церковь во имя Николая Чудотворца.

Кроме ушкуйников врагом Дмитрия Константиновича был и правивший в Сарае хан Азиз. Ведь он дал ярлык на Нижний Новгород Борису Константиновичу, а Дмитрий пренебрег этим. Чтобы наказать Дмитрия, Азиз в 1367 году направил в набег на Нижегородское кня-

жество своего вассала Булат-Темира. Тот правил в Булгарии, а также в мордовских землях по реке Мокше (они находились южнее нижегородских рубежей за рекой Пьяной).

Булат-Темир ограбил Нижегородский уезд и села князя Бориса Константиновича между Сурой и Сундовиком. В ответ Дмитрий и Борис собрали большое войско и двинулись на захватчика. Булат-Темир не решился вступить в сражение с нижегородскими князьями и бежал к реке Пьяне, при переправе через которую потерял много воинов. Полностью разгромленный, он устремился в Сарай, где разгневанный хан Азиз предал его казни.

Впрочем, и сам Азиз вскоре погиб. Власть в Сарае перешла к Мамаю и его ставленнику Абдуллаху. Но не надолго. Орду раздирала «великая замятня». И Сарай Берке то и дело переходил из рук в руки. Абдуллах в 1368 году изгнал из столицы хан Хасан. У него Сарай Берке через год отнял Хаджи-Черкес, а Хасан был вынужден бежать к булгарам. Наконец ордынская столица вновь оказалась под контролем Мамаю. Но Хасан, правивший теперь в болгарских землях, не признал его власти. Тогда Мамай, чтобы привести его к покорности решил использовать помощь нижегородского князя.

В 1370 году Дмитрий Константинович отправил своего брата Бориса Городецкого и сына Василия Кирдяпу с большим войском в поход на Булгарию. Русскую рать сопровождал посол Мамаю. Хасан не решился сопротивляться. Он выслал своих представителей с челобитьем и многими дарами, признав власть ставленника Мамаю.

После этого значение Нижегородско-Суздальского княжества заметно выросло. В некоторых источниках Дмитрий Константинович величается не только как великий князь нижегородский, суздальский и городецкий, но и как князь болгарский и болымецкий (Балымер – город в Волжской Булгарии) и «вся Понизовские земли заволжских юрту и северного государь». Добавим, что Дмитрий Константинович – первым среди русских князей – начал чеканку собственных монет. На них была изображена летящая птица. Эти монеты имели хождение не только в Нижегородском княжестве, но и в мордовских и болгарских землях.

Успехам нижегородского князя способствовало то, что он жил в дружбе со своим братом Борисом Городецким и зятем Дмитрием Московским. Единению между московским князем и нижегородскими

правителями всячески помогал митрополит Алексей, наставник Дмитрия Московского. Митрополит неоднократно посещал Нижний Новгород. Так в 1370 году он приехал на крестины сына князя Бориса, Ивана (в будущем – Иван Тугой Лук). Названный визит имел важную дипломатическую подоплеку. В это время с Москвой стали сильно враждовать литовский князь Ольгерд и его родственник тверской князь Михаил. А Борис Городецкий, как мы помним, был женат на дочери Ольгерда. Важно было удержать его от помощи тестю, который в декабре 1370 года осадил Москву. Это удалось в полной мере. А вскоре до Алексея дошло доброе известие, что Ольгерд был вынужден снять осаду с Москвы и убраться восвояси. Возможно, в связи с этим Алексей и решил построить в Нижнем Новгороде церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (1370). Впрочем, у Алексея в этом году было несколько поводов для радости. Благополучно прошли переговоры в Орде. Константинопольский патриарх в личном письме высоко оценил его деятельность и обещал полную поддержку.

Благовещенская церковь стала центром устроенного Алексием Благовещенского монастыря, явившегося главным проводником московского влияния в Нижегородском крае.

Между тем, Мамай, недовольный усилением и ростом самостоятельности Московского княжества, решил передать ярлык на Владимирское княжение Михаилу Тверскому. Дмитрий Московский, однако, не подчинился. Мамай, отвлеченный борьбой с соперниками за Сарай, предпочел не ссориться открыто с московским князем. Но в отношениях Мамаевой Орды с Москвой и её союзниками, нижегородцами, возникла напряженность. В 1371 году ордынцы напали нижегородские волости за Пьяной и побили охранявшую их заставу. Как мы помним, рядом находились земли Бориса Константиновича. Чтобы защитить свои владения от подобных нападений в будущем князь Борис в 1372 году поставил на месте впадения речки Курмышки в Суру крепость Курмыш.

В том же году (1372) Дмитрий Константинович повелел защитить Нижний Новгород каменной стеной. Этому решению способствовало очередное нападение ушкуйников (1371). Археологи обнаружили следы этого строительства. Новый белокаменный кремль должен был опоясать западную часть кремлевского холма и заменить деревянные укрепления стоявшие здесь ранее.

Между тем в 1374 году Мамай и его новый ставленник Мухаммад-Буляк были изгнаны из Сарая. После этого Дмитрий Московский и Дмитрий Нижегородский решились на окончательный разрыв с Мамаем. Чтобы согласовать дальнейшие действия с тестем, Дмитрий Московский пригласил Дмитрия Константиновича в Переяславль, на крестины внука Юрия.

Пока Дмитрия Константиновича не было в Нижнем, к городу подъехал посол Мамаю, Сарайка с многочисленной свитой и охраной (около тысячи человек). В Нижнем Новгороде его встретил княжеский сын, Василий Кирдяпа. Он задержал ордынцев до приезда отца. Однако Дмитрий Константинович не спешил возвращаться. В это время у Москвы назревал новый острый конфликт с Тверским княжеством и Литвой. Поэтому, следовало как можно дольше удерживать Сарайку в Нижнем Новгороде. Это было необходимо, чтобы отдалить открытый разрыв с Мамаем и не позволить ему согласовать свои действия с Тверью и литовцами. В итоге умелых действий Василия Кирдяпы посольство Мамаю было вынуждено перезимовать в Нижнем. Но дальше тянуть время было уже невозможно. 31 марта 1375 года Василий попытался взять ордынцев под стражу. Татары, однако, схватились за оружие. Завязалась кровавая схватка. Судя по отголоскам дошедших до нас преданий, Сарайка попытался бежать и бросился в ров с водой, где и погиб. С его именем легенды связывали название пруда «Сарка», который был отводом ото рва и существовал на территории Кремля до середины XIX века.

Разгневанный убийством своего посла, Мамай отправил свою конницу на нижегородские земли. Удар обрушился на заставы и поселения за Пьяной. Была сожжена Кишь, где погиб боярин Парфён Фёдорович. Тогда же Мамай отдал ярлык на великое владимирское княжение тверскому князю Михаилу, которого поддержала и Литва. В этот решительный момент нижегородский князь и его московский зять проявили твердость духа. Они не подчинились Мамаю и его ставленнику Михаилу Тверскому и начали против них вооруженную борьбу. Московские и нижегородские полки двинулись на Тверь. В походе участвовали Дмитрий Константинович и Борис Городецкий. Тверскому князю пришлось признать своё поражение. Однако пока нижегородские рати находились вдали от родных мест, на оставшийся без защиты Нижний Новгород опять обрушились ушкуйники. Они не

только ограбили нижегородцев, но и сожгли город, т.е. нижегородскую крепость (1375).

Вступив в открытую войну с Мамаем, московские и нижегородские князья, естественно, перестали посылать ему дань. Видимо, она отправлялась в Сарай, где с 1375 года правил хан Араб-шах. А вот соседи нижегородцев, болгары, по-прежнему признавали власть Мамаю. Тогда, как полагают историки, сарайский хан повелел Дмитрию Ивановичу Московскому привести Булгарию к покорности. Тот исполнил это поручение. Он отправил против болгар рать во главе с одним из лучших своих воевод, бывшим нижегородским тысяцким Дмитрием (Боброком) Вольтским. В помощь ему Дмитрий Константинович снарядил нижегородское войско, которое повел его сын Василий Кирдяпа. Поход закончился успехом москвичей и нижегородцев. Как сообщает летописец, в болгарских землях были оставлены «дарага» (старший над сбором дани) и таможенник (сборщик торговых пошлин) великого князя Московского. Таким образом, дань с болгарских земель должна была сначала отправляться в Москву, а уже оттуда в Сарай.

Но в 1377 году Араб-шах был изгнан из столицы Золотой Орды новым претендентом на престол – Урус-ханом. Араб-шаху (русские летописи называют его Арапшей) пришлось бежать на правый берег Волги. Вероятно, Арапша надеялся, что здесь он по-прежнему будет получать дань с русских земель. Но Дмитрий Московский и Дмитрий Константинович Нижегородский не собирались подчиняться хану-изгнаннику. Они собрали большое войско, которое встало в ожидании врага на дороге из Орды на Муром, которая шла через юг современной Нижегородской области. Однако про Арапшу не было никаких известий, и Дмитрий Иванович вернулся в Москву. Но, на случай внезапного появления врага, он оставил Дмитрию Константиновичу приведенные с собой рати. Они вместе с нижегородцами встали за рекой Пьяной, прикрывая и дорогу на Муром (и далее на Москву), и путь к перевозу через Пьяну, а оттуда на Нижний. Войско возглавили сыновья нижегородского князя – Иван (по прозвищу «Брюхатый») и Семен.

Вскоре русские узнали, что Арапша находится очень далеко. (Возможно, он отправился на поиски Мамаю, без победы над которым не мог стать хозяином правобережья Волги).

Сам Мамай внимательно следил за действиями своих противников. От лазутчиков он узнал, что русские на Пьяне ведут себя очень неосто-

рожно. Стоял жаркий август, и они сложили тяжелые воинские доспехи на телеги, а сами предались охоте и допьяна пили хмельной мед. Беспечность и пьянство привели к страшным последствиям. 2 августа 1377 года скрытно подошедшие отряды Мамаю неожиданно ударили по русскому войску. Оно было полностью разгромлено. Князь Иван Дмитриевич погиб. Далее ордынцы ринулись на Нижний Новгород.

Между тем город был совершенно не готов к обороне. Видимо крепость, уничтоженная ушкунниками в 1375 году, ещё не была восстановлена. Поэтому Дмитрий Константинович спешно отправился в Суздаль за подмогой. Горожане, кто мог, покинули город. Они погрузились на суда и искали спасение за Волгой, в Городец. Тех, кто остался в Нижнем Новгороде, ждала страшная участь. 5 августа 1377 года к городу прискакала конница Мамаю. Началась расправа. Город был сожжен. Разорению подверглись и близлежащие села.

Менее чем через год, в мае 1378 года, Нижний Новгород вновь подвергся нападению отрядов мстительного Мамаю. Дмитрий Константинович не ждал набега. Он уехал на именины к брату Борису в Городец. Горожане, спасая свои жизни, устремились за Волгу. Дмитрий Константинович, узнав о нашествии, спешно вернулся в Нижний. Он предлагал ордынцам выкуп за город. Однако те отказались и 15 мая 1378 года сожгли Нижний Новгород. Затем они опустошили Березовое Поле и весь Нижегородский уезд.

Разгромы 1377 и 1378 годов сильно ослабили Нижний Новгород. Князь Дмитрий Константинович был вынужден на время уехать из своей разоренной столицы сначала в Городец, а потом в Суздаль. Оттуда он отправил для участия в решающем сражении с Мамаем, Куликовской битве, своих бояр. Многие из них сложили головы на Куликовом поле. Как известно, особую роль в этом сражении сыграл бывший нижегородский тысяцкий – Дмитрий Михайлович Боброк-Вольтский.

Побежденный в Куликовской битве Мамай бежал. Окончательно его разгромил Тохтамыш, новый хан, правивший в Сарае. Мамай был общим врагом и его, и русских. Поэтому поначалу между Тохтамышем и русскими князьями произошел дружеский обмен послами. Однако целью Тохтамыша было объединить под своим началом все земли распавшейся Золотой Орды. Для этого ему требовалось вновь подчинить русских князей и побудить их выплачивать дань. С этой целью в 1381 году он отправил на Русь посла Ак-ходжу с отрядом

в 700 человек. Ак-ходжа прибыл в Нижний Новгород, но в Москву ехать не дерзнул. Дело в том, что Дмитрий Донской, окрыленный победой на Куликовом поле, вел себя независимо и не желал покоряться Тохтамышу. Разгневанный хан Золотой Орды отправился в 1382 году на Москву войной.

Угроза нового разгрома нависла и над Нижним Новгородом. К тому же Дмитрий Константинович Нижегородский не мог не опасаться за судьбу своей дочери Евдокии, жены Дмитрия Донского. Дмитрий Константинович спешно направил к Тохтамышу своих сыновей Василия и Семена, чтобы предотвратить самый страшный исход. Вместе с татарским войском они подошли к Москве.

Дмитрия Донского и его жены в столице, однако, не оказалось. Но москвичи отказались открыть ворота золотоордынскому хану. Три дня его войска безуспешно штурмовали город. На четвертый день Тохтамыш повелел объявить защитникам Москвы, что имеет гнев только на Дмитрия Донского, а самих жителей не тронет, если они откроют ворота и встретят его с почестями и дарами. Василий и Семен поверили его обещанию, и стали убеждать москвичей в правдивости слов хана. Однако когда жители города отворили ворота и вышли, ордынцы среди которых было много жаждавших мести воинов Мамай, принялись рубить москвичей. Город подвергся жестокому разорению.

На обратном пути от Москвы Тохтамыш отпустил Семена, а Василия забрал с собой в Орду, в качестве заложника. Своего отца Василий Кирдяпа больше не увидел. Дмитрий Константинович, перенесший в последние годы своей жизни ряд тяжелых потрясений, 5 июля 1383 года скончался.

Теперь великое княжение Нижегородско-Суздальское должно было перейти к следующему по старшинству в роду князю – Борису Константиновичу Городецкому. Он, будучи в Орде и получил ярлык от хана Тохтамыша (1383). Городец также остался за ним. В Суздале княжил племянник Бориса, Семен Дмитриевич.

В начале своего правления князь Борис пожаловал Печерскому монастырю на помин души своего брата Андрея Константиновича села Кадницы (в современном Кстовском районе) и Новое (возможно это нынешняя деревня Новая за станцией переливания крови в Нижегородском районе Нижнего Новгорода).

С именем Бориса связаны названия ещё двух сел. Это Ближнее Борисово (Кстовский район) и Борисово-Покровское (Дальнекон-

стантиновский район). Ещё одно село в Кстовском районе, Румянцево, было, вероятно, основано боярином Бориса Константиновича, Василием Румянцем.

Мирное правление Бориса прервалось с возвращением из Орды его племянника Василия Дмитриевича Кирдяпы. Он томился в неволе пять лет. В 1386 году ему удалось бежать. Увы, на пути к родным местам Василию встретился возвращавшийся из русских земель татарский посол, который вернул князя обратно к хану. Тохтамыш был сердит, но через год сменил гнев на милость и отпустил Василия Кирдяпу домой. Да не с пустыми руками, а с ярлыком на Городецкий удел (1387).

Но Городца Василию было мало. Он мечтал о Нижнем Новгороде. Вместе с братом Семеном, княжившим в Суздале и заручившись помощью Дмитрия Донского, Василий в марте 1388 года осадил Нижний Новгород. На девятый день осады Борис запросил мира. Он согласился оставить Нижний Новгород племяннику, а самому довольствоваться Городцом. Но, как только Дмитрий Донской скончался (1389), Борис отправился в Орду к Тохтамышу, ища управу на племянников.

Хана, однако, в столице не было. Он ушёл в поход против своего прежнего покровителя, а теперь врага – Тамерлана (Тимура). Борису пришлось отправиться на поиски Тохтамыша, которого он догнал на пути в Среднюю Азию. Хан велел Борису Константиновичу вернуться в Сарай и ждать там его возвращения. И только в 1391 году Тохтамыш отпустил Бориса с ярлыком на Нижегородское княжение.

Вскоре Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение от Тимура. Тут же против Тохтамыша поднял мятеж царевич Бек-булат, захвативший всё ханское имущество. Лишь в 1392 году Тохтамышу удалось вернуть свой трон.

Как нельзя кстати для Тохтамыша, в том же году в Орду прибыл великий князь Владимирский и Московский Василий I с богатыми дарами. Он уговорил Тохтамыша передать Нижний Новгород ему (1392). Тохтамыш, продолжавший войну с Бек-булатом и сильно нуждавшийся в деньгах, согласился. Таким Нижний Новгород, когда-то отнятый у Симеона Гордого ханом Узбеком, теперь вновь должен был вернуться к московским князьям.

Окрыленный радостью Василий I осенью 1392 года возвратился в Москву, отправив в Нижний Новгород своих бояр и приехавшего с ним татарского посла. В этот тяжкий для Бориса час нижегородские

бояре оставили своего князя. Старший из них Василий Румянец сказал в присутствии татарских послов Борису Константиновичу: «Не надейся на нас, отныне мы не твои, мы не с тобой, мы против тебя».

6 ноября 1392 года в свое новое владение прибыл Василий I. Он оставался в Нижнем Новгороде до Рождества, а, уехав, оставил своего наместника.

Так Нижний Новгород оказался под властью великого князя Московского. Это был важный шаг на пути собирания русских земель вокруг Москвы и создания единого Российского государства. Усобицы между князьями несли горе простым людям, делали русские земли уязвимыми со стороны внешних врагов. В едином же государстве было легче обеспечить справедливое правосудие, порядок и безопасность.

Д. А. Антонов

КРЕМЛЬ – НИЖЕГОРОДСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Нижегородский кремль является одним из самых известных памятников русского средневекового оборонного зодчества. Его часто сравнивают с каменным ожерельем, наброшенным на один из холмов Дятловых гор. Эта крепость величественно возвышается на правом берегу р. Волги в месте её слияния с Окой. В её архитектуре великолепно сочетаются красота и строгая целесообразность.

Строительство Нижегородского кремля было частью больших мероприятий по укреплению границ Русского государства. Постоянная угроза нападений многочисленных врагов подтолкнула московское правительство начать с конца XV века организацию обороны русских земель. Наряду с Москвой, Новгородом, Тулой было решено укрепить и Нижний Новгород, ставший опорным пунктом обороны на востоке против Казанского ханства и базой для освоения земель вниз по Волге.

Точная дата начала строительства нижегородской каменной крепости не известна. У историков есть разные мнения на этот счет, поскольку данные источников противоречивы.

Большинство летописей сообщает о начале строительства Нижегородского кремля в связи с прибытием в Нижний Новгород зодчего-

итальянца Петра Фрязина. Одно из таких летописных сообщений говорит о том, что осенью 1509 года была «заложена стена Дмитровской башни», а весной следующего года «прислал князь великий Василий Иванович боярина своего Петра Фрязина, повеле ему ров копати в Нове граде Нижнем, куда быти городской стене и обложи на семи верстах».

А вот Соликамский летописец, дошедший до нас в редакции XVIII века, сообщает, что в 1500 году «заложил Сентября 1 дня в Нижнем Новгороде Тверскую башню. Того ж году бысть явление на небеси: звезда хвостоватая, которая была видима 33 дня». Отметим, что эту «хвостатую звезду» (комету) наблюдали очевидцы от Китая до Западной Европы с мая по июль 1500 года.

В настоящее время башни с названием «Тверская» в Нижегородском кремле нет (есть версия о том, что так могла называться Ивановская башня или Кладовая). По этой причине ряд историков считает, что речь в Соликамском летописце идёт о крепостных работах в Новгороде Великом. Возможно, что именно нападение на город в 1505 года казанского хана Мухаммед-Эмина и заставило московское правительство начать срочное строительство Нижегородского кремля для защиты города.

Есть версия, которая объединяет все разнообразные сведения летописей в одну картину. В соответствии с ней, строительство было начато в 1500 году, во время правления Ивана III, неизвестным зодчим и продолжено только с прибытием в город Петра Фрязина в 1508–1512 годах.

В строительстве кремля был использован опыт русских зодчих по возведению каменных крепостей, и опыт европейских, итальянских теоретиков и строителей. Мастерство исполнения и смелость архитектурного и военно-оборонительного замысла выделяет Нижегородский кремль в ряду других замечательных крепостных комплексов конца XV – начала XVI века. При выборе места строительства кремля были наилучшим образом использованы естественные природные условия. Крепость была построена на возвышенности, защищённой излучиной рек, оврагами и крутыми откосами Дятловых гор.

Кремль строился по заранее подготовленному общему плану строительства, т. к. исследования показали, что стены крепости возводились одновременно по всему периметру, а башни были единообразными по планировке и внутреннему устройству. Кремлёвские стены

*Подвиг Феди Литвича при осаде ногайцами Нижнего Новгорода
(художник Г. Мальцев. 1913. Открытка В. Бреева, коллекция Л. Г. Тельнова)*

и башни строились из естественного камня и кирпича на известковом растворе. Стены стояли на сплошных фундаментах из бутовой кладки. Кладка фундамента непосредственно переходит в кладку стены. Сами стены внутри сложены из «белого» камня, а снаружи выложены кирпичной облицовкой. Химический анализ кирпичей, взятых из древней кладки нижней части стены пристройки к Ивановской башне, показал, что кирпичи были выработаны из глины нагорной части Нижнего Новгорода, добытой, по-видимому, в непосредственной близости от кремля.

Линия обороны крепости включала целую систему препятствий для осаждающих и укрытий для защитников крепости. Основой её служили стены и ров. Ров был шириной 25–30 м. Глубина рва составляла 2,5–4 м.

Первоначально оборонительная система кремля включала 13 башен. По форме они делятся на 8 круглых и 5 квадратных. Круглые башни были поставлены над крутыми откосами или для разделения слишком протяжённых участков оборонительной линии стен. Ква-

дратные башни имели ворота, были более крупными и служили для усиления обороны, для организации вылазок и активного противодействия вражеской артиллерии и другим осадным устройствам в случае их опасного приближения к стенам крепости. Только ворота Ивановской и Дмитриевской башен использовались для каждодневного входа и въезда в кремль. Все воротные башни кремля одинаковы по устройству. Все они имеют нишу в плоскости наружной стены, куда утапливалось полотнище подъёмного моста, и глубокие щели с обеих сторон воротного проезда – для рычагов подъёмного механизма. Толщина стен башен различная – 3,3–3,5 или 4 и 4,6 м.

Перечислим башни по часовой стрелке, начиная от Дмитровской: Дмитровская, Кладовая, Никольская, Коромылова, Тайницкая, Северная, Часовая, Ивановская, Белая, Зачатьевская (в настоящее время не существует), Борисоглебская, Георгиевская, Пороховая.

Башни получили свои названия, как правило, по стоявшим близ них церквям, как, например Георгиевская, которая высится на бровке волжского берега, Борисоглебская, Ивановская, Никольская, Дмитровская. Белая башня сохранила белокаменную облицовку. На Часовой башне были городские часы.

С названиями башен связано много легенд. К примеру, существует объяснение необычного названия Коромысловой башни. В предании рассказывается о том, что, приступая к её строительству, мастера по обычаю схватили первого человека, появившегося на рассвете около места её закладки, и замуровали в фундамент башни. Жертвой оказалась девушка, спускавшаяся с вёдрами на коромысле за водой к Почайне. Такие рассказы существуют о многих древних постройках в разных странах. Другая версия объясняет название Коромыслова следующим образом. Однажды вражеское войско ночью подступило к кремлю. Не зная об этом, одна из нижегородских девушек вышла за водой к речке, где на неё напали враги. Девушка стала обороняться от врагов коромыслом и повергла в страх врагов, рассудивших, что если такую силу и храбрость имеет простая девушка, то насколько сильнее и мужественнее войны в этом городе. Враги испугались и отступили от города, а башня, около которой погибла девушка, получила название Коромысловой.

Оборона кремля делилась на два участка – верхний и нижний. В каждом из них был свой главный узел обороны – башни, снабжённые дополнительными укреплениями. В верхней части это была

Дмитровская башня, а внизу у реки Ивановская. Дмитриевская башня дополнительно защищалась «отводной башней» – пятиугольной стрельницей, окружённой своим рвом шириной 14 м. Дмитриевская башня соединялась с «отводной» арочным каменным мостом длиной 23 м, построенным через ров.

Каждая из башен имела 4 яруса-боя, в трех из них были казематы, где могли устанавливаться малокалиберные пищали: нижний, или «подошвенный», и два яруса среднего боя. Верхним боем называлась завершавшая башню площадка с большими боевыми окнами между зубцами и малыми – бойницами в зубцах. Амбразуры подошвенного боя выходят на уровень земли, на высоте 30–40 см от дна рва, что было важно при ведении настильного огня «для очищения рва», как тогда говорили. Из фронтальных бойниц простреливалось пространство перед самой башней. Характерной особенностью Нижегородского кремля является оборудование почти всех казематов и боевых печур в башнях вентиляционными каналами для отвода дыма и пороховых газов, образующихся при стрельбе. Боевые окна обрамлялись белокаменными блоками. Скосы стенок бойниц должны были защищать от рикошета вражеских пуль.

Высота стен кремля – 9–10 м. Фронт стен защищался огнём из пищалей, сосредоточенных на боевом ходу. В нижней и средней зонах стен бойниц не было. С наружной стороны боевого хода поднимается бруствер на высоту 88–90 см. На бруствере возвышались зубцы высотой до 230 см и шириной 185–210 см. Таким образом, общая высота зубцов составляла 310 см, что защищало стоявших за ними бойцов. В зубцах были сделаны узкие бойницы шириной 11–14 см – малые боевые окна для стрельбы из ручных пищалей или луков и самострелов. Треугольные ниши малых боевых окон были устроены в каждом пятом зубце, на расстоянии 12 м друг от друга. Угол обстрела из боевых окон позволял при взаимодействии двух-трёх стрелков простреливать каждый участок земли на расстоянии от 24 до 36 м от стены. Под большими и малыми боевыми окнами всегда устраивалась горизонтальная пощадка для удобного размещения воинов. На боковых гранях зубцов имеются специальные гнёзда и пазы для задвигания коротких бревен, которые держали особые щиты – «заборолы», закрывающие большие боевые окна. «Заборолы» мешали противнику следить за передвижением и количеством бойцов на том или ином участке стены, прикрывали их от случайного обстрела, а также защищали саму стену, её боевой ход от дождя и снега.

Особенностью Нижегородского кремля является полное отсутствие так называемого навесного, или «косого», боя – бойниц, приспособленных для поражения противника, находящегося у подошвы стены. Такие бойницы устраивались в выступающих наружу частях парапета и зубцов.

Данные о вооружении кремля XVI в. весьма скудные. Только из описей XVII века мы можем составить определённую картину боевой мощи крепостной артиллерии. Основу обороны составляли малокалиберные орудия «волкоinei». Самыми крупными были две «пищали казанские» (пищаль – старинное русское название всех ранних образцов огнестрельного оружия). Все орудия крепости размещались в девяти узлах обороны в башнях и у ворот. Самым мощным из них являлась Дмитриевская башня с воротами, служившая центральным узлом обороны нагорного участка кремля. Следующим по мощи узлом обороны была Никольская башня. Третьим усиленным местом обороны была Ивановская башня с воротами, служившая центральным узлом обороны подгорной части кремля, прикрывая огнём волжский берег и территорию торгового квартала. К орудиям в городе хранился богатый запас ядер. Наряду с обычными чугунными ядрами имелись железные со свинцовым покрытием – «свичатые ядра», обладавшие лучшими баллистическими качествами, чем обычные. В качестве боевых снарядов использовались и каменные, железные, медные ядра и «дробь» – рубленные куски металла. Крупные пищали устанавливали в любой печуре нижнего и среднего боёв кремля. Печура – помещения в крепостях безопасные от огня тяжёлой артиллерии, из которых можно было вести обстрел противника. В Нижегородском кремле печуры представляли собой глубокие ниши в стенах, перекрытые коническими сводами. Каждая печура имела бойницу с широким подоконником, на который устанавливалась пищаль. Узкие щели малых боевых окон в башнях и на стенах допускали, кроме использования ручного огнестрельного оружия, действие «затинных» (ручных) пищалей и пищалей «малого наряда», на которые и была в основном рассчитана оборона Нижегородского кремля. Пищали более крупных калибров могли находиться в башнях только на площадке верхнего боя и стрелять через большие боевые окна между зубцами или же их устанавливали на особых площадках – «обрубках». Все основные огнестрельные средства были сосредоточены на той стороне кремля, где наиболее возможно было нападение неприятеля. Прясла стен, усиленные естественными препятствиями,

Ивановская и Часовая башни

практически не нуждались в них, хотя и имели боевые печуры. Устройство сооружений кремля предусматривало значительно большие возможности применения огнестрельного оружия. С «напольной» стороны башни были рассчитаны на косоприцельную стрельбу (фланкирование) вдоль прилегающих участков крепостных стен. Участки стен между башнями (так называемые «прясла») были прямолинейными для наибольшей эффективности фланкирующего обстрела.

Нижегородский кремль после окончания своего строительства надёжно защищал город в течение XVI–XVII века, несколько раз отразив нападения неприятеля. В начале XVIII века оборонное значение Нижегородского кремля было окончательно потеряно, и он был исключен из списка крепостей Российской империи. Постепенно территория кремля и сама крепость стали приходить в запустение. Во время ремонта 1785–1790 годов были разобраны отводная стрельница у Дмитровской башни, засыпан ров, окружавший напольную часть кремля, разобрано деревянное покрытие стен, заложены проезды в Георгиевской и Никольской башнях, разобраны Зачатьевская и Борисоглебская башни. Постепенно кремль разрушался, не смотря на ремонты и подновления. Его реставрация была проведена только в 50-х годах XX века талантливым архитектором С. А. Агафоновым.

М. В. Карташова, Ф. А. Селезнев

ПОДВИГ МИНИНА

Кузьма Минин – это гордость нижегородцев. В Нижнем Новгороде есть улица Минина. Имеется площадь Минина и Пожарского – главная в городе. На ней красуются памятник Минину, а чуть поодаль его бюст. На недавно созданной площади Народного единства установлена копия знаменитого памятника Мартоса Минину и Пожарскому, находящегося на Красной площади в Москве. Ещё один памятник Минину стоит в Балахне.

Чем знаменит Минин, наверное, скажет не только каждый нижегородец, но и всякий житель России. Всем известно, что народное ополчение, созданное Кузьмой Мининым в Нижнем Новгороде, освободило в 1612 году Москву от поляков и тем избавило русскую землю от порабощения.

Однако о происхождении Минина нам известно до обидного мало. У ученых по этому поводу до сих пор имеются разногласия.

В настоящее время существуют две точки зрения по этому вопросу. Первая версия: Кузьма Минин родился в Нижнем Новгороде. Она основана на том, что во всех известных документальных свидетельствах он называется нижегородским земским старостой. Так в «Повести достоверной о победах Московского государства» (это одно из самых ранних литературных произведений о Смуте) написано следующее: «Был же в 1612 году в Нижнем Новгороде некий муж добродетельный и очень рассудительный, по имени Козьма Минин, посадскими людьми выбранный земским старостой в Нижнем Новгороде». Однако нигде нет упоминаний, о месте его рождения, о его предках, и вообще отсутствуют сведения о его жизни до 1611 г., когда он призвал нижегородцев собирать ополчение.

Вторая версия: Минин родом в Балахне. Первое упоминание предания о балахнинском происхождении Кузьмы Минина содержится

Ивановская и Часовая башни

Памятник Д. Пожарскому.
Скульптор П. Гусев. 1998

у писателя XIX века Мельникова-Печерского. Он писал: «В Балахне утверждают, что Козьма Минин был Балахонец и что потомки его родственников до сих пор существуют в этом городе, как фамилии Мининых. Об этом несколько раз говорили и печатно. Но все это несправедливо». Следовательно, сам Мельников-Печерский «балахнинскую версию» не принимал. Однако в XX веке нижегородский историк И. А. Кирьянов на основе анализа косвенных данных источников предположил, что отцом Кузьмы Минина был богатый балахнинский солепромышленник Мина Анкудинов. Большинство историков гипотезу Кирьянова поддержало, и она даже вошла в школьные учебники.

Так или иначе, но в 1611 году Кузьма Минин жил в Нижнем Новгороде и торговал мясом.

Был ли он удачливым предпринимателем? Трудно сказать. Время тогда было суровое, не благоприятное для купцов и промышленников. Одно слово – «Смута». Один за другим следовали природные катаклизмы, погодные аномалии, неурожай, голод. Вспыхнула гражданская война. Южные пограничные окраины сначала поддержали мнимого «царевича Дмитрия», потом его «воеводу» Болотникова, затем Лжедмитрия II («Тушинского вора»). Нижний Новгород к мятежникам не присоединялся, стойко выдержав натиск и болотниковцев, и «тушинцев». А вот в Москве начались разброд и шатание. Изменники-бояре свергли царя Василия Шуйского, впустили в столицу польские войска и пригласили на русский престол польского королевича Владислава.

Поляки разоряли русские земли, глумились над святынями. И здесь своё веское слово сказал глава Православной церкви патриарх Гермоген. Он призвал народ к сопротивлению. И люди услышали слово пастыря. В Рязани в 1611 году было создано народное ополчение, которое попыталось освободить Москву от захватчиков. Но сделать это оказалось не так-то просто. Враг был силен и опытен. Сходу освобо-

дить столицу не удалось. А потом среди ополченцев начались распри, которые и погубили общее дело.

Церковь между тем продолжала бить в набат. По стране продолжали расходиться грамоты патриарха Гермогена. 25 августа 1611 года такая грамота была получена и в Нижнем Новгороде.

Это был канун нового года, который тогда начинался с 1 сентября. Обычно в названное время происходили выборы должностных лиц городского самоуправления, которые избирались на год. Среди них особое место занимал земский староста. Указанная должность являлась самой важной. Земский староста осуществлял раскладку между плательщиками тягла – совокупности платежей и повинностей в пользу государства. Иначе говоря, он определял, сколько каждый обязан внести в казну. При этом справедливым считалось, что богатый должен дать больше бедного.

Даже трудно представить, сколько злоупотреблений мог совершить нечестный человек, попавший на эту должность! Поэтому посадские люди всегда были очень внимательны при выборах земского старосты. Ошибка могла дорого обойтись каждому избирателю. Ведь в случае недостачи или хищения расплачиваться пришлось бы всей посадской общине. Следовательно, на должность земского старосты требовалось выдвинуть человека честного и совестливого. Таким и был Кузьма Минин.

А ещё он был человеком неравнодушным. Потому что только неравнодушному человеку мог присниться сон, который в сентябре 1611 года увидел герой нашего повествования. Во сне к Кузьме Минину явился преподобный Сергей Радонежский, тот самый подвижник, который в своё время благословил Дмитрия Донского в канун Куликовской битвы. Сергей повелел Кузьме «собирать казну и ею воинских людей наделять», чтобы идти на очищение Москвы.

Читатель может спросить, откуда автору известно о снах Кузьмы Минина, не выдумка ли это? Заранее поясним: Впоследствии (август 1612 года) Минин сам сообщил свой сон архимандриту Троице-Сергиевой лавры Дионисию, а тот передал рассказ Минина своему келейнику, Симону Азарьину. Ну а Азарьин изложил эту историю в «Книге о чудесах преподобного Сергия».

День памяти Сергия Радонежского 25 сентября по церковному календарю или 8 октября по новому стилю. Возможно в этот день Кузьма Минин, будучи человеком набожным размышлял об этом любимом на Руси Божьем угоднике, вот он и явился ему во сне.

Как повествует Симон Азарьин, Минин проснулся «во многом страхе» и «помышлял, что не его дело воинским устройением заниматься». Но Сергей снился ему ещё дважды. И вот тогда Кузьма обратился к нижегородцам со своим знаменитым призывом.

Речи Минина перед посадскими людьми с призывом собрать средства для спасения Московского государства произносились в Земской избе. А она располагалась рядом с храмом Иоанна Предтечи (примерно там, где сейчас площадь Народного единства).

Вскоре преподобный Сергей подал Кузьме Минину ещё один знак. В начале октября 1611 года из основанной им обители, Троице-Сергиева монастыря в Нижний Новгород пришла грамота с призывом помочь князю Трубецкому (возглавлявшему остатки первого ополчения) в борьбе с поляками.

Эта грамота сыграла очень важную роль в истории Нижегородского ополчения. Она стала тем зерном, которое упало в уже подготовленную Мининым почву. После её получения к движению примкнули духовенство и нижегородские верхи – дворяне и дети боярские. Состоялся

Памятник гражданину Минину и князю Пожарскому по модели И. Мартоса изготовлен в мастерской З. Церетели. Открытие ансамбля площади Народного единения (авторы А. Гельфонд, Ю. Карцев, А. Копылов, М. Дуцев) состоялось в ноябре 2005 г.

совет на воеводском дворе, приведший к приглашению князя Пожарского.

Выбор князя руководителем ополчения был не случайным. За все предшествующие годы Смуты Пожарский ни разу не был замечен в изменах законным царям. Нижегородцы послали к нему посольство во главе с архимандритом Феодосием. Пожарский пожелал, чтобы именно Минин был избран человеком ответственным за сбор казны для нового ополчения. Это было очень ответственное и важное дело.

В наше время нередко ошибочно полагают, что в состав ополчения набирались все желающие, в том числе ремесленники и крестьяне. Однако могло ли быть так на самом деле? На данный вопрос следует ответить отрицательно. В начале XVII века ратный труд был уделом профессионалов. Уж очень сложно было обращаться тогда как с холодным, так и с огнестрельным оружием. Для овладения приемами боя требовались годы упорных занятий. Поэтому, прежде всего, требовалось найти опытных в военной службе людей. И, конечно, необходимо было их снаряжать в бой, обеспечить конями, доспехами и достойным вооружением. А оружие тогда тоже было штучным и дорогим товаром.

Решение всех этих задач легло на плечи Минина. И справился он с ними блестяще. Он стал правой рукой князя Пожарского и организатором победы.

6 января 1612 года по приглашению Минина в Нижний Новгород прибыли из Арзамаса с семьями и со всем скарбом Смоленские дворяне – около двух тысяч ратников. (Смоленск в это время был захвачен поляками). Кузьма Минин устроил им торжественную встречу. Нижегородское духовенство и горожане приветствовали доблестных воинов из Смоленска. Лично Минин «много доброприветных к ним словес изрече».

Каждый из смолян по распоряжению Минина получил по 15 рублей. Затем Минин разделил смоленских воинов, согласно их «дворянской чести», на три статьи. Отнесенные к первой статье получили 30 рублей, средней статье – 20 рублей, меньшей статье – 15 рублей. По тем времена это были огромные деньги. На них можно было купить коня, оружие, доспехи, дом и землю. Насколько велики были эти оклады видно из того, что сам князь Пожарский в 1604 году удостоился всего двадцати рублей денежного жалования.

Основу первоначальной казны Ополчения составили пожертвования нижегородцев. Пример подал сам Минин. Он первым разделил

*Выход
нижегородского
ополчения на защиту
Москвы из
Нижегородского
кремля (художник
П. Краснов, 1913.
Открытка В. Брева,
коллекция
Л. Г. Тельнова)*

свое имущество на три части, и две трети пожертвовал на общее дело. Потом также поступили и многие другие горожане. Конечно, кто-то скупился, не хотел отдавать так много. По отношению к ним, Кузьма действовал принудительно.

Когда в феврале 1612 года Пожарский повел Ополчение на освобождение Москвы, Минин пошёл вместе с ним. Он заведовал всеми денежными и хозяйственными делами Ополчения. Минин и Пожарский вместе принимали важнейшие решения общегосударственного характера. А однажды Минин вмешался в ход военных действий и принёс Ополчению решающую победу.

Это случилось 24 августа 1612 года. Ополченцы третий день не давали прорваться в Московский кремль польскому гетману Ходкевичу.

Наступил вечер 24 августа. Пожарский был ранен и решил закончить на сегодня военные действия. Дмитрий Михайлович видел, что и остальные воины измотаны многочасовым боем и еле стоят на ногах. Неугомонный Минин, однако, думал, что нужно организовать вечернюю атаку на врага.

Князь удивленно вскинул брови. Дмитрий Михайлович успел полюбить за этот многотрудный год Минина. Они жили душа в душу, даром, что князь и мужик. Пожарский уважал мнение Минина и всегда советовался с ним по всем важным вопросам – даже о назначении воевод. Но непосредственное управление войсками, естественно, находилось в исключительном заведовании Пожарского. «Я никуда не пойду, Кузьма!» – в сердцах вскричал князь: «Хочешь, сам веди рать». Сказал в насмешку. Ну, какой

из бывшего мясника полководец? А тот принял предложение за чистую монету. Сказал: «Дай, тогда мне людей!» «Бери, кого хочешь», – уже не на шутку осерчал князь. «Добро!» – ответил Минин. Он не сомневался, что с ним пойдут и в огонь и в воду. Каждый боец у него катался как сыр в масле. Ратники души не чаяли в Минине. Тут же с Кузьмой вызвались идти три дворянских сотни. Сам Кузьма тоже нацепил саблю и залез на коня.

В сумерках перешли Москву-реку. У берега стояла литовская рота из конных и пеших воинов. Минин направил свой отряд прямо на неё. Враги увидели мчащихся из вечерней мглы русских конников и, не вступая в бой, обратились в бегство. Они устремились к лагерю Ходкевича. Там началась паника. Тут с другой стороны подоспел большой казачий отряд. Разгром поляков был полный. Враги бросили обоз и побежали. Понесся огромный потери, Ходкевич отошёл на Воробьевы горы, а 28 августа увел остатки своей армии в Литву.

После изгнания польских захватчиков заслуги Кузьмы Минина были оценены новым царем Михаилом Фёдоровичем Романовым по достоинству. Нижегородский торговец мясом получил чин думного дворянина. Это был уникальный случай. Обычно верхом карьеры купца было звание гостя. Царь же ввел простолюдина из Нижнего Новгорода на самый верх системы управления.

Кузьма Минин доверие оправдал, умело выполняя всякие сложные поручения. Например, по сбору чрезвычайного налога – «пятой деньги».

За свою верную службу Минин получил в вотчину земли, расположенные недалеко от Нижнего Новгорода: село Богородское с деревнями и двор на территории Нижегородского кремля.

После его смерти, последовавшей весной 1616 года, его вдова Татьяна Семеновна и сын Нефед получили право на владение его вотчиной. В это время Нефед жил в Москве, служил при дворе в чине стряпчего (чиновник для поручений). Умер Нефед Минин в 1632 году, не оставив детей. Дольше всех прожила вдова Кузьмы Минина – Татьяна Семеновна. В конце жизни она постриглась в монахини под именем Таисии, передав свое имущество церкви. Умерла она в 1640 году в Нижегородском Воскресенском монастыре. Так пресекся род великого нижегородца, чей личный успех стал успехом всей страны.

ДВА ВЕКА БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН (XVII–XVIII века)

Л. Ю. Варенцова

НИЖЕГОРОДСКИЕ МАСТЕРА XVII века

XVII век стал для Нижегородского Поволжья временем бурного торгово-промышленного и культурного развития, временем освоения обширных районов по обоим берегам Оки, Волги и впадающих в них рек-притоков. В городах, посадах и селах Нижегородского края в XVII веке появились многочисленные рудознатцы и кузнецы, плотники-корабелы и иконописцы, каменщики и зодчие. Их сметка, природная одаренность и мастерство получили признание всей страны.

В Русском музее Санкт-Петербурга и в Третьяковской галерее Москвы как особо художественно ценные произведения древнерусской живописи хранятся работы изографа Никиты Павловца, родом из Павлова на Оке. Добрый след на земле оставил этот изограф Оружейной палаты Московского кремля. В муках и сомнениях рождалось его прозрение. Чутким сердцем постигалось высокое мастерство. Осторожно, шаг за шагом, преодолевая многовековые условности средневековой живописи. «Троица», «Богородица – вертоград заключенный», «Георгий Победоносец», – так называются его лучшие произведения.

Из нижегородских изографов следует назвать имя мастера Петра Афанасьева сына Скоморохова. В 1660 году он был вызван в Москву для росписи кремлевского Михайло-Архангельского собора. Трудился он под руководством известного русского художника Симона Ушакова. В 1666 году вновь участвовал в росписи кремлевских соборов и царского Теремного дворца. За высокое искусство был зачислен

Вид Нижнего Новгорода. Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию» (1647). Зарисовка сделана немецким путешественником, побывавшим в Нижнем в 1636 г.

в государевы записные мастера Оружейной палаты. В 1668 году вместе с другими иконописцами-нижегородцами выполнял в родном городе крупный правительственный заказ на написание икон антиохийскому патриарху Макарию. В Нижнем Новгороде жил в нетяглом дворе купца Ивана Городчанина. Свидетелями трудов изографа XVII века остаются росписи зданий соборной площади Московского кремля.

В 1642–1644 годах иконописец из Балахны Ераст Прокофьев вместе с сотоварищами Иваном Нехорошевым и Антоном Патрикеевым расписывал главный храм страны – Успенский собор Московского кремля. В 1660 году был вновь вызван в столицу для росписи интерьеров кремлевского Михайло-Архангельского собора. После чего оказался записанным в государственные записные мастера Оружейной палаты. Можно полагать, что он принимал участие и в создании сохранившегося до наших дней иконостаса Христорождественного собора в Балахне.

Шатровое храмовое зодчество является наивысшим достижением древнерусских мастеров, ярким выражением их инженерной смелости, истинно народного понимания красоты. Шатровые церкви возводились как храмы-памятники в честь наиболее важных в судьбах России событий. Они невелики по размерам, устремлены ввысь, прекрасно просматривались с самых дальних подступов. Они выполняли важную градостроительную роль в весьма запутанной тогда застройке посадов.

При всей значимости шатровых построек в истории национальной культуры сегодня только Антип Константинов из всех известных зодчих может быть назван мастером русского шатрового храмового типа. Тем самым он занял особое, весьма заметное и почетное место среди своих собратьев по творчеству. Свою деятельность он начал с возведения на территории Нижегородского кремля Михайло-Архангельского собора (1628–1631 гг.), посвященного покровителю русского воинства. За счет государственной казны возводил храм-памятник народному ополчению К. Минина и Д. М. Пожарского. Затем Антип Константинов строил в Вязьме, Москве, Владимире и вновь – в Нижнем Новгороде. Он строил и отдельные здания, и целые ансамбли: крепости и храмы, царские палаты и промышленные корпуса. Он был первым в истории России «реставратором» – восстанавливал Успенский собор Московского кремля и Золотые ворота Владимира. Для нижегородцев же зодчий достоин доброй памяти за возведение Михайло-Архангельского собора, а также уникального по архитектурно-художественным достоинствам ансамбля Печерского монастыря.

На Бору, в вотчине думного дьяка И. Т. Грамотина, жили государевы каменщики Трофим Иванов и Иван Гаврилов, известные своим мастерством в московском приказе Каменных дел. Борские каменщики были мастерами самой высокой квалификации. Царь Михаил Федорович именовал их «наши старые каменщики и кирпичники, что живут за Иваном Грамотиным». Государевы каменщики не платили податей, но по первому зову должны были являться в Москву или другие города строить каменные церкви и крепости. Вместе с известным зодчим России Антипом Константиновым они возводили Михайло-Архангельский собор Нижегородского Кремля, затем работали в Нижегородском Печерском монастыре. В 1631 году из приказа Каменных Дел пришла грамота об отправке заволжских каменщиков на строительство пограничной крепости в городе Вязьме и Теремного дворца в Московском кремле.

Плотники-градодельцы полководца Дмитрия Михайловича Пожарского создали для него в начале XVII столетия недалеко от Балахны, в приволжском селе Вершилово, редкий по своим архитектурно-художественным качествам усадебный комплекс жилых и храмовых зданий. Для великого полководца был построен деревянный дворец и редкий по красоте ансамбль из двух многшатровых храмов.

Д. М. Пожарский лично участвовал в разработке художественного образа своей усадьбы, но ее истинными создателями были простые плотники, кузнецы и изразечники. Даже спустя почти два столетия после этого Вершилово славилось по всей стране своими строителями. Именно из местных крестьян набирал великий русский зодчий В. И. Баженов в свою артель мастеров, которые нередко и сами подражались возводить монументальные каменные здания в самых отдаленных уголках страны.

В середине XVII столетия купец-зодчий Семен Задорин сын Филиппьев наряду с торгово-промышленными делами активно занимался строительными подрядами. В 1647 году на территории Нижегородского кремля, близ Никольской башни он возвел каменные кельи и собор женского Воскресенского монастыря, тогда же приступил к строительству нового шестистолпного Спасо-Преображенского собора. Он же составил смету на ремонт-поновление кремлевских стен. В 1653 году возвел на Нижнем посаде Рождественскую, а в 1656 году – Никольскую церковь на торгу.

Наиболее ярким представителем «узорочья» в национальном зодчестве середины XVII века остается крестьянин-каменщик из приволжского села Кадницы Павел Сидоров сын Потехин. Этому архитектурному направлению свойственна причудливость форм, сотканых из тесаного и формованного кирпича, резного белого камня и полихромных изразцов. Выдающиеся произведения Павла Сидорова сына Потехина стоят, вызывая удивление и восторг, как в Москве и Подмосковье, так и на древней Нижегородской земле. Он трудился в Павлове, возводил Спасо-Преображенскую церковь. Его артель приглашали и в Москву, чтобы строить родовые усадьбы бояр Одоевских, Черкасских и Шереметевых. «Лебединой» песнью постаревшего мастера стало строительство в конце XVII столетия архитектурного ансамбля Троицкого Островоозерского монастыря близ Ворсмы. Монастырь удивлял современников своей неприступностью, воспринимался ими как настоящая крепость.

С XVII века железо прочно вошло во все области жизни и трудовой деятельности русских людей. Из него ковалось оружие, сошники и подковы, замки и тележные оси, оконные решетки и связи, просекались подзоринны и сложных рисунков фигурные кресты храмов. Накладными металлическими полосами украшались подголовники-сундуки, коробья для кладки и двери. Скобами и гвоздями крепились борта торговых и военных судов.

Возросший спрос на деловое железо был удовлетворен местными рудознатцами. Они наладили промышленную выварку железа и стали-уклада из болотных руд. Еще в середине XVII века начал выплавку железа в лесном Нижегородском Заволжье кузнец-лысковчанин Федор, по прозвищу Бобер. Он исследовал залежи железных руд родного края. Он был первым русским мастером, не только выявившим крупные залежи руд, но и наладившим за Волгой их промышленную добычу.

Григория Иванова – мастера солепромышленника Г. Д. Строганова, можно назвать уникальным резчиком по белому камню и дереву. Он работал во многих городах России. В 1686 году украшал резными каменными скульптурами с изображением львов и орлов Красное крыльцо царских кремлевских теремов в Москве. Он выполнил резной иконостас Введенской церкви Сольвычегодска. По мнению профессора Н. Ф. Филатова, Г. Иванов является участником создания редкого по красоте и тонкости исполнения иконостаса нижегородского Строгановского храма.

Солепромышленник Григорий Дмитриевич Строганов был известен современникам как ктитор-строитель. Во многих городах России по его заказу возведены храмы и палаты, поражающие высоким качеством обработки художественного образа зданий, тончайшей резьбой по белому камню и дереву, а также коваными элементами убранств. В Нижнем Новгороде им построены Смоленская и Рождественская церкви, остающиеся яркими памятниками русского барокко рубежа XVII и XVIII веков.

Нижегородец Мелетий Иванов прославился резьбой по дереву. Он считается одним из наиболее признанных создателей многоярусных иконостасов для крупнейших соборов Поволжья XVII столетия. Он много трудился над иконостасами Нижегородского Печерского и Макарьев-Желтоводского монастырей.

Сыся Рыбицына сына Васильева знали в середине XVII века как корабельно-васильгородца. Вместе с сыновьями он строил малые речные

суда. Свое «здесь» они продавали крупными партиями на Макарьевской ярмарке и в Нижнем Новгороде.

Под руководством Андрея Творогова в Павлове работала артель, оружейников. В ней было 13 человек. Они специализировались не только на изготовлении холодного, но и огнестрельного оружия. Изделия оружейников-павловчан XVII века хранились в коллекциях князей Черкасских, Одоевских, Шереметевых.

Имя Ивана Шушерина сына Корнильева связано с ювелирным искусством. В 1685 году он «сковал» богато убранную драгоценными камнями и золотыми чеканными дробницами шапку для архимандрита Нижегородского Благовещенского монастыря. Свои детские и юношеские годы он провел в окружении патриарха Никона. Был верным его сторонником, и после суда над ним оказался сослан под «строгий начал» в Новгород Великий. Проявил себя не только как златокузнец-ювелир, но и как одаренный писатель-публицист, создав «Житие патриарха Никона».

Нижегородские мастера XVII века были выходцами из народа, жили среди него. Они являлись создателями всех материальных и духовных национальных ценностей. История, к сожалению, сохранила имена немногих из них. Тем не менее, в сокровищницу русской национальной культуры нижегородские мастера давно минувших лет внесли заметный вклад.

А. В. Морохин

НИЖЕГОРОДСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО XVII–XVIII вв.

Старообрядчество – уникальное явление отечественной истории. Нижегородский край сыграл особую роль в истории этого религиозного движения. Он по праву может считаться колыбелью старообрядчества.

Уже в 1630-е годы именно в Нижнем Новгороде складывается сообщество церковнослужителей во главе с Иваном Нероновым, которое начинает борьбу за поднятие авторитета церкви в глазах верующих. Результатом деятельности этих ревнителей веры стала знаменитая челобитная нижегородских священников 1636 года, направленная патриарху Иоасафу. В ней они призывали начать борьбу с непо порядками в церковной жизни.

Впоследствии Неронов и многие его нижегородские единомышленники вошли в кружок ревнителей древнего благочестия (или «боголюбцев») при дворе молодого царя Алексея Михайловича. В кружке состояли царский духовник Стефан Вонифатьев (по некоторым данным – тоже нижегородец), уроженцы Нижегородского края Никон (будущий патриарх) и протопоп Аввакум Петров, выходцы из Макарьевского Желтоводского монастыря – митрополит Казанский Корнилий, архиепископ (позже митрополит) Рязанский и Муромский Илларион, архиепископ Сибирский и Тобольский Симеон, епископ Коломенский Павел. Все они считали необходимой реорганизацию внутренней жизни церкви, обсуждали вопросы об исправлении по единым образцам церковных книг. Однако спор о способах реформы привел к расколу не только в кружке боголюбцев, но и в Церкви в целом.

С началом церковного раскола Нижегородский край становится одним из главных центров старообрядчества. Значительная часть местного населения и духовенства отказались принимать реформы Никона. На создание общин старообрядцев на территории Нижегородского края огромное влияние оказал протопоп Аввакум Петров. Даже находясь в ссылке и заточении, он продолжал поддерживать связи со своей малой родиной. Свои контакты с Нижегородчиной Аввакум осуществлял через своего духовного сына и последователя инока Сергия (в миру – Семена Ивановича Крашенинникова), с которым он сблизился, будучи священником в селе Лопатищи.

Центром нижегородского старообрядчества стали лесные и труднодоступные районы Заволжья, там, где течет река Керженец. Именно здесь бежавшие от преследований властей старообрядцы основывали свои тайные поселения – скиты. Целую сеть тайных поселений основали в Заволжье беглые монахи-старообрядцы из Соловецкого монастыря. По преданию, они пришли в долину реки Санахты (приток Керженца) и поставили здесь свои кельи. С тех пор названное место стало известно народу как «Семибратская долина». Среди этих монахов следует назвать Арсения, основавшего знаменитый Шарпанский скит возле деревни Хворостинино. Другим известным выходцем из Соловков был Ануфрий, сосредоточивший в своих руках поступление всех средств, шедших на Керженец от жертвователей и лиц, сочувствующих старообрядцам. Не менее почитаемым и авторитетным лидером нижегородских староверов был и другой соловецкий монах –

Софонтий, который организовал скит во имя Святого Духа недалеко от нынешнего города Семенова.

В Заволжье получил распространение и т. н. Спасов толк старообрядчества. Сторонники этого течения призывали обращаться прямо к Христу («Спасу») минуя попов (священников). Поэтому их называли «беспоповцами». Беспоповцы были особым направлением в старообрядчестве, распадавшимся на несколько течений («толков»). Кроме Спасова толка из других течений «беспоповщины» в регионе получил распространение Поморский толк, основанный в 1694 году далеко на севере, в Поморье. Последователи этого течения обосновались на северной реке Выг. Их руководители – братья Семен и Андрей Денисовы, неоднократно посещали Керженец. В 1698 году выговцы даже рассматривали вопрос о переезде своей общины из Поморья на Керженец. Местные староверы – беспоповцы эту идею поддержали. Позднее, в 1705–1712 года, во время неурожаев, часть жителей Выга, спасаясь от голода, перебралась в Заволжье.

Помимо Заволжья, во второй половине XVII века происходит распространение старообрядчества по берегу реки Оки в районе Павлова и Горбатова и на правом берегу Волги.

В эпоху Петра I в старообрядческой среде широкое распространение получили сочинения о кончине мира и пришествии Антихриста. Оплотом народного недовольства и центром сопротивления проведения в жизнь петровских реформ стал Керженец. Сюда бежали и от «брадобрития», и от платежа тяжелых податей.

Активным проводником петровской политики в Нижегородском крае стал Питирим, сначала миссионер господствующей церкви, а затем и епископ Нижегородский и Алатырский. Пользуясь поддержкой царя, видевшего в «раскольниках» прежде всего своих политических противников, Питирим разворачивает жестокую борьбу со старообрядчеством, опираясь на местные гражданские власти во главе с нижегородским вице-губернатором Ю. А. Ржевским.

Став нижегородским епископом, Питирим нанес сильнейший удар по Керженцу. Еще в 1716 году он предложил заволжским старообрядцам письменно ответить на 130 вопросов, касающихся толкования православных обрядов и догматов. В ответ на это лидеры нижегородского староверия предложили ему свои 240 вопросов, а сами обратились за помощью и советом к поповцам и беспоповцам всех толков и согласий,

бывших тогда в России. 1 октября 1719 года недалеко от Семенова в селе Пафнутове при большом стечении народа состоялся диспут Питирима со старообрядцами. Епископ приехал на диспут в сопровождении солдат, и вожди старообрядцев под страхом ареста признали свою «неправоту». Один из активных участников тех событий, дьякон Александр, решил рассказать Петру I всю правду и с этой целью отправился в столицу. Однако Петр I, узнав о случившемся, приказал арестовать дьякона, которого после пыток казнили в Нижнем Новгороде в марте 1720 года.

Прибегая к пыткам и угрозам, Питирим заставлял нижегородских старообрядцев тысячами обращаться в официальную церковь. При этом обратившиеся должны были отречься от старой веры и произнести клятву. Епископ неоднократно лично посещал места, где проживало много «раскольников», и «увещевал» их отказаться от веры отцов. Вплоть до своей смерти в 1738 году Питирим неустанно преследовал старообрядцев. Те, кто избежал наказания и каторги, были вынуждены покидать насиженные места и тысячами бежать на окраины страны. В итоге к 1737 году, судя по официальным данным, в Нижегородском крае проживало всего 6822 старовера, а в дальнейшем их численность уменьшилась до 5 тысяч человек. К концу жизни Питирима Керженец как авторитетный и многонаселенный центр староверия перестал существовать.

Однако уже в начале 40-х годов XVIII столетия происходит возрождение скитов в Заволжье, в котором появляются и новые старообрядческие поселения. Уже к 1743 году на Керженце вновь существовало более 50 скитов, в которых проживало около 800 человек. Позднее, в 1761 году, церковные власти сообщали в Синод о «немалом числе» старообрядцев на Нижегородчине, которые проводят активную пропаганду своего учения и народ «совращают в свою раскольническую прелесть». Никакие репрессии властей не смогли остановить рост сторонников старой веры.

С началом царствования Екатерины II (1762–1796) власти были вынуждены признать бесперспективность репрессий против старообрядцев. Императрица начала отменять указы, притеснявшие староверов. Беглых старообрядцев, проживавших на территории Польши, призвали вернуться в Россию. Им разрешили носить платье старого покроя и не брить бород, избираться на общественные должности и выступать свидетелями в судах. В 1782 году староверов освободили от двойного налога а затем запретили даже употреблять по отношению

к старообрядцам несправедливое наименование «раскольники». В просвещенной государыне нижегородские староверы видели свою заступницу и благодетельницу. В ходе своего визита в Нижний Новгород в мае 1767 года императрица посетила Городец, после чего в старообрядческой среде стали распространяться разговоры о том, что Екатерина II была в местной старообрядческой часовне и даже дала староверам «небывалую грамоту, по силе которой никто из преемников ее не может уничтожить часовни». Во время пребывания в Нижнем Новгороде 22 мая 1767 года государыня даже жаловала к руке нижегородских старообрядцев, которые поднесли ей хлеб – соль. Отношение к императрице как к заступнице старообрядчества сохранялось в среде нижегородских старообрядцев и позднее. Так, в 1788 году крестьянин-старовер Андрей Григорьев отказываясь пустить в свой дом священника официальной церкви, сказал: «нас де государыня императрица Екатерина Алексеевна от вас благоволит...» В 1791 году нижегородские староверы подали императрице коллективную жалобу за подписью 3500 человек, в которой писали о «великом притеснении» со стороны местных церковных властей. И вновь Екатерина II поддержала сторонников старой веры, указав нижегородскому генерал-губернатору И. М. Ребиндеру сообщать ей лично дела «относительно находящихся здесь в губернии старообрядцев».

Но лишь при Николае II (в 1905 году) старообрядцы получили религиозную свободу. И только на поместном соборе 1971 года Русская православная церковь признала, что старые обряды, как и новые, введенные при Никоне, «равночестны и спасительны».

Л. Ю. Варенцова

ОГНЕПАЛЬНЫЙ АВВАКУМ

Аввакум Петров – идеолог старообрядчества и одаренный писатель. Родился в семье бедного сельского священника Петра Кондратьева. Детство и юность Аввакума прошло в селе Григорово (ныне – Большемурашкинский район Нижегородской области). Это было многолюдное село со 150 дворами.

Как и отец, Аввакум стал священнослужителем. В 20 лет он был рукоположен в дьяконы (начальный духовный сан), а вскоре стал попом церкви в селе Лопатищи.

Здесь он прославился борьбой со скomorоxами. Их представления он считал греховными. Однажды Аввакум изломал у них маски и бубны, не побоявшись даже их медведей.

Молодой энергичный священник в 1646–1647 года входил в состав знаменитого «Кружка ревнителей благочестия». Сам царь Алексей Михайлович высказывал к нему необыкновенное расположение. Аввакум участвовал в «книжном исправлении», проводившемся для устранения разночтений в церковных книгах. Он считал, что образцом при этом должны служить древние русские тексты. Однако в 1652 году патриархом стал Никон. По его приказу в качестве образца «исправления» были взяты греческие книги. Аввакум занял одно из первых мест в ряду противников этой реформы. Он укорял и ругал архиереев, принявших нововведения, отвергал возможность спасения по новоисправленным богослужебным книгам. Аввакум послал даже челобитную царю, в которой просил низложения Никона и восстановления прежних обрядов.

В 1653 году Аввакума с семьей сослали в Тобольск, затем на Дальний Восток – в Даурию. В 1663 году разрешили вернуться в Москву. Однако здесь борьба с Никоном была им продолжена. Поэтому в 1664 году Аввакума сослали на север, в Мезень, где он пробыл 1,5 года, продолжая свою проповедь, поддерживая своих приверженцев, разбросанных по всей России, посланиями. В них он называл себя «рабом и посланником Иисуса Христа».

В 1666 году Аввакум был привезен в Москву, где его 13 мая после тщетных увещаний на Соборе, собравшемся для суда над Никоном, расстригли и прокляли в Успенском соборе за обедней. В ответ на это Аввакум тут же возгласил анафему архиереям. И после этого не отказывались еще от мысли переубедить мятежного священника. Расстрижение его было встречено с большим неудовольствием и в народе, и в боярских кругах, и даже при царском дворе. Вновь происходили увещания Аввакума уже перед лицом восточных патриархов в Чудове монастыре, но тот твердо стоял на своем.

Тогда Собор 1666–1667 приговорил отдать сторонников Аввакума в руки светских властей. Аввакум был наказан кнутом и сослан в 1667 году в низовья реки Печоры, город Пустозерск. 14 лет он

провел на хлебе и воде в земляной тюрьме. В то же время он неустанно продолжал свою проповедь, рассылая послания. Написал «Житие» и многие другие сочинения. Наконец, дерзкое письмо его к царю Федору Алексеевичу решило участь Аввакума. В этом письме он поносил умершего царя Алексея Михайловича и ругал патриарха Иоакима. «За великие на царский дом хулы» Аввакум и его товарищи были сожжены 1 апреля 1681 года в Пустозерске.

Аввакуму принадлежит 43 сочинения. Главное его литературное произведение – «Житие протопопа Аввакума». В нём он описал те гонения, которые обрушились на него, подчеркнув, что это только придает ему силу.

Письма Аввакума старообрядцы берегли как святыни, завертывали в дорогие материи и хранили на божницах. До сих пор старообрядцы считают Аввакума мучеником и чтут его память.

Летом 1991 года в селе Григорове поставлен памятник Аввакуму, автором которого стал замечательный скульптор современности Вячеслав Клыков.

Л. Ю. Варенцова

МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМАРКА

В 1435 году на левобережье Волги, на устье Керженца, у озера с желтой водой поселился инок Нижегородского Печерского монастыря Макарий. Здесь он решил основать обитель во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Было ему в ту пору 85 лет. Для приходивших иноков Макарий стал духовным наставником. В 1439 году монастырь был выжжен отрядом ордынцев под предводительством Улу-Мухаммеда, а Макария отпустили домой с условием, чтобы он больше не возобновлял монастырь на прежнем месте.

С тех пор устье лесного Керженца не заселялось 180 лет. Лишь в 1620 году обитель возобновил муромский посадский человек Алексей, при пострижении в монашество принявший имя Авраамия. В годы Смуты он перебрался в Нижегородский край. Его влекла слава чудотворца Макария – покровителя дома бояр Романовых. Царь Михаил

Макарьевский монастырь XIX века

Федорович и его отец, патриарх Филарет Никитич, всемерно поддерживали Авраамия в его начинании – возобновлении Макарьевского Желтоводского монастыря. Они предоставили ему привилегии, жаловали обширные угодья за Волгой с лесами, бортными ухажьями, рыбными ловлями, заливными лугами, бобровыми гонами.

Авраамий становится основателем не только обители, но и торгова под стенами монастыря. К середине лета сюда успевали подойти торговые караваны купеческих судов, как с волжского понизовья, так и с верховий Волги и Оки. Распродав товары, уже до зимних холодов они могли вернуться по городам.

19 сентября 1627 года Авраамий получил от царя Михаила Федоровича разрешение на право сбора таможенных пошлин на торгу в день памяти Макария (25 июля). Так начиналась история знаменитой на весь мир Макарьевской ярмарки.

Ярмарка находилась под управлением монастырских властей, которые наблюдали за порядком, разбирали конфликты между купцами.

Сначала на торгу преимущественно продавались товары местных ремесленников и крестьян. Кузнецы и горшечники, ткачи-пряделщики и кожевники, резчики по дереву и кости, переписчики книг и иконописцы везли к Макарию свое «зделье». Большое значение здесь имел сбыт полотен из села Лысково, тулупов, шапок, рукавиц из села Мурашкино, деревянной посуды из лесных заволжских районов.

Вскоре, привлеченные выгодным расположением Макарьевской ярмарки здесь появились крупные московские, ярославские, казанские купцы, затем армяне, бухарцы, торговцы из других районов Средней Азии, а также из Персии и Закавказья. Особое значение имели торговые связи с Астраханью. По мере освоения Сибири, возникновение торговых контактов с Китаем, Макарьевская ярмарка становилась одним из центров обмена российских и европейских товаров на сибирские и китайские продукты. Связь осуществлялась по реке Кама, ее притокам и через Ирбитскую ярмарку. Западноевропейские товары поступали к Макарию главным образом через Архангельск. На ярмарке были представлены все необходимые продукты питания и предметы быта русского человека.

В 1641 году новый игумен монастыря Пафнутий добился увеличения сроков действия ярмарки, «июля с 1-го числа, июля ж по 30-е число, всего четыре недели». Постепенно торг становился всероссийским. Сюда каждый год съезжались не только русские, но и купцы из Индии, Персии, Швеции, Германии. Расширялся ассортимент товаров. Главными оставались соль, хлеб, мед, лошади и скот, но столь же значительными стали привозы английского сукна, немецких зеркал и металла, в том числе оружия, драгоценных камней и крупного индийского жемчуга, мехов и выделанных кож-юфтей.

В 1685 году на ярмарке было продано 680000 пудов соли, 30 стругов осетров, белуг, другой рыбы, которые прибыли на всероссийское торжище из Астрахани и Самары. Только от продажи соли, рыбы, лошадей и меда монастырь получил в качестве таможенных пошлин 10673 рубля – огромную сумму по тем временам. В том же, 1685 году, было продано 3000 лошадей. Лучших лошадей закупали стремянные царского конюшенного приказа и посыльные московских рейтарских полков. На ярмарке продавались огромные партии хлеба, меда, воска. Мед и воск нижегородских бортников высоко ценились и развозились по самым дальним уголкам России – от Архангельска и Тихвина до Тобольска и Тары. Проданные

тогда соль, рыба, лошади, мед оценивались в 120000 рублей. Что составляло одну десятую часть годового бюджета России!

В 1685 году на ярмарку прибыло 25–30 тысяч верховых и пеших покупателей, 7,5 тысяч телег с грузом. Основной поток посетителей прибывал по Волге. Во второй половине XVII века на ярмарке имелось 672 лавки, 448 шалашей, т. е. 1120 торговых мест. К тому же, прямо из амбаров на берегу Волги велась торговля хлебом.

Из Павлова-на-Оке, Тулы, Тихвина к Макарию ежегодно доставлялись железо, сталь-уклад, холодное оружие. Нарезные винтовки и карабины стоили на ярмарке 2 рубля, а патроны к ним по 4 копейки. Боевой лук с сотней боевых стрел продавался всего за 18 алтын (54 копейки). Пушки для состоятельных заказчиков отливались прямо во время торга, по заранее заготовленным формам. Колокола закупались на ярмарке нередко целыми наборами, по 5–7 штук сразу, из расчета проплаты по 4,5 рубля за пуд в литье.

Огромными партиями продавалась шведская сталь, олово, проволока, гвозди различной длины и назначения (сапожные, подбоечные, тесовые), медные котлы, нательные литые кресты и оловянная посуда. Восточные товары были представлены всевозможными тканями, бархатом, цветной юфтью, бумагой, дамасскими клинками и восточными пряностями, греческими виноградными винами и золотными кружевами.

Для приезжих торговцев монастырские власти к началу открытия ярмарки готовили жилье, складские охраняемые помещения и торговые места: гостинный двор, ряды лавок, временные шалаша вдоль волжского берега, загоны для продажного скота и лошадей, паромную переправу через Волгу с лысковского берега, бани и харчевни. Состоятельным купцам выделялись просторные горницы в гостиницах, товары помещались в каменных кладовых, их кормили обильно и сытно в трапезной палате, где одновременно усаживались по 400–500 человек. Услуги и еду купцы оплачивали наличными. Кроме того, по окончании торга они делали щедрые вклады вещами, золотом, жемчугом и драгоценными камнями на украшение риз и в качестве «прикладов» к месточтимым иконам. Нередко одаривали монастырь нераспроданными товарами, рыбой, солью, икрой, лошадьми.

Для простого люда монастырь устраивал по всей территории торга до сотни хлебных печей-каменок, на которых иноки прямо на открытом воздухе пекли блины, калачи, пироги, варили щи и каши.

Из огромных 40–ведерных бочек монастырские квасовары предлагали в летнюю жару всем желающим холодный квас.

Ежегодные доходы монастыря от ярмарки были столь значительны, что его власти сумели выстроить во второй половине XVII столетия все монастырские здания каменными. А первые строения обители были деревянными. Сначала срубили небольшую часовню в честь Макария, в которую Авраамий принес сохранившееся на Унже изображение чудотворца. Затем на вершине холма поднялся Троицкий шатровый собор с двумя приделами по сторонам. Рядом срубили просторную трапезную палату с Успенской церковью на подклетах. Целый ряд жилых келий занял всю Северо-Западную часть монастырской территории. В сторону Волги были обращены святые ворота в бревенчатой ограде.

Каменное строительство началось при игумене Илларионе. В 1652 году среди рубленых строений поднялась белокаменная Макарьевская церковь. Вместе с ней возводился огромный корпус трапезной – кирпичной палаты на высоком подклете с Успенской церковью на втором этаже и с пристроенной к некогда открытому гульбищу шатровой колокольней. В 1654 году строительство было закончено. 15 мая 1656 года для новой колокольни отлили 108-пудовый колокол. Через год мастер Григорий Ларин возле монастыря отлил другой – колокол в 73 пуда. Тогда же Илларион начал строительство каменного Троицкого собора, создававшегося по образу Успенского собора Московского кремля. Собор был освящен в 1664 году. Одним из авторов уникальной для Нижегородского края древнерусской фресковой росписи, сохранившейся до сих пор, следует назвать Никиту Павловца – прославленного изографа из Павлова-на-Оке, ставшего записным иконописцем Оружейной палаты Московского кремля. Тонкой работы иконостас для собора создал известный резчик Мелетий Иванов.

В 1661 году в монастырь приехал ведущий изограф Оружейной палаты Симон Ушаков, который создал образ Макария Желтоводского на фоне возведенных Илларионом каменных зданий монастыря, в том числе и только что строящейся крепости.

Крепость монастыря в XVII веке получает две самостоятельные территории: собственно монастыря и делового двора. Крепостные стены монастыря приближаются в плане к прямоугольнику, имеют 4 угловые круглые и 6 квадратных башен в пряслах. Их периметр равен

381 сажени (811,5 метров). Деловой двор имел 3 круглые и 3 прямоугольные башни. Стены более 8 метров высотой и толщиной около 3 метров. Защита Макарьевского Желтоводского монастыря была организована по образцу крепостей Троице-Сергиевой и Кирилло-Белозерской обителей. Каменная ограда монастыря строилась 15 лет: с 1661/1662 по 1677 год. В 1670 году Михайло-Архангельскую надвратную церковь возвели с парадными Святыми воротами.

Крепость Макарьева имела мощное вооружение: 13 пушек, 9 самопалов (разновидность пушек), 363 мушкета, 297 шпаг. В сводчатых погребах хранились бочки с порохом, ядра, мушкетные пули и строительные инструменты, за которыми «дозирал» особый «оружейный старец».

Каменные работы в Макарьево продолжались вплоть до конца XVII века. Строили московские и свои, монастырские, мастера, а также каменщики из Балахны, Городца, Пуреха, Нижнего Новгорода. В 1680-е годы были выстроены жилые каменные кельи, архимандричий корпус, хозяйственные постройки. К концу XVII века весь кирпичный ансамбль монастыря был обустроен. Со стороны Волги он выглядел как крепость с множеством башен и храмовых глав, панорамой крупнейшего торгового центра.

В связи с отписью в 1700 году по указу Петра I Макарьевской ярмарки в казну, и его жесткой политики относительно монастырей, каменные работы здесь прекратились.

Они возобновились только в 1803–1809 годах при строительстве государственной казной по проекту известного русского зодчего А. Захарова обширного каменного гостиного двора. В 1808 году в монастыре рядом с Троицким собором выстроили, вместо обветшавшей, новую однокупольную Макарьевскую церковь. Тогда же над могилой Авраамия подняли на колоннаде сень.

В XVIII веке масштабы торговли были по-прежнему велики. Свыше одной трети товаров поступало из Астрахани. Среди них – шелк, сафьян, овчины, рис, финики, рыба и соль. Из Сибири везли знаменитую пушнину. Из Москвы поставляли ткани и готовое платье, краски и галантерейные товары. Из Казани привозили меха, шелка, кожи. Всего Макарьевскую ярмарку посещали торговые люди из более чем двухсот городов и сел России. Определилась ее роль как центрального звена ярмарочной системы страны. Ведущая роль в торговле на Макарьевской ярмарке принадлежала крупнейшим купцам из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Нижнего Новгорода, Казани.

Всяк, приезжавший на ярмарку, благодарил преподобного Макария за успешное завершение долгого пути, а всяк отъезжавший – за успешную торговлю. Дважды в год – 25 июля и 12 октября (день обретения мощей) – православная церковь вспоминает его имя. Макарий Желтоводский почитался как покровитель торговцев и ремесленников, путешествующих и мастеровых.

Макарьевская ярмарка действовала до 18 августа 1816 года, когда торговля закрылась после сильного пожара. Всероссийское торжище было переведено в Нижний Новгород, на место слияния Волги и Оки.

Ф. А. Селезнев

АФАНАСИЙ ОЛИСОВ: ЧЕЛОВЕК-УДАЧА

В прошлом Нижний Новгород часто называли «карманом России». Но прежде, чем наш город заслужил это прозвище, прошло очень много времени. Первые триста лет своего существования он был городом-«воином», городом-крепостью. Именно как пограничная крепость он и возводился на восточных рубежах Владимирской Руси.

А что же ремесла и торговля? Они тоже развивались. Только медленно. Ведь пограничная окраина для них была местом небезопасным. К тому же и сами торговые связи ещё не соединили хорошенько русские земли. Из чужих мест мало чего привозили. Всё

Успенская церковь (1672 г.), возведенная на средства купца Олисова, и его дом в Крутом переулке (1676 г.) составляют единый архитектурный ансамбль (Фото В. Андрианова, 2004)

нужное производили сами. В каждой земле имелись свои гончары, кузнецы, плотники и прочие мастера.

А вот в XVII веке в жизни Нижнего Новгорода и всей страны произошли разительные перемены. С присоединением Казанского и Астраханского ханств Нижний из пограничного стал внутренним городом. Тут-то и сказалося удобство его положения при слиянии двух больших судоходных рек – Оки и Волги. Тем более что как раз в это время стали налаживаться торговые связи между разными землями. Возник «всероссийский рынок», о котором вы читали в учебнике истории.

Что это означало на практике? Неужели вся Россия собиралась в одном месте на торг? Конечно, нет. Просто возникли ярмарки – места, куда съезжались купцы из разных областей России. Самой знаменитой стала Макарьевская. Она собиралась у стен ныне существующего Макарьевского монастыря, напротив современного Лыскова. Сюда с низовий Волги и из далекой Персии привозили соль, рыбу и разные восточные редкости.

Кто привозил? Нередко сами нижегородцы. Именно в нашем городе в XVII веке формировались судовые караваны, которые отправлялись в Астрахань и на Каспий. Каждая такая поездка могла стоить человеку головы. Но могла его и озолотить, как это случилось с самым удачливым нижегородским предпринимателем XVII века – Афанасием Олисовым.

Крупным торговцем был уже его дед, Степан Олисов. В 1620-х он входил в число «лучших», то есть наиболее состоятельных посадских людей Нижнего Новгорода. Торговал Олисов-дед солью и рыбой. Так же как и потом его сын Фирс Олисов, отец нашего героя.

В 1647 году Фирс Олисов был причислен к гостинной сотне, т. е. приобрел дополнительный почет и уважение. «Гостинная сотня» была второй по значимости (после «гостей») категорией привилегированного купечества страны. Принадлежность к гостинной сотне освобождала от «тягла» – платежей и повинностей в пользу государства, которые «тянули» обычные посадские люди и давала ряд других преимуществ. Зачисляли в гостиную сотню не абы кого, а только самых зажиточных и солидных из посадских людей. Таких, например, как Фирс Олисов.

Прославило его мыло, которое в 1650-е годы Олисовы начали варить и поставлять в разные города Московского государства, в том числе и в саму Москву. В первой трети XVII века производство мыла было монополией откупщиков. Заплатив большую сумму денег в казну, откупщик получал ис-

ключительное право на изготовление этого ходового товара. Но в 1639 году царь Михаил Федорович позволил варить мыло всем желающим.

Впрочем, заняться мыловарением могли только люди обеспеченные, так как прежде чем начать производство, нужно было потратиться на обустройство мыльной поварни и на закупку сырья – сала и вывариваемого из золы поташа. У Фирса Олисова начальный капитал как раз имелся. Поэтому изготовление мыла он наладил очень быстро.

Ну а Олисов-внук решил расширить масштабы семейного дела. Он купил кожевенный завод московских купцов Задорина и Шорина. Теперь, закупая скот, можно было использовать не только сало, но и шкуры. Но совмещать два вида предпринимательства оказалось непросто, и Афанасий Олисов вскоре оставил кожевенный промысел и вернулся к мыловарению. Не забывал он и о торговле. Причем не только мылом, но и разными заморскими товарами. Принадлежность к гостинной сотне (а звание её члена было наследственным) позволяла делать это с большой выгодой. Олисов вел оптовую торговлю на гостинном дворе в Москве. Естественно завел полезные знакомства с московскими членами гостинной сотни. На дочери одного из них, Авдотье Ивановне Козловой он и женился.

Всё бы хорошо, только в 1665 году, 1 сентября (как раз под новый год) Афанасия Олисова выбрали нижегородским таможенным головой. Это означало, что он будет отвечать за сбор налогов с торгующих.

Надо сказать, что Московское государство тогда не могло содержать большого чиновничьего аппарата. Не было и никакой налоговой службы. Налоги должны были собирать выборные представители местного населения. Это была их повинность, Государева служба. За торговые сборы отвечал таможенный голова. На эту должность обычно выбирали людей состоятельных, уважаемых. С одной стороны это было почетно. Но с другой стороны и накладно. Служба ведь не оплачивалась, а времени отнимала много. К тому же было одно тяжелое условие: пошлин должно было поступить в казну не меньше чем в прошлые годы. Если норма перевыполнена, таможенного голову ждала награда. Ну а если не достача, платить приходилось из собственного кармана.

Так и случилось с Афанасием Олисовым. Надо же было такому случиться, что как раз летом 1666 года на Волге началось «морское поветрие» (эпидемия). Соответственно многие купцы не рискнули отправляться в путешествие. А кто-то и рад был отправиться в бизнес-

круиз, да подкосил финансовый кризис – отмена медных денег. Кредиты-то многие брали медью, а отдавать приходилось дорогим серебром. Много тогда купцов разорилось. Вот и получилось, что число кораблей посетивших в этом году Нижний оказалось гораздо меньше прошлогоднего. А, значит, и пошлин Олисов не сумел собрать сколько надо. Недостача составила громадную сумму – 2003 рубля.

К счастью государство проявило понимание ситуации и не стало взыскивать ущерб. Но зато Олисову пришлось выполнять новые трудные службы. Сначала на него возложили поставку хлеба для нужд Государева двора. А потом направили в Астрахань, управлять астраханскими и яицкими дворцовыми рыбными и соляными промыслами.

Оттуда, из Астрахани, для царской трапезы доставляли осетров, севрюг, белуг и, конечно дивную черную икру. Только место это было уж очень беспокойное. Несколько лет на Волге лютовали Стенька Разин и его атаманы. Только к началу 1672 года Астрахань была освобождена от разбойников.

Отправляясь в этот опасный край, Афанасий Олисов успел сотворить молитву в только что построенной на его средства каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ильинской горе. Она до сих пор украшает наш город.

Летом 1672 года Олисов был уже в Астрахани. Там он встретился с земляком и товарищем по несчастью – Гаврилой Степановичем Дранишниковым. Тот в 1667 году заменил Олисова в должности нижегородского таможенного головы и тоже недобрал пошлин. Как раз в мае 1667 года Разин направляясь в свой Персидский поход, пограбил немало торговых караванов. Соответственно у нижегородского таможенного головы, теперь уже Дранишникова, опять случилась недостача. Как и Олисова, казна его простила, однако тоже задала службу, послав в Астрахань восстанавливать разоренные разинцами рыбные и соляные промыслы. В Астрахани Дранишникову пришлось вдоволь натерпеться страху, так как город вскоре после его приезда был опять захвачен бунтовщиками. Но, всё-таки, ему удалось уцелеть и дожидаться прихода правительственных войск.

Олисов сделал Дранишникова своим помощником. Два нижегородца быстро поставили дело на лад, и из Астрахани в Москву вновь поплыли караваны судов с государевой солью и рыбой. Дранишников вскоре отпросился домой, а Олисов остался в Астрахани надолго.

Этот город с его рыбными и соляными богатствами, лежащий на торговом пути в Персию и Индию, давал предприимчивому человеку возможность развернуться во всю ширь. И Олисов не преминул ею воспользоваться. Вскоре товары удачливого нижегородца развозили десять кораблей. В восточные страны он продавал русские меха, а у тамошних купцов закупал жемчуг и прочие редкости. В 1678 году у Олисова в Нижнем Новгороде имелось 6 дворов. Среди них до сих пор стоящие каменные палаты.

Довольны были его службой и в Москве (хоть недруги и пытались опорочить сказочно обогатившегося купца). В 1676 году Олисову было пожаловано звание «гостя». Это означало, что он достиг вершины в предпринимательской иерархии.

В 1680 служба Афанасия Олисова в Астрахани закончилась. Возвратившись живым-здоровым домой, благодарный купец возвел ещё один каменный храм – в честь Казанской иконы Божьей Матери. Он вознёсся у спуска Ильинской улицы на Нижний посад. (Ныне эта церковь восстанавливается на прежнем месте).

Третий каменный храм на средства Олисова был построен в 1702 году недалеко от его двора. Прежде там находилась деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, но в 1701 она сгорела. Афанасий Олисов возвёл её в камне. В XIX веке эта церковь была отстроена заново (ул. Сергиевская, 25а).

Последнее упоминание об Афанасии Олисове в официальных документах относится к 1713 году. Речь идет о Приходной книге денежного стола Разрядного приказа. 4 марта 1713 года по указу Петра и сенатскому приговору начался чрезвычайный сбор денег на военные нужды. Гости, торговые люди гостиной сотни и торговые иноземцы должны были заплатить «десятую деньгу», смотря «по пожиткам и по промыслам». Такой же налог верхушка российского купечества платила в 1705 году. «По списку 1705 года», т. е. в том же размере должны были они раскошелиться и теперь. Величина платежа 1705 годы была занесена в Приходную книгу. Рядом помечалось, внесена ли такая же сумма в 1713 году. Против фамилии Афанасия Олисова запись о платеже отсутствует. Написано лишь, что в 1705 году он внёс в казну «130 рублей». Скорее всего, это означает, что Олисова уже не было в живых. Видимо он скончался между 1705 и 1713 годами, прожив долгую, насыщенную событиями жизнь.

После себя он оставил храмы и добрую память земляков. Особенно благодарны были ему нижегородцы за то, что в 1676 году, будучи проездом из Астрахани в Москву, Олисов взялся ходатайствовать перед высшими властями об уменьшении налогов, которыми был обложен нижегородский посад, и прощении накопившихся недоимок. По милости царя Фёдора Алексеевича тогда долги нижегородцев перед казной были списаны, а налог («стрелецкий хлеб», платившийся, однако не продуктами, а деньгами) существенно уменьшен...

Л. Ю. Варенцова

ПРОМЫШЛЕННАЯ БАЛАХНА В XVII веке

Балахна – один из древнейших промышленных центров Нижегородского Поволжья. Она известна с 1401 года. Первоначально называлась «Солью на Городце». После возведения в 1536 году при впадении речки Нетечи в Волгу деревоземляной крепости Балахна стала городом, а вскоре – центром самостоятельного уезда, земля которого простиралась по обоим берегам Волги вплоть до Юрьевца-Поволжского. В 1565 году Балахна с уездом вошла в состав опричных земель.

В городе размещались приказная и губная избы, три тюрьмы, огороженные тыном (разбойная, опальная, женская), государев житничный двор, осадные дворы Балахнинского Покровского монастыря и Троице-Сергиева монастырей, двор для приезда десятильников от патриарха. Здесь же находились дворы стрельцов, пушкарей, воротников.

В XVII веке Балахна была дворцовым городом и управлялась то воеводами, то путными ключниками. Ведались они в приказе Большого Дворца. Доходы, собираемые выборными старостами и целовальниками, поступали про царский обиход.

Прямоугольная в плане крепость в своих 10 башнях имела достаточное вооружение: 17 пушек в 1618 году, 21 пушку, 21 пицаль и 112 мушкетов в 1674 году. Возле крепости, ближе к берегу Волги, располагался торг со специализированными рядами, таможня, важня и харчевни. Вдоль Волги тянулись соледобывающие комплексы: рас-

солоподъемные трубы с варницами и дровяными кладищами (поленницами). Поодаль от берега располагались кирпичные заводы.

Жилые дома в XVII веке группировались на возвышенных, не затопляемых паводковыми водами местах, поблизости от производственных строений. В центре таких групп строений возвышались парные приходские церкви (шатровая холодная и клетская – теплая). Каждый район носил собственное название: Кузнецы, Варницы, Бор. Были в городе и улицы: Набережная, Никитская, Выползова. Они тянулись сразу через несколько районов, соединяясь через овраги и протоки рублеными мостами и гатями.

Начало XVII века для Балахны оказалось тревожным. В 1608 году представители «Тушинского вора» – атаман Тимоха Тоскаев и боярские дети суздальцы Елизарий Редриков и Семен Долгово сумели привлечь на свою сторону балахнинского воеводу Степана Голенищева, привести городское население к присяге на верность Лжедмитрию II. 2 декабря 1608 года они попытались захватить с бою Нижний Новгород, но были разбиты в районе деревень Копосово и Козино. Степан Голенищев и несколько его ближайших помощников были повешены в Нижнем Новгороде, а балахнинцы присягнули на верность правительству Василия Ивановича Шуйского. С тех пор балахнинцы выступали заодно с Нижним Новгородом, принимали активное участие в народном ополчении К. Минина и Д. М. Пожарского.

В годы «смуты» Балахна неоднократно выгорала, в 1618 году в 493 дворах в ней насчитывалось всего 727 мужчин (полторы тысячи людей обою пола). К середине XVII века численность жителей Балахны возрастает более чем вдвое, а в 1678 году в 847 дворах насчитывалось 2177 мужчин (всего более 4400 человек).

Город вырастал на месте соледобычи. Выварка соли из местных подземных рассолов оставалась в течение всего XVII века главным промыслом балахнинцев. Соляные источники располагались здесь на глубине 25 сажен (около 50 метров), в слоях синеватого цвета сланцев. Они находились в более благоприятных для разработки геологических условиях, чем в Соли Камской (рассол там поднимали с глубины 80 метров) или Тотъме (180 метров).

Рассол поднимали на поверхность по трубам, затем по желобам разливали в црены – огромные скороды (6х6 или 8х8 метров) с высокими бортами. Црен на цепях висел в варнице – рубленом сарае с кострищем в центре. Выварка соли (с доливкой рассола 2–3 раза) продолжалась непрерывно, от 3 до 4 суток.

Положительным фактором развития промысла было выгодное расположение Балахны в центре Поволжья, а также наличие в окрестностях достаточного количества дешевых дров – основного вида топлива для варниц. В каждой из них сжигалось ежегодно до 5000 «однополенных» сажень дров.

С одной варницы в Балахне получалось в год 20–22 тысячи пудов соли. Весь соляной комплекс давал ежегодно не менее 1700 тысяч пудов. Число рассолоподъемных труб в Балахне в XVII веке оставалось практически постоянным (20 – в 1618 году, 31 – в 1628 году, 33 – в 1674 году). Возле труб возводились 2 – 3 варницы, чтобы после начала варки соли в одной варнице добытый рассол сливать на следующий свободный црен. По этой причине число варниц было большим, чем число труб (73 – в 1618 году, 62 – в 1628 году, 87 – в 1674 году). Рассолоподъемную трубу и каждую варницу обслуживали по 8 человек. Поэтому каждый соляной комплекс можно считать производством мануфактурного типа. По мнению профессора Н. Ф. Филатова, на соледобыче трудилось рабочих людей в 1618 году – 816, в 1628 году – 744, в 1674 году – 960 человек.

Устройство солеваренного комплекса было делом весьма дорогостоящим, длительным и трудоемким. Сначала копали вертикальную шахту, осаждали в нее на всю глубину пустотелые, плотно, без зазорин, всаженные одна в другую трубы. Затем строили варницы со всем необходимым оборудованием. Использовались дрова не только с окрестностей Балахны, но и привозились из Заузольской волости, с Унжи. На все уходило не менее двух лет. Очень важно было точно выйти в глубинах на слой рассола. В противном случае все затраты оказывались напрасными. Устанавливались соляные комплексы на паях, сразу несколькими промышленниками. В зависимости от капиталовложений распределялся рассол между пайщиками. Участие в усолье имело характер недвижимой собственности. Варницы же были принадлежностью одного лица.

Кроме выварки соли из местных рассолов балахнинцы занимались и переваром самосадочной соли-бузуна, привозимой из Волжского Понизовья.

Балахнинцы везли свою продукцию далеко за пределы Нижегородского края. Крупные партии соли отправляли вверх по Волге до Ярославля и Луха, по Оке и Клязьме в Вязники, Гороховец, Муром, Елатьму, Касимов, Рязань. Таможенные пошлины с вывозимой соли

непосредственно поступали в приказ Большого Дворца, в ведении которого Балахна находилась с XVI века. В 1672 году вышел царский указ о сборе пошлин на месте. С каждого рубля товара взималось по 10 копеек в казну. С полутора миллионов пудов вывозимой ежегодно соли балахнинцы отдавали до 15 тысяч рублей. По тем временам это была огромная сумма денег. Промышленники жаловались, что в местах торговли с них повторно брали такую же пошлину. Это вынудило балахнинцев сократить добычу. В 1690 году в городе случился разорительный пожар, от которого запустело более 30 соляных варниц.

Окончательный удар балахнинскому соляному промыслу нанес указ Петра I о введении государственной монополии на продажу соли. Петр Великий требовал сдавать соль промышленникам в казну по твердым ценам – по 5 копеек за пуд. Вываривать соль отныне стало невыгодно. Некогда дававший большинству взрослого населения города работу и достаток промысел в начале XVIII века практически прекратил свое существование. Многие десятилетия рассолоподъемные трубы стояли запечатанными, а варницы ветшали и растаскивались на дрова.

Кирпичное производство в Балахне развивалось на базе местных залежей высокосортных глин и неограниченного количества чистого речного песка. Балахнинские мастера были широко известны в стране. С конца XVI века 30–40 дворов (120–130 кирпичников) были включены в число государевых «кирпичиков» приказа Каменных Дел. Тягла они не платили, но могли быть вызваны на работы в любой город России.

В начале XVII века в Балахне действовало 14 «кирпичных сараев», где производился кирпич, красные, муравленые (зеленые) и полихромные изразцы, глиняная посуда. Балахнинские изразцы обладали не только высоким качеством, но и художественными достоинствами. Они поставлялись во многие города Поволжья. Все каменные здания Нижнего Новгорода XVII века возводились из балахнинского кирпича. Балахнинские нарядные изразцы украшали лежанки, печи в домах и палатах нижегородцев, приходские храмы. Сегодня балахнинские полихромные изразцы можно увидеть на стенах Спасской церкви Балахны да в музеях.

В городе появились крупные купцы-промышленники, во дворах которых жили многочисленные кабальные и купленные люди. Накопленные капиталы позволили местным промышленникам развернуть в городе дорогостоящее строительство каменных храмов и жилых

усадебных комплексов. В XVI веке особенно замечателен был соле-промышленник Василий Кухтин, у которого было в разных трубах 1542 бадьи рассола и несколько варниц. В XVII столетии главнейшими производителями соли следует назвать семейства Спириных, Суровцевых, Трофимовых, Можжевелиных, Троице-Сергиев и Балахнинский Покровский монастыри. Солеварение обеспечило процветание Балахны в XVII – начале XVIII веков. Балахна прочно утвердилась в числе ведущих промышленных центров Русского государства.

Балахнинские промышленники, обладая достаточными капиталами, располагая хорошо отлаженным кирпичным производством, развернули в городе каменное строительство.

В 1552 году в Покровском монастыре возвели шатровую Никольскую церковь. В 1646 году монастырские власти приступили к возведению двухэтажного кирпичного Покровского собора. Работы возглавил старец Игнатий, кладку стен вели балахнинские мастера. В подцерковье располагались келарская, хлебня, кладовые. На втором этаже – моленный зал собора, двухстолпная просторная трапезная палата с приделом в честь Иоанна Златоуста. Полы собора выложили желтыми, зелеными и белыми поливными керамическими плитами. Резной иконостас и яркоцветная живопись образов работы балахнинских изографов Нехорошки Иванова и Ераста Прокофьева придавали интерьеру особую изысканность.

В 1664–1668 годах солепромышленник Григорий Ефремов сын Добрынин в память об умерших в «морское поветрие» отце и брате выстроил на Никитской улице (в Кузнецах) домовую пятиглавую, с двумя рядами кокошников, Спасскую церковь. Она остается ярким образцом постройки, где ярко прослеживается влияние московского зодчества на архитектуру Нижегородского Поволжья. Это интереснейший образец русского «узорочья».

В 1671–1675 годах огромный кирпичный собор женского Христорождественского монастыря выстроил своей казной протопоп Успенского собора Московского кремля, балахнинец родом, Кондрат Ильин. Собор возведен с пятью главами в виде огромных шлемов.

Сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры Балахны свидетельствуют о высокой строительной культуре России, служат украшением древнего города, придают неповторимость его облику.

Ф. А. Селезнев

ПУШНИКОВЫ, или УМЕНИЕ ДЕРЖАТЬ УДАР

Есть в Нижнем Новгороде улица Гоголя. Никогда не слышали о ней? Ну что вы! Ей стоит полюбоваться! Добраться до этой улицы очень легко. Сверните с шумной Ильинки, пяток минут пройдите по Сергиевской – и вот перед вами тихая улочка Гоголя, в старину звавшаяся Телячьей. Её украшение – великолепное кирпичное здание сказочного вида, одно из старейших в городе. Это – кожевенный завод Пушниковых.

Как и о многих нижегородских промышленниках XVII века – судовладельце Афанасии Первове, хозяине одиннадцати мельниц Василии Муромцеве, солеторговцах Леонтьевых – Онтроповых, мыловарах Олисовых, ямщике-предпринимателе Осипе Иванове, о Пушниковых впервые написал подвижник нижегородского краеведения, профессор Николай Филлипович Филатов. На добытые им сведения и опирается наша история.

Фамилия Пушниковых происходит от прозвища «пушник», указывающего на род занятий её родоначальника. Пушники работали с пушницей. Как выяснил профессор Филатов, в начале XVII века в Нижнем Новгороде жили братья Андрей и Давыд, которые занимались выработкой и продажей мехов пушного зверя. Хозяйство Андрея-пушника унаследовали его сыновья Дмитрий и Иван.

Об Иване Пушникове известно, что он не однажды избирался в таможенные целовальники. Так называли тех людей, которые целовали крест, то есть давали присягу в том, что будут помогать таможенному голове и отвечать своим имуществом, в случае если у него случится недостача. (Напомним, что таможенный голова ведал сбором налогов с торгующих). Естественно, что в таможенные целовальники бедняков не избирали. Отсюда мы можем сделать вывод, что Иван Пушников был удачливым предпринимателем.

Как раз таким людям государство старалось давать поручения, связанные с казенными доходами и управлением казенным имуществом. Например, богатых нижегородцев нередко отправляли на астраханские и яицкие дворцовые рыбные и соляные промыслы. Не миновала чаша сия и Ивана Пушникова, который должен был прослужить там какое-то время приказчиком.

Командировка в Астрахань не могла сойти за удовольствие. Жаркое южное солнце лишь только появится на небе, начинает нещадно палить.

Это не ласковое солнышко верхнего Поволжья. Путь в Астрахань был сопряжен с большими опасностями – на Волге пошаливали разбойниками. Да и сама необходимость уехать из родного города и, самое малое, на год, бросить свой бизнес и семью не могла не угнетать. Но с другой стороны для смелых и предприимчивых Астрахань становилась трамплином для взлета к богатству. Здесь можно было установить прямые связи с восточными купцами и сколотить приличный стартовый капитал. Это удавалось не каждому. Но Иван Пушников сделал это. Другого выхода не было: нужно было поднимать сыновей, а их у Ивана родилось шестеро: Ефрем, Митрофан, Петр, Иван, Яков, Давыд.

Ну а когда сыновья подросли, они сами стали опорой отцу и почти все добились серьезных успехов на деловом поприще. Старший Ефрем, видимо использовавший астраханские связи отца, развернул крупную торговлю восточными товарами. Продавал он также два продукта самого массового спроса: хлеб и соль. Можно сказать, что по масштабу своих операций он превзошел отца. Соответственно и службы ему государство поручало более ответственные. В 1678/79 году Ефрем Пушников состоял головой Нижегородского кружечного двора. Эти заведения в 1652 году заменили кабаки в рамках борьбы с пьянством. Вино в кружечных дворах продавали только на вынос и большими мерами. Причем только по определенным дням и в особое время. Служба эта была очень хлопотная, но Ефрем справился с ней блестяще, завоевав полное доверие государства. Об этом свидетельствует его назначение на следующий год нижегородским таможенным головой. На эту должность обычно назначались либо гости, либо купцы гостинои сотни, т. е. представители верхов предпринимательского сословия. Таким образом, статус Ефрема Пушникова в деловом мире был весьма высок. Как и оценка его служебных успехов со стороны государства: в 1682–1683 годах ему опять доверили быть головой кружечного двора.

В 1693 году Ефрем Пушников принял постриг в Макарьевском монастыре. Многие люди той эпохи становились монахами на склоне лет. Переступив порог кельи, они отрешались от мирских забот. Но Пушников и в монастыре не уходит на покой, поскольку его назначили казначеем. Соответственно на его плечи легли заботы о финансовом благополучии обители.

Брат Ефрема Пушникова, Митрофан (родившийся в 1649 году) тоже торговал с Астраханью. Туда он ежегодно отправлял два корабля

с лесом и строевым лесом, а обратно вез жемчуга и восточные ткани. Каждое путешествие давало огромный барыш, но и таило в себе опасности. Мало ли было на Волге лихих людей! Да и с водной стихией шутить не стоило. В 1687 году оба корабля Митрофана Пушникова затонули. Погиб сопровождавший груз брат Петр. Но Митрофан стойко выдержал удар судьбы. Нет кораблей, ну что же, можно отправить товар зимой на санях. И вот снаряженный Пушниковым обоз с восточными товарами отправляется в Москву. А к концу XVII века Митрофан Пушников вел крупную оптовую торговлю не только в Москве и Астрахани, но и на Макарьевской ярмарке, благо там его всегда мог поддержать старший брат, монастырский казначей. Еще Пушников развернул свои дела в Архангельске. А Архангельск, напомним, был основным местом сделок с европейскими купцами. Таким образом, Митрофан Пушников прорубил для своего рода «окно в Европу».

Пятый брат, Яков Пушников, как и старшие тоже торговал. Но он занялся и новым делом – кожевенным. Для Нижнего Новгорода оно не было традиционным. В промышленных масштабах его зачинателями здесь стали москвичи. В 1645 году московские купцы С. Задорин и В. Шорин основали в нашем городе первую крупную кожевенную мануфактуру – она состояла из четырех изб.

Однако это предприятие просуществовало не очень долго. После смерти хозяев оно прекратило работу. В 1663 году его купил Афанасий Олисов, но вскоре оставил кожевенный промысел и он. Таким образом, попытка Пушниковых наладить в Нижнем Новгороде крупное кожевенное производство была уже третьей по счету.

Технология выделки кож была достаточно сложна. Если ремесленник изготавливал весь продукт от начала до конца, то в мануфактуре уже существовало разделение труда. Здесь работали люди разных специальностей. Каждый из них выполнял свою операцию.

Сначала шкуры замачивались в больших чанах. Их очищали от грязи. Затем требовалось снять со шкуры волосяной покров. После этого кожи обезжиривались известью и промывались проточной водой. А дальше русские мастера квасили их в киселях, приготовленных из отрубей и овсяной муки и, разумеется, опять промывали. Следующей операцией было дубление, то есть обработка особым раствором, представлявшим собой настой размолотой дубовой коры с применением

Завод Пушниковых в Започаинье (ныне ул. Гоголя) построен (1698 г.) в стиле, характерном для русской архитектуры конца XVII века

оставалось только отполировать изделие кленовыми гладилками, подливая при этом льняное масло.

Как видим, процесс выделки кож был весьма трудоёмким. Он требовал от работников не только сноровки, но и физической выносливости. Ведь обрабатываемые кожи и отходы производства источали тяжелый запах. Подобные производства, как правило, размещали на окраинах городов. Не стал исключением и завод Пушниковых. Он расположился за рекой Почайной. Этот край Нижнего называли «Започаяньем». Тут находились и скотные дворы, где держали крупный рогатый скот и телят, (почему, кстати, одна из возникших здесь улиц получила название «Телячьей»). Сами же Пушниковы жили на Верхнем Посаде (район современной площади Минина и Пожарского). Их усадьба была деревянной и в 1691 году сгорела. Однако братья были настолько богаты, что после этого построили для себя двухэтажные каменные палаты напротив Пороховой башни кремля. В них разместились все четыре брата (Митрофан, Яков, Давыд и Иван) с семьями.

чернильных орешков и квасцов. Что такое квасцы? Это кристаллы соли – двойной сернокислой соли алюминия, хрома, железа и какого-нибудь щелочного металла. Зачем они нужны? Для дезинфекции. У выдубленных кож подстригивали внутреннюю сторону (бахтарму). Далее наступал черед окончательной отделки. Кожи выдерживали в дегте, протравливали, если нужно, рисунок (при помощи медного купороса) или окрашивали природными красителями. Теперь

Свидетельством богатства и авторитета рода Пушниковых стало и то, что одному из его представителей, на этот раз Якову, доверили быть нижегородским таможенным головой. Он занимал эту должность с 1689 по 1692 год. Ну а в 1695 году великую честь братьям оказал сам царь Петр, посетивший их хоромы.

В 1697 Пушниковым довелось пережить тяжкое потрясение. Пожар уничтожил их завод вместе с припасами и уже готовым юфтяным товаром. Братья понесли огромные убытки. Но Пушниковых, казалось, напасти только делают крепче. Они не опустили рук и тотчас же принялись восстанавливать хозяйство. Новое помещение для своего предприятия они решили сложить из кирпича, чтобы снизить риск повторения случившейся катастрофы. В 1698 красивое добротное здание завода Пушниковых (ныне – улица Гоголя, дом № 52) было возведено. А уже к концу того же года Яков Пушников отправил из Нижнего Новгорода первую партию выделанных кож – 960 пудов (напомним, пуд равен шестнадцати килограммам).

Уже очень скоро Пушниковым пришлось убедиться, как предусмотрительны они были, когда возвели новое здание завода из кирпича. В 1701 году Нижнему Новгороду довелось пережить один из самых страшных пожаров. Он вспыхнул на Нижнем посаде и пошёл вверх по Ильинской горе, уничтожив все постройки от Ильинской до Сергиевской церкви. Сгорели и деревянные дворы около кожевенного завода Пушниковых. А вот он уцелел! После этого Яков Пушников решил построить Божий храм. Он начал возводиться в 1701 году рядом с усадьбой Пушниковых на Верхнем посаде. Это была Георгиевская церковь, украшенная замечательной резьбой по белому камню. (Она к несчастью не сохранилась до наших дней – её разрушили в советский период).

Ну а род Пушниковых процветал и дальше. Сохранились сведения, что в 1710 году Яков Пушников доставил в Архангельск для продажи в Западную Европу кожевенного товара на огромную сумму – пятнадцать тысяч рублей. Но вот, что интересно: стоило братьям в 1715 году разделиться, как дела у них пошли под уклон. Пока же Пушниковы были вместе, они стойко выдерживали все удары судьбы!

Ф. А. Селезнев

СТРОГАНОВЫ: ИМЕНИТЫЕ ЛЮДИ

Сказать, что в XVI–XVII веке Строгановы были самыми знаменитыми из русских купцов, значит не сказать ничего. Они были не просто сверхбогачами, славившимися по всей Руси. Сто лет члены этой семьи имели в государстве особое правовое положение. А ведь предки Строгановых были простыми мужиками!

Первый известный нам представитель названной фамилии – новгородец Спиридон. Его внук Лука и правнук Фёдор в конце XV обосновались на самом краю новгородских владений, там, где река Вычегда впадает в Северную Двину. Ныне – это Котласский район Архангельской области. Что увлекло Строгановых в такую даль? Конечно, желание разбогатеть на торговле мехами. Здесь их можно было очень выгодно купить у местных охотников-коми. А потом выяснилось, что в этих местах есть «Соляное озеро», вокруг которого изобилие соляных ключей. Младший сын Федора, Аника в начале XVI века завел тут солеварню.

Вскоре солеварение стало главным занятием обосновавшихся здесь новгородцев. Возник целый город – Усольск или Соль Вычегодская, он же – Сольвычегодск. Из всех местных солеваров Строгановы были самыми сноровистыми и быстро разбогатели. Не оставляли они и торговлю пушниной. Их трудами Сольвычегодск рос и украшался храмами.

Соль и меха – на этом сделать деньги тогда было легче всего. Но для этого нужны были воля и расчет. И того и другого солевар и торговец Аника Строганов имел в избытке. Как водится, пришлось выполнять и государственные службы. Здесь, на Урале русским царям нужны были энергичные, решительные люди, способные, не боясь опасностей, заселить и обустроить этот богатый, но удалённый край. В 1558 году Иван Грозный пожаловал Анике на двадцать лет в пользование земли по Каме – до впадения в неё реки Чусовой. (Это современная Пермская область). Леса, рыбные и охотничьи угодья всё отдавалось Строганову. От него требовалось лишь одно – построить здесь крепость. Строганов план перевыполнил. Он воздвиг на правом берегу Камы две крепости. Сюда устремились русские люди. Одна за другой здесь возникали слободы и деревни.

Дальше, за Камой простирались земли Сибирского ханства. В середине XVI им угрожали властители Бухары. Чтобы найти защиту от

набегов с юга сибирский хан Едигер в 1555 добровольно принял русское подданство. Но, когда началась Ливонская война, войско Ивана Грозного было далеко на западе и не смогло помочь Едигеру отразить нападение бухарского царевича Кучума.

Захватив Сибирское ханство, Кучум начал разорять земли Строгановых. Для борьбы с ним Строгановы пригласили казачьего атамана Ермака. С именем этого человека-легенды, человека-песни связано присоединение Западной Сибири к Русскому государству. Но немалую роль в этом свершении сыграли и Строгановы.

Ещё большие услуги отечеству знаменитые солепромышленники оказали во время Смуты. Это была эпоха внуков Аники Строганова – Максима, Никиты, Андрея и Петра.

Максим Строганов (тот самый который когда-то вершил дела вместе с Ермаком) и его двоюродный брат Никита тысячами давали деньги царю Василию Шуйскому. На их средства содержалось войско знаменитого полководца Михаила Скопина-Шуйского, разгромившего Лжедмитрия II. Для обороны от супостатов Строгановы и сами управляли под Москву ратных людей.

В награду царь удостоил щедрых купцов небывалых почестей. Как известно верхушку предпринимательского сословия в средневековой России составляли «гости». Так вот, Строгановы были поставлены выше гостей. Они (и только они!) получили право называться «именитыми людьми». Такой указ Василий Шуйский издал в 1609 году. Он же разрешил Строгановым писаться с «вичем». Иначе говоря, скажем, П.С. Строганов в документах мог именовать себя не «Петр Семенов сын», подобно всем остальным купцам, посадским людям и крестьянам, а «Петр Семенович», как звались князья и бояре.

Увы, в 1610 году все усилия и затраты Строгановых пошли прахом. Изменники-бояре сместили царя Василия Шуйского и впустили в Москву поляков. Но уральские солепромышленники с этим не смирились. Они поддерживали деньгами всех борцов народного сопротивления. Главной их надеждой стали Минин и Пожарский. И вклад Строгановых в казну ополчения был самым крупным. Андрей, Петр и Максим Строгановы внесли огромную сумму – четыре тысячи сто шестнадцать рублей.

На этот раз жертвы не были напрасны. Смуту удалось преодолеть, а иноземных врагов изгнать.

Новые цари, Романовы, должным образом отметили усердие Строгановых. В 1614 году Михаил Фёдорович Романов подтвердил все прежние льготы, земельные и иные пожалования, данные им прежними государями, а через год одарил семью знаменитых предпринимателей новыми землями.

При следующем царе, Алексее Михайловиче, для этой фамилии были писаны особые законы. В Соборном уложении 1649 года в главе X («О суде») говорилось: «...кто обесчестит имянитых людей Строгановых...и им правити за бесчестье Строгановым по сто рублей человеку». Для сравнения, за оскорбление, нанесённое гостю (то есть представителю высшей предпринимательской корпорации) следовало уплатить в два раза меньше – 50 рублей. Но важно даже не это. Поражает сам факт упоминания в своде законов отдельной семьи. Даже боярские роды не удостаивались подобного отличия.

Теперь и князьям не грех было породниться с этой фамилией. И вот Дмитрий Андреевич Строганов женится на княжне Анне Васильевне Волконской. В 1656 году у них родился сын Григорий, которому суждено было ещё более возвеличить свой род.

В исторических источниках он впервые упоминается под 1672 годом. Тогда шестнадцатилетний паренек по воле отца ездил в Москву с подарками и поздравлениями к царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Петра (будущего императора Петра I). В 1673 году Дмитрий Андреевич Строганов скончался, и Григорию в семнадцать лет пришлось стать главой своей ветви рода, вступив во владение одной третью фамильных имений. (Первая треть принадлежала той линии Строгановых, которая происходила от старшего сына Аники, Якова; ещё одной третью семейной собственности обладали представители младшей ветви рода – потомки внука Аники, Петра Семеновича).

1 июня 1673 года царь Алексей Михайлович выдал молодому Григорию Строганову грамоту, подтверждающую его права на унаследованное имущество. Кроме того, в этом документе были перечислены все заслуги рода Строгановых перед Русским государством и подтверждены все льготы, когда-либо полученные его предками. Григорий Строганов мог «писаться с вичем», за его оскорбление полагался штраф в сто рублей, он освобождался от государственных податей и повинностей. Романовы умели быть благодарными и помнили добро!

Через 8 лет Григорий Строганов стал ещё богаче. К нему перешли богатства пресекавшейся старшей линии рода. Последний её представитель Даниил Иванович умер, не оставив сыновей. Его наследством распоряжались сначала его вдова, а потом младшая дочь, Анна Даниловна Строганова. В 1681 году она вышла замуж. Но фамильные богатства нельзя было упускать из семьи. Поэтому они перешли к Григорию Строганову, оказавшемуся в свои двадцать четыре года старшим мужчиной в роду. (Разумеется, Григорий Дмитриевич выделил своей пятиюродной племяннице щедрое приданое). А в 1688 году, по завещанию Анны Никитичны Строгановой, вдовы Фёдора Петровича Строганова, представлявшей младшую ветвь рода, к Григорию Строганову отошла и остальная часть фамильных владений. Таким образом, в тридцать два года он сосредоточил в своих руках все несметные богатства, созданные его предками.

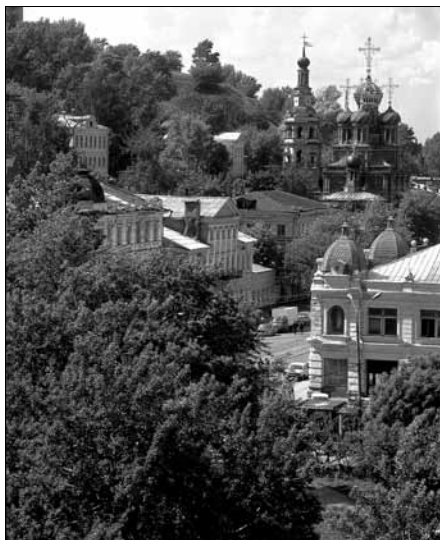
Григорию Дмитриевичу Строганову теперь принадлежали девять с половиной тысяч десятин земли (а десятина, как мы помним, примерно равна гектару) с сотнями деревень и двадцатью городками (то есть небольшими крепостями). А ещё расслоподъемные трубы, соляные варницы, корабли, пристани и склады. Все эти владения раскинулись в разных местах России.

Значение родового гнезда сохранял Сольвычегодск. Здесь Строгановыми был основан Введенский мужской монастырь. Иконописцы отсюда славились по всей России. Строгановы покровительствовали искусным мастерам. Благодаря этой поддержке сложилась особая «строгановская школа» иконописи. В Сольвычегодске Григорий Дмитриевич Строганов в 1689–1693 годах возвел величественный Введенский храм.

Недалеко от Сольвычегодска находился городок Устюжна-Железнопольская. Здесь добывали железную руду и, конечно, Строгановы проявили интерес к этим местам и приобрели там земли. В 1694 году Григорий Строганов на свои средства воздвиг в Устюжне храм в честь Казанской иконы Божьей Матери.

Сердцем империи Строгановых долгое время являлись земли на Каме. Здесь прирастало их богатство. Отсюда каждый год снаряжались караваны с солью. Но Григорий Дмитриевич Строганов перенес свою столицу в Нижний Новгород.

К этому городу Строгановы присматривались и раньше. Ведь он великолепно подходил, для того чтобы из него руководить семейным

*Рождественская
(Строгановская) церковь (1719 г.)*

делом. По Каме и Волге сюда было удобно доставлять соль из пермских владений. Затем товар можно было продать или в самом городе, или на Макарьевской ярмарке. Либо отправить дальше по Волге или Оке. «Нижний – Москве сосед ближний». Значит, отсюда было удобно поддерживать связь со столицей. Всем хорош был этот царственно поставленный город!

Приказчики Строгановых находились в Нижнем Новгороде уже в начале XVII века. Здесь на Нижнем посаде (окрестности современной Рождественской улицы) расположились пристани, склады

и прочие хозяйственные постройки уральских солепромышленников. Однако на Нижнем посаде было слишкомлюдно и суетно. Где же отдохнуть Строгановым после долгого плавания по Каме и Волге? Желательно поближе к реке, но подальше от городского шума. Такое место они нашли за Окой, в селе Гордеевка. В 1670 году здесь им продала свои «семь четей с осминою» вдова Василиса Никитина Козлова. В 1677 году уже самому Григорию Дмитриевичу Строганову заложил за 1500 рублей целых «двадцать две чети с осминою» нижегородский дворянин Ф. А. Жедринский. Так в руках Г. Д. Строганова оказалась «купленная и закладная вотчина, сельцо Гордеевка, Дорожайка тож».

В 1685 году здесь стояли 27 мужицких дворов. Рядом с господской усадьбой имелся пруд. В общем, налицо были все условия, чтобы в тишине и покое хорошо отдохнуть. В том же году была удовлетворена челобитная Григория Строганова о том, чтобы все дела, касающиеся как его самого, так и его людей, ведать исключительно в Новгородском приказе, куда и передать их из других ведомств. Между тем именно к Новгородскому приказу был приписан город Нижний Новгород. Это

значит, что Григорий Строганов захотел прочно связать свою судьбу с нашим городом, сделав его средоточием своих владений. Когда же он поселился в Нижнем? Возможно, это произошло уже в 1677 году, для чего и покупалась вотчина Жедринского. Но уж во всяком случае, переезд состоялся не позднее 1685 года.

В Гордеевке при Строганове развернулось большое каменное строительство. Результаты его в 1702 году довелось наблюдать иностранному путешественнику Корнелию де Бруину. Он описал «большое село, принадлежащее Григорию Дмитриевичу Строганову, с прекрасной каменной церковью и близ неё с каменным господским домом, где живет временами он сам». (Строганов ежегодно посещал свои камские владения и вообще много ездил по стране).

Храм, так восхитивший де Бруина, был, посвящен Смоленской иконе Божьей Матери. Работа над ним была окончена в 1697 году. Ныне это единственное, что осталось от той, древней, Гордеевки.

Украсил Строганов и собственно Нижний Новгород. В 1692 году по сообщению нижегородского летописца «стенное письмо» в главном храме города – Спасо-Преображенском соборе было написано «иждивением именитого человека Григория Дмитриевича Строганова».

Но самым прекрасным творением, появившимся в Нижнем, благодаря Строганову, стала знаменитая Рождественская церковь. Выше её в старое время находилась церковь с тем же названием, то есть посвященная Рождеству Пресвятой Богородицы. Её выстроил в 1653 году близ своего двора приехавший из Москвы купец С.Ф. Задорин, владелец кожевенного завода. После смерти Задорина этот участок попал в руки Строгановых. Григорий Строганов, в благодарность своему небесному покровителю Григорию Богослову пристроил к задоринской церкви посвященный ему придел. А чуть ниже знаменитый солепромышленник в конце XVII века начал возведение нового храма, которой своей красотой затмил всё, что было рядом. Этот храм до сих пор вызывает восхищение нижегородцев роскошным белокаменным убранством и сиянием разноцветных куполов. Достроено это чудо зодчества было уже после смерти Григория Строганова, в 1719 году. В память о нём эту церковь иногда называют «Строгановской».

Если сегодня мы войдём внутрь этого храма, то увидим чудесной красоты иконостас с великолепной деревянной резьбой и замечательными по мастерству художественного исполнения иконами. Иконостас

по заказу Строгановых был выполнен в 1723 году знаменитым мастером Оружейной палаты Кириллом Ивановым сыном Улановым и его учеником Алексеем Городчаниновым. Иконы Богоматери и Христа Вседержителя, как полагают современные историки, написали иконописцы Григорий и Дмитрий Фёдоровы дети Поповы из Нижегородского Благовещенского монастыря.

Строгановы любил красоту во всём. Григорий Строганов, обосновавшись в Нижнем Новгороде, завёл здесь церковный хор, о сладковучии которого ходили легенды. Царевна Софья писала ему в апреле 1689 года: «Как известно у тебя есть киевского пения спеваки; то прислал бы из них в Москву двух лучших басистов и двух же самых лучших альтистов, и за сие ожидал бы царской милости». Строганов не замедлил исполнить просьбу царевны, и грамотой от 2 июня 1689 был извещен, что присланные им певцы приняты в Новгородский приказ, его же самого «жалуют, милостиво похваляют».

Григорий Строганов был у Софьи в особой чести. Он её крепко выручил деньгами в мае 1682 года. Тогда в Москве полыхнул стрельцкий мятеж против Нарышкиных. Реальная власть перешла к царевне Софье. Но теперь ей нужно было стрельцов, и отблагодарить и утихомирить. И вот к Строганову полетела грамота, чтобы он дал средства на жалование московским стрельцам, с обещанием, что деньги ему будут возвращены когда «царская казна будет в сборе».

Подобными временными ссудами Григорий Дмитриевич неоднократно выводил казну из затруднительного положения. А ещё постоянно слал к Царскому двору изумительной красоты рукоделия своих мастеров: шитые золотом и жемчугом покровы, книги в драгоценных окладах и многое другое. Иногда в Москву приглашались и сами умельцы, чтобы на месте выполнить особо ответственный царский заказ. Так в 1686 году резчик Строгановых Григорий Устинов высек из белого камня трех львов и двух орлов на Красном крыльце Кремлевского дворца в Москве. Вообще Строгановы очень ценили талантливых людей и отовсюду приглашали лучших иконописцев, кузнецов, резчиков, певцов.

Певцы от Строганова были одной из последних радостей царевны Софьи. Осенью того же 1689 года она была отстранена от власти своим сводным братом Петром I. Тот едва ли не во всём был полной противоположностью сестре. Но вот Строгановых, как и она, жаловал. Впрочем, и было за что. В 1700, когда молодой царь трудился в Воронеже на строи-

тельстве военного флот, Григорий Строганов лично прибыл туда и сделал самый лучший подарок, который только Петр мог ждать: построил на свои средства два фрегата. Одновременно два военных корабля на деньги Строганова были сооружены в Архангельске. Добавим, что Григорий Дмитриевич находился в Воронеже с находящейся на сносях женой. Там она и родила. Государь стал крестным отцом младенца, которого нарекли Николаем.

Приятен царю-реформатору Строганов, наверное, был и тем, что, в отличие от огромного большинства купцов, не чурался европейского платья и бритья. На дошедшем до нас портрете он изображен безусым и безбородым, в камзоле и парике.

В знак особой милости Петр I подарил Григорию Дмитриевичу свой собственный портрет, усыпанный бриллиантами. Строганов всегда носил его в петлице кафтана.

В 1703 году Григорий Дмитриевич переехал на постоянное жительство в Москву. Но Нижний Новгород всё равно оставался столицей его обширного хозяйства. Дело в том, что в 1705 году на продажу соли была введена государственная монополия. Это означало, что потребители теперь покупали соль у казны. А она в свою очередь приобретала соль у оптовых поставщиков. Главным из них был Строганов. Теперь у него не болела голова о реализации товара. Весь добытый продукт Строганов теперь привозил в Нижний Новгород за счет казны (она платила по четыре копейке с пуда за доставку) и продавал здесь государству по пять копеек с пуда.

Скончался Григорий Дмитриевич в Москве 21 ноября 1715 года, оставив по себе добрую память и трех юных сыновей – Александра, Николая и Сергея. До их совершеннолетия семейным имуществом управляла их мать, Мария Яковлевна, урожденная Новосильцева. При наследниках Григория Дмитриевича (21 июня 1719 года) была освящена уже упоминавшаяся великолепная Рождественская церковь.

Сыновья старого Строганова сохранили благоволение императора Петра. Когда тот в 1722 году отправился в свой Персидский поход, от Москвы до Нижнего Новгорода его сопровождал Александр Строганов. В его нижегородском доме царь и остановился. Далее Александр Григорьевич сопровождал монарха до Симбирска. Довольный распоряжительностью молодого человека царь возвел его и его двух братьев в баронское достоинство.

Бароны Строгановы по-прежнему богатели на соляном промысле. Но постепенно он стал давать все меньше дохода. У государства

появился собственный источник дешевой соли – озеро Эльтон.

В 1747 братья Александр, Николай и Сергей Строгановы приступили к разделу семейного имущества, до этого находившегося в общем владении. Гордеевку получил старший брат, Александр (1749). Он скончался в 1754 году в Москве, не оставив сыновей. Поэтому половину его состояния унаследовала вдова Анна Александровна, которая в 1757 году повторно вышла замуж за князя Михаила Михайловича Голицына. Остальная половина (в том числе с. Гордеевка) перешла к князю Борису Григорьевичу Шаховскому (за ним была замужем вторая дочь Александра Строганова, Варвара).

Таким образом, старшая линия Строгановых пресеклась. Однако сам род сохранился. Славу ему продолжали добывать потомки Николая и Сергея Строгановых. Среди них были крупнейшие государственные деятели, генералы, покровители искусства.

Связь с Нижним Новгородом они сохраняли ещё долго. Так в 1807 году по распоряжению Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), известного мецената и президента Академии художеств начался капитальный ремонт Рождественской церкви. Его сын Павел Александрович (1772–1817) был близким сотрудником Александра I, членом знаменитого «Негласного комитета». В 1812 он с сыном Александром участвовал в Бородинской битве. На исходе войны с Наполеоном ему суждено было потерять сына, принявшего геройскую смерть в одном из последних сражений. Потрясенный Павел Строганов вскоре ушёл из жизни. После смерти мужа и сына пожизненной владелицей Строгановского майората стала вдова П. А. Строганова, Софья Владимировна, урожденная княгиня Голицына (1775–1845), замечательная женщина, достойная отдельного рассказа. Здесь лишь упомянем, что по её инициативе построен новый усадебный комплекс Строгановых на Рождественской улице в Нижнем Новгороде (старые постройки, принадлежавшие здесь знаменитому роду оказались вне красных линий, определенных регулярным планом Нижнего Новгорода 1824 года, и их предписывалось разобрать). Новую усадьбу (Рождественская, д. 45) в 1825–1829 возвел архитектор Павел Иванов. В 1828–1831 было построено новое здание Соляной конторы Строгановых (ул. Суетинская, д. 23, архитекторы И. Е. Ефимов, А. Л. Леер).

Так три века Строгановы украшали Нижний Новгород. За это их поминают добром до сих пор.

Л. Ю. Варенцова

ПЕТР I и НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ

Рубеж XVII и XVIII столетий ознаменовался для России как время серьезных преобразований Петра Великого. Нижегородцы пережили все тяготы бурной Петровской эпохи с ее реформами, длительной Северной войной, рекрутскими наборами, массовыми мобилизациями на строительство Петербурга и военного флота.

Широкий размах строительство судов новых типов в Нижнем Новгороде приобрело в последние годы XVII века, в период подготовки Петром I Азовских походов 1695–1696 годов и вскоре после них. Указным порядком в кораблестроении вводились новые конструкции и строительные материалы, например, пильный тес. Суда переоборудовались из транспортных – в военные, в том числе и для выхода в море. В Нижний Новгород из Москвы были присланы специально обученные мастера.

Чтобы сделать суда легче и устойчивее на волне, их борта перестали рубить из цельного дерева, а лишь обшивали шпангоуты толстым дубовым тесом. Все нижегородские дубравы по этой причине объявлялись заповедными, и вековые дубы отныне разрешалось рубить только по специальному разрешению воевод, а позднее – Адмиралтейства.

В 1695 году, во время подготовки к Азовскому походу, Петр I приказал к прибытию каравана военных судов в Нижний Новгород изготовить для царского обихода питей, столовых и всяких запасов в городе Балахне и дворцовых Заузовской и Толоконцевской волостях Заволжья. Велено было крестьянам и посадским людям приготовить для похода мед, пиво и квас. Требовалось закупить белуг, осетров, стерлядей, шук, судаков, лещей. Спешно готовили мясо быков, баранов, гусей, кур, ветчину, масло, сметану и творог.

Большая часть войска, 120 тысяч, состоявшая из дворянской конницы и казаков, под командованием Б. П. Шереметева направилась к Азову сухим путем. Небольшая часть армии, в 31 тысячу штыков, во главе с царем отправилась на боевых стругах по Оке и Волге. Она везла с собою осадную артиллерию: 104 мортиры, 44 пищали, 14 тысяч бомб к мортирам, 9100 ядер к пищалям, 1000 гранат и 16000 пудов пороха. (Мортира – пушка с коротким стволом, пищаль – пушка,

заряжавшаяся со ствола). Флотилия состояла из 190 боевых стругов: парусно-весельных и плоскодонных судов.

До Нижнего Новгорода добирались почти месяц и прибыли в потрепанном состоянии из-за непогоды. С неделю приводили себя в порядок. Для нижегородских властей было проблемой размещение войска и особенно царской свиты. По преданию царя разместили в доме купца Ефима Чатыгина. Дом сохранился до сих пор, находится на улице Почаинской, 27. Здание является примером каменной жилой застройки богатого нижегородского посада. Дом двухэтажный, с двумя горницами в каждом «житье», с просторными сводчатыми подвалами. До сих пор уникальный памятник архитектуры называется «Домом Петра I».

К сожалению, первый поход на Азов оказался неудачным. Турки отбили все сухопутные атаки русских, а перекрыть им подмогу с моря у Петра не хватило сил. Он учел этот урок и зимой 1695–1696 годов построил новый флот в Воронеже, весной спустил его по Дону к Азову и наконец-то овладел им.

Вскоре, в 1700 году началась затяжная Северная война. Она требовала огромных расходов. И в 1700 году в Нижний Новгород пришел указ Петра I об отписи Макарьевской ярмарки в ведение казны. Отныне там стали распоряжаться государевы подьячие.

В ходе войны Россия твердо стала на Балтике. Возводилась новая столица – Санкт-Петербург. Всё это достигалось путём напряжения сил всей страны. Нижегородские кузнецы, кирпичники, плотники, корабельщики, ткачи-пряделщики и канатчики каждый год по правительственным предписаниям отправлялись на строительство флота или Санкт-Петербурга. Назад домой они, как правило, уже не возвращались: либо гибли там от голода и болезней, либо навсегда переселялись с семьями в «Северную Венецию», где постоянно требовались мастера самых различных специальностей.

В Санкт-Петербург, к проложенным по Балтике в страны Европы торговым путям, устремились и наиболее состоятельные местные купцы.

Оказавшись далеко от активной торговой и политической жизни страны, Нижний Новгород запустел и «затих» на десятилетия. Лишь оптовая поставка по городам соли и хлеба еще способствовала накоплению местными торговцами капиталов.

Ломка петровскими реформами веками сложившегося уклада русской жизни совпала с целым рядом опустошительных пожаров Ниж-

него Новгорода, прежде всего 1701 и 1715 годов. Пожары случались и прежде, но, если ранее богатые посадские люди имели возможность быстро восстановить потерянное, то после запрета указом 1714 года вести в городах России, кроме Санкт-Петербурга, какое-либо каменное строительство, древние нижегородские каменные храмы, палаты, торгово-складские и промышленные здания стали в массовом порядке исчезать с лица земли.

Привлечение к государственным работам Петром Великим нижегородских плотников, каменщиков, кузнецов и ткачей-пряделщиков привело к практически полной потере городами и весями края мастеровых людей.

Личность Петра I народом оценивалась по-разному. Так, в 1703 году нижегородец Андрей Иванов в Москве на самого царя «дал извет»: «Веру православную рушит, велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть». По Нижнему Новгороду от двора к двору тайно передавалось рукописное «Собрание от Святого писания об Антихристе, еже есть Петр Первый».

На социальные и духовные притеснения народ отвечал недовольством, глухим ропотом, бунтами. В астраханском восстании начала XVIII века принимали участие многие нижегородцы, в том числе один из первых бургомистров Нижнего Новгорода Борис Докукин.

Восстание Кондрата Булавина в 1707–1708 годах было подхвачено в Нижегородском крае Гаврилой Старченко. Его отряд напал на караваны волжских судов, громил помещичьи усадьбы. Летом 1708 года в десяти верстах от Нижнего Новгорода им был захвачен караван военных судов: 28 пушек, тысяча ядер и множество другого оружия. По сведениям воеводы, отряд Старченко насчитывал до 10000 человек и ходил в бой «со знамена и барабаны». Сообщалось, что атаман казнит и четвертует и приказывает, что будет в Нижнем и распустит тюрьмы».

Недовольство реформами в Нижегородском крае было повсеместным, а старообрядческое Заволжье стало одним из оплотов сопротивления их проведению в жизнь. Именно поэтому царь приветствовал миссионерскую деятельность своего сподвижника Питирима, впоследствии ставшего Нижегородским епископом.

В 1718 году в Нижнем Новгороде была учреждена Главная соляная контора Берг-коллегии, собиравшая в свои склады ежегодно до 10 миллионов пудов соли из Соли Камской и Понизовья. Соль

Палаты купца Чатыгина на ул. Почаинской («Дом Петра I»). В 1695 году здесь во время Азовского похода останавливался Петр Великий

доставлялась отсюда уже по городам. На государственных поставках купцы могли обогатиться за год либо разориться, если 2–3 их судна садились на мель или давали течь в пути.

Государственное переустройство при Петре I затронуло административно-территориальное деление России. Страна была разделена на 8 громадных губерний. Нижний Новгород утверждался центром Нижегородской провинции Казанской губернии. По указу от 26 января 1714 года Нижегородская провинция стала самостоятельной губернией. Первым губернатором стал бывший дипломат Андрей Петрович Измайлов. В конце 1717 года губерния вновь была подчинена казанскому губернатору П. М. Апраксину.

Самостоятельность Нижегородской губернии была восстановлена в мае 1719 года. Губерния делилась на 3 провинции: Нижегородскую, Арзамасскую и Алаторскую. В Нижегородской губернии насчитывалось тогда 9 городов. Нижегородские губернаторы в обозначении чина имели приставку «вице».

Нижегородская губерния простиралась с севера на юг на 250 верст. Южнее Нижнего Новгорода в ней жили не только русские, но и мордва, и татары.

Петровская губернская реформа имела две цели: укрепить местную власть путем централизации земель и обеспечить более полный сбор налогов. Для чего с 1719 года проводилась ревизская перепись населения.

В это же время губернию возглавлял вице-губернатор капитан-поручик Ю. А. Ржевский. Он служил в Преображенском полку, был известен в знатной семье бояр Милославских. Послан был в губернию по ходатайству епископа Питирима для помощи в борьбе со старообрядцами.

В 1721 году Россия завершила долгую войну со Швецией. Петр Великий был провозглашен сенатом «императором Великим» и «Отцом Отечества». Теперь требовалось незамедлительно налаживать хозяйство страны, для чего нужны были умелые в делах люди. Требовалось всех ремесленников объединить «в цеха по ремеслу». В Нижнем Новгороде в цеха записалось сразу 438 человек.

28 мая 1722 года во время Персидского похода в Нижний Новгород прибыл Петр I. Его встречал епископ Питирим. Приготовленные нижегородцами для похода 245 судов поджидали царские войска. Два дня император посвятил осмотру города, знакомству с местными властями. В воскресный день Петр отстоял литургию – главное христианское церковное богослужение – в кафедральном соборе кремля, где сам пел на клиросе – возвышенном месте для певчих в храмах, расположено перед алтарем. Потом спустился вниз храма. Где низко поклонился гробнице К. Минина. Он произнес при этом проникновенные слова: «На сем месте погребен освободитель и избавитель России». Он подробно расспрашивал нижегородцев о преданиях, сохранившихся о Минине, и очень сожалел, что потомство его пресеклось.

Столь добросердечное отношение императора к памяти великого гражданина России отразилось в том, что верный его сторонник, Нижегородский епископ Питирим приказал обустроить могилу К. Минина.

30 мая Петр I отпраздновал в Нижнем Новгороде свое пятидесятилетие. Царь выслушал молебен в Спасо-Преображенском соборе Нижегородского кремля. Нижегородцы постарались сделать юбилей императора особо торжественным. Накануне Петр отстоял всенощную службу в храме Рождества Богородицы, что близ дома Строгановых. В день именин вместе с императрицей участвовал в литургии в Спасо-Преображенском кафедральном соборе кремля. Он снова пел на клиросе вместе с хором и читал апостол – церковную книгу, содержащую деяния апостолов. Торжественный обед состоялся в городской ратуше. За обильным застольем засиделись, деловито побеседовали. Петр был энергичен, и в два часа ночи императорская свита отправилась в дальнейший путь, в Макарьевский монастырь, на тех же судах, на которых прибыли.

Ф. А. Селезнев

БРАТЬЯ БАТАШОВЫ – СОЗДАТЕЛИ НИЖЕГОРОДСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

На самом дальнем юго-западе Нижегородской области находится Выксунский район. Прославил его на всю Россию металлургический завод. Его историю ведут с XVIII века, а основателями считают братьев Баташовых.

По происхождению Баташовы – туляки. Начинали они как кузнецы местной оружейной слободы, обслуживавшей казенные нужды. Один из Баташовых, Иван Тимофеевич в начале XVIII века был приказчиком у знаменитого тульского оружейника, любимца Петра I, Никиты Демидова. С помощью последнего он основал свой железодельный завод, потом открыл ещё один. Продолжателем его начинаний, сын Родион, имел уже три предприятия.

Дело Родиона Баташова шло в гору, и будущее казалось безоблачным. Однако 30 августа 1754 года вышел Сенатский указ «об уничтожении всех хрустальных, стеклянных и железных заводов в 200 верст от Москвы отстоящих». Сделано это было для сбережения подмосковных лесов.

Дело было в том, что указанные предприятия использовали в качестве топлива древесный уголь. А его вырабатывали из дров. Иначе говоря, получение древесного угля, а, значит, и металлургия, были связаны с массовой вырубкой лесов.

Указ рекомендовал подмосковным заводчикам перевести своё производство в Оренбургскую или Сибирскую губернии. Для Родиона Баташова это стало слишком сильным потрясением. В 1756 году он ушёл из жизни. Но его сыновья не позволили заглухнуть семейному делу. Особенную решительность проявил Андрей Баташов. Забираться на Урал ему не хотелось. Он решил обосноваться где-нибудь поближе. Внимание Андрея Баташова привлекли земли лежавшие в среднем течении Оки. Здесь имелись залежи руды. Рядом шумели необозримые леса, сулившие неограниченные запасы топлива. А сама Ока давала возможность удобной перевозки товара.

Сначала Андрей Родионович Баташов арендовал у князя Долгорукова 9 десятин земли в Касимовском уезде Рязанской губернии на реке Унже (недалеко от её впадения в Оку). Затем (1755) получил в Берг-

коллегии разрешение построить здесь завод. А осенью на Унженском заводе уже получили первый чугун. Другое предприятие Андрей Баташов построил в 1758 году вместе с младшим братом Иваном чуть в стороне от Касимова, на речке Гусь, тоже впадающей в Оку.

Увы, скоро близлежащие рудные месторождения иссякли. Нужно было искать новые залежи железа. И они были обнаружены на правом берегу Оки, близ рек Велетьма и Выксун, на территории современной Нижегородской области. Тогда это был Арзамасский уезд. Земли эти принадлежали помещикам Никите и Герасиму Гольцовым. Баташовы приобрели их в 1763 году. А 26 августа 1765 года Берг-коллегия разрешила Андрею и Ивану Баташовым создать здесь предприятия. В сентябре того же года закипела работа. Началось строительство сразу четырех заводов. Одновременно возводились хозяйский дом, церковь, заводская контора, рудники.

Каждый рудник представлял совокупность десяти – двадцати «дудок». Что это такое? Дудка похожа на обычный деревенский колодец. Здесь тот же деревянный сруб и ворот с барабаном. На барабан намотана веревка с бадьёй. Рудокоп спускался на дно, вооруженный зубилом и кайлом (молотком) и откалывал куски руды, который складывал в бадью.

Добытая руда доставлялась на чугуноплавильный завод. Таких заводов на Выксуне Баташовы построили три: Верхневыксунский (1766), Средневыксунский (1767) и Нижневыксунский (1768).

Сердцем чугуноплавильного завода являлся доменный цех. Доменная печь или домна напоминает большую круглую башню. Ее верхняя часть называется «колошник». Туда загружалась «шихта» – смесь размельчённой руды и древесных углей. Под тяжестью собственного веса шихта валилась в нижнюю часть домны – горн. Туда через боковые отверстия с помощью мехов накачивался предварительно нагретый воздух. Нижний слой угля разжигался и, под воздействием высокой температуры, начиналась химическая реакция. Из исходных элементов: железной руды (которая, как знает всякий школьник, есть не что иное, как оксид железа, то есть соединение железа и кислорода), древесного угля (углерода) и кислорода, входящего в состав воздуха, получались углекислый газ и насыщенное углеродом железо, проще говоря, чугун.

Огненно-горячий, жидкий чугун можно отливать в формы. Это делалось на особых литейных дворах. На Выксунских заводах отливали нужные в каждом хозяйстве чугунные котлы, сковородки, чугуны.

Всем хорош чугун, одно плохо: он тверд, но хрупок. В застывшем виде он практически не поддается обработке, поскольку под ударами ломается.

Хрупкость чугуна придает излишнее содержание углерода. Если его уменьшить, то чугун превратится в то, что мы называем железом. Этот материал уже можно обрабатывать, например, ковать.

Чтобы изгнать лишний углерод, чугун вновь расплавляли в печи. Под воздействием высокой температуры часть углерода выгорала. В результате оставались бесформенные куски технического железа – крицы. Они попадали под удары огромных молотов. Крицам предстояло подвергнуться еще целому ряду манипуляций, прежде чем они будут прокатаны в полосы или в лист и превратятся в полосовое или листовое железо.

Первый завод, где чугун переделывали в железо – «передельный» или «молотовый», Баташовы построили на реке Велетьме в 1770 году. «Молотовое» производство были устроены также при Нижневыксунском заводе. Мощные молоты, о которых здесь говорится, разумеется, были не ручными. Их приводило в движение водяное колесо. Для его вращения требовалось устроить плотину на реке. Так при фабриках появились пруды – Велетьминский, Выксунский и Нижневыксунский.

1770 год был знаменателен для Баташовых не только постройкой Велетьминского завода. В этом году они отлили семьдесят пушек. Этим они оказали важную услугу государству. Шла Русско-турецкая война 1768–1774 годов и требовалось быстро усилить вооружение флота. Однако многие заводчики под разными предлогами старались увильнуть от выполнения сложного и жесткого по срокам казенного заказа. А вот Баташовы наоборот обещали «со всяким усердием трудиться», «хотя бы это было с убытком», «понеже мы не только именем, но и жизнью Отечеству служить обязаны». И слово своё сдержали. А в 1771 году по заказу Адмиралтейств-коллегии они отлили ещё 154 чугунных корабельных орудия, а также крупную партию чугунных пушечных ядер. Литейные работы по военным заказам казны продолжились и далее. Россия крепко вставала на морях, обустроивала порты, строила корабли. А значит ядер, пушек, якорей требовалось всё больше.

Крупные денежные поступления за выполнение казенных заказов позволили Баташовым ещё более расширить производство. В 1773 году вступил в строй действующих их завод в верхнем течении реки

Железницы (современный Выксунский район), а в 1775 г. близ устья Железницы, но на реке Оке, у пристани на ней, задымил Пристанской завод.

Выполнение правительственного заказа позволило Баташовым завести ряд полезных знакомств в Петербурге. Например, со служащим Дворцовой канцелярии Е. В. Рознатовским. Тот был потомственным дворянином, а значит, в отличие от Баташовых, мог свободно приобретать и земли, и крепостных крестьян. По поручению Андрея и Ивана Баташовых и на их средства Рознатовский скупил земли на реке Илевке (тогда это была Тамбовская губерния, теперь – Вознесенский район Нижегородской области), устроил там 46 рудников, чугуноплавильный и железодельный заводы (1774), а в 1776 году продал всё это имущество Баташовым. В том же году в собственность Баташовых перешёл завод князей Репниных в Ермише (современная Рязанская область).

Баташовы увеличивали число своих предприятий, потому что росли объемы государственных заказов. Между тем производство пушек было делом трудным и энергоёмким. Ведь внутри отлитого их чугуна ствола требовалось сделать отверстие. Нужна была своя сверлильня. На Выксунском заводе устроить её не представлялось возможным. Не позволяли энергетические ресурсы реки. Поэтому Андрей Баташов обратился к властям с просьбой разрешить ему построить ещё один завод на Железнице, на этот раз в её нижнем течении, где она перед впадением в Оку наиболее полноводна. Нижнежелезницкий завод начал работу в 1779 году. Его ещё часто называли Досчатым или Досчатинским. Возможно потому, что корпус завода сколотили из новомодных тогда досок. В 1783 году братья Баташовы построили ещё один завод на Унже – Верхнеунженский (современная Владимирская область).

Главная заслуга в создании промышленной империи Баташовых принадлежала старшему из братьев, Андрею Родионовичу. Родился он в 1729 году в Туле и с молодых ногтей отличался завидной физической силой, вспыльчивостью и свирепым нравом. Люди со страхом рассказывали о судьбе тех несчастных, что решились пойти поперек его воли: особо провинившихся могли как бы «случайно» столкнуть в пламя доменной печи. Говорили, что подземелья заводской конторы были приспособлены для тайных застенков и якобы, когда дом стали переделывать, то там обнаружили человеческие кости.

Андрей Баташов быстро перевел разбои в Муромских лесах, а сами разбойники перебрались под его крыло. Грабители и беглые каторжники готовы были выполнить любой приказ своего могущественного господина. Благодаря этим головорезам Баташов был настоящей грозой для своих соседей-помещиков. Так, к одному из них, чем-то разъярившему тирана, как повествует Дмитрий Смирнов в своих «Очерках жизни и быта нижегородцев XVIII века», была направлена партия рабочих, которая, ссылаясь на царское разрешение искать руду в любом месте, изрыла пробными ямами двор, сад и поля несчастного.

Ещё одна история, рассказанная Смирновым, носит поистине жуткий характер. Баташов пригласил в гости, будто для примирения, одного неуступчивого барина. Пока тот отсутствовал в своем имении, посланная Баташовым ватага слуг разобрала всю его усадьбу по бревнышку, выровняла местность, вспахала землю и посеяла там рожь.

Светлой стороной натуры Андрея Баташова была его увлеченность металлургическим производством. Дело своё он знал досконально. Зорко следил за каждым уголком своего огромного хозяйства. Не брезговал перекусить с мужиками, лично залезал в дудки, бывал у доменных печей. В технике металлургии он разбирался прекрасно. Охотно внедрял новинки, и сам был не чужд изобретательству. С его именем связывают создание особой «баташовской» печи для переплавки боя чугуна, увидев которую шведский металлург Норберг, рекомендовал внедрить подобную и у себя на родине.

В 1783 году Андрей и Иван Баташова получили чины коллежских асессоров, а с ними и потомственное дворянство. Но просто выслуженного дворянства им было мало. Они добились восстановления «в первобытном благородном дворянском звании», якобы утраченном их предками и получили герб: «в голубом поле щита скачущий в правую сторону серебристый единорог».

Став дворянами, братья тут же разделили свои владения. Андрею отошли Гусевский, Верхнеунженский, Ермишинский и два Илевских завода, а также дома в Туле и Москве, дворцы в Петербурге и Гусь-Железном.

В дальнейшем Андрей Родионович Баташов построил заводы Сынтульский (Рязанская губерния, 1787) и Мердушинский (Тамбовская губерния, 1791). Скончался этот «тиран-созидатель» в преклонном возрасте в 1799 году.

В отличие от своего вспыльчивого и деспотичного брата, Андрея Родионовича Баташова, Иван Баташов, по воспоминаниям людей его знавших, был человеком сдержанным, приветливым и умеренным в требованиях к окружающим. Одним словом он отнюдь не был тираном. Конечно, это не значит, что он всем потакал. Наоборот Иван Родионович обладал сильной волей и твердым характером. Но он не стремился сломать или подавить других. Доверяя подчиненным, он умел наилучшим образом использовать их талант. А уж они работали не за страх, а за совесть. Как, например, крепостной мастер Трофим Осипович Жилкин, распоряжавшийся по воле Ивана Баташова всем заводским производством.

Иван Родионович Баташов родился на три года позже старшего брата, в 1732 году. По отношению к нему он долго играл роль «второй скрипки». Именно Андрею принадлежала счастливая мысль перевести семейное производство на земли в среднем течении Оки. Здесь Андрей один заложил первый камень в фундамент будущего процветания империи Баташовых, построив Унженский завод в Касимовском уезде Рязанской губернии. Однако уже следующее предприятие – завод на речке Гусь братья создали вместе.

При разделе имущества в 1783 году Иван получил тот самый Унженский завод, а также предприятия расположенные на территории Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Это были заводы Верхневьксунский, Средневьксунский, Нижневьксунский, Велетьминский Железницкий, Пристанский и Нижнежелезницкий (Досчатинский).

Сердцем владений Ивана Баташова были три Выксунских завода, давшие начало современной Выксе. Там в конце XVIII века осуществлялось несколько производственных процессов. Во-первых, добывалась железная руда. Во-вторых, в доменных печах выплавлялся чугун. Из него отливались ядра, пушки, котлы, чугуны. Часть чугуна, освобождая от лишнего углерода, переделывали в железо – полосовое, листовое и т. д. Умели рабочие Ивана Баташова изготавливать и сталь – вещество по содержанию углерода находящееся между железом и чугуном и сочетающее их свойства: пластичность и твердость. Для выделки стали у Баташова имелась целая фабрика.

Заводские машины и механизмы питались энергией воды. При плотинах, перегородивших Выксун, Велетьму и Железницу, крепостным изобретателем Василием Марковичем Поповым были устроены особые приспособления. Их валы приводили в движение заводские

механические устройства. Сами плотины, одна из которых в длину протянулась на четыре с лишним версты, соорудил отец Василия Попова, тоже крепостной крестьянин, Марк Попов.

Иван Баташов ценил искусство своих мастеров и не боялся дать простор их инициативе. Любя всё русское, он считал, что отечественная техника вполне способна соревноваться с иностранной. И если он узнавал о какой-то российской новинке, то всегда был готов внедрить её в производство. В 1790 году для ознакомления с передовым опытом соотечественников Баташов направил своего крепостного слесаря Колпнина в Петрозаводск, на знаменитые Олонецкие заводы. Колпнину там бросилось в глаза русское нововведение в доменной печи – цилиндрические меха (ими закачивался воздух в горн). Баташов тотчас повелел сделать такие же, что улучшило процесс плавки чугуна. А Колпнина Баташов из слесарей перевел в приказчики Верхнежелезничного завода. Через какое-то время новое ценное усовершенствование в конструкцию мехов сделано было уже в самой Выксе, мастером Ястребовым. Он придумал особые поршневые меха. Поршень позволял увеличить интенсивность закачки воздуха в горн.

Иван Баташов не только вводил прогрессивные технологии на старых заводах, но и основывал новые предприятия. Уже первый год его самостоятельного хозяйствования был ознаменован вводом в действие завода на реке Сноведь (1784, современный Выксунский район Нижегородской области). Руду туда привозили из Владимирской губернии. Получаемый из неё чугун частью здесь же переделывался в железо. А частью шёл на отливку пушек. Знали заводские мастера толк и в художественном литье. Иван Баташов очень ценил своих сноведских литейщиков. Сохранились сведения, что двум из них – Николаю Афиногеновичу и Петру Николаевичу Личновым – он подарил по кафтану с золотыми пуговицами и по тысяче рублей.

С мастерами этого предприятия историки считают возможным связать чугунные изделия, украсившие роскошный дворец Ивана Баташова в Москве у Яузских ворот. Этот особняк возвели к 1802 году. Ему удалось пережить пожар 1812 года. В советский период в этом здании (Москва, ул. Яузская, д. 9–11) располагалась Московская городская клиническая больница № 23. Окружающая его изящная чугунная ограда с вазами на столбах и фигурами львов отлита по проекту крепостного зодчего М. Красильникова.

Следует сказать, что даже после постройки дворца в Москве, Иван Родионович Баташов много времени проводил на Выксунских заводах. Поэтому господская усадьба и здесь была отделана со всевозможным удобством. Рядом с господским домом находились оранжерея и сад с плодовыми деревьями. Хозяин сам заботился о приобретении лучших семян и саженцев. Мог он похвастаться и такой диковинкой как собственный зверинец, где жили олени и дикие козы. Чтобы животные чувствовали себя комфортно, для них был устроен пруд. Особым предметом гордости Ивана Баташова был заведенный им домашний театр, где играли крепостные крестьяне.

Впрочем главную часть своих доходов Баташов вкладывал не в дворцы, театры и оранжереи, а в производство. В 1798 году им построен очередной завод – Вильский (современный поселок Виля в Выксунском районе). Рядом в 1803 году был возведен Проволочный завод.

Отметим, что технология производства проволоки была разработана по наметкам и расчетам крепостного мастера Максима Перфильевича Горностаева. Его судьба служит хорошим примером того, как Иван Баташов давал развернуться способным людям из низов. Будучи крепостным, Максим Горностаев имел возможность изучить три иностранных языка, печатать собственные переводы с немецкого и французского, собрать и оставить детям богатую библиотеку. В конце-концов он получил от Баташова вольную.

Изготовление проволоки в начале XIX века было налажено Баташовым также на Велетьминском и Нижневыксунском заводах. Одновременно разворачивается и технологически связанное с проволочным делом, производство гвоздей. По мере того как в русский быт всё прочнее входили доски, спрос на гвозди возрастал. И Баташов быстро отреагировал на это изменение рыночной конъюнктуры.

Ещё одним предметом массового спроса были косы. В крестьянской Руси они имели неисчерпаемый рынок сбыта. Поэтому Иван Баташов в первые годы XIX века начинает их широкое производство. Специализировались на них Вильский и Велетьминском заводы.

Идеальный материал для косы – хорошая сталь. И вот в 1806 году чудо-мастерам Баташова в Велетьме удалось получить высококачественную литую сталь (в обиходе – «литовку»). Это ещё более увеличило конкурентоспособность продукции Ивана Баташова.

Охотно закупала её и казна. Государственные заказы особенно возросли во время Отечественной войны 1812 года. Стране требовались пушки, снаряды, холодное оружие. За их успешное изготовление, а также за осуществленные изобретения и усовершенствования управляющий Баташова Горностаев был награжден золотой медалью.

Между тем в то чрезвычайное время, когда Наполеон стоял в Москве, казна могла своевременно оплатить далеко не все поставки. Это нанесло сильный удар финансовому благополучию И. Р. Баташова. За его заводами стали копиться долги. Но и здесь старый заводчик проявил мудрость. Понимая, что ему, в силу возраста (Баташову перевалило уже за восемьдесят), самому не выправить положение, он доверил стратегические решения мужу своей внучки, генералу Д. Д. Шепелеву. И не прогадал. Шепелев не только спас заводы от разорения, но и поднял их на новую высоту.

В 1821 году Иван Родионович Баташов ушёл из жизни. По его завещанию все заводы отошли его внуками и правнукам под опекуновским управлением зятя – генерала Д. Д. Шепелева. В их истории началась новая страница...

Ф. А. Селезнев

ИВАН КУЛИБИН: НИЖЕГОРОДСКИЙ КУДЕСНИК В АКАДЕМИИ НАУК

В Нижнем Новгороде есть Успенская церковь, построенная на деньги нижегородского предпринимателя XVII века Афанасия Олисова. Рядом красуются белокаменные палаты самого Олисова. А между ними и Успенским храмом прохожий может увидеть памятный знак, сообщающий, что на этом месте когда-то находилась усадьба, в которой родился и жил выдающийся русский механик Иван Петрович Кулибин. Его имя вошло в учебники истории и энциклопедии, став нарицательным для обозначения изобретателя, которому под силу всё, что угодно. В самом деле: Кулибин решал любые технические проблемы, за которые брался. Разве что вечный двигатель не создал, хотя и пытался. Однако обо всём по порядку.

В четверг на святой неделе 10 апреля 1735 года у нижегородского торговца мукой Петра Алексеевича Кулибина родился сыночек Ванюша. Для отца это была большая радость. Он видел в первенце продолжателя своего дела. Мечтал со временем передать ему свой небольшой бизнес. Только вот сын, когда подрос, не проявлял интереса к торговым занятиям. Вместо того чтобы сидеть в мучной лавке, он норовил ускользнуть на берег Волги, чтобы полюбоваться на огненную работу кузнецов. Либо вырезал из дерева разные игрушки. Да только не солдатиков или кукол для соседской девчонки. Это были кораблики, в самом деле плававшие по ручью. Или мельничка, у которой водяное колесо по-настоящему приводило в движение жернова. Но Петра Алексеевича эти чудесные вещички не радовали.

«Наказал меня Бог сыном», – жаловался Кулибин-отец. Он уже не ждал, что из Вани будет прок в торговле. Впрочем, как-то, случай заставил строгого родителя изменить мнение о способностях отпрыска. Дело было так. У Петра Кулибина имелся садок – маленький водоем для живой рыбы. Но рыба в нём быстро засыпала от нехватки кислорода, поскольку вода была стоячей. Пустить в отцовский пруд свежую ключевую воду было не мудрено. А вот как сделать так, чтобы он периодически опорожнялся? Вот первая техническая задача, блестяще решенная юным Кулибиным. Что же он придумал? Всего лишь изобрел шлюз!

Строгий отец понял: пора учить сына грамоте. В роли преподавателя, как тогда было принято, выступил дьячок близлежащей Успенской церкви. Он не мог не обратить внимания на необычного мальчика. Едва овладев грамотой, тот захотел разобраться в механизме музыкальных часов-курантов, украшавших колокольню соседней Рождественской церкви, наверное, самой красивой в городе. Той самой, которую построили знаменитые Строгановы. Часы стояли больше десяти лет, и никто не мог их исправить. А пятнадцатилетний подросток сделал это!

На другой день после этого свершения Ванюша Кулибин проснулся знаменитым. Один за другим посыпались заказы на починку настенных и карманных часов. И, в конце концов, Кулибин научился делать часы сам. Как-то городская община послала грамотного юношу по делам в Москву. Там он наткнулся на часовую мастерскую и осмелился познакомиться с её хозяином, мастером Лобковым. Московский часовщик поделился с молодым нижегородцем профессиональными секретами и продал ему необходимые инструменты.

Теперь Кулибин мог смастерить и настенные ходики с кукушкой, и карманные часы. От заказчиков не было отбоя. Возмужавший Иван Кулибин теперь содержал и старенького отца, и брата Дмитрия с маленькой сестренкой Иришей. В конце 1750-х он уже мог позволить себе жениться. Его супругой стала крестьянская девушка Наталья с Бора.

Теперь с ним считали за честь знаться солидные люди. Такие как купцы Извольский и Костромин. Они уважали Кулибина, потому что, как и он, добились всего сами. Извольского объединяла с Кулибиным ещё любовь к чтению. Кулибин, вообще читал запоем. Понятно, больше по математике и физике. Его любимой книгой был труд академика Крафта «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочиненное к употреблению российского юношества». Увлекли его, разумеется, и произведения Ломоносова. А про Извольского известно, что он выписывал газету «Санкт-Петербургские ведомости» и давал её другу-часовщику.

Там в газете было много интересных известий. И про российские дела и про заграничные. И о молодой государыне Екатерине II. Вот бы с ней повидаться! И подарок поднести, чтобы она ахнула. Часы, например, но не простые, а со сложнейшим механизмом. Чтобы и музыка играла, и крохотные человечки двигались. Только ведь над таким чудом нужно месяцами корпеть. А кто же семью кормить будет? И тут друг-Костромин пообещал и материалы нужные купить, и полностью содержать Кулибина с близкими в течение всего времени работы. Удалили по рукам. Костромин слово свое сдержал. 4 года и пять месяцев (с октября 1764 года) он оплачивал все расходы гениального механика. Поэтому Кулибин мог все своё время посвятить созданию задуманного шедевра.

Извольский же, бывая по случаю в Москве, привозил оттуда разные технические приспособления. Прежде всего, увеличительные приборы. Микроскоп, например. Ведь задуманные часы были величиной с гусиное яйцо, а их механизм должен был состоять из 427 мелких деталей и узлов.

Циферблат часов Кулибин поместил в нижней части позолоченного металлического яйца. А в его верхней части ежечасно раскрывались маленькие дверцы и пред зрителями представал чертог, в котором разворачивалась сцена воскресения Иисуса Христа: появлялся ангел, падали ниц стражи, к ангелу приближались жены-мироносицы.

Когда работа уже близилась к концу, пришло известие, что государыня изволит путешествовать по Волге и скоро будет в Нижнем. Губернатор Аршеневский посоветовал Кулибину обязательно показать часы императрице, пусть даже они ещё не готовы. Иначе когда ещё появится случай повидать царицу? Изобретатель так и сделал. 21 мая 1767 года он представил своё произведение на суд Екатерины. При этом прочёл сочинённую им самим в её честь оду. Мудрая царица приласкала мастера и пригласила его, когда дело будет завершено привезти уже готовую вещь в Петербург.

Торжественный момент настал 1 апреля 1769 года. Тогда Кулибин, явившийся с Костроминым в Петербург, преподнес государыне доведенные до совершенства часы, а также собственноручно сделанные микроскоп, телескоп и «электрическую машину». Восхищенная Екатерина вручила обоим нижегородцам по тысяче рублей. Костромин тем самым окупил все расходы, что он понёс, помогая Кулибину. А нижегородский изобретатель был приглашен на должность главного смотрителя «инструментальной, слесарной, токарной, столярной и иных палат» Академии наук в Петербурге.

Академия наук! Петербург! Казалось бы – вот он, потолок. К чему ещё стремиться? Но можно ведь ещё стать лучшим в мире. Почему бы нет?

В 1772 году Лондонское королевское общество объявило международный конкурс на постройку модели такого моста, «который бы состоял из одной дуги» и опирался бы только на берега реки. Англичане как раз хотели перекинуть такой мост через Темзу. Соответствующее извещение напечатали любимые Кулибиным «Санкт-Петербургские ведомости». И как же он мог остаться в стороне? Ведь с самого приезда в Петербург в 1769 году он думал о постройке подобного сооружения, только через Неву.

Испытание деревянной модели длиной 30 метров (1/10 предполагаемой величины) прошло 27 декабря 1776 года. В роли экспертов выступили члены Академии наук. На модель поместили груз в 3000 пудов (48 тонн). Это была предельная расчетная нагрузка. Мост выдержал! Тогда Кулибин распорядился принести ещё 500 пудов. Мост стоял! Тут изобретатель предложил ступить на мост всем присутствующим. Модель и не шелохнулась. Это был триумф!

Правда, в реальности такой мост не был построен ни в Лондоне, ни в Петербурге. Всё-таки дерево не слишком долговечный и не совсем

подходящий для столичных мостов материал. Зато идеи и теоретические разработки Кулибина (а он их опубликовал) вызвали восхищение у ученых европейского уровня и конструкторов будущего. Сам Бернулли, узнав об успешном испытании модели моста, назвал Кулибина «великим артистом». А великий мостостроитель Журавский писал, что на сделанной Кулибиным модели «лежит печать гения».

Следует сказать, что свою модель Иван Петрович создавал в свободное от основной службы время. Первую половину каждого дня он должен был посвящать работе над академической аппаратурой. Этому труду выдающийся механик отдавался со всем рвением. Кулибин разработал новые способы шлифовки оптических стекол. Его телескопы, микроскопы, подзорные трубы, барометры, термометры, астролябии и другие приборы всегда получали прекрасные отзывы ученых. Ну а после полудня Ивану Петровичу давалась свобода для «сыскивания выдумкой художественных дел», как для Академии, так и «для собственных надобностей».

В это творческое время нижегородский кудесник создал немало шедевров технического искусства.

В 1779 он изобрел фонарь-прожектор. Принцип его работы заключался в том, что составленное из многих частей зеркало, с особым образом искривленной поверхностью, отражало пламя свечи, увеличивая яркость света в пятьсот и более раз. Сила фонаря была столь велика, что свет его видели на расстоянии 30 км. Фонарь использовался для освещения дворцовых покоев, кораблей, а также во время праздничных мероприятий. Кулибинский фонарь вызвал фурор в Петербурге. Это произведение мастера воспел поэт Державин.

В 1791 гениальный изобретатель изготовил педальную повозку-«самокатку», в которой за сто лет до появления автомобилей применил коробку переключения скоростей и тормоз. Для облегчения её хода мастер сделал роликовые подшипники. Экипаж имел три колеса. Одно поменьше – спереди и два больших – сзади. В середине, в кресле сидел водитель. Сзади за ним на запятки в приделанные «туфли» становился слуга. Он как написали в газете тех лет, «подымал и опускал ноги попеременно, без всякого усилия, и одноколка катилась довольно быстро».

Ещё одно гениальное творение Кулибина – механический шинно-шарнирный протез. Он был сделан в ответ на просьбу юного ветерана войны с турками офицера Сергея Васильевича Непейцына. Вследствие

тяжелого ранения, полученного при штурме Очакова (1788) семнадцатилетний юноша лишился ноги выше колена. В 1791 году он приехал в Петербург для выправления пенсии. И тут, на свое счастье, встретился с Кулибиным. Великий механик сам приделал ветерану протез, оказавшийся чрезвычайно удачным. Непейцын, с ним мог свободно ходить, садиться и вставать без всякой посторонней помощи. В результате смог дослужиться до подполковника. Потом вышел в отставку, но в 1812 году вновь явился на службу, несколько раз отличился и, на сделанном Кулибиным протезе, дошёл до Парижа – уже в чине полковника.

Среди творений Кулибина следует особо отметить лифт, который поднимал кабину с помощью винтовых механизмов (1793). Иван Петрович сделал его для государыни Екатерины II, которая теперь была не так легка на подъем, как во времена их первой встречи в Нижнем Новгороде.

В 1794 Кулибин создал оптический телеграф для передачи условных сигналов на расстояние.

В это время он уже был знаменит и пользовался общим восхищением. В шутовском виде это отношение к гениальному изобретателю выразил А. В. Суворов. Рассказывают, что на празднике у Потемкина великий полководец быстро подошел к Ивану Петровичу, остановился в нескольких шагах, отвесил поклон и сказал:

– Вашей милости!

Потом, шагнув к Кулибину ближе, поклонился ниже и молвил:

– Вашей чести!

Наконец, подойдя совсем близко, поклонился в пояс и добавил:

– Вашей премудрости моё почтение!

Затем он взял Кулибина за руку, спросил его о здоровье, и, обратясь к всему собранию проговорил:

– Помилуй Бог, много ума! Он изобретет нам ковер-самолет.

В 1801 году, когда Кулибину уже было 65 лет, он решил оставить службу и уехать в родной город. В знак его заслуг государство назначило ему высокую пенсию – три тысячи рублей в год. Но кто сказал, что жизнь пенсионера скучна, а в Нижнем Новгороде не так интересно, как в Петербурге? Отнюдь! И Кулибин это доказал. Нижегородский период его жизни был не менее насыщен событиями и свершениями, чем предыдущий, петербургский.

За время после возвращения в родные места великий изобретатель успел в третий раз жениться (1804). Его избранницей стала нижегородская

Скульптор Э. Э. Ламстер за работой над памятником И. П. Кулибину. 1988 г.

мещанка Мария Подтурина, подарившая своему супругу четырех детишек.

Ещё одно достижение – постройка двухэтажного дома. Его Кулибин возвел на участке, купленном в 1802 году в приходе Успенской церкви, недалеко от бывшего отчего дома. Увы, в сентябре 1813 года строения и все имущество Ивана Петровича сгорели. Но, несмотря на свои 78 лет, Кулибин не сдался. Через полгода после пожара начал строить новый дом.

До последнего вздоха занимался Иван Петрович и изобретательством. В 28 сентября 1804 году при большом стечении зрителей и в присутствии губернатора А. М. Руновского успешно прошло испытание кулибинского водохода. Это чудо-

судно с солидным грузом к изумлению нижегородцев пошло против течения. Да ещё быстрее, чем, если бы его тянули бурлаки. Инженерное решение Кулибина было поистине остроумно. Толстый канат с якорем на одном конце на лодке завозили перед судном сажень на двести и бросали там, прочно закрепив. Поперек водохода был поставлен вал с насаженными на него по краям большими гребными колесами. Вода крутила колеса. Колеса вращали вал. Вал приводил в движение валик на корме, который накручивал канат, подтягивая тем самым судно к якорю. Потом якорь нужно было поднять, снова завезти вперед и опять закрепить. И все начиналось сначала.

Кроме того, в 1808 году Кулибин упростил и улучшил конструкцию своего шинно-шарнирного протеза. Несколько таких протезов он изготовил и после войны 1812 года.

А ещё Кулибин пятьдесят лет работал над проблемой вечного двигателя, но так и не решил её. Впрочем она, как доказали ученые принципиально не решаема. Однако и того, что сделал наш великий земляк, достаточно, чтобы хранить о нём благодарную память.

Кстати, будете в Эрмитаже – полюбуйте на его часы, сделанные для царицы Екатерины. Право, они того стоят.

Ф. А. Селезнёв

НИКОЛАЙ ЛОБАЧЕВСКИЙ: НИЖЕГОРОДСКАЯ ТАЙНА И МИРОВОЙ УСПЕХ

В чём успех учёного? Открыть новую звезду? Да, конечно, это – победа. Несомненно, великое достижение – сформулировать теорему или объяснить какую-то загадку прошлого. Ну, а если имя ученого неразрывно соединено с названием изучавшейся им науки, то это не просто успех. Это несоизмеримо больше. Подобных вершин достигают единицы. И среди них – наш земляк Николай Иванович Лобачевский. Творец неевклидовой геометрии – геометрии Лобачевского.

Биографии таких людей, как правило, вызывают повышенный интерес потомков. Лобачевский не исключение. Ему посвящена не одна книга. Только вот авторы жизнеописаний великого ученого очень скупо писали о его нижегородском детстве. И не только потому, что не имели необходимых сведений. Дело в том, что происхождение нашего гениального земляка окутано тайной. Недаром его биограф, замечательный горьковский математик Дмитрий Андреевич Гудков назвал свою книгу «Н. И. Лобачевский: загадки биографии».

Вот, например, загадка первая: кто была матушка Николая Ивановича? Звали её Прасковья Александровна. А вот её девичья фамилия нам неизвестна. Историки предполагают, что она была дворянка из незнатного рода Вышеславцевых, жила в Москве, а потом покинула столицу из-за какой-то трагической истории. Какой? Эта тайна до сих пор не раскрыта.

Итак, Прасковье 24 года, она приезжает в Нижний Новгород, где живет её дальняя родственница Наталья Алексеевна, в девичестве Вышеславцева, жена губернского казначея Егора Алексеевича Аверкиева. Аверкиевы помогают неожиданно появившейся москвичке устроить судьбу, то есть выйти замуж.

Свадьба состоялась, скорее всего, в начале 1789 года. Мужем Прасковьи стал Иван Максимович Лобачевский, тоже человек в Нижнем новый. Его родители были крепостные князя Михаила Долгорукова, отпущенные хозяином на свободу. (Мать – русская крестьянка, отец – певчий в помещичьем хоре, согласно документам принадлежавший к «польской нации»).

Как видим, происхождения Иван Максимович был самого простого, если не сказать больше. Особых карьерных успехов не добился. С ранних лет занимал младшие должности в землемерных партиях. Достиг лишь низшего 14 чина Табели о рангах. Какое-то время служил в Межевой канцелярии в Москве. В 1787 был переведен из столицы в Нижний Новгород, в местную Межевую контору. Здоровье имел слабое. Болел цингой. Страдал от припадков падучей болезни (эпилепсии). Богатства не нажил. Такого жениха трудно назвать завидным. Впрочем, 24-летней бесприданнице, лишенной поддержки родителей, выбирать не приходилось.

Мысль об этом брачном союзе Аверкиевым, возможно, подал Сергей Степанович Шебаршин, починковский уездный землемер. Он, разумеется, знал своих сослуживцев по Межевой конторе, в том числе и И. М. Лобачевского. А с Егором Аверкиевым был знаком ещё в бытность того секретарем Починковского земского суда.

О дружеских отношениях Аверкиева и Шебаршина говорит тот факт, что Егор Аверкиев в 1789 году пригласил починковского землемера стать крестным отцом своей дочери. Не на этих ли крестинах Сергей Шебаршин, сорокалетний вдовец, обратил внимание на Прасковью Лобачевскую, которую, по странному стечению обстоятельств, звали также как и его покойную жену?

Возникшее между ними чувство оказалось сильнее доводов разума. Но где могут быть вместе замужняя женщина и полюбивший её человек? К счастью Шебаршин не нуждался в деньгах. В 1791 году он купил на имя Прасковьи Александровны домик в Макарьеве, а сам переехал туда землемером. В том же году Егор Аверкиев, оказавшийся в этой истории на стороне друга, приобрел дом в Нижнем Новгороде на углу улиц Алексеевской и Вознесенской (нынешняя Октябрьская). Там Прасковья Лобачевская поселилась отдельно от мужа. В 1792 году этот дом (ныне не существующий) Егор Аверкиев за полцены продал Шебаршину. Здесь Прасковья Александровна Лобачевская жила до 1796 года и родила троих сыновей – Александра (1791), Алексея (1795) и Николая (20 ноября 1792 года).

Однако она по-прежнему числилась супругой И. М. Лобачевского, поскольку развод в те времена был обставлен почти непреодолимыми трудностями. Точно также её сыновья носили фамилию и отчество Лобачевского. Но, при этом, значились «воспитанниками» С. С. Шебаршина.

Его и считал отцом творец неевклидовой геометрии. Уже в зрелом возрасте он писал, что его отец был землемер из Макарьева. А именно такую должность и занимал Шебаршин. Возможно, именно наблюдая, как Сергей Степанович чертит планы земельных участков, маленький Коля Лобачевский и проникся любовью к геометрии.

Впрочем, мы должны оценить и благородство Ивана Максимовича Лобачевского. Он дал своей супруге возможность быть счастливой и подарил своё отцовство её детям. Тем самым они были спасены от клейма незаконнорожденных.

Увы, счастье Прасковьи Александровны было недолгим. В 1797 году Сергей Степанович Шебаршин скончался (предположительно от чахотки). Возможно, в память о нём П. А. Лобачевская решила дать своим мальчикам хорошее образование (С. С. Шебаршин был выпускником Московского университета). В 1802 году она отвезла своих сыновей в Казань, где они были приняты в гимназию (в Нижнем Новгороде подобного учебного заведения тогда не было).

Так в 9 лет Лобачевский оказался в чужом городе и без матери. (Она осталась в Макарьеве). Правда, рядом с ними были братья. Все трое они после гимназии поступили в только что открывшийся Казанский университет. Николай стал студентом в январе 1807 года. Лидером среди братьев Лобачевских был, как и положено, старший, Александр. Но в 1807 году он трагически погиб – утонул. Теперь уже Николаю пришлось взвалить на себя бремя старшинства. Правда, он сам ещё был мальчишкой, и детство нередко давало о себе знать. Он мог самовольно убежать из университета в гости или маскарад (тогда с этим было строго). А в 1808 году был посажен в карцер за изготовление ракеты, которую студенты запустили вечером во дворе университета.

Студенческие проказы едва не стоили Николаю ученой карьеры. Когда летом 1811 года начальство обсуждало поступление лучших студентов в магистратуру (аналог нынешней аспирантуры) имя Лобачевского не было внесено в заветный список. Только совместное заступничество профессоров, ценивших одаренного юношу, спасло Николая Ивановича для русской науки.

Лобачевский с лихвой оправдал оказанное доверие. Представив два необходимых квалификационных исследования – по механике и по алгебре – он был ранее срока (в 1814 году) произведен в адъюнкт-профессоры (помощники профессора) и с 1815 года приступил

к чтению лекций в родном университете. В 1822 году его избрали ординарным профессором.

Молодого энергичного преподавателя сразу загрузили и организационной работой. Ему поручают заведование университетской библиотекой, которую он быстро привел в образцовое состояние, введя систему поисковых каталогов, используемую до сих пор. Он оборудует физический кабинет, руководит обсерваторией, дважды избирается деканом физико-математического отделения. И, наконец, высшая степень доверия коллег: в 1827 году тридцатипятилетнего профессора избирают ректором. Эту должность он будет занимать 19 лет (до 1846 года) и превратит Казанский университет в одно из лучших учебных заведений России.

Но, конечно, главное для него – преподавание. Этому делу Лобачевский отдавался всей душой. И именно из преподавательской работы и выросло его гениальное открытие.

В самом деле: задача профессора понятно объяснять студентам сложные вещи. Но чтобы просто объяснить трудное, нужно самому докопаться до самой его сути. Таким путем к неевклидовой геометрии шёл и Лобачевский. Читая лекции, по геометрии он, разумеется, должен был толковать и классические «Начала» Евклида. Как известно первую книгу этого великого труда предваряют несколько утверждений, лежащих в основе геометрии. Это аксиомы и постулаты. Аксиомы Евклид считал очевидными. Поэтому они не нуждались в доказательствах. Постулаты – это положения, которыми следует руководствоваться при геометрических построениях. Они также были даны без обоснования, поскольку просты и понятны. Однако о пятом постулате Евклида такого не скажешь. Судите сами – вот его примерная формулировка: «если две прямые, пересеченные третьей, образуют по одну сторону от этой третьей прямой внутренние углы, сумма которых менее двух прямых углов (180°), то при продолжении данных двух прямых они непременно пересекутся, причём именно с той стороны от третьей прямой, где углы меньше, чем два прямых угла». В школьных учебниках это называют аксиомой параллельных прямых и обычно излагают так: через точку, не лежащую на данной прямой, проходит только одна прямая параллельная данной.

Своей громоздкостью и неочевидностью пятый постулат не давал покоя многим поколениям математиков. Они считали, что он требует

доказательства, и две тысячи лет пытались его найти. При этом чаще всего использовался метод доказательства от противного. Иными словами допускали, что истинно утверждение обратное пятому постулату, а именно: если две прямые, пересеченные третьей, образуют внутренние углы суммой меньше 180° , то эти прямые не пересекаются. Дальше из этого предположения и остальных аксиом Евклида выводили ряд следствий, среди которых искали содержащие внутреннее противоречие, т.е. ложные. Если бы вдруг заветное противоречие было найдено, то это означало бы, что ошибочно и исходное предположение. Соответственно верен противоположный ему пятый постулат. Увы, всегда, если какой-то ученый заявлял о противоречивости какого-то следствия, скоро находилась другой исследователь, который убеждался, что хотя это следствие и необычное, но в нём нет логического противоречия. Тем не менее охотники доказать пятый постулат указанным путём не переводились.

Первоначально этой дорогой шёл и Лобачевский. Судя по записям его лекций за 1817 год, он рассказывал студентам о попытках доказать, что через точку вне прямой можно провести единственную прямую, параллельную ей. Николай Иванович бился над этой задачей несколько лет. Наконец, казалось, желанное решение было найдено. 6 февраля 1826 года он представил в физико-математическое отделение Казанского университета рукопись своего сочинения «Сжатое изложение принципов геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных». 11 февраля Ученый совет университета рассмотрел вопрос получении отзывов на это сочинение для решения о его публикации. Однако этот труд никогда не увидел свет. Его рукопись до нас не дошла. Отзывов на него также не было сделано. Почему? Вероятно, ученый сам уничтожил свой текст, поскольку его озарило: доказательство теоремы о параллельных прямых невозможно, а положение, противоположное пятому постулату тоже истинно, только создаёт новую геометрию. Лобачевский назвал её «воображаемой».

Обоснование новой, неевклидовой геометрии было сделано Николаем Ивановичем в работе «О началах геометрии», опубликованной в 1829–1830 годах в журнале «Казанский вестник». В дальнейшем свои идеи Лобачевский развил в работах «Воображаемая геометрия» (опубликована в Ученых записках Казанского университета в 1835 году) и «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам»

(Ученые записки Казанского университета, 1836 год). В них он сформулировал ряд теорем своей новой геометрии и дал их доказательства. Однако они были столь непривычны и странны, что не были поняты современниками. Они и сегодня могут поставить в тупик неподготовленного человека. Судите сами – среди теорем геометрии Лобачевского есть и такие: «Сумма углов треугольника всегда меньше 180°» или «Не существует ни одного прямоугольника». Не удивительно, что крупнейшие русские математики той эпохи – М. В. Остроградский и В. Я. Буняковский выступили против новой геометрии.

Тогда Лобачевский представил свои взгляды на суд ученой Европы. В 1837 году он опубликовал «Воображаемую геометрию» на французском языке в Берлине. А в 1840 году там же издал по-немецки «Геометрические исследования по теории параллельных линий». Наверное, самым внимательным читателем этих трудов был великий немецкий математик Карл Гаусс. Ведь он независимо от Лобачевского пришёл к схожим выводам. Однако, боясь, что его сочтут сумасбродом, он так и не обнародовал своих идей. Не поддержал публично он и Лобачевского. Хотя в письмах к друзьям Гаусс называл «Геометрические исследования по теории параллельных линий» русского математика гениальным сочинением. Вскоре после прочтения этой работы «Король математиков», как величали Гаусса, стал инициатором избрания Н. И. Лобачевского членом-корреспондентом Геттингенского общества наук (1842 год).

Между тем идеи Лобачевского выдержали проверку времени, что для ученого является величайшим успехом. И в России, и за её пределами его имя всё больше окружали почётом. Особенно значительный интерес к личности Лобачевского возник в СССР в период после Великой Отечественной войны. В это время вышло собрание его сочинений. Было опубликовано несколько биографий великого математика.

Не забывали о своём славном земляке и на его родине – в Горьком. В 1947 году профессор Горьковского университета академик Александр Александрович Андронов организовал группу историков-архивистов, которая провела детальное исследование нижегородского периода жизни великого ученого. Эта группа работала до 1956 года. В этом же году Горьковскому университету было присвоено имя Николая Ивановича Лобачевского, которое наш вуз с гордостью носит до настоящего времени.

Часть 3

КАРМАН РОССИИ (XIX век)

Ф. Б. Дроздов

НИЖНИЙ НОВГОРОД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 года

Отечественная война 1812 года не прокатилась по нижегородской земле, но ее события не могли не затронуть наш город. После оставления Москвы в Нижний Новгород эвакуируются московские учреждения и многие рядовые москвичи. В Нижнем Новгороде формируется народное ополчение для борьбы с нашествием, нижегородцы активно участвуют в сборе средств для армии. В течение почти двух лет на нижегородской земле будут располагаться военнопленные из состава «великой армии» Наполеона.

Известие о начале Отечественной войны достигло Нижнего Новгорода 17 июля 1812 года. В этот день в городе был оглашен манифест императора Александра I, призывавший дать решительный отпор вторгшемуся в пределы Российского государства неприятелю, следуя славному примеру народного ополчения Минина и Пожарского.

Уже 18 июля вышел следующий манифест императора. В нем было указано организовать три военных ополчения: Московское, Петербургское и III округа в губерниях Поволжья, куда вошла и Нижегородская губерния. Всего в трёх округах набрали 190 976 ратников. Первоначально ополчению III округа отводилась роль резерва – было предписано только «приготовить, расчислить и назначить людей, но до повеления не собирать их и не отрывать от сельских работ». Местом пребывания штаба III округа был определен Нижний Новгород.

Формирование Нижегородского ополчения началось в сентябре 1812 года. Начальником Нижегородского ополчения стал действительный камергер князь Георгий Александрович Грузинский, предводитель нижегородского дворянства.

Командиры для ополчения набирались из отставных офицеров-добровольцев. Рядовых ратников должны были поставить из числа своих крепостных нижегородские помещики. Среди них возникали кое-где споры по поводу предлагаемой высокой нормы выделения ратников в ополчение, в особенности со стороны богатых помещиков, на долю которых приходилось по нескольку сот ратников. В конце концов, во всех шести губерниях III округа была установлена норма – четыре ратника со 100 ревизских душ. Помимо крепостных крестьян добровольцами в ополчение поступали мещане, чиновники, семинаристы, ремесленники. А вот участие в ополчении государственных и удельных крестьян, а также рабочих, прикрепленных к государственным заводам, было запрещено.

Дворяне, освобожденные от выделения воинов, вносили 6 р. 50 к. с каждой ревизской души, числящейся за помещиком. Возраст ратников был установлен от 17 до 45 лет. Но эти нормы помещиками нарушались, и в ополчение попадало немало престарелых. Медицинского осмотра при приеме, как правило, не было. Принимали воинов больше всего «на глазок». «В приеме на рост не взирать, говорилось в правилах, – лишь бы не был карлик. Людей не раздевать, а спрашивать их, не одержим ли какими болезнями, в случае крайней необходимости прибегать к медицинской помощи для осмотра. Сомнительных возвращать для замены более крепкими».

Нижегородские пешие ополченцы были одеты в серые русские кафтаны и серые шаровары. Шапки были серые суконные с четырехугольным верхом, отделанные бараньим мехом. Спереди на шапке – крест и вензель императора. Каждому ратнику полагался ранец. В нем: рубаха, портки, рукавицы, портянки, онучи, запасные сапоги и провиант на трое суток. Пехотинцы вооружены были пиками и топорами.

Всего в ратники было призвано 12 462 нижегородца, из них создали 5 пеших полков и 1 конный. Еще в августе 1812 г. приступили к работе комитет по сбору пожертвований и комитет вооружений. Представители различных сословий – дворяне, купечество, мещане – собрали 330 485 рублей на ополчение, затем поступило еще 49 731 рубль на вооружение для ратников. К концу 1812 года пожертвования только от дворян Нижегородской губернии достигли 875 315 рублей.

Осенью 1812 года к Нижегородскому ополчению добавили Рязанский и Тульский пехотные полки, Оренбургскую и Башкирскую конницу. А 8 ноября на имя командующего ополчениями III округа графа П. А. Толстого пришел высочайший указ с повелением выступить. Более чем 60-тысячное войско двинулось для «прикрытия избыточных провинций Малороссии». 9–10 декабря 1812 года ополчение выступило на Курск, Киев, Глухов и далее в Волынскую губернию. Присоединение ополчений к армии позволило освободить строевых солдат от охраны обозов, лагерей, коммуникаций, складов; работы санитарями, саперами, ездовыми. Это усилило регулярные войска. Участвовали ополченцы и в боевых действиях.

С Волыни ополченские полки в начале 1813 года в составе Польской армии генерала Л. Л. Беннигсена двинулись в заграничный поход. Боевое крещение они получили в Силезии. Затем в конце сентября – октябре 1813 года нижегородское ополчение участвовало в кровопролитном сражении за Дрезден.

В боях за саксонские крепости Рейхенберг и Дрезден сражались первый, второй, третий и нижегородский пехотный и конный полк в составе армейских бригад под командованием армейских генерал-майоров А. Булатова, А. Д. Гурьева. Они находились в непрерывных боях с 5 по 25 октября 1813 года.

Жаркий бой в Саксонии оказался особенно тяжёлым для III пехотного полка под командованием полковника Стрелкова, который в начале боя был тяжело ранен, но мужественно и достойно командовал боем. Стрелков удостоен был ордена св. Анны II класса (с алмазами).

После взятия Дрездена нижегородские ратники героически сражались под Магдебургом, а в январе 1814 года подошли к Гамбургу, который удерживал знаменитый наполеоновский маршал Даву. Почти полгода здесь кипели ожесточенные бои. В победном мае 1814 года русские войска, и нижегородцы в их числе вошли в Гамбург.

По итогам кампании рядовые ратники были награждены медалями «За труд, доблесть и воинские подвиги». За отвагу и героизм, высокие награды заслужили командиры батальонов третьего полка ополчений – бригадный начальник А. Д. Гурьев награждён орденом св. Георгия IV степени и австрийским орденом Марии Терезии. Командующий первым нижегородским полком и командир батальона Стремоухов были награждены орденами Анны II и III класса.

В списке офицеров ополчения от 29 октября 1814 года представлены к награждению за боевые действия корнеты Нижегородского конного полка – Раевский и Леонтьев – орденами св. Анны III класса. Прапорщики III пехотного полка Павел Соколов и Александр Келейников за мужество и отвагу получили чин. Корнет Крюков – адъютант начальника Нижегородского ополчения генерала Муромцева – за оперативность был награждён орденом св. Анны III степени. Сам Муромцев был повышен в звании до генерал-лейтенанта.

28 октября 1814 года был издан Высочайший указ «О роспуске по домам ополчения собранного на защиту в 1812 году». Из 12 тысяч нижегородских ратников домой вернулись около 7 тысяч.

Возвратившиеся домой рядовые нижегородские ратники, как и везде в России, были возвращены в прежнее крепостное состояние.

Следует добавить, что помимо призыва ратников в ряды ополчения, в Нижегородской губернии в 1812 году прошёл набор рекрутов в регулярную армию, причем в связи с опасностью, нависшей над Отечеством, вместо 1 рекрута от каждых 500 душ населения теперь брали 10.

После оставления Москвы в 1812 году в Нижний Новгород переезжают многие московские учреждения – университет, архивы, почтамт. Прибывают сюда и многие московские жители. Ходят слухи, что после пожара в Москве столицей станет Нижний. Среди прибывших в город москвичей находились известные литераторы: Николай Михайлович Карамзин, Василий Львович Пушкин (дядя великого поэта), Константин Николаевич Батюшков (был привезен в Нижний на излечение после тяжелых ран, полученных им под Бородиным), Сергей Николаевич Глинка. Они создали в Нижнем Новгороде свой литературный кружок.

Нижегородская губерния в 1812–1814 годах стала и местом размещения военнопленных из состава наполеоновской армии. Первые солдаты и офицеры из «великой армии» Бонапарта появились на Нижегородчине в октябре – ноябре 1812 года. В феврале 1813 года в губернии находились 1 генерал, 10 обер-офицеров и 740 рядовых 16 национальностей. Часть пленных выразила желание принять российское подданство, а некоторые военнопленные рисковали бежать, несмотря на то, что побег грозил отправкой в Сибирь. Впрочем, пребывание на нижегородской земле было недолгим – уже к лету 1814 года все, кроме пожелавших остаться в России, были отправлены на родину.

Н. А. Богородицкая

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА – КАРМАН РОССИИ

Ничто так не прославило в прошлые века наш город, как знаменитое торжище, о котором сегодня нам напоминают старые фотографии, рисунки и восторженные воспоминания современников.

История Нижегородской ярмарки теснейшим образом связана с Макарьевской ярмаркой, которая появилась у стен Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII веке. Она на протяжении почти двух веков, укрепляла региональные торговые связи и внесла весомый вклад в процесс формирования всероссийского рынка.

В августе 1816 года гостиный двор Макарьевской ярмарки сгорел. По решению правительства её было решено не возобновлять на старом месте, а перевести в Нижний Новгород.

Напротив города было выбрано место на левом берегу Оки, вблизи ее слияния с Волгой. Для сообщения ярмарки с городом через Оку был возведен плавучий плашкоутный мост. Первая ярмарка в Нижнем Новгороде была открыта 20 июля 1817 года и, несмотря на новизну места, прошла успешно: товаров было продано на 26 млн. руб. серебром (на Макарьевскую ярмарку в 1816 году привоз составил 14 млн. руб.). Торговля проходила во временных балаганах.

В течение пяти лет (1818–1822) шло строительство каменного торгового комплекса под руководством известного инженера А. А. Бетанкура. Это был крупнейший в Европе торговый комплекс. Он состоял из Главного дома и 60-ти двухэтажных кирпичных корпусов (в которых разместилось 2530 торговых лавок), летнего театра и многочисленных гостиниц, ресторанов, трактиров, увеселительных заведений. Были возведены также православный собор, три часовни, армянская церковь и татарская мечеть. Проведена канализация (первая в Европе). Для безопасности от пожаров комплекс был окружен с трех сторон каналом, наполнявшимся водой из Мещерского озера. Сразу же после возведения гостиного комплекса мест для торговли в нем стало не хватать. Вне его стали строиться временные деревянные торговые помещения (в 1890 году их было 3391).

К началу XX века Нижегородская ярмарка представляла собой целый город европейского типа с замощенными улицами и площадями

*Крестный ход у Макарьевской (Флачной) часовни
и поднятие ярмарочных флагов (фото М. Дмитриева, 1900-е гг.)*

(улиц было более 30, площадей – 10), бульварами, скверами и садами, электрическим освещением. На территории ярмарки находилось около семи тысяч магазинов и лавок, театр на 1600 мест, цирк и ипподром. На гостей ярмарки гостиный двор, и особенно его Главный дом, производили неизгладимое впечатление. Вот что пишет о гостином дворе в своих воспоминаниях профессор Казанского университета К. Ф. Фукс, посетивший ярмарку в 1827 году: « Не достаёт только башен с бастионами, подъемного моста с цепями и парка с аллеями – и это был бы настоящий баронский замок». Поэт Д. И. Хвостов после поездки на ярмарку в 1821 году в своем дневнике оставляет следующую запись о Главном доме: «Сей дом, стоящий 6 млн. рублей достоин и предмета своего и великолепия русского народа». Всех без исключения посетителей Нижегородской ярмарки удивляло и восхищало инженерное решение А. А. Бетанкуром ее канализационной системы. А. Милюков в своих путевых записках, изданных в 1874 году, так ее оценивает: «Нижегородская ярмарка стояла на подземном городе – сводчатой канализации, этой капитальной постройкой она может гордиться перед Парижем и Лондоном, в древности эти тоннели без сомнения поставили бы ее в ряду семи чудес света».

На содержание гостиного двора с купечества ежегодно собиралось до 25 тыс. руб., доход же казны с ярмарочных сооружений, сдаваемых в арендное пользование, достигал 180 тыс. рублей.

Ярмарка открывалась ежегодно 15 июля поднятием флагов. Товары же завозились задолго до этого срока. Приходили барки с уральским железом, гребные суда с астраханской рыбой, струги с орловскими жерновками. Железо и рыба сгружались на Гребневских песках, по соседству с ярмаркой, где и производилась продажа этих товаров. С верхних и нижних пристаней Волги и Оки приплывали расшивы и барки, груженные разными товарами. Сухим путем шли купеческие обозы с малороссийских Коренной и Корсунской ярмарок, из Москвы, Казани и других мест. Товары из Москвы поступали водным и сухопутным путем.

Для охраны многочисленных обозов по дорогам была учреждена цепь казачьих пикетов (два-три казака и один-два прикомандированных земской полицией крестьянина) через каждые три-четыре версты с таким расчетом, чтобы они могли подавать друг другу сигналы. Ночью они были обязаны объезжать свою дистанцию верхом. Для оповещения о какой-либо опасности при каждом из пикетов были сделаны длинные деревянные столбы, обернутые соломой, которые можно было быстро зажечь и тем самым дать сигнал о бедствии в надежде получить помощь от других пикетов.

Товары проделывали большой путь. Так, астраханская рыба попадала на ярмарку только через 60–65 дней, хлеб из Самары и Саратова – через 40–45 дней, товары из Москвы – через 10–20 дней, китайский чай – только через 3 года. М. П. Погодин рассказывал о своем посещении этой ярмарки: «Замечаешь близость ярмарки. Показывается народ на дороге, пешеходы, ездоки. Вот видны и флаги судов... Тысяча подвод разъезжает по всем сторонам... Обозреть ярмарку начал с китайских рядов, затем проходил восточные лавки, панские ряды, овощные, меховые, модные... Направился в суконную линию, серебряную и проч., проч. Но здесь еще не вся ярмарка. По обеим сторонам ее... трактиры – желтенькие домики... За трактирами русские и татарские харчевни, питейные выставки. портерные лавочки, швальни, цырульни, бани. Еще далее налево слобода Кунавина, где останавливаются купцы, мелкопоместные дворяне».

Со всех концов России приезжали на ярмарку оптовые и розничные торговцы. Тон на ярмарке задавали московские купцы

и «городовые» – провинциальные торговцы-оптовики. Розничную торговлю вели ходябщики, или офени. Они закупали на ярмарке у фабрикантов какое-то количество товаров в кредит без всякого обеспечения и разносили его по отдаленным уголкам России. Русских и иностранных купцов на ярмарке в конце 50-х годов XIX века съезжалось около 15 тыс. (из них 14300 русских подданных и 700 иностранных подданных). Обслуживающий персонал ярмарки насчитывал 100 тыс. человек (ремесленники, прислуга, чернорабочие, извозчики, судорабочие). В конце 50-х годов XIX века численность посетителей ярмарки между 10 и 20 августа доходила до 250 тыс. человек в день.

25 августа ярмарочные флаги опускались и ярмарка официально закрывалась, однако торговля почти всегда продолжалась до 10 сентября, а иногда и дольше. Ее посещали в общей сложности до 2-х миллионов человек.

До 1864 года ярмарка находилась в государственном управлении. Ее делами заведовала ярмарочная контора, в состав которой входили управляющий, архитектор, секретарь и казначей. Ярмарочная контора заведовала раздачей казенных лавок в аренду торгующим, взиманием платы за них и ремонтом казенных построек, составлением отчета о ходе торговли и торговых оборотах. В административном отношении ярмарка была разделена на 10 кварталов во главе с надзирателями. При ней находились пожарная и военная команды, речная полиция.

С отменой крепостного права произошли большие изменения в ярмарочной жизни. Казна стала продавать торговые лавки (без земли) в личную собственность торгующим. К концу XIX века почти весь гостинный двор стал частновладельческим. Изменился и характер управления ярмаркой. В 1864 году был учрежден ярмарочный комитет, состоявший из выбранных от торгующего населения. Он занимался сборами с торгующих и формировал бюджет ярмарки. Ярмарочная контора продолжала распоряжаться поземельным сбором со всей земли, лавками, оставшимися за казной, и заботилась о содержании и ремонте казенных зданий. С 1866 года начинает функционировать собрание уполномоченных, состоявшее из 150 членов и представлявшее интересы купечества. Высшее местное руководство в управлении ярмаркой осуществлял нижегородский губернатор.

Расположенная на середине великого волжского торгового пути, Нижегородская ярмарка имела прямые контакты не только со всеми

крупными ярмарками России, но и европейскими ярмарками, составляя вместе с ними единую цепь, имеющую большое значение в мировой торговле. Это, прежде всего цепь ярмарок: Лейпцигская – Нижегородская – Ирбитская – Тобольская – Иркутская – Тюменская – Кяхтинская, по которой шли всевозможные европейские, российские и азиатские товары. Нижегородская ярмарка в этой цепи выполняла «менового двора Европы с Азией».

Торговля производилась отечественными, азиатскими и западноевропейскими товарами.

Главными товарами отечественной торговли на Нижегородской ярмарке были ткани (до 50% всего привоза), металлы и металлические изделия, пушнина, хлеб, кожи, шерсть. Главным поставщиком железа, чугуна и меди на ярмарку был Урал, хлопчатобумажных тканей – фабрики Московской, Владимирской и Костромской губерний. Ярмарка являлась также центром продажи пушнины в России. Сюда везли пушнину из Сибири и северных районов страны. Торговали на ярмарке хлебом, кожами сырыми и выделанными, рыбой, изделиями деревообрабатывающей промышленности: сундуками, телегами, деревянными ложками и посудой.

Современники говорили о Нижегородской ярмарке как о «действительной выставке всего, что делается и потребляется в массе русского народа. Иностранцу стоит обойти ярмарку и пристани, и он составит полное и верное понятие о русской промышленности». Отсюда они расходились во все уголки страны. Таким образом, ярмарка носила поистине всероссийский характер. К 30-м годам XIX века складывается даже поговорка: «Петербург – голова России, Москва – ее сердце, а Нижний – ее карман». Товары отечественного производства составляли 72–75% (в 1912 г. – 92%) от общей ценности всех привезенных на ярмарку товаров.

*Грузчики у пристани
(фото М. Дмитриева, 1900-е гг.)*

Огромно было значение Нижегородской ярмарки для международного торгового обмена, особенно для торговли России с восточными странами такими как: Иран, Китай, Афганистан, среднеазиатские ханства. На нее привозилось вплоть до начала XX века в среднем до 65% всего привоза азиатских товаров в Россию. Из азиатских товаров поступали чай, хлопок, шелк, фрукты. Эти товары шли из Китая, Бухары, Хивы, Ирана. Не случайно Нижегородскую ярмарку называли «меновым двором Европы с Азией». Большое место в оборотах ярмарки в то время занимал китайский чай (его привозили в среднем на 8 – 9 млн. руб., что составляло 15% стоимости всех привозимых товаров). В обмен на чай китайские купцы получали хлопчатобумажные ткани, кожаные изделия (юфть, сафьян), меха (белка, выдра, лисица), зеркала, металлические изделия.

Западноевропейские товары были представлены изделиями мануфактурного производства из Англии, Франции и Голландии: сукно, шелковые и льняные ткани высших сортов, галантерея, вино и москательные краски (сурик, сандал). Если в западные страны (Англию, Германию, Францию) с Нижегородской ярмаркой, как впрочем, из России в целом, в обмен на мануфактурный товар (сукно, шелковые и льняные ткани высших сортов, галантерея, вино, инструменты, машины) шли сырьевые товары (кожа, пушнина, шерсть, лен), которые составляли 60–65% в среднем всего экспорта российского сырья, то в восточные страны в обмен на русскую мануфактуру поступало сырье для отечественной промышленности (хлопок, красители) и продовольственные товары (чай, сухофрукты).

Оценивая значение ярмарки в 60-х годах XIX века, современник писал: «Нижегородская ярмарка есть важнейший экономический факт русской жизни. Это ключ к уразумению важнейших явлений нашей жизни, это пульс нашего народного организма. Она служит у нас главной господствующей коммерческой пружиной».

Ход торговли на ярмарке во многом зависел от урожая хлебов, который был первенствующим показателем покупательной способности основного потребителя ярмарочных товаров – крестьянства. Чутко реагировала ярмарка на важнейшие события в экономической и политической жизни России и Западной Европы. Так, во время революции 1848 года на ярмарку был сокращен привоз западноевропейских мануфактурных товаров. Крымская война 1853–1856 годов привела к вздорожанию цен на мануфактурные товары отечественного производства вследствие сокращения привоза в Россию американского хлопка и красильных материалов из-за

Нижегородская ярмарка. 1860

блокады портов Балтийского и Черного морей. Гражданская война в Северной Америке (1861–1865 гг.) привела к хлопковому кризису в России, который положил начало замене американского хлопка среднеазиатским на хлопчатобумажных фабриках страны.

Нижегородская ярмарка процветала почти 100 лет и не имела себе равных ни в России, ни в Западной Европе. Уже к середине XIX века ее товарооборот составил 60% общей стоимости привезенных товаров по всем границам Российской империи. В путеводителе по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке, изданному в 1896 году, говорилось: «Подобно Ливерпулю, Гамбургу, Лондону, Парижу, Петербургу Нижний уже давно сделался всемирно-историческим пунктом».

Необъятное количество привозимых товаров, огромное стечение людей разных национальностей, чьи костюмы придавали торжищу красочный, многоликий вид, многочисленные строения – от временных балаганов до многоэтажных каменных гостиниц, пассажей и храмов – все это привлекало сюда не только деловых людей, приезжающих для купли-продажи. Здесь «кипела жизнь»; сюда ехали актеры, литераторы, художники, путешественники на гастроли или просто из любопытства. Среди гостей Нижегородской ярмарки было немало

иностранцев. Все стремились в Нижний Новгород. Так, известный французский писатель Теофиль Готье, посетивший Нижегородскую ярмарку в 1861 году, в своей книге «Путешествие в Россию» писал: «Я знал Санкт-Петербург, Москву, но мне еще неведом был Нижний Новгород... А можно ли жить, не повидав Нижнего Новгорода?»

Во второй половине XIX века, в связи с развитием капитализма, происходят изменения и в российской торговле. Все больше стали развиваться постоянные формы торговли через склады, магазины, лавки. Средства связи (железные дороги, пароходства) позволяли получать товар непосредственно на месте, а не ехать за ним на ярмарку. Ярмарочная форма торговли в целом падает. Коснулось это и Нижегородской ярмарки, что выразилось, прежде всего, в изменении ассортимента ее товаров. С включением Урала в сеть железных дорог России (линия Екатеринбург – Челябинск) с ярмарки «уходит» железо, которое покупали теперь прямо на заводах. Бывшее место ярмарки в установлении цен на железо занял синдикат «Продамет», объединивший в своих руках около 90% сбыта всего сортового железа, производимого в России. Проведение Оренбургско-Ташкентской железной дороги на Петровск содействовало сокращению на ярмарке торговли хлопком, который отправлялся железнодорожным путем через Баку и Петровск, а позднее через Оренбург в Москву, минуя Нижний Новгород. С момента разрешения в 1862 году привоза китайского чая морским путем (через Одессу) и после открытия железнодорожного сообщения Иркутск – Москва в начале XX века ярмарка и для чая утратила прежнее значение. Вместе с тем на ней расширилась продажа кожи, пушнины, шерсти. Торговля наличным товаром уступает место торговле по образцам.

Постепенно Нижегородская ярмарка все более приобретала характер всероссийской биржи, на которой устанавливались цены на целый год на важнейшие товары потребления.

В годы Первой мировой войны в связи с общим экономическим кризисом, охватившим все отрасли хозяйства России, обороты ярмарки резко снизились. Об этом наглядно говорит сокращение привоза товаров водой на ярмарку (привоз товаров по железной дороге в то время был незначительным) с 1914 по 1917 год более чем в 2 раза.

После Великой Октябрьской социалистической революции ярмарка возобновила свою деятельность. В период «военного коммунизма» она была закрыта и затем восстановлена в 1922 году. Она сыграла

большую роль в налаживании торговых связей центра с окраинами, оказала немалую помощь в деле налаживания советского торгового аппарата. Последний раз ярмарка функционировала в 1928 году.

В 1990 году в условиях возрождения рыночных отношений в стране возрождается и Нижегородская ярмарка. Главным направлением ее работы становится выставочная деятельность. Не забыты культурные традиции прежнего всероссийского торжища. На Нижегородской ярмарке регулярно проводятся художественные выставки, выставки-продажи произведений народного творчества, различные концертные программы и благотворительные мероприятия.

Ярмарка, как и прежде работает на благо Нижнего Новгорода.

С. М. Ледров

МАЛЫЕ ЯРМАРКИ И БАЗАРЫ НИЖЕГОРОДЧИНЫ

Кроме Нижегородской ярмарки в губернии действовал ещё целый ряд торжищ. Ведь основная часть населения проживала в сельской местности. Магазинов в современном понимании этого слова в селах и деревнях почти не было. Они только-только начали появляться в наиболее крупных селах в конце XIX века. В городах постоянные торговые лавки существовали и раньше, но и они не всегда могли удовлетворить запросы покупателей. Крестьянам же и горожанам необходимо было как-то продавать часть выращенных на своей земле продуктов питания, а также сельскохозяйственное сырьё и, в свою очередь, покупать различные вещи, орудия труда, которые в их местности не изготовлялись. Для этого во всех уездах существовали так называемые базарные и ярмарочные села, в которых периодически устраивались торговые дни.

Хотя, бывало, странствующие торговцы сами ходили по всем селениям. Такая форма торговли называлась развозно-разносной. В честь ее представителей даже сложена одна из любимых песен русского народа «Коробейники» (или «Коробушка»). С большим коробом за плечами ходили мелкие торговцы из села в село, предлагая жителям разный мелочный товар. Кроме коробейников (их еще называли «офенями») были и «прасолы», скупавшие в течение года по деревням ремесленные

изделия и сельскохозяйственное сырье. Например, много прасолов, прозывавшихся «кошатниками», проживало в Спасской волости Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Правда, занимались они не столько куплей-продажей, сколько товарообменом. Крестьяне им – щетину, шерсть, шкурки и целые тушки забитых домашних и диких животных, а «кошатники» за это крестьянам – различные бытовые предметы. Отсюда пошла и поговорка: «Поехали чашки да ложки менять на кошки».

В общем же развозно-разносная торговля во многом имела случайный характер. Странствующий торговец мог запоздать или вовсе не приехать. Причиной тому могли стать непогода, большое расстояние вкуче с бездорожьем, опасность быть ограбленным в пути разбойниками. Поэтому, кроме развозно-разносной, появилась периодическая форма торговли. Потенциальный покупатель уже точно знал – где и когда будет организована скупка и продажа товаров. И мог к этому заранее готовиться.

Видами периодической торговли являются ярмарка, а также базар. В чем между ними разница? Слово «базар» пришло к нам из татарского языка и означает торговлю на открытом месте в определенный день недели и само место (площадь) проведения торговли. Иными словами, базар собирался раз в неделю. На нем велась розничная (небольшими партиями) торговля продуктами питания и ремесленными изделиями, продавались сельскохозяйственное сырье, дрова, домашний скот. Такие торги имелись во всех городах Нижегородской губернии. В самом Нижнем Новгороде до 1917 года проводилось 7 базаров: на площадях Новозамковой (ныне – Максима Горького), Похвалинской (теперь – ул. Маслякова у Похвалинского съезда), Острожной (Свободы), Старосенной (территория Лингвистического университета на ул. Минина), Новосенной (Сенная), Ковалихинской (перекресток ул. Ковалихинской и Семашко) и Софроновской (площадь Маркина, у Речного вокзала). Собирались базары и в крупных селах.

В конце XVIII века в губернии насчитывалось 22 базарных села. В середине следующего столетия еженедельные торги существовали уже в 36 селах. Перечислим их. В Нижегородском уезде это были Борисово-Покровское, Богоявление, Дальнее Константиново (современный Дальнеконстантиновский район), Новоликеево, Безводное (нынешний Кстовский район). Ардатовский уезд: села Мечасово, Стексово (современный Ардатовский район), Большое Череватово,

Ичалово (современный Дивеевский район). В Арзамасском уезде базарными селами являлись: Вад (современный Вадский район), Собакино (современный Красный Бор Шатковского района), Большая Арать (современный Гагинский район). Балахнинский уезд – здесь базарными селами были Городец (современный районный центр), а также Катунки и Пурех (ныне в Чкаловском районе). Васильсурский уезд – базарные села: Воротынец, Спасское (современные райцентры), Троицкое (современный Княгининский район), Юрино, Сумки (современная Республика Марий Эл). В Горбатовском уезде тоже было немало базарных сел: Богородское, Павлово, Ворсма, Сосновское, Панино (современный Сосновский район). В Княгининском уезде – это были Большое Мурашкино и Бутурлино (современные районные центры), Большая Якшень, Кочуново (нынешний Бутурлинский район). Лукояновский уезд: Никитино (современный Починковский район), Большое Маресьево (Лукояновский район). Макарьевский уезд: Лысково, Воскресенское (современные райцентры). Семеновский уезд: Бор, Кантаурово (нынешний Борский район), Хохлома (современный Ковернинский район). Сергачский уезд: Кочко-Пожарки, Лопатино (современный Сергачский район), Большое Андосово (современный Пильнинский район), Адашево (современный Большеболдинский район).

Вот, как коротко описывали современники городской и сельский базар конца XVIII века. В городе Ардатове «имеется в каждой неделе один день в среду торг, на который приезжают арзамасские купцы и мещанство (рядовые горожане. – Прим. С. Л.) с разными шелковыми и другими мелкими товарами да их разных здешней округи жителей крестьяне с разным всяким хлебом и харчом, холстом, сермяжными сукнами и деревянную посуду...» В селе Спасском Васильсурского уезда «бывают еженедельно по вторникам торги, на которые съезжаются из близлежащих селений крестьяне с разным хлебом, медом, маслом, воском, кожами, деревянной посудой и прочим разным свойственным крестьянам товаром».

Более значительным, по сравнению с базаром, видом периодической торговли являлась ярмарка, в переводе с немецкого языка – ежегодный рынок. В широком значении этот термин означает любой ежегодный (от одного дня до нескольких недель) съезд торговцев и покупателей в заранее определенном месте. Небольшие ярмарки, влияние которых распространялось на ближайшую округу и на которых

велась только розничная торговля, назывались еще торжками. Торжки возникали в городах, крупных селах или у монастырей и приурочивались к местным храмовым (престольным) праздникам, по которым часто и получали название. Со временем некоторые из таких торжков в силу различных обстоятельств (удобные сроки, выгодное расположение на важных речных и сухопутных дорогах и т. п.) превращались в собственно ярмарки – центры не только розничной, но и оптовой (крупными партиями) торговли межрегионального и общегосударственного значения. В Нижегородской губернии такой ярмаркой с XVII века стала Макарьевская (с 1817 года Нижегородская) – крупнейшая ярмарка Российской империи.

Однако кроме нее здесь имелись и другие, местные ярмарки. Если в 1780 году их насчитывалось 6: в городах Починки и Ардатов, Макарьевской слободке Балахнинского уезда, селе Прудичи Васильсурского уезда, селах Спасское (другое название Зеленогорская слобода) и Палец Перевозского уезда), то к 1865 году число таких ярмарок увеличилось в 10 раз – до 62, а в 1906-м – в губернии действовало уже 99 местных ярмарок в 81 населенном пункте: в некоторых городах и селах в год проводились не одна, а две или три ярмарки. Тем не менее, большинство подобных ярмарок продолжалось один день и имело незначительные торговые обороты, поэтому такие торжки мало чем отличались от обыкновенных базаров. В 1865 году от 3 до 10 дней длилось лишь 11 ярмарок. В 1906 году от трех дней продолжалось 12 ярмарок: Спасская (7 дней), Юринская (7 дней) и Сумская (3 дня) в Васильсурском уезде; Павловская (5 дней) и Богородская (4 дня) в Горбатовском уезде; Маровская (7 дней) в Макарьевском уезде; Спасзеленогорская (7 дней) и Оранская (3 дня) в Нижегородском уезде; Кононовская (3 дня) в Семеновском уезде; Сергачская (7 дней) и Ветошкинская (3 дня) в Сергачском уезде; трехдневная ярмарка (кроме всероссийской) собиралась еще в Нижнем Новгороде.

Из всех местных ежегодных торгов Нижегородской губернии только два более всего походили на настоящие ярмарки, как по длительности, объему и разнообразию привозимых товаров, сочетанию розничной и оптовой торговли, так и по географии своих связей, которые распространялись не только на большую часть губернии, но и за ее пределы. Таковыми ярмарками были Маровская и Спасская.

Первой по значению сельской ярмаркой в губернии считалась Маровская. Она возникла у стен Маровской Крестовоздвиженской пустыни (монастыря), располагавшейся с XVII века недалеко от Волги на сухопутной дороге из Нижнего Новгорода в город Курмыш и далее в губернии Средней и Нижней Волги (современный поселок Красные Мары Спасского района). Торг здесь первоначально проводился в престольный праздник Воздвижения Креста Господня, 15 сентября по старому стилю. В конце XVIII века, после ликвидации монастыря, ярмарка некоторое время собиралась в соседнем селе Прудичи Васильсурского уезда, а в 1785 году наместническое правление удовлетворило просьбу Нижегородского губернатора И. С. Белавина о переводе Маровской ярмарки в его имение – село Чернуха Макарьевского уезда (современный Лысковский район). Там ярмарка и просуществовала, сохранив прежнее название, вплоть до начала XX века. В XVIII столетии Маровская ярмарка длилась с 14 по 16 сентября, в XIX – начале XX века – с 8–10 по 15 сентября. Главными предметами торговли на ней являлись: крупный рогатый скот, кожи и меха, воск, мед, пух, перо, тряпье, хмель, ткани. Максимальная стоимость привоза, по выявленным источникам, составляла 290 тысяч рублей (1869 год). Для сравнения: товарооборот всероссийской Нижегородской ярмарки превышал 100 миллионов рублей. Владельцы Чернухи для организации торговли выстроили в своем поместье каменный гостинный двор, окруженный рядами деревянных лавок (всего имелось 796 торговых мест), загоны для скота. Главную роль на Маровской ярмарке играли торговцы из сел Спасское, Лысково и Большое Мурашкино.

Ярмарка в государственном (то есть принадлежавшем не помещику, а Министерству государственных имуществ) селе Спасском Васильсурского уезда (современный районный центр) была учреждена в 1831 году по просьбе местных крестьян, которые на доходы с ярмарки решили выстроить каменную церковь. С первых лет своего существования Спасская ярмарка оказывала заметное влияние на ход соседней (в 40 верстах) Маровской ярмарки. Ее товарооборот временами даже превышал товарооборот последней. Первоначально торг в Спасском был установлен с 1 по 10 сентября. Однако помещик Белавин, узнав об учреждении ярмарки в Спасском, не на шутку забеспокоился. Ведь торговля в Чернухе начиналась позже, что не могло

не сказаться на товарообороте Маровской ярмарки и соответственно на доходах ее владельца. В 1833 году по просьбе помещика Нижегородской губернской правление перенесло срок Спасской ярмарки на 20 сентября – 1 октября. И только после отмены крепостного права, с 1870-х годов – торговля в Спасском стала проводиться с 16 по 23 сентября. Одним из главных ярмарочных товаров здесь были невыделанные шкуры коров, лошадей, свиней, которые закупались на многочисленные местные крестьянские кожевенные предприятия, а также на кожевенные заводы в село Богородское Горбатовского уезда. Кроме того, на Спасской ярмарке, как и на Маровской, торговали тканями, медом, воском, пухом, рыбой, предметами крестьянской утвари.

Естественно, на каждом сельском торге, сколько бы дней он не продолжался, широко велась торговля съестными припасами. Ведь на ярмарку съезжалось большое число торговцев и покупателей из ближних и дальних селений. Например, число приезжавших на Спасскую ярмарку в четыре раза превышало постоянное население самого села. Для участников ярмарки открывались питейные заведения, трактиры, чайные лавки.

С нетерпением ждали ярмарочные дни и крестьянские дети. Они могли полакомиться купленными родителями разнообразными сладостями или вместе со взрослыми посмотреть выступления бродячих акробатов. Для детворы же на ярмарке устанавливались временные карусели, организовывались различные игры-развлечения, как-то: «скоростная распродажа хрустальной посуды», «бросание колец на столб» и другие.

В советский период, наступивший после 1917 года, новые власти стремились покончить с рыночной торговлей, олицетворением которой являлись базары и ярмарки. Однако в некоторых нижегородских селах периодические торги действовали вплоть до середины XX века, составляя ощутимую конкуренцию государственной и кооперативной торговле. На рубеже 1980–1990-х годов с возрождением частного предпринимательства, базары и ярмарки в крупных сельских населенных пунктах нашей области возобновились вновь.

Ф. А. Селезнев

КАК НИКОЛАЙ I БЛАГОУСТРОИЛ НИЖНИЙ НОВГОРОД

Принц появился на свет 25 июня 1796 года. Бабушка сразу обратила внимание на отменные физические данные младенца. «Голос у него бас; и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря», – так описывала она внука в письме к одному из знакомых.

Бабушка вошла в историю как Екатерина Великая. Внук – это будущий император Николай I. Впрочем, то, что этот маленький принц впоследствии надел царскую корону – настоящее чудо. Ведь он был третьим сыном. Следовательно мог стать монархом, только если бы два его старших брата не оставили потомков мужского пола. Однако именно так и произошло. Правда, в первый же день царствования, 14 декабря 1825 года, Николая едва не свергли. Но он удержался на троне. Как и его знаменитый предок, Пётр I, начало правления которого, по выражению Пушкина, тоже «мрачили мятежи и казни».

Великий поэт сразу уловил общее в облике и характере этих двух царей из дома Романовых. Поэтому, обращаясь к Николаю, он написал: «Семейным сходством будь же горд, во всём будь пращур подобен». С Петром Великим Николая сравнивали (и не только Пушкин, но и другие современники), во-первых, из-за похотливости: оба были великаны больше двух метров ростом. Во-вторых, этих двух императоров сближало стремление единолично решать и контролировать все государственные дела, вплоть до самых мелких.

Еще, и Петр, и Николай были скромны в быту, любили военное дело и точные науки. Обоих можно назвать «царями-непоседами», поскольку они часто совершали поездки по стране. Причем в ходе своих путешествий оба дважды посетили Нижний Новгород.

Первый раз Николай I въехал в волжскую столицу по ярославскому тракту, со стороны Канавина. По временному наплавному мосту через Оку коляска императора проследовала в нагорную часть города и поднялась на Большую Покровскую. Было раннее осеннее утро 10 октября 1834 года, почти ночь. Город ещё спал. Но весть о приезде императора

молнией пронеслась по Нижнему и в 4 утра толпы народа запрудили Большую Покровку, где в доме военного губернатора (сейчас на этом месте здание Областного суда) остановился Николай.

Там он принял должностных лиц города, представителей дворянства и купечества. Затем направился в Кремль, где осмотрел Спасо-Преображенский собор (главный в Нижнем), где поклонился праху Кузьмы Минина. Оттуда через Ивановский съезд и Нижний Базар (нынешняя ул. Рождественская) царь направился на Ярмарку.

По легенде на Ивановском съезде то ли утром, когда Николай I только въезжал в город, то ли днем, царская коляска застряла в осенней грязи, из-за чего император очень рассердился. Якобы это и послужило причиной начатых по его повелению больших работ по благоустройству городских дорог и Нижнего в целом.

На самом деле уже до царского посещения было ясно, что городу нужны новые дороги, поскольку он не справлялся с наплывом грузов и приезжих в летний ярмарочный сезон. Нескончаемые вереницы подвод с товарами шли с Муромского и Казанского трактов по Большой Покровской и Большой Печерской улицам на Ярмарку через Кремль. Однако ворота Дмитриевской башни были для их потока слишком малы, из-за чего возникали многочасовые заторы. К такому количеству возов не были приспособлены и улицы.

Примерно за год перед царским визитом, 31 мая 1833 года, под руководством губернского архитектора И.Е. Ефимова была создана Строительная комиссия, одной из целей которой как раз и было улучшение сообщения между нагорной частью Нижнего Новгорода и Ярмаркой. В её состав вошёл и глава Строительного комитета ярмарочного гостиного двора инженер-полковник П. Д. Готман, которому было суждено сыграть особо выдающуюся роль в градостроительных преобразованиях Нижнего Новгорода. Даже оду из улиц в честь него назвали Готмановской (ныне улица Костина).

Ефимов и Готман ещё до приезда царя наметили ряд важных мер по преобразованию транспортных узлов города. В частности они предлагали закрыть для проезда Ивановский съезд, который через Кремль связывал Благовещенскую площадь (современная площадь Минина и Пожарского) и Нижний Посад (улица Рождественская), пустив транспорт в обход. Для этого предполагалось устроить съезд с Благовещенской площади (ныне – Зеленский съезд).

Царь был сведущ в инженерном деле и архитектуре. Поэтому и замысел Строительной комиссии, и все градостроительные недостатки Нижнего Новгорода стали ему ясны, стоило императору осмотреть город. Как вспоминал сопровождавший Николая начальник корпуса жандармов Бенкендорф, император изъездил весь Нижний, все в нем оглядел, местами хвалил, местами бранил. Но если царь чем-либо выражал недовольство, то тут же давал советы о том, как исправить недостатки. Собрал местное начальство во главе с губернатором М. П. Бутурлиным и городским головой Ф. П. Переплетчиковым Николай дал архитекторам и должностным лицам целый ряд подробных указаний.

Важнее всего было сделать съезды для транспорта в обход Кремля. Одного Зеленского было мало. Требовались и другие. Их направление Николай собственноручно показал на плане. Теперь это Похвалинский, Георгиевский и Казанский съезды – важнейшие транспортные артерии верхней части города.

Кроме того, царь лично начертил на плане место расположения будущего губернаторского дворца. Он должен был находиться не на шумной Большой Покровке, а в Кремле.

Далее император распорядился выкупить все частные дома в Кремле. Там должны были находиться только государственные учреждения и храмы.

Вдоль кремлевских стен предполагалось устроить бульвар – место для прогулок нижегородцев.

Николай повелел приспособить для отдыха жителей и откос. Пока он состоял из обрывов и буераков. Теперь его нужно было благоустроить, возведя Верхневолжскую и Нижневолжскую набережные.

Улицы, расходящиеся от Благовещенской площади, предписывалось спрямить.

Дома и лавки около церкви Иоанна Предтечи должны были быть снесены. Здесь предполагалось образовать площадь (ныне площадь Народного единства).

Было намечено построить новые казармы и ряд других зданий.

Всего император сделал 33 указания. Эти грандиозные перемены предполагалось осуществить в несколько лет. Но кто будет ими руководить? Строительной комиссии по малочисленности её штата явно с этим не справиться. А где взять рабочих для строительства? И, самое главное, откуда на всё это возьмутся деньги?

На все эти непростые вопросы царь сумел найти быстрый ответ. Для обеспечения городской «стройки века» рабочей силой была организована Арестантская рота. В неё зачислили всех заключенных, содержащихся в городских тюрьмах – тех, кто был способен к труду (кроме совершивших особо тяжкие преступления). Отдельные виды работ сдавались с торгов всем желающим и осуществлялись вольнонаемными рабочими.

Средства на все расходы городские власти заняли в приказах общественного призрения – Нижегородском, Ярославском, Казанском и некоторых других. (Приказами общественного призрения назывались губернские учреждения, ведавшие «социальной сферой» и, одновременно, имевшее право вести кредитно-финансовую деятельность). Для погашения кредитов 5 января 1836 года в пользу города был введен «судовой сбор» – налог с грузов, доставляемых на Ярмарку или наоборот увозимых из Нижнего Новгорода водным путем.

В соответствии с «Положением об устройстве города Нижнего Новгорода», которое Николай утвердил 9 мая 1836 года, была образован Строительный комитет об устройстве Нижнего Новгорода. В качестве начальника в него из Строительной комиссии был переведен инженер-полковник П. Д. Готман. В комитет вошёл также Г. И. Кизеветтер, ставший первым городским архитектором (кстати, и в честь него тоже потом назвали улицу, правда теперь она носит имя Фрунзе).

Если Строительная комиссия была губернским учреждением и заведовала работами по всей губернии, то комитет занимался только городским строительством, причем как казенным, так и частным. Без его ведома в городе не могло быть возведено ни одно строение. Даже баня или забор! В комитете составлялись план и проект фасада каждого нового здания.

Отметим, что комитет не только контролировал застройщиков, но и помогал им. Помощь могла быть оказана строительными материалами, рабочими из арестантской роты или в виде денежной ссуды.

Для выдачи ссуд комитет располагал особым «Вспомогательным капиталом». Государство поместило его в Нижегородский приказ общественного призрения. Из него выдавались ссуды на основании удостоверения полиции и городской думы о личности и состоянии просителя. Малоимущим выдавалась и безвозвратная ссуда. Либо из казенных материалов мог быть построен дом «под ключ». Но в этих

случаях в распоряжение просителей поступала только часть сооружения. Остальные площади сдавались полицией в наём до погашения истраченных государством средств. Кстати отметим, что земля застройщикам отводилась безвозмездно.

Работы начались в летний сезон 1835 года под руководством Готмана. Проверить их ход прибыл лично государь. Он посетил Нижний Новгород 15 августа 1836 года. На этот раз Николай I приехал в Нижний другим путем – через Владимир, Ковров, Вязники и Горбатов и въехал со стороны Арзамасской заставы. Старая разбитая дорога царю не понравилась. После его визита началось строительство шоссе Москва – Нижний Новгород. Тем не менее, добрался до Нижнего император быстро, на полдня раньше намеченного срока. Поэтому в городе его никто ещё не ждал. Никем не замеченные, Николай с Бенкендорфом в скромной коляске проехали через весь Нижний. Царя узнали только на временном мосту, соединявшем город с Ярмаркой. Восторгу людей не было предела! На Ярмарке в это время было более двухсот тысяч народу. Все они хотели видеть императора и приветствовать его. Николай шёл как обычно без всякой охраны. Как вспоминал Бенкендорф, царь во всех поездках строго запрещал полиции разгонять или останавливать народ и даже приходил в гнев, если замечал нарушение этого запрещения.

Иногда это приводила к забавным происшествиям. Одно из них случилось в Нижнем, когда Николай осматривал Нижний Базар. Все желали как можно ближе протиснуться к царю. Вперед всех пробились несколько торговцев из мучного ряда, все в муке, которые испачкали и самого императора. Разумеется, перепугались и они, и губернатор Бутурлин, который подбежал к царю и начал его обмахивать платочком. Но Николай его успокоил, сказав: «Ничего, ничего, братец, ведь это хлеб».

Во второй приезд Николая больше всего его интересовало, как выполняются его предначертания по благоустройству. Император проверил ход работ и дал ещё 54 указания. Вот самые существенные из них: устроить в Кремле Арсенал, отделать две кремлевские башни – Часовую и Северную – одну для государя, другую для императрицы, назвав их Николаевской и Александринской, купить сады по волжскому откосу для устройства публичного сада. Было предписано ежегодно составлять смету на ремонт кремлевской стены.

Проекты фасада каждого дома, который предполагалось возвести на Верхне-Георгиевской (ныне Верхневолжская) набережной должны были представляться на рассмотрение самого царя. Точно также как и новый план города с внесенными изменениями. Отметим ещё одно важное решение царя: своим указом от 3 октября 1836 года Николай I даровал нижегородским купцам и мещанам большие льготы по уплате гильдейских сборов и податей. Те же из них, кто построит собственный дом, на три года вообще освобождались от податей и повинностей.

Через три года первая очередь работ была завершена. Первым был окончен кремлевский бульвар. 22 сентября 1839 года открылась езда по Зеленскому съезду. Земляные работы здесь выполнил подрядчик купец Д. И. Климов. Он покрыл дерном откосы и уложил бульжную мостовую с желобами для стока вод. В том же году по дну Монастырского оврага пустили Похвалинский съезд. Назван он был в честь стоявшей над ним церкви Похвалы Пресвятой Богородицы. По Похвалинскому съезду должны были двигаться без заезда в нагорную часть города подводы со стороны Арзамасской заставы.

В 1841 году открылось движение по Георгиевскому и Казанскому съездам. В том же году закончили обустройство волжского откоса. Дренажные работы и противооползневую защиту на нем по подряду произвел Петр Бугров, основатель знаменитой купеческой династии. Тогда же был готов в кремле Губернаторский дворец.

Кроме того, к радости горожан были возведены дамбы через глубокие овраги и речки. На Большой Покровке вместо старого Лыкова моста по проекту инженера Н. И. Лика сделали Лыкову дамбу, упрятав Почайну в каменную трубу. На Варварке сделали дамбу через речку Черную. Ещё построили дамбы Покровскую (Между Покровскими прудами, ныне здесь площадь Горького) и Острожную (у Острожного пруда, теперь тут площадь Свободы).

К концу 1842 года большинство намеченных работ было выполнено. Благодаря им Нижний Новгород совершенно преобразился. Он превратился в один из красивейших городов России. Архитектурные преобразования тех лет определили и современный облик центра нашего города.

Ф. А. Селезнев

НИЖЕГОРОДСКИЕ МУКОМОЛЫ

В XIX веке главным экспортным товаром России был хлеб. Поэтому важность хлебного дела в экономике была громадной. Правда Нижегородская губерния не принадлежала к числу зернопроизводящих. Однако она богатели на хлебе не меньше многих других местностей. С Волги и Камы в Нижний Новгород одно за другим прибывали суда, груженные зерном. Здесь зерно попадало на мельницы, чтобы в виде муки отправиться дальше в Москву, Петербург и по всей России. Нижний был мукомольной столицей Империи. Эту славу ему принесли три великие династии нижегородских «хлебных королей»: Бугровы, Блиновы и Башкировы.

Родоначальник Бугровых – Петр сын Егоров (1785–1859) появился на свет в деревне Тоскуйки, потом перебрался в Попово. Обе эти деревни находились в Семеновском уезде и принадлежали Удельному ведомству. Оно было создано Павлом I для управления удельными землями, доходы с которых шли на содержание царских родственников – великих князей.

Петруха в семье был пасынком. Отец, овдовев, привел в дом другую жену. С мачехой не забалуешь! Пётр с детских лет вынужден был трудиться. Сначала бегал подпаском, потом сам пас деревенское стадо. Это летом. А зимой нанимался в работники к богатому мужику Прохорову. У того была валено-сапожная мастерская и мельница на Линде. Смысленный батрак быстро выучился катать из шерсти валенки и шляпы (мужиики тогда ходили в них, а не в покупных картузах). Там же он постиг первые тонкости мукомольного дела. Работник он был отменный: сообразительный, выносливый. Когда он спал – почти никто не видел. При этом никогда не унывал. Взгрустнется – достанет балалайку и заиграет так, что ноги сами в пляс идут. Люди его любили. Называли «Петруха-балалаечник».

Пришёл по сердцу он и хозяйской дочке. Только Прохорову ведь зять-батрак не нужен. Как же быть? А вот как. Увёз Петруха свою зазнобу и тайком с ней обвенчался. Новоиспеченный тесть, конечно, был в гневе. На приданое рассчитывать не приходилось. С мачехой жить тоже не хотелось. Нужно было самому вставать на ноги. И подался Пётр в бурлаки. Работа тяжкая, но Петруха был вынослив и терпелив.

*Николай Александрович Бугров.
Конец XIX века.
Фото М. П. Дмитриева*

Скоро этот приземистый крепыш завоевал всеобщее уважение и выбился в «бугры». Начальство удельного ведомства предписывало отпускать своих крестьян в бурлаки группами, по десять человек «с назначением одного из трезвых ответственным». Вот таким ответственным обычно и становился Петр сын Егоров. Воспитанный в строгости старообрядец, он вел сугубо трезвый образ жизни.

Такие люди милы любому начальству. И вот после одной из путин, когда Петр тянул баржу с казенной солью, чиновники Соляной конторы помогли ему перебраться из бурлаков в грузчики государственных соляных амбаров.

Таскать четырехпудовые кули с солью – тяжелая работа. Но это не так изнурительно как шаг за шагом, час за часом тянуть баржу с грузом. К тому же в грузчиках смывленный и добросовестный мужик долго не задержался. Его перевели в сплавы казенной соли.

Одним из главных мест соледобычи было Нижнее Поволжье. Оттуда вверх по Волге тянулись караваны груженых барж. А вниз шли баржи пустые. Вот на них-то Петр стал возить в низовья Волги шляпы, валенки, шерстяные чулки. Покупал он этот товар у своих земляков, став для них настоящим благодетелем. А продавал в низовьях Волги, естественно, намного дороже. Так у Петра впервые скопились хорошие деньги. Тут и тесть смягчился. Попросил односельчан принять зятя в крестьянскую общину деревни Попово и выделить ему место под дом.

Дела у Петра Егорова быстро пошли в гору. В 1828 году умного и непьющего мужика сделали головой Чистопольского приказа Удельного ведомства. (Приказ был административной единицей, объединявшей несколько удельных деревень). Новая должность дала Петру Егоровичу не только кафтан с позументами, но и возможность поближе познакомиться с начальством, которую он тут же использовал. В 1829 году

Чистопольский голова взял у Удельного ведомства в аренду четыре мельницы на Линде. Договор был заключен на долгий срок (8 лет) и за небольшую плату (50 рублей в год). Правда, мельницы были маленькие, старые и в нерабочем состоянии. Вместо них Петр Егорович построил к 1833 году новую большую мельницу. Она получила название «Попиха», поскольку располагалась у деревни Попово, где продолжал жить сам Петр Егорович, окруженный уважением односельчан.

«Бугор» из Попова не зря вложил большие деньги в аренду и модернизацию мельниц. Как раз в это время пошли вниз мировые цены на зерно. Соответственно упала стоимость зерна и в России. Ну а розничные цены на муку, разумеется, никто снижать не собирался. Поэтому молотье из подешевевшего зерна стало очень выгодно. И Пётр Егорович всерьез занялся мукомольным делом.

Однако «Попиха» не давала для этого настоящей возможности. Кто повезет на неё зерно? Мужики из ближайшей округи? Но это совсем не тот уровень! Чтобы работать с крупными партиями зерна из хлебоборозных средневожских и уральских губерний, нужно было ставить мельницу рядом с волжским берегом. И Петруха-балалечник, превратившийся к этому времени в настоящего «Бугра», заматеревшего и выдавшего виды мужика, так и сделал. В устье Линды, там, где она впадает в Волгу, было урочище Володино. Там Петр Егорович поставил большую мельницу, названную «Володиха». А в урочище Березы, у деревни Петухово, в полуверсте выше по течению Линды он воздвиг мельницу «Середнюю». Эта работа заняла у него два года (1836–1838).

На этом Петр Егоров сын не успокоился. В 1841 году он арендовал на Линде мельницу Березовскую, а в 1845 построил на этой реке ещё одну мельницу – «Оголихинскую» (у деревни Оголихино). Теперь возможности Линды были практически исчерпаны. И Пётр Егорович направил свою энергию на освоение другого притока Волги – реки Узолы, которая отличалась сильным течением. На Узоле Петр Егоров поставил мельницу «Бычиха», а на притоке Узолы, Лемше – мельницу «Чаботиха».

Всё губернское начальство уважало честного и ответственного предпринимателя. Высочайшим авторитетом он стал и для своих единоверцев-старообрядцев. А это тоже способствовало успеху в делах. В бизнесе старообрядцы всегда поддерживали друг друга, чем могли. И деловых партнеров предпочитали находить среди единоверцев.

Так же поступал и Петр Егорович. Деловые узлы на долгие годы связали его со старообрядческой семьей Блиновых.

Те были крестьянами из села Николо-Погост, принадлежавшего князю Репнину. Это старинное село стояло в устье Узолы. С давних пор его жители занимались судостроением. Кое-кто имел собственные суденышки и баржи, на которых возил разные грузы по Волге. Например, Андрей Блинов и его три сына Федор, Аристарх и Николай вели торговлю хлебом.

Как раз такие партнеры и нужны были Петру Егоровичу, чтобы поставлять зерно для его мельниц. Сам он в 1838 году перебрался из Попова в Нижний Новгород, купив дом на Нижнем Базаре. А через два года (1840) рядом обосновались отец и три сына Блиновы. Они выкупились на волю у князя Репнина и приобрели недвижимость в Нижнем Новгороде. Да не где-нибудь, а в его деловом средоточии, на Рождественской улице.

Откуда Блиновы взяли деньги на волю и землю? Возможно, помог Петр Егорович? У старообрядцев это было в порядке вещей. Они и в долг давали друг другу на несколько лет без процентов, и отсрочку по платежам предоставляли. К тому же Петр Егорович не чаял души в Фёдоре Блинове, относясь к нему как к сыну. Полюбился ему этот парень – расторопный, горячий, неуступчивый. Когда надо, Федя мог и кулаки в ход пустить. Своего он никогда не упускал. Конкуренты дали ему прозвище «метла»: мол, проедет по Волге с низовий и денежными залогами весь хлеб «подметет», а потом выгодно перепродаст.

Только ведь для того чтобы так щедро раздавать денежные залогов нужно самому иметь мощные финансовые ресурсы. Не помогал ли здесь опять Петр Егорович? Кстати, что интересно именно Фёдор, а не его отец стал главой семейного дела Блиновых. Фёдор числился и владельцем судов на механической тяге, которые двигали блиновские баржи с зерном. Ему принадлежали кабестан «Лев», забегка «Голубь», буксиры «Воевода» (построен 1857), «Блинов» (построен 1859), «Помощник» (построен 1863), «Север» (построен 1865).

Долгое время никто не мог тягаться с содружеством Бугровых и Блиновых. Так было пока в Нижнем не появились Башкировы. Путь к богатству им проложил Емельян Григорьевич Башкиров (1804–1887), дворовой человек помещицы В. Н. Лишевой из села Копнино Нижегородского уезда (теперь это Богородский район).

Дворовые люди, как правило, жили в помещичьей усадьбе и обслуживали барское хозяйство. Это были слуги, актеры, музыканты, повара. Емельян же преуспел в портновском деле. Искусного портного баре отпустили в Нижний, с тем, чтобы он в ярмарочное время зарабатывал там для них оброк. Емельян завел портновскую лавку на временном мосту, который соединял Ярмарку с городом. Там ему первые деньги и попали. Дальше – больше. Пришла зима. Что же, на печи лежать? Нет, Емельян не из таковских. Стал на льду по базарам сеном торговать. А потом, подкопив деньжат, рискнул: нагрузил небольшое суденышко нижегородскими товарами и отправился в Астрахань. В свое время так же протапывал дорожку к богатству родоначальник династии Бугровых. Только он-то возил товары в низовья Волги на казенной барже и даром. А как было добираться в Нижний, вверх по течению, с купленным в низовьях Волги дешевым зерном Емельяну Башкирову? Нанимать бурлаков? Тогда всю прибыль съедят транспортные расходы. Эх, была не была, запрягся в лямку сам Емельян, вместе с сыновьями. Мучились так Башкировы несколько лет. Терпели, копили деньги. Наконец хватило у Емельяна средств, чтобы выкупиться на волю у своей хозяйки помещицы Лишевой (1847) и переехать в Нижний.

Теперь у них была свобода, но не было денег. Зато у Емельяна Башкирова имелось трое сыновей. Одного из них, Якова, как говорится в одном исподнем платье, отправили в примачи к хлебному торговцу Доможирову. Женился Яша Башкиров на дочке Доможирова и стал тянуть всё дело старого и хворого тестя. А потом наследовал его имущество. (У Доможирова был дом на Кизеветтеровской улице – ныне ул. Фрунзе – да ещё снимал он дом на Нижнем Базаре).

Теперь у Башкировых имелись средства, чтобы снять в аренду мельницу на Линде. Так началось их многолетнее соперничество с Бугровыми.

У тех главой семьи в 1860–1870-е годы был Александр Петрович Бугров. Отец над ним, бывало, подтрунивал за его тихий нрав. Однако обстоятельство Александра и его умение выслушивать мнение подчинённых позволили наследнику бугровского дела не только сохранить отцовские богатства, но и преумножить их.

Краевед И. И. Вишневецкий в письме к Горькому дал такую характеристику Александру Петровичу: «А. П. человек был резонный, отправляет куда-либо по делу приказчика, первоначально расскажет всё на словах,

потом сам напишет, по-старинному, приказ и добавит: увидишь пользу хозяйскую, делай по-своему, поопасишься – пиши эстафетой».

Посоветовал ли Александру Бугрову завести мельницы на Сейме кто-то из подчиненных, или он сам до этого додумался – неизвестно. Но, окончательное решение, естественно пришлось принимать ему. И оно оказалось правильным.

Почему Сейма? Посмотрите на карту: эта река впадает в Оку, причём там, где проходит железная дорога Москва – Нижний Новгород. Эту дорогу построили в 1862 году. Новый вид транспорта открыл для нижегородского бизнеса колоссальные возможности. И Александр Бугров не преминул ими воспользоваться. У помещика А. А. Турчанинова он купил земли на Сейме (у деревень Передельново и Новишки) и построил там каменные мельницы. Пятиэтажная Передельновская мельница вступила в строй в 1867 году. Новишкинская мельница начала работу спустя два года (1869). Они дали начало будущему г. Володарску, а в советский период стали основой для Володарского хлебозавода.

Мельницы на Сейме сначала были водяными. Но в мельничном деле уже назревал переворот: начиналась эпоха паровых двигателей. В Нижнем Новгороде её вестником стал австрийский подданный венгерского происхождения Иван Осипович Горват. Это был крупный специалист по мельничному машиностроению. В 1860 году он построил паровую мельницу (первую в губернии) для богатых помещиков Шереметевых в селе Юрино Васильсурского уезда.

Паровые мельницы, в отличие от водяных, работали круглый год, перемалывая намного больше зерна. Ещё одно преимущество паровой мельницы: для её установки не требовалось искать быструю речку вроде Линды, Узолы, Везломы или Сеймы, как это приходилось делать первым нижегородским мукомолам. Паровую мельницу можно было поставить прямо в Нижнем, прилично сэкономив на транспорте. Ведь в губернской столице практически рядом находились и многочисленные пристани (где могли причаливать суда с зерном), и железнодорожный вокзал (откуда было легко отправить куда угодно муку).

Первым до этого додумался Фёдор Блинов. В 1864 году он обратился к губернатору Одинцову за разрешением на постройку паровой мельницы в Нижнем Новгороде. Разместить её ухватистый купец хотел там же, где его семье принадлежал целый квартал городской земли,

простиравшийся от Софроновской площади (ныне площадь Маркина) вдоль Рождественской улицы на запад. Вход внутрь квартала закрывали известные, наверное, всему Нижнему железные ворота с литыми буквами «Б». Здесь у Блиновых стояли магазины, лавки, лабазы, склады. Но это был деловой центр города, его лицо. Здесь с пароходов на берег сходила благородная публика. И строить тут промышленное предприятие губернатор не позволил.

Между тем нижегородские купцы-мукомолы прослышав о паровых чудо-мельницах Горвата и применявшихся им технических новинках готовы были засыпать «венгерца» заказами. И в 1866 году венгерский инженер перебрался на постоянное место жительства в Нижний Новгород, где завел мастерскую мельничного оборудования. Слава о ней быстро долетела до Москвы. О её изобретателе-владельце разузнали хозяева большого чугунолитейного завода в Москве: инженер Алексей Алексеевич Добров, коллежский асессор Сергей Алексеевич Добров и швейцарский поданный Богдан Иванович Набгольц. Торговый дом «Добров и Набгольц» в 1868 году вошёл в нижегородское дело Горвата. Москвичи сразу внесли вклад в техническое переоснащение производства, установив в мастерской токарные станки и паровой двигатель.

Теперь Горват мог выполнять ещё больше заказов. Устроил он и мельницу Башкировых на Линде, сразу полюбив этих ловких ребят, которым он дал уйму ценных советов.

Воспользовавшись ими, Башкировы решили построить паровую мельницу в Нижнем. Только на краю города, чтобы никому не мозолить глаза. И препятствий к осуществлению их намерения со стороны властей не возникло.

В 1871 году на берегу Оки, у нынешнего метромоста была построена первая в Нижнем паровая мельница – мельница учрежденного в том же году торгового дома «Емельян Башкиров и сыновьями». Она расположилась в Благовещенской слободе, чуть дальше Благовещенского монастыря и поэтому получила название «Слободской».

Так Башкировы опередили и Бугровых, и Блиновых. Тем волею неволей пришлось принимать вызов и бросаться вдогонку. В 1876 году Бугровы возвели каменный пристрой для паровой машины к своей Передельновской мельнице на Сейме. С 1877 года началось переоборудование паровыми котлами и машинами бугровских мельниц на Линде – Володихи и Средней. В 1881 паровой двигатель появился

и на Новишкинской мельнице Бугровых на Сейме. Блиновы тоже не дремали. К 1877 году они построили четырехэтажную паровую мельницу на реке Везломе при селе Неклюдове.

Нижегородский рынок мельничного оборудования оказался настолько емким и перспективным, что Добровы и Набголец заинтересовались им всерьез. Они решили взять нижегородское дело Горвата, где имели лишь долю, полностью в свои руки.

Получив отступные, Горват в 1873 году вышел из предприятия и покинул Россию. Вместе с его мастерской к Добровым и Набголец перешли и права на ряд изобретенных им видов мельничного оборудования, в том числе на «горватовские» самовейки.

Тогда же москвичи купили механическую фабрику англичанина Г. Гаррета на Рождественской улице, куда перенесли производство мельничного оборудования, налаженное Горватом.

Позднее Добровы и Набголец ещё больше расширят свой нижегородский плацдарм. В 1887 году они приобрели чугунолитейный завод П. Ф. Кошелева на Лыковой дамбе. Там ими была устроена котельная мастерская. Ещё одной покупкой стала лесопилка в Канавине. Она была нужна, чтобы застолбить территорию для возможного расширения предприятия. Именно там Добровы и Набголец построят свой самый большой завод (будущий завод им. М. Воробьева, теперь завод ОАО «Мельинвест», ул. Интернациональная, 95).

Постоянно наращивая объемы производства, Добровы и Набголец не забывали и про внедрение технических новинок. Они первыми в России начали выпуск вальцовых станков.

Раньше ведь как: зерно перемалывали или, по-другому сказать перетирали жернова – большие каменные круги. Зерно перетиралось ими вместе с оболочкой. Получалась мука т. н. грубого помола. Хлеб из неё продаётся и сейчас. Он полезен для здоровья. Но большинство предпочитает хлебушек из муки-крупчатки. А она получается, когда каждое зернышко дробится на мелкие крупички вальцовыми станками, а отруби отделяются от конечного продукта.

Первый вальцовый станок придумал Марк Миллер из Варшавы (1822). Его усовершенствовал швейцарец Зульцбергер (1834). Во второй половине XIX века эти простые, но совершившие настоящий переворот в мукомольном деле приспособления, начинают распространяться в России.

Главный элемент вальцового станка – валки (цилиндры), которые крутятся и в процессе вращения крошат и мелют зерно. Раздробление зерна («дранье») производилось на нарезных валках, а размол полученных крупок – на валках гладких.

Перед размолом крупки сортировали по качеству. Занимались этим особые специалисты – крупчатники. Это были настоящие кудесники. Они создавали хитроумные комбинации из твердых и мягких сортов яровой и озимой пшеницы. При этом составляли зерновые смеси с такими характеристиками, которые обеспечивали производство муки исключительно высокого качества. Поэтому хороших крупчатников чрезвычайно ценили. И Башкировы, и Бугровы платили им баснословные деньги. У Николая Бугрова крупчатники имели в 5–7 раз больше, чем управляющие мельницами. А Башкировы давали своему крупчатнику С. И. Щербакову больше, чем получал сам генерал-губернатор, не считая восьмикомнатной квартиры и конного выезда с извозчиком.

Именно Башкировы и начали первыми на Нижегородчине делать крупчатку. Видимо пристроенный в 1874 году к их «Слободской» мельнице новый корпус как раз и был оборудован вальцовыми станками.

В 1879–1883 годах Емельян Башкиров с сыновьями построили ещё одну паровую вальцовую мельницу – уже на противоположном берегу Оки, в т. н. «Макарьевской» части города. Эта мельница соответственно назвали «Макарьевской». На ней мололи пшеницу. А для размола ржи Башкировы возвели паровую мельницу в Гордеевке. Не уставали они совершенствовать и мельницу «Слободскую». В 1885 году она была заново перестроена на полный автоматический ход. Для хранения зерна при ней в 1886 году был выстроен огромный элеватор.

Это внимание к «Слободской» было не случайным. Для главы семейства, Емельяна Башкирова, она оставалась любимым детищем. Под конец жизни Емельян Григорьевич потерял зрение (видать в молодости сильно натрудил глаза, когда был портным) и его летом под руки выводили на лавочку, чтобы он мог послушать шум от этой мельницы.

Случайный путешественник, пройдя мимо него ни за что бы не догадался, что этот худенький старичок в нагольном тулупе и древней крестьянской шляпе – один из богатейших людей губернии. О его скупости ходили легенды. Но она тоже была одной из составляющих успеха Емельяна Башкирова и его фирмы.

В 1880-е годы компания Башкировых добивалась одного успеха за другим, выйдя уже на всероссийскую арену. Сначала Башкировы крепко обосновались в зернопроизводящих губерниях – Саратовской и Самарской. В Самаре они приобрели землю (1885–1886), на которой в 1890 году построили ещё одну паровую мельницу. В собственности или аренде торгового дома «Емельян Башкиров с сыновьями» оказались также дома, лавки и склады в Саратове, Балакове, Камышине и Царицыне.

Одновременно фирма бесстрашно вторглась на столичные, и даже зарубежные мучные рынки. Исключительно башкировскую муку употребляли знаменитые московские булочные Филиппова. Вагонами везли муку от Башкировых в Финляндию. Представительства торгового дома Башкировых имелись в Гамбурге, Любеке, Берлине.

Ничего удивительно в этом нет. Качество башкировской муки действительно было отменным. Продукция торгового дома Башкировых принимала участие во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве (1882) и там фирма в качестве награды получила право изображения государственного герба на вывесках и рекламе. А в 1889 году мука Башкировых удостоилась золотой медали на Всемирной выставке в Париже.

Этого успеха торговый дом добился уже после ухода из жизни своего основателя. Сыновья Емельяна Башкирова успешно продолжали семейное дело. Однако вскоре им стало тесно под одной крышей. В 1891 году Николай, Матвей и Яков Башкировы разделили семейное имущество.

Николай Емельянович Башкиров отправился в Самару, где в качестве своей доли получил паровую мельницу, пароход «Нижегородец», плавучий док, 10 хлебных и 3 нефтеналивных баржи. Он занимался производством муки, хлеботорговлей, речной транспортировкой хлеба. К концу жизни его имущество оценивалось в 6 миллионов рублей.

Яков Емельянович Башкиров при разделе семейного имущества получил «Макарьевскую» мельницу в Нижнем Новгороде, пароход «Великая княгиня Мария», баркас «Мукосей», 10 хлебных барж. Он учредил «Мукомольное товарищество Я. Е. Башкирова». В 1893 Яков Емельянович переоборудовал «Макарьевскую» мельницу, устроив там полный автоматический ход и электрическое освещение. Его рабочие бесплатно проживали в отдельных помещениях и казармах при мельнице. «Мукомольному товариществу Я. Е. Башкирова» также принад-

лежали: паровая мельница в Гордеевке, леса и земли в Кологривском уезде Костромской губернии и Балахнинском уезде Нижегородской губернии.

Матвей Емельянович Башкиров в качестве семейной доли получил «Слободскую» мельницу, пароход «Минин», 10 хлебных и 4 нефтеналивных баржи. При мельнице он в 1897 году основал первую в Нижнем Новгороде макаронную фабрику. В собственности товарищества также находились паровая мукомольная мельница в Моршанске Тамбовской губернии (построена в 1895), лавки и склады в Нижнем Новгороде, Моршанске, Петербурге, Москве, Рыбинске, Арзамасе.

Что касается семейного дела Бугровых, то оно достигло высшего развития при Николае Александровиче Бугрове (1837–1911). Учрежденное в 1900 году «Товарищество паровых механических мельниц Н. А. Бугрова в Нижнем Новгороде» владело четырьмя мельницами в Балахнинском и Семёновском уездах. Ему принадлежали 5 пароходов и 31 баржа. Все мельницы были снабжены вальцовыми станками.

На XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года Николай Александрович поставил свой павильон «Крупчатое производство мануфактур-советника Н. А. Бугрова». Эксперты сочли его муку «превосходной». Фирме Бугрова было даровано почетное право украшать рекламу и ярлыки своей продукции изображением государственного герба.

Мукомольная продукция торгового дома «Братья Блиновы» тоже имела успех на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке. Она там получила золотую медаль. В это время компанию тоже возглавляло уже третье поколение фамилии, двоюродные братья Асаф Аристархович и Макарий Николаевич Блиновы.

Впрочем, Макарий Блинов не проявил себя на ниве предпринимательства. Вместо него мельничными делами занималась его энергичная матушка Еннафа Александровна, сестра Николая Бугрова. В 1908 году в расцвете лет Макарий Николаевич ушёл из жизни. Асаф Аристархович Блинов его пережил. Ему суждено было дожить до Октябрьской революции, которая положила предел славе третьего поколения нижегородских мукомолов, начавших своё дело в XIX веке – Бугровых, Блиновых и Башкировых.

Ф. А. Селезнев

АДРЕСА МИЛОСЕРДИЯ: НИЖЕГОРОДСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ

Сколько человеку нужно денег для счастья? И в чём оно, это счастье? Допустим, твоё дело уже раскручено, ты обеспечил близких. На что ещё потратить деньги? Упиваться роскошью, выдумывая всё новые и новые прихоти или поделиться с неимущими? В каждую эпоху богатые люди отвечали на этот вопрос по-разному. И здесь многое зависело от отношения общества к богатству.

Почему были щедры на подаяние нижегородские купцы XIX – начала XX веков, успешные люди вроде Бугровых, Блиновых, Рукавишниковых, Переплетчикова, Бабушкина? Во многом потому, что люди той эпохи ждали от них именно таких поступков, считая милосердие одной из главных добродетелей. Тогда в глазах и бедных, и богатых милостыня было вещью необходимой. И в тоже время приятной. Иоанн Богослов по этому поводу говорил: «Подающий милостыню делает добро не столько другим, сколько себе, потому что душа делается мудрой и высокой». Это чувство равно испытывает и бедняк, отдающий свою трудовую копейку нищему, и богач, жертвующий сотни тысяч рублей. Хорошо знакомо оно было и нижегородским купцам XIX века, память о которых сохранилась, прежде всего, из-за их добрых дел. В этом нет ничего удивительного. Стоит нам пуститься в прогулку по старому Нижнему, как, то тут, то там, нам начнут попадаться на глаза следы сотворенных ими благих дел.

А начнем мы наше путешествие со средоточия купеческого Нижнего – улицы Рождественской. Её делит пополам площадь Маркина. В старину она называлась Софроновской. Здесь царствовали знаменитые мукомолы Блиновы. В 1861 году они на свои деньги замостили эту площадь и Успенский съезд к ней. И это было ещё не главное из их добрых свершений. Самый крупный дар городу они сделали в 1878 году. Тогда Фёдор, Аристарх и Николай Блиновы пожертвовали гигантскую сумму в 125 тысяч рублей на устройство в Нижнем Новгороде нового водопровода.

Изложим вкратце историю этого доброго деяния. В 1871 году городская дума образовала специальную комиссию, которая подготовила план строительства нового водопровода и смету расходов.

*Дом трудолюбия им. Любови и Михаила Рукавишниковых, построенный на средства их детей (ул. Варварская, 32), 1903 г. (архитектор П. А. Домбровский).
Ныне «Нижполиграф». В советские годы у здания появился третий этаж*

Оказалось, что потребуется не более 450 тысяч рублей. Затем были объявлены торги на выполнение этой работы. Их выиграла английская фирма «Малиссон», взявшаяся исполнить проект за 417 тысяч.

Чтобы рассчитаться с подрядчиком Дума приготовилась взять заем в 450 тысяч рублей из 5 % годовых сроком на 50 лет. Для его погашения предполагалось повысить налог с домовладельцев. Вот тут-то в Нижегородскую думу и поступило заявление братьев Федора, Аристарха и Николая Блиновых, их свойственников Александра Петровича и Николая Александровича Бугровых, а также купца Устина Курбатова. Чтобы избавить город от займа, а домовладельцев – от возвышения налога они пожертвовали 250 тысяч личных денег (Блиновы – 125 тысяч, Бугровы – 75 тысяч, Курбатов – 50 тысяч). При этом благотворители поставили условие: «Пользование водой из нового водопровода должны быть для всех сословий Нижнего Новгорода на вечные времена бесплатно».

Казалось, всё замечательно. Однако англичане оказались неисправными подрядчиками. Заказанные в Великобритании водоподъемные машины не могли справиться с нижегородскими кручами. И опять пришел на выручку Устин Курбатов. На его заводе по чертежам блистательного инженера-изобретателя В.И. Калашникова были изготовлены

новые машины, которые, в отличие от британских, исправно гнали волжскую воду наверх. Просчеты англичан удорожили строительство, и купцы-благотворители пожертвовали ещё 75 тысяч рублей. Благодаря их усилиям новый городской водопровод 1 октября 1879 года вступил в действие. Всем жертвователям было присвоено звание Почетных граждан Нижнего Новгорода. А на Софроновской площади 25 мая 1887 года был освящен и торжественно открыт фонтан, в основании которого находилась литая позолоченная надпись со словами благодарности Блиновым, Бугровым и Курбатову. (К сожалению, в 1960-х годах этот фонтан разбили на куски и выкинули их неизвестно куда).

От площади Маркина (бывшей Софроновской) двинемся дальше по Рождественской улице в сторону Кремля. Среди многих нарядных зданий, украшающих эту улицу, обратим внимание на дом № 6. Стоявший здесь каменный дом с двумя флигелями и участком земли в 1841 году завещал Нижнему Новгороду (в лице Городской думы) владелец канатных заводов и долголетний глава города Ф. П. Переплётчиков. В завещании Федор Петрович указал, что после его кончины доходы с этого дома должны поступать в пользу «богоугодных заведений и неимущих Нижнего Новгорода жителей». Эту усадьбу город отдавал под конторы и магазины, в 1902 году перестроил, и опять сдавал внаём, вплоть до 1917 года. Арендная плата шла на помощь бедным.

От дома Переплётчикова видна нынешняя площадь Народного единства. На ней, выше памятника Минину и Пожарскому, расположилось большое трехэтажное здание из красного кирпича. Это знаменитый ночлежный дом Бугровых. Основал его мукомол и лесопромышленник Александр Петрович Бугров. 2 мая 1880 года он выступил с проникновенной речью в Городской думе. Александр Бугров по рассказам отца хорошо знал как, нелегка доля грузчика. Между тем Нижний Новгород той поры был наводнен крестьянами из окрестных уездов, приходивших в город на заработки. Как правило, они нанимались грузчиками или бурлаками, но далеко не всякий из них мог найти себе в чужом городе угол для ночлега. Беднякам приходилось коротать время до утра, где попало: под лодкой на берегу, просто под открытым небом или в каком-нибудь притоне, рассаднике пьянства, воровства и прочих пороков. Обрисовав эту жуткую картину Александр Петрович Бугров заявил, что «будучи близко знаком с бытом чернорабочего люда» желает выстроить за свой счет ночлежный при-

ют на 500 человек и предоставить его в вечную собственность города. 30 мая 1880 года Городская дума утвердила Устав Ночлежного дома.

Александру Петровичу было не суждено увидеть, как распахнуться двери этого заведения. В мае 1883 года он ушёл в мир иной. Здание же было готово к 10 октября 1883 года. Сын покойного, Николай, торжественно передал дом в городскую собственность, обязавшись содержать его за свой счёт, в память об отце. На стене была установлена мемориальная доска «Ночлежный приют А. П. Бугрова».

Кров в нём могли получить 450 мужчин и 45 женщин. При этом никаких документов с них не спрашивали. Пускали сюда вечером и только на ночь. Днём двери приюта закрывали, чтобы навести порядок. В нетрезвом виде в Ночлежный дом не принимали. Нельзя было брать с собой спиртное, курить и петь песни (это могло нарушить сон других). За порядком наблюдали надзиратели.

Поднявшись от площади Народного единства на площадь Минина и Пожарского, мы можем увидеть памятник благотворительной деятельности уже самого Николая Бугрова. Это бывшее здание Нижегородской городской думы.

На его месте прежде стоял дом П. Е. Бугрова, основателя знаменитой купеческой династии. Затем Бугровы его продали, и там разместился театр. Потом дом за долги перешел к Александровскому дворянскому банку. Николай Бугров его выкупил и в 1897 году подарил городу, с условием, однако, чтобы в нём никогда не допускалось устройство театра и вообще увеселительного заведения, а доходы шли на раздачу беднякам. Дом начали ремонтировать, но в 1898 году он сгорел. И по проекту В. П. Цейдлера тут в 1901–1904 годах было возведено совершенно новое здание. Причем Николай Александрович Бугров оплатил свыше 70% расходов на строительство. 18 апреля 1904 года состоялось торжественное открытие «Бугровского благотворительного корпуса» (ныне пл. Минина и Пожарского, д. 1). Отметим, что при его внутренней отделке было использовано изысканное убранство Императорского павильона Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 года, подаренного царем Николаем II Нижнему Новгороду. Теперь в этих роскошных апартаментах разместилась переехавшая на новое место Городская дума. Часть помещений сдавалась в аренду под магазины. Доходы, как и желал Бугров, Дума тратила на благотворительные цели.

Ещё одним крупным благотворительным проектом Николая Александровича стал Вдовый дом. Бугрову помогли его построить братья Аристарх и Николай Блиновы. Здание, возведенное архитектором Н. А. Фрелихом, располагалось на городской земле близ Крестовоздвиженского монастыря (ныне – пл. Лядова, 2). 23 октября 1887 года Дума утвердила Устав Вдовьего дома. Сам он открылся 30 октября. В нём предоставлялись бесплатные квартиры в одну – две комнаты вдовам с детьми. Кухни были общие. Имелись баня, прачечная, аптека и амбулатория с больничным покоем на два отделения: взрослое и детское. В лечебнице находились врач, фельдшер и сиделка. С 1888 года с детьми занимались учительница и законоучитель. В персонал Вдовьего дома также входили смотритель, надзиратель, швейцар, коридорные, банщик, два кочегара-истопника и пять сторожей. Жалованье им всем выдавала Городская дума. Она же оплачивала и все прочие расходы. Деньги для этого заранее выделили Бугров и Блиновы.

Блиновы пожертвовали 75 тысяч рублей, поместив их в Городской Николаевский банк. Проценты с этого огромного капитала и отчислялись на нужды Вдовьего дома. В свою очередь Н. А. Бугров подарил городу свои дома на углу Алексеевской улицы и Грузинского переулка. Город сдал их в аренду военному ведомству, которое возвело там казарменный корпус (т. н. «Грузинские казармы»). Доходы от аренды также поступали на содержание Вдовьего дома.

В числе крупнейших нижегородских благотворителей после Бугровых и Блиновых часто называют торговцев железом Рукавишниковых. С их именем связана деятельность Дома трудолюбия – заведения, в котором попавший в беду человек, даже не имевший профессии, мог сам хоть чуть-чуть заработать, чтобы вернуться к достойной жизни. Городская дума признала необходимым устройство подобного заведения 15 января 1888 года. Однако средств поначалу было недостаточно. Да и с помещением были проблемы. Вот тут на помощь и пришли деньги Рукавишниковых. Любовь Александровна Рукавишникова, ушедшая из жизни в 1893 году, завещала значительный капитал на строительство в Нижнем Новгороде богадельни и детской больницы. Возникла мысль употребить эти средства на обустройство Дома трудолюбия. Наследники с этим согласились, но с тем, чтобы память их родителей была увековечена. Здание для Дома трудолюбия они купили сами. Это была бывшая столярная фабрика И. Т. Хворинова на Мистровской улице (ныне

улица Академика Блохиной). В 1894 году Дом трудолюбия имени Михаила и Любови Рукавишниковых открыл свои двери. Однако в 1898 году это помещение сгорело. Тогда Иван Михайлович Рукавишников на свои деньги организовал постройку нового здания на соседней Варварской улице (Варварская, 32). Здание в стиле модерн в 1905 году возвёл известный архитектор П. А. Домбровский. Надпись на его фасаде гласила «Дом трудолюбия имени Михаила и Любови Рукавишниковых». Здесь изготавливались мочалки для бань, щетки, швабры, матрацы, спасательные круги и другие простые, но необходимые в быту вещи.

Совсем рядом с Домом трудолюбия стоит ещё одно здание, напоминающее нам о благотворительности нижегородского купечества. Это родильный дом № 1 (Варварская, 42). Своё начало он ведёт от женской богадельни, учрежденной в 1867 году. В том году Александр II гостил в Париже, там в него стрелял польский революционер Березовский. К счастью император остался жив. В память о его спасении Нижегородская городская дума создала богадельню и назвала её Александровской. Помещением для неё послужил специально купленный каменный трехэтажный дом Хохлова. Богадельня открылась в 1868 году и была рассчитана на 25 коек. В ней нашли приют пожилые женщины, оставшиеся без попечения родных.

Рядом с этим богадельней на Варварке находился земельный участок купца Александра Павловича Вяхирева. Он подарил его городу под устройство родовспомогательного заведения. Учредить таковое (на 25 кроватей с отделением для призрения 10 сирот-младенцев до достижения ими десятилетнего возраста) Городская дума постановила в 1879 году. Назвали его «Мариинским» в честь Марии Фёдоровны, супруги наследника престола Александра Александровича (будущий Александр III), которые посетили Нижний Новгород. Проект каменного пристроя к Александровской богадельне сделал архитектор Н. А. Фрелих. Строительные работы завершились в 1882 году. На здании установили латунную доску, где были перечислены все благотворители, чьими трудами возникли Александровская женская богадельня, Мариинское родовспомогательное заведение и приют при нём: Иван Кварталов, Павел Вяхирев, Василий Соболев, Александр Смирнов, Измаил Вяхирев, Александр Иконников, Николай Бугров, Иван Власов и Александр Вяхирев.

В заречной части Нижнего Новгорода самым ярким символом благотворительности нижегородского купечества стала «Бабушкинская»

больница. Назвали её в честь владельца пивоваренного завода Дмитрия Никандровича Бабушкина. Он убедил Городскую думу задуматься о медицинской помощи жителям Канавина, где тогда не имелось ни одного врача. И это не были просто слова. Бабушкин подарил городу свой новый каменный дом в Канавине (здание построено в 1883–1886 годах), приспособленный и обставленный специально под больницу, и 20 тысяч рублей на её содержание.

Согласно определению Нижегородской городской думы от 14 марта 1886 года Бабушкинская городская общественная больница была рассчитана на 30 коек (18 мужских и 12 женских). Лечение сделали платным. За сутки с больных брали 30 копеек. А как же неимущие? Для них имелось 5 бесплатных коек, содержавшихся на проценты с капитала, пожертвованного тем же Д. Н. Бабушкиным. Бабушкинская больница начала работу 21 июля 1886 года. В Советское время это была Городская хирургическая больница № 6 (на улице Долгополова).

Мы назвали только некоторых нижегородских благотворителей XIX века. Их было гораздо больше. Вспомним ещё несколько имён. Поверьте, они этого достойны.

С 1869 ежегодно 14 ноября город выдавал денежные пособия («приданое») малоимущим девушкам при выходе их замуж. Пособия по 100 рублей распределялись среди желающих по жребию. Капитал для «бедных невест» был создан на пожертвование нижегородского мещанина Плотникова, положившего в банк для этого пять тысяч рублей.

В 1898 году открылся Воспитательный дом имени Е. П. и М. Ф. Сухаревых, учрежденный по духовному завещанию торговца текстильным товаром М. Ф. Сухарева. В нём нашли приют 80 детей-сирот. На деньги этого же дарителя в 1902 году была создана Сухаревская богадельня.

Другой предприниматель, торговавший тканями, А. А. Бочкарев, пожертвовал 215 тысяч рублей на богадельню для слепых со школой при ней. Кроме того, Бочкаревым были дарованы Городской думе два больших капитала. Капитал имени Бочкарева составлял 90 тысяч рублей и делился на три равные части. На проценты с этого капитала ежегодно выдавались пособия трех видов. Во-первых, малоимущим гражданам Нижнего Новгорода к Рождеству и Пасхе. Во-вторых, бедным невестам из мещанского сословия. В третьих, погоревшим и беднейшим православным храмам Нижегородской епархии. Другой капитал, внесенный Бочкаревым, носил имя его любимой супруги,

М. А. Бочкаревой (190 тысяч рублей) и предназначался для разовых благотворительных выдач.

Примеры благих деяний нижегородского купечества можно приводить и дальше. Но и так понятно: в XIX веке успешные люди были щедры.

Н. А. Богородицкая

ТАК НАЧИНАЛСЯ СЛАВНЫЙ ПУТЬ СОРМОВСКОГО ЗАВОДА

Нижегородское Поволжье издавна было центром судостроения. С давних времен на устьях притоков Волги (Унжи, Узолы, Линды, Везломы, Керженца) рубились различные типы судов.

Заметное событие в местном судостроении произошло в 1636 году, когда на нижегородский рейд встал трёхмачтовый корабль «Фридрих», предназначенный для плавания не только по Волге, но и по Каспийскому морю. Строил его испанец Михаил Кордес. С тех пор постройка крупных

Вид старого Сормова (фото М. Дмитриева, 1890-е гг.)

кораблей для выхода в Каспийское море в Нижнем Новгороде стало делом обычным. В 1665 году здесь было срублено сразу 14 судов «на морской ход». Всего же в этот год на нижегородских верфях было построено более 100 крупных кораблей. Развитие судостроения в Нижегородском крае стало причиной того, что в городах и сёлах Поволжья сформировалось множество артелей профессиональных корабелов, которые брались рубить суда не только по заказам на месте, но и нередко отправлялись в дальние города. Потребность в железе, парусине и смоляных канатах для оснастки кораблей обусловила бурное развитие железодельных, прядильно-ткацких и канатных промышленных производств, которыми и славился с древнейших времён Нижний Новгород.

Перевод знаменитой Макарьевской ярмарки к Нижнему Новгороду в 1817 году стал важным толчком для его дальнейшего развития. Являясь перевалочным центром русской и азиатской торговли, Нижний Новгород притягивал к себе миллионы пудов различных грузов и сотни тысяч торговцев и покупателей. Грузов было изобилие, а транспорта не хватало. Необходимость ускорения товарооборота привела к развитию нового вида транспорта – пароходного.

В 1820–1830-х годах на Волге появляются первые пароходы, а к 1840-м годам образуются первые акционерные пароходные общества. 1849 году два нижегородских акционерных общества «По Волге» и «Кавказ и Меркурий» владели шестью пароходами, а в 1860 году у восьми обществ было уже 107 пароходов.

Быстрое развитие парового водного транспорта требовало организации мастерских и заводов для производства и ремонта судов.

Начало современному Сормовскому заводу положила компания Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства, которая возникла в Петербурге 8 марта 1849 года. Учредителями ее были: тайный советник князь Л. В. Кочубей, полковник князь В. А. Меншиков, отставной гвардии поручик Д. Е. Бенардаки. В окрестностях Нижнего Новгорода у деревни Сормово было выстроено судостроительное предприятие, в цехах и мастерских которого установлено выпущенное преимущественно из Бельгии оборудование и приглашены бельгийские инженеры Арно, Кадо и механик Жориссен.

Нижегородская машинная фабрика была одним из первых предприятий в России, применявших паровую технику, а также единственным во всем Волжско-Камском бассейне – по производству пароходов. В мае

1850 года был спущен на воду первый пароход, построенный в Сормове, под названием «Ласточка». В 1851 году на воду были спущены уже 6 пароходов, корпуса их были деревянные. В этом же году началось строительство железных пароходов и барж. Первый железный пароход «Орел» с двигателем мощностью 80 л. с. предназначался для самой компании. С 7 мая 1854 года компания Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства стала именоваться «Камско-Волжским акционерным пароходным обществом».

В 1857 году Д. Е. Бенардаки скупил значительную часть акций своих компаньонов и с 1860 года становится единоличным владельцем предприятия.

В 1860-е годы Сормовский завод строит суда нового типа. Это были так называемые туера, или «цепные пароходы», которые плавали на Шексне, Свири и верховьях Волги. За десятилетие с 1860 по 1869 год со стапелей Сормовской верфи сошло 40 паровых судов. Наиболее крупным из них был железный пароход «Лев» в 100 л. с. – самый мощный на Волге. По качественным характеристикам превосходил даже пароходы знаменитой системы Ллойда. Огромная заслуга в создании этого буксира принадлежала инженеру-технологу Алексею Гавриловичу Некрасову, который служил Сормовскому заводу более 40 лет.

С конца 1860-х годов Бенардаки обратил внимание на выгодную и перспективную отрасль промышленности – на металлургическое производство. Он сумел привлечь к себе на службу талантливого горного инженера Александра Александровича Износкова, который без помощи иностранцев построил сталеплавильную печь системы Сименса-Мартена. Пуск первой мартеновской печи состоялся в начале апреля 1870 года. Уже за первые стальные болванки, которые экспонировались в 1870 году на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге, выставочный комитет экспертов присудил хозяину Сормовского завода Д. Е. Бенардаки «за введение литья по способу Сименса-Мартена» бронзовую медаль. Это была первая награда предприятия. В 1872 году на Московской политехнической выставке сормовская сталь была отмечена золотой медалью.

После смерти Д. Е. Бенардаки в 1870 году завод перешел к его малолетним сыновьям, а его управляющим стал опытный и образованный инженер К. М. Окунев. Под его руководством сормовские инженеры в 1871 году сконструировали новый тип речного парового

судна, в котором сочетались: высокая прочность, наибольшая грузоподъемность, повышенная скорость, экономичность и, наконец, комфортабельность. Это был товаропассажирский колесный пароход в железном корпусе с двухэтажной надстройкой. Длина судна составляла 80,6 м, ширина – 12,85 м. Скорость парохода достигала 16 км/час вниз по течению и 12,8 км/час вверх. За навигацию на пароходе предполагалось перевозить до миллиона пудов груза, совершая рейсы от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно за 12–13 суток. Новому судну дали громкое название – «Переворот».

В 1870-е годы, в период «железнодорожного бума» в России, Сормовский завод переключился на производство рельсов и вагонов. 4 сентября 1872 года возникло акционерное общество «Сормово». Оно учреждалось «для выплавки чугуна, выделки железа и стали, приготовления из них изделий на продажу, построения машин, судов, подвижного состава для железнодорожных дорог, рельсов и проч.».

Экономический кризис 1873–1875 годов привел к банкротству акционерного общества «Сормово». 11 апреля 1875 года по указанию царя Александра II над имуществом наследников Д. Е. Бенардаки была установлена опека. Государственный заказ на 3000 железнодорожных вагонов выправил положение и даже позволил расширить производство, поставить вторую мартеновскую печь.

В 1880-е годы положение Сормовского завода становится как никогда прочным. Завод мог изготавливать ежемесячно до 200–250 товарных и до 10 пассажирских вагонов, ежедневно отливать стали до 2600 пудов и прокатывать железа и стали разных сортов 2500–3000 пудов.

В 1887 году Сормовский завод одним из первых в Поволжье приступил к изготовлению морского транспортного флота. В этом году со стапелей его верфи сошла шхуна «Минин» водоизмещением 500 т. Сормовские шхуны в те времена считались наиболее совершенными, даже по сравнению со шхунами шведской фирмы «Мотала», славившимися во всем мире. Заслуга в осуществлении технических новшеств принадлежала талантливым инженерам-механикам А. Г. Некрасову, Я. Я. Лазареву, В. В. Калашникову. Так, в 1888 году в Сормове впервые в нашей стране была сконструирована двухколенчатая паровая машина с тройным расширением пара, а в 1893 году В. И. Калашников установил паровую машину четверного расширения на пароходе «Богатырь».

В конце 1880 – начале 1890-х годов сормовское производство испытывает затруднения в связи с очередным экономическим кризисом в стране. Наследники Бенардаки с согласия опекунов решаются на продажу Сормовского завода. В 1894 году Сормовский завод перешел из владения наследников Бенардаки в собственность акционерного общества «Сормово».

В 1894–1900 годы Сормовский завод переживает пору расцвета, идет расширение производственных площадей, обновление технической оснащённости (вводится гидравлическая клепка и пневматическая чеканка, мартеновские печи переводятся на нефтяное топливо и др.), количество рабочих увеличивается более чем в 5 раз. По итогам технической реконструкции Сормовский завод на конец XIX в. превратился в крупнейшее предприятие, в 30 раз превосходящее первоначальные размеры машинной фабрики. На XVI Всероссийской промышленно-художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде Сормовский завод за приоритет в изобретении усовершенствованных паровых двигателей и за значительные заслуги перед отечественной промышленностью был удостоен права изображения Государственного герба на своих изделиях и золотой медалью.

Более 10 лет Сормовский завод конкурировал с Коломенским машиностроительным заводом. Но как только акционерные общества «Сормово» и «Коломна» оказались под влиянием Международного коммерческого банка в 1913 году произошло их слияние в единый концерн «Коломна-Сормово».

Экономический кризис, охвативший Россию на рубеже XIX–XX вв., не коснулся Сормовского завода. Это произошло благодаря значительным кредитам и выгодным заказам от казны, а также капиталовложениям хозяев завода в новое строительство и оборудование (свыше 10 млн. руб.). Начиная с 1907 года, завод приступил к производству совершенно новых для него видов продукции: трамвайных вагонов, золотопромышленных драг, бурового оборудования для нефтяных промыслов, нефтяных двигателей. В 1908 году на заводе появилась термическая печь, была создана электрическая печь для выплавки качественной стали, построены новые вагоностроительные корпуса.

Самый высокий уровень в судостроении был достигнут в 1911 году. Именно в это время на заводе был создан караван судов для засыпки нефтеносного участка на Каспии, состоящий из 22 вспомогательных судов и двух плавучих трубопроводов.

С началом Первой мировой войны Сормовский завод стал получать от казны огромные военные заказы на военные поставки (до войны такие заказы составляли до 10% всей продукции). Особенное развитие получило производство артиллерийских снарядов, 48-линейных бомб, двуклоков для военного обоза, броневых щитов, поковок для пушек, специальной стали для взрывателей. Только в 1917 году было изготовлено свыше 824 тысяч разных снарядов, более 171 тысячи поковок для ружейных стволов, около 40 тысяч стальных болванок для взрывателей и много других видов вооружения. Продукции производилось на сумму 80 млн. руб. против 18,5 млн. руб. в 1913 году. Численность рабочих и служащих за годы войны выросла вдвое с 20000 тысяч до 40000 тысяч (в 1901 году – 10000 рабочих).

Сормовский завод и сегодня является одним из флагманов отечественного судостроения. Но начинался его славный путь именно тогда, в XIX веке.

Н. А. Богородицкая

АНДРЕЙ КАРЕЛИН: МАСТЕР «СВЕТОПИСИ»

Андрей Осипович Карелин родился 16 июля 1837 года в Солдатской слободе (ныне село Селезни) Тамбовской губернии и был внебрачным сыном государственной крестьянки.

С ранних лет он проявил незаурядные способности к рисованию. В возрасте десяти лет был отправлен в Тамбов учиться иконописи. В 1857 году нашёлся богатый помещик-меценат, который посылает талантливого юношу учиться в Санкт-Петербургскую Академию художеств. Во время обучения в Академии Карелин с большим увлечением начинает заниматься фотографией (или как тогда говорили «светописью»). В 1864 году Карелин завершил учёбу и получил звание свободного художника.

Вынужденный по состоянию здоровья уехать из Петербурга, он в 1865 году с женой Евгенией Никитичной и детьми Людмилой и Аполлоном переехал в Кострому. В Костроме он занимался портретной и церковной живописью, давал уроки рисования, работал в фотомастерской М. П. Настюкова. В 1866 году при родах умирает его жена,

оставив сына Андрея. Вскоре Карелин с тремя детьми и второй женой Ольгой Григорьевной, урожденной Лермонтовой (родственницей великого русского поэта), переехал в Нижний Новгород. Этот город не случайно привлёк внимание молодого художника-фотографа. Нижний Новгород с его всемирно известной ярмаркой был не только крупным торгово-промышленным, но и значительным культурным центром России. В Нижнем Новгороде у Карелиных родилось трое детей: Ольга, Татьяна, Рафаил.

А. О. Карелин (автопортрет, 1900-е гг.)

В 1869 году на Осыпной улице, 4 (ныне ул. Пискунова, 21) в доме Хвальковской Карелин открыл своё фотоателье под вывеской «Фотография и живопись художника А. Карелина». В 1870-е годы функционирует его собственный павильон – «фотографический балаган» на Нижегородской ярмарке. Расширяется сфера деятельности Карелина, а вместе с ней и благосостояние его семьи. В 1878 году семья Карелиных переезжает в собственный дом в Мышкином (ныне Университетский) переулке. В 1881 году Карелин переводит свою мастерскую и рисовальную школу на Малую Покровскую улицу в собственный дом. В 1892 году размещает мастерскую «Фотография и живопись» в доме А. И. Стрепетовой на Жуковской улице (ныне ул. Минина), а в 1897 году – на Варварской улице, в доме М. Н. Щёлокова. В 1905 году открывает в доме Н. Х. Курепина (Большой Покровская, 4) мастерскую под названием «Эдинбургская фотография».

Художника Карелина привлекли в фотографии её изобразительные возможности. Фотография давала в его руки надёжное средство показа реальной жизни. Сильное влияние на эстетические взгляды Карелина наряду с принципами академизма оказала живопись XVII века. Вслед за художниками XVII в. он относился к свету как

главному художественному средству. Сюжетные мотивы снимков Карелина достаточно просты – чаще всего это обыкновенные сцены семейного быта. В них нашла отражение жизнь русских людей во второй половине XIX века.

Фотоискусство Карелина претерпевает определённую эволюцию. Отправной точкой стал фотопортрет. В центре его внимания оказался человек – его поза, жест, лицо, мимика. Следующей ступенью стал костюмированный портрет, создание с его помощью жанровой фотокартины – как бы живописной картины, только сделанной фотографическим способом. Именно здесь Карелин явился первооткрывателем. Героями его композиций чаще всего становились члены его семьи – жена, дети, родственники и знакомые.

Дальнейшая эволюция художественного творчества Карелина шла от портрета и жанровых сцен к пейзажам. Главным его объектом стали пейзажи Нижнего Новгорода. При съёмке пейзажа всё зависит от выбора точки съёмки. И Карелин нашёл наиболее точные и выразительные аспекты нижегородского пейзажа. В 1870 году Карелин вместе с великим русским живописцем И. И. Шишкиным создал альбом «Нижний Новгород», в который вошли панорамные виды Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки с Волги и Оки, а также изображение городских достопримечательностей и образы его обитателей. Фотоснимки Карелина – достоверные документы по истории Нижнего Новгорода 1870–1890-х годов, и в этом их огромная ценность.

Художественные достижения Карелина нашли своё признание, как в России, так и за рубежом. В 1876 году он получает почётное звание «фотографа Императорской Академии художеств». В 1873 году Карелин принял участие в VI Всемирной выставке художественной фотографии в Вене. В 1876 году за портреты и этюдные фотографии с натуры на Специальной выставке французского фотографического общества в Париже был награжден Большой серебряной медалью. В этом же году получил бронзовую медаль на Всемирной международной выставке в Филадельфии, посвященной 100-летию освобождения североамериканских Соединенных штатов.

Особо следует отметить грандиозный успех Карелина на Всемирной фотографической выставке в шотландском городе Эдинбурге в 1877 году. Это была огромная экспозиция, на которой около шести тысяч снимков представляли фотографы из многих стран мира. Как

это было принято, работы на конкурс присылались анонимно, под девизами. Каково же было удивление членов жюри, когда после отбора двух наиболее значительных фотографий оказалось, что автором этих снимков был один мастер – нижегородец А. О. Карелин. Он был награждён дипломом и золотой медалью Королевской академии в Эдинбурге. В 1878 году Карелина приняли в члены Французской национальной академии искусств. Он был награждён дипломом Французского фотографического общества и золотой медалью на VIII Всемирной выставке в Париже.

В 1879 году император Александр III пожаловал его золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте «за полезное участие в Парижской Всемирной выставке», кроме того, он был награждён почётным дипломом Академии сельского хозяйства, мануфактуры и коммерции за ранее полученные награды первой степени в Париже. В дальнейшем Карелин неоднократно удостоивался высоких наград на различных выставках. В 1903 году за участие в Международной фотографической выставке в Петербурге награждён серебряной медалью. В 1886 году выпустил фотоальбом «Виды Нижнего Новгорода». В 1887 году возле Юрьевца он сумел сделать серию фотографий полного солнечного затмения. В 1898 году изготовил диапозитивы для демонстрации в школах с помощью «волшебных фонарей».

Значение творчества Карелина для культурной жизни провинциального Нижнего Новгорода 1870–1890-х годов было весьма существенным. Карелин одним из первых начал активно формировать художественные вкусы нижегородцев.

Его общественная деятельность была чрезвычайно многообразной. Она включала не только его художественное творчество, но и работу в области художественного образования, пропаганды искусства, коллекционирования. В Нижнем Новгороде он открыл свою школу рисунка и живописи и преподавал в ней более тридцати лет вплоть до 1905 года. Кроме того, Карелин много лет содержал в Нижнем Новгороде бесплатную рисовальную школу, поддерживал своих многочисленных учеников, которые всегда отмечали его доброту. Он стал организатором и распорядителем первой в истории России провинциальной художественной выставки, устроенной в Нижнем Новгороде в 1886 году местными художниками. На ней были представлены живописные и графические работы самого

А. О. Карелина, его жены Ольги Григорьевны и детей – Андрея Андреевича и Людмилы Андреевны, а также произведения К. П. Померанцева, П. В. Нейского, А. П. Мельникова, И. В. Волкова и других. Картины А. О. Карелина экспонировались в Художественном отделе Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде.

Карелин был активным деятелем Нижегородской губернской архивной комиссии, а также участником основанного в 1901 году нижегородского Общества любителей художеств. При поддержке А. О. Карелина его сын Андрей Андреевич в 1896 году выступил с инициативой организации в Нижнем Новгороде художественного музея.

Карелин находился в центре общественной жизни Нижнего Новгорода. Об этом говорят имена деятелей науки и культуры, которых запечатлел Карелин в своих фотографиях. Это писатели П. И. Мельников-Печерский, В. Г. Короленко, А. М. Горький, публицист А. С. Суворин, историки А. С. Гациский и Н. И. Храмцовский, музыканты Н. Г. Рубинштейн и П. Сарасате, учёные Д. И. Менделеев и В. В. Марковников, архитектор Л. В. Даль, коллекционер П. И. Щукин.

Среди учеников А. О. Карелина было немало замечательных фотографов. Это, прежде всего М. П. Дмитриев, а также А. А. Карелин, С. Г. Степанов, Д. Лейбовский и др.

Важной была деятельность А. О. Карелина в сфере собирательства и коллекционирования древностей. Карелин в своей фотомастерской собрал уникальную коллекцию вещей и старинной одежды XVII–XVIII вв. которая с 1895 года была открыта для обозрения. Многие ценные вещи, как и другие коллекционеры, он покупал на антикварном рынке Нижегородской ярмарки.

Вклад А. О. Карелина в развитие как отечественной, так и мировой фотографии второй половины XIX–начала XX веков весьма значителен. Он первым внёс в фотодело художественное начало, что способствовало к утверждению фотографии как нового, особого вида искусства.

Высокое профессиональное качество снимков А. О. Карелина было связано с важными техническими достижениями. Помимо специального устройства мастерской с несколькими источниками света, позволившего улучшить фотосъёмку, он усовершенствовал фототехнику, создал сложные объективы и добавочные линзы. Помогали ему и развивающиеся в это время новые способы химической обработки

фотоматериалов. Благодаря своим новаторским подходам к фотографической технологии, А. О. Карелин добился необычной глубины резкости, мягкости контуров и живописности полутонов в фотоснимках. Он первым «в Европу прорубил окно» для русской художественной фотографии. Он создал фотолетопись жизни Нижнего Новгорода 1870–1890-х годов. Карелин не только запечатлел облик своей эпохи, но и отразил духовную атмосферу времени, показав целый пласт русской жизни.

Андрей Осипович Карелин скончался 12 августа 1906 года в Нижнем Новгороде и был похоронен на кладбище Крестовоздвиженского женского монастыря.

В 1992 году на здании Нижегородского художественного училища, где раньше располагалась мастерская Карелина (улица Варварская, 8а), установлена мемориальная доска.

Н. А. Богородицкая

ФОТОЛЕТОПИСЕЦ МАКСИМ ДМИТРИЕВ

Максим Петрович Дмитриев родился 21 августа 1858 года у дворовой крестьянки помещика Афанасьева в деревне Повалишино Тамбовской губернии. Детство его было трудным. По окончании церковно-приходской школы мальчику пришлось самому зарабатывать себе на хлеб: он читал псалтырь над покойниками, плёл корзины на продажу, служил в посудной лавке.

Благодаря усилиям матери, желавшей дать сыну хорошее ремесло, в возрасте 15 лет Максим Дмитриев поступил в ученики к известному московскому фотографу М. П. Настюкову. Именно там мальчик впервые познакомился со «светописью», а также

М. П. Дмитриев
(автопортрет, 1900-е гг.)

приобрел весьма полезные для фотографа того времени практические навыки, научившись вымачивать фотопластинки в азотной кислоте, обрабатывать их нашатырным и этиловым спиртом, наклеивать и ретушировать фотографии. За считанные месяцы обучения Дмитриев достиг того, на что у других уходили годы. С учителем будущему фотохудожнику очень повезло: Настюков был успешным предпринимателем, фотографом императорского дома и активным творческим человеком, изучавшим памятники национальной архитектуры, фресковую живопись и предметы древнерусского быта. В его мастерской в распоряжение начинающего фотографа попали многочисленные художественные альбомы и гравюры, которые значительно расширили творческий кругозор молодого человека.

Постоянное стремление к познанию привело Максима Дмитриева в воскресные рисовальные классы московского Строгановского художественного училища, где он освоил основы работы со светом и тенью, а также азы перспективы и композиции.

В 1874 году 16-летним юношей Максим Дмитриев впервые отправился в Нижний Новгород, чтобы работать в фотопавильоне своего наставника на Нижегородской ярмарке. Путешествие в Нижний Новгород оказало на юного фотохудожника огромное впечатление и стало судьбоносным. Именно здесь Дмитриеву посчастливилось встретить известного нижегородского фотографа Андрея Осиповича Карелина, сыгравшего решающую роль в его дальнейшем творчестве. Три года спустя молодой человек отказался от контракта с Настюковым и переехал в Нижний Новгород, чтобы начать работу в должности ретушёра у одного из самых способных учеников Карелина, Д. Лейбовского.

Наконец, в 1879 году исполнилась заветная мечта молодого фотографа: он получил приглашение от Андрея Осиповича Карелина работать в его мастерской. Дмитриев основательно изучил все аспекты фотоискусства Карелина: особенности композиции портретов, групп, жанровых сцен, виртуозное владение светом и оптикой, умение видеть прекрасное в обыденном. Работа с известным фотомастером способствовала окончательному формированию творческих способностей Дмитриева. Кроме того, она дала необходимые материальные средства для открытия совместно с Л. Галиным фотомастерской на улице Большой Покровской в 1881 году. Однако разногласия с деловым партнером вскоре заставили Максима Дмитриева с ним расстаться. Художник

еще несколько лет скитался по фотоателье Орла и Москвы, прежде чем предпринял новую попытку открыть в 1886 году в Нижнем Новгороде собственное дело.

Впервые работы Дмитриева были представлены на Московской выставке 1889 года, посвящённой 50-летию светописы. Его экспозицию составили 53 работы большого формата самых разных жанров: пейзажи, бытовые сцены, групповые и индивидуальные портреты. Посетители выставки восхищались великолепными волжскими видами, лесными пейзажами, снятыми «по-карелински» группами людей. Пейзажные снимки Дмитриева поражали зрителей тщательностью отбора объектов, мастерски найденной точкой съёмки, неповторимой живописностью композиции. Общий вывод был один: в русской художественной фотографии появилось новое имя. В дальнейшем он был участником множества всероссийских выставок в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Одессе, международных в Париже, Амстердаме, Чикаго, Нью-Йорке, Сан-Жиле и многих других городах Европе и Америке. Золотые медали, почётные дипломы, отзывы, популярность приносила ему каждая очередная выставка.

Главной линией творчества Дмитриева была многообразная жизнь Поволжья с его живописной природой, историческими архитектурными памятниками, острыми социальными контрастами.

В начале 90-х годов XIX века Дмитриев создал знаменитый альбом «Неурожайный 1891–1892 год в Нижегородской губернии», издание которого помогло собрать деньги для помощи Поволжью. Рисуя заболеть тифом, Максим Петрович снимал разоренные голодом деревни, врачей, сестер милосердия и отдельных земских деятелей, помогающих больным тифом крестьянам. Альбом стал важной вехой в истории российского фоторепортажа.

Благодаря титаническому труду художника, на протяжении почти десяти лет (с 1894 по 1903 год) был создан цикл из нескольких сотен фотографий под названием «Волжская коллекция», запечатлевший окрестности Волги от истоков до Астрахани буквально через каждые несколько вёрст. Свыше сотни фотографий первой части этого цикла – Волга от Рыбинска до Астрахани составили основу экспозиции М. П. Дмитриева в фотографическом отделе Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. Отдельные фотографии «Волжской коллекции» вошли в многотомное

издание «Россия», подготовленное в конце 1890-х годов Русским географическим обществом.

Как непрменный член Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, М. П. Дмитриев сразу включился в создание иллюстрированных экспонатов будущего краеведческого музея Нижнего Новгорода. В 1895 году созданная им серия фотографий памятников Нижегородского Поволжья была выслана в Петербург по заказу Академии художеств. Творческое наследие художника сохранило для нас фотопанорамы исторических мест и отдельных памятников Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки.

Большой интерес М. П. Дмитриев проявлял к Заволжью. До нас дошли многочисленные снимки Макарьев-Желтоводского монастыря, сёл Лысково и Бор с их ярмарочной торговлей. Дмитриев в своих снимках показал не только панорамные виды, но и неповторимую галерею типов заволжан: мужчин, женщин и детей, коренных старообрядцев-кержаков. Им был создан особый фотоцикл, посвящённый жизни и быту «раскольнического» Заволжья, который был показан на выставке в Нижнем Новгороде в 1908 году и вызвал восторженные отклики её посетителей.

Основоположник русского репортажа, Дмитриев запечатлел практически все значимые события Нижнего Новгорода на рубеже XIX–XX веков. Так, сохранилась серия его крупноформатных фотографий, отображающих приезд в Нижний Новгород в 1913 году императора Николая II на торжества, посвящённые 300-летию дома Романовых.

Немалое внимание М. П. Дмитриев уделял и портретному жанру. В разное время гостями и клиентами его фотомастерской были Леонид Андреев, Иван Бунин, Федор Шалапин, Вера Комиссаржевская и Максим Горький, с которым фотограф был особенно дружен.

Первая мировая война вынудила М. П. Дмитриева отказаться от съёмок вне павильона, а последовавшая революция положила конец всероссийской славе художника. Фотохудожник был объявлен эксплуататором и буржуазным элементом. В конце 1929 года фотоателье М. П. Дмитриева перешло в ведение комиссии по улучшению жизни детей при Нижегородском крайисполкоме, а прежний владелец был утвержден заведующим художественной частью и одновременно павильонным фотографом этого заведения. Последние годы жизни фотохудожник провёл в полном забвении.

Сегодня, когда в фотографии существует множество направлений и используются новейшие достижения современной техники, мы глубоко осознаём значимость творчества М. П. Дмитриева – признанного классика мирового искусства фотографии. Его фотонаследие – это национальное достояние русского народа, незаменимый источник наших знаний о жизни России на рубеже XIX–XX веков.

Алексий Горин

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Преподобный Серафим Саровский родился 19 июля (1 августа) 1754 года в семье курских купцов Исидора и Агафьи Мошниных. Во время крещения ему было наречено имя Прохор.

С детства Прохор любил посещать Божий храм и бывать на богослужении. Первое чудо случилось с ним еще в детстве. Однажды, в семилетнем возрасте, мальчик поднялся с матерью на леса строившегося храма, оступился и упал с большой высоты, но чудесным образом остался жив. Второе чудо случилось с ним в то время, когда он был уже учеником и однажды сильно заболел. Во сне явилась ему Божия Мать и обещала исцелить его. Через некоторое время это исполнилось. Когда по Курску проходил Крестный ход с иконой Пресвятой Богородицы внезапно пошел сильный дождь, и икону внесли во двор к Мошниным. Мать Прохора приложила сына к образу, и мальчик быстро поправился.

Повзрослев и взяв благословение у матери, Прохор пошел в Киев, в знаменитую Печерскую лавру, за наставлением в духовной жизни. Мать благословила сына медным крестом, который преподобный

Батюшка Серафим

хранил у себя до своей кончины. В Киеве Прохор узнал, что в десяти верстах от города, в Китаевской пустыни живет затворник Досифей, имеющий дар прозорливости. Молодой человек отправился к нему. Досифей, провидя духовное призвание юноши, одобрил его намерение принять иночество и указал на Саровскую пустынь как место его будущих подвигов.

Свято-Успенская Саровская пустынь была основана в 1706 году иеромонахом Исаакием (в миру Иоанном Федоровым) на севере Тамбовской губернии в Темниковском уезде (ныне город Саров в Нижегородской области). Территория монастыря была обнесена оградой. Внутри неё находились храмы, среди которых и главный храм обители, посвященный Успению Пресвятой Богородицы. Для богомольцев и паломников были построены трапезная и кельи для гостей. Некоторые монахи жили в подземных пещерах. Духовной жизнью был наполнен и окружавший монастырь лес, в котором стояли уединенные кельи монахов-отшельников.

Когда юный Прохор постучал в ворота обители, её настоятелем был игумен Пахомий (в миру Борис Назарович Леонов, в прошлом курский купец). Он в ноябре 1778 года доброжелательно принял своего земляка и определил его в число послушников, поручив руководство им опытному в духовной жизни старцу Иосифу, казначею обители. Находясь на послушании, Прохор со смирением и усердием выполнял различные монастырские работы. Он трудился в пекарне. Потом долгое время проходил послушание в столярне, где делал скамьи и вырезал из кипариса крестики. Он ни когда не бывал без дела и, постоянно работая, старался оградить себя от скуки, безделья и уныния.

В 1786 году Прохор был пострижен в монашество с именем Серафим и вскоре после этого он был рукоположен в иеродиакон (первый духовный сан), а в сентябре 1793 года – в иеромонахи. В 1794 году, взяв благословение у настоятеля монастыря, он ушел жить в уединенную келью, построенную в лесу недалеко от монастыря.

Избушка иеромонаха Серафима стояла в сосновом бору на берегу реки Саровки. Рядом с ней отшельник сделал огород, где выращивал овощи. Позже он завел пчельник. Под домом находился каменный подвал, где Серафим хранил урожай и отдыхал в летнюю жару.

К его келье часто подходили звери: волки, лисы, зайцы. Преподобный Серафим выходил и давал им пищу. А однажды его посетители

видели как отшельник с рук кормил медведя, а затем зверь, повинувшись одному его слову, тихо ушёл в лес.

Все свое время преподобный посвящал молитве, труду и изучению Священного Писания. В воскресные и праздничные дни он приходил в Саровский монастырь и участвовал в совершении общих богослужений, а затем снова удалялся в свое уединение.

Однажды во время работы в лесу на него напали два злодея и стали требовать денег. У преподобного был с собой топор, но он не воспользовался им, пытаясь добром увещевать разбойников. Злодеи избили его, потом связали и бросив его в бессознательном состоянии в лесу, перерыли все в келье и, не найдя ни чего, убежали. Вскоре разбойников поймали, но преподобный по христиански простил их. После страшных побоев отец Серафим долго и тяжело болел, однако преодолел недуг. Это случилось на 46-м году жизни подвижника (1804 год).

Теперь он принял на себя новый обет: в течение тысячи ночей, страдая от укусов комаров, осенних дождей и зимних морозов преподобный простоял на коленях на большом камне в лесу, непрестанно взывая: «Боже, милостив будь ко мне грешному!». Днем он возвращался к келье и также на камне, лежавшем близ нее, простаивал с утра до вечера с тою же молитвою.

Эти испытания ослабили здоровье преподобного и 8 мая 1810 года он был вынужден возвратиться в Саровский монастырь.

Вскоре началась война с Наполеоном. Монастырь приютил беженцев из захваченных врагом городов, пожертвовал крупную сумму денег на оборону Отечества. Монахи истово молились за дарование успеха русскому воинству.

После победы над врагом отец Серафим в числе других иеромонахов Саровского монастыря был награжден наперсным крестом.

Пребывая в монастыре, преподобный Серафим жил затворником и исполнял обет молчания. Свое уединение он закончил в сентябре 1815 года. С этого времени он начал беседовать с другими монахами, а также принимать сторонних посетителей. К нему приходили и богатые, и бедные и всех он встречал земным поклоном и словами «Радость моя!»

Вскоре у преподобного Серафима открылся дар целительства. После беседы с ним вылечился от тяжелой болезни ног отставной офицер, помещик Ардатовского уезда Михаил Васильевич Мантуров.

Обретя здоровье, этот помещик отпустил своих крепостных, продал имение и купил 15 десятин земли в селе Дивеево на указанном Серафимом Саровским месте. В этом селе с конца XVIII века существовала женская монашеская обитель, основанная рязанской помещицей Агафьей Семеновной Мельгуновой. Матушка Агафья на свои средства построила здесь церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. Незадолго перед уходом из жизни матушки Агафьи её посетили игумен Саровского монастыря Пахомий и только что принявший постриг Серафим (1789). По благословению Пахомия Серафим принял духовное попечение над Казанской женской общиной. Названная встреча и само это благодатное место произвели на преподобного Серафима сильное впечатление. И в 1827 году он благословил создание в Дивеево ещё одной обители, куда бы принимались только девушки. Первой руководительницей общины стала сестра Михаила Мантурова, Елена. Преподобный Серафим завещал сестрам этой новой общины жить своим трудом, а для этого устроить мельницу, что бы молоть муку и на заработанные средства жить. Поэтому община получила название «Мельничной».

В 1829 года в Дивеево пришло долгожданное распоряжение о вступлении девичьей общины во владение земельным участком. Батюшка Серафим благословил сестрам обойти его по линии кольщиков, поставленных землемером и по пути бросать в снег камешки. Весной камешки четко обозначили границы участка. После того как земля просохла, отец Серафим по этой линии благословил вырыть канавку в три аршина глубиной, а на вал посадить крыжовник. Священник Василий Садовский, в своих воспоминаниях, об этой канавке пишет так: «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так что канавка эта – стопочки Божьей Матери! Тут обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до небес высока! Землю эту в удел взяла Сама Госпожа Пречистая Богородица. Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!»

С 1822 по 1825 год Серафим Саровский вновь жил в затворе. Затем он опять стал выходить и встречаться с людьми. Ему хотелось бывать в его прежней келье, где он жил в лесу в уединении. Но ходить туда преподобному Серафиму было уже тяжело. И в 1827 году для старца построили «ближнюю пустыньку», рядом с обустроенным им родником. Здесь его посещали многие люди, которым он помогал добрым

Саровский монастырь в начале XIX века

словом и советом. В 1831 году после беседы с преподобным Серафимом излечился от болезни ног помещик Лукояновского уезда Николай Мотовилов. После исцеления Мотовилов долго беседовал со старцем и записал многие его изречения и предсказания.

Скончался преподобный Серафим Саровский в январе 1833 года. Тысячи богомольцев потянулись в Саровский монастырь, чтобы помолиться на могилке преподобного.

В 1841 году из печати вышла книга «Сказание о жизни и подвигах отца Серафима». Она была написана современником преподобного Серафима, иеромонахом Саровского монастыря Сергием. Но тогда было еще очень далеко до торжественного прославления батюшки Серафима в лике святых Русской православной церкви.

Впервые о всенародном прославлении старца Российские власти заговорили перед коронацией императора Александра III в 1883 году. Однако прошло еще двадцать лет пока комиссия под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского), членом которой был и архимандрит Серафим (Чичагов), составитель

знаменитой «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» произвела в 1902 году освидетельствование мощей монаха Серафима (Мошна), изучила его духовное наследие и пришла к выводу о его святости.

Император Николай II своим решением утвердил выводы комиссии, и летом 1903 года состоялась торжественная канонизация преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца. На торжественные богослужения в Саровский монастырь собралось более 150 тысяч человек, в торжествах принимали участие высшие чины как духовного, так и светского звания, а также император с семьей и другие члены царской фамилии.

Еще при своей жизни отец Серафим предсказывал, что в XX веке Россию ждут большие потрясения, храмы будут закрыты, а верующие будут подвергаться жестоким преследованиям.

Так и произошло. После 1917 года страшные гонения обрушились на Русскую православную церковь. Новые власти, объявив себя борцами с религией, стали разрушать храмы и уничтожать народные святыни. В 1922 году мощи преподобного Серафима были изъяты из Саровского монастыря и перевезены в Москву. Первоначально они были выставлены в Музее религиозного искусства, который находился тогда в Донском монастыре. Но вскоре власти заметили, что люди ходят в музей и тайно молятся преподобному Серафиму и вместо борьбы с «религиозными предрассудками» продолжается почитание старца. Это обстоятельство привело к тому, что мощи батюшки Серафима были убраны из экспозиции Московского музея и перевезены в Музей истории религии и атеизма в город Ленинград, где они были помещены в запасники. (Музей размещался в здании Казанского собора). Властями было отдано распоряжение изъять упоминание о мощах даже из описи музейных экспонатов, чтобы навеки стереть память о Саровском чудотворце. И долгие 60 лет о мощах отца Серафима ничего не было известно.

Однако осенью 1990 года в запасниках Музея истории религии и атеизма города Ленинграда были найдены неизвестные останки, о которых в описи не было ни каких упоминаний. Для освидетельствования этих останков были приглашены и представители Русской православной церкви: епископ Тамбовский Евгений (Ждан) и епископ Истринский Арсений (Епифанов). В декабре 1990 года останки были освидетельствованы и, руководствуясь актом об освидетельствовании

мощей преподобного Серафима, составленном еще 1902 году, комиссия установила, что эти неизвестные останки являются мощами преподобного Серафима Саровского.

В январе 1991 года состоялось возвращение мощей преподобного Русской православной церкви. Первоначально святые мощи Саровского старца при участии Патриарха Алексия II были помещены в Троицком соборе Александро-Невской Лавры Санкт-Петербурга, а затем они были перенесены в Москву в Богоявленский кафедральный собор. Летом 1991 года торжественным крестным ходом мощи батюшки Серафима были доставлены в Дивеево, где и пребывают поныне.

В 2003 году минуло 100 лет с момента прославления старца Серафима. Подготовка к празднованию этого события осуществлялась совместно представителями Церкви и государства. Чтобы принять участие в празднествах, тогдашний президент России В. В. Путин лично прибыл в Саров и, поздравляя православных соотечественников, сказал: «Россия знает много разных подвигов служения Богу, своему народу и Отечеству. И подвиг Серафима Саровского, его жизнь и его учения, безусловно, – один из таких наиболее ярких подвигов».

Ф. А. Селезнев

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Реформы Александра II способствовали заметной активизации общественной жизни страны. Это нашло отражение в значительном росте числа общественной организаций. В Нижегородской губернии их к концу XIX века насчитывалось несколько десятков. Имелись отделения общероссийских обществ – Красного Креста, Императорского технического, Императорского музыкального, Общества покровительства животным и др. Организовались и различные местные просветительские, благотворительные, профессиональные и спортивные объединения, например Общество нижегородских врачей, Общество вспоможения бедным, Общество поощрения высшего образования, Нижегородское общество велосипедистов и т. д.

Одним из старейших и наиболее активных было Общество распространения грамотности, основанное в 1872 году (с 1887 года – Общество распространения начального образования). В 1901 году его возглавил популярный нижегородский адвокат А.И. Ланин (1845–1907), известный тем, что в его конторе в своё время служил писемоводителем молодой А. М. Горький, на интеллектуальное развитие которого Ланин оказал огромное влияние. С именами А. И. Ланина, А. М. Горького, а также замечательного энтузиаста народного просвещения Н. Н. Иорданского (1863–1941) связан самый кипучий период деятельности общества начального образования (конец XIX – начало XX века).

В это время масштаб работы общества (устройство народных библиотек, чтение лекций для рабочих и крестьян) настолько увеличился, что оно решило построить для себя специальное здание – Народный дом. Возведение Народного дома (1903) стало прекрасным примером эффективного сотрудничества общественности и властей – как центральных, так и местных. Городская управа выделила в бесплатное пользование участок земли, Министерство финансов предоставило очень крупную безвозвратную субсидию. А. М. Горький организовал сбор средств у нижегородской интеллигенции и купечества. Немалую сумму передала известная просветительница графиня С. В. Панина. Великий певец Федор Иванович Шаляпин в пользу постройки Народного дома дал в Нижнем три благотворительных концерта.

В 1903 году Народный дом, сооружённый по проекту архитектора П. П. Малиновского, открылся для посетителей. Там проходили лекции, спектакли, литературно-музыкальные вечера. (Сейчас в этом здании, перестроенном в годы Советской власти, находится Оперный театр им. Пушкина).

По размаху просветительской деятельности Обществу распространения начального образования была близка секция гигиены воспитания начального образования, созданная в 1897 году при нижегородском отделении Русского общества охраны народного здоровья. Эту секцию с 1900 года возглавлял выдающийся врач-просветитель Н. А. Грацианов (1855–1913).

Николай Алексеевич Грацианов, сын псаломщика из села Выездного Арзамасского уезда, окончил Петербургскую медицинскую хирургическую академию и с 1881 года не покладая рук трудился

на нижегородской земле. Под руководством Н.А. Грацианова секция гигиены воспитания и образования открыла знаменитый санаторий для девочек со слабым здоровьем в селе Старая Пустынь Арзамасского уезда. В Нижнем Новгороде Секцией были устроены летняя площадка, где ежедневно играли около ста детей в возрасте от четырёх до двенадцати лет, и каток на Звездинском пруду с бесплатной выдачей коньков. Для детворы из бедных кварталов регулярно проводились новогодние ёлки, познавательные экскурсии, различные полезные развлечения.

Средства на всё это доставлял сбор пожертвований и организация платных лекций по различным отраслям знания (истории, литературе, физике, химии, психологии, гигиене, биологии), которые читали лучшие специалисты из Москвы и Петербурга. Много помогал секции М. Горький.

Всё вышеперечисленное общественные организации имели неполитический характер, ибо государство решительно пресекало любые попытки создания независимых политических структур. Однако, несмотря на запреты, политические объединения возникали, причем их деятельность отличалась яро выраженной антиправительственной направленностью.

В пореформенное время самым мощным идейным течением в России было народничество.

Свою цель народники видели в построении социализма, но считали, что к социализму Россия придёт особым путём. Сначала они вели мирную пропаганду своих взглядов (преимущественно среди крестьян), затем перешли к политическому террору.

Революционно-демократические и народнические организации имелись и в Нижегородском крае. В начале 1860-х годов в Нижнем действовал комитет тайного общества «Земля и воля», который возглавлял учитель Н. В. Копиченко. В 1863–1866 годах в Семёнове существовал кружок революционной молодёжи (детей купцов и мещан), группировавшейся вокруг трактирщика Николая Едунова и его брата Ивана. В 1873–1874 годах среди Павловских кустарей вёл пропаганду народник П. Н. Александровский. Тогда же в Нижнем действовал революционный кружок А. Ливанова. В конце 70-х годов XIX века в Нижнем Новгороде развернул свою деятельность революционный народник Х. В. Поддубенский.

В 80-е годы XIX века многие народники разочаровались в эффективности террора и вновь приступили к мирной пропагандистской работе. Таких народников называли «либеральными». В 1887 году один из них, бывший служащий Департамента железных дорог А. Г. Штанге (1854–1932), организовал в Павлове артель кустарей и библиотеку-читальню. Тогда же, во второй половине 1880-х годов, в Нижнем Новгороде обосновались несколько крупных деятелей либерального народничества, вернувшихся из ссылки. Они оказали очень сильное влияние на духовную жизнь нашего города, целое десятилетие истории которого, в честь самого яркого их представителя, получило название «времени Короленко». Вокруг В. Г. Короленко и заведующего статистическим бюро Нижегородского земства Н. Ф. Анненского сформировался кружок их ссыльных и местных интеллигентов, шутиливо именовавших себя «Обществом трезвых философов». В кружок входили врач и публицист С. Я. Елпатьевский, журналист А. И. Богданович, деятель местного самоуправления А. А. Савельев, статистик О. Э. Шмидт и др. В марте 1892 года их силами был проведен вечер памяти Н. Г. Чернышевского, имевший большой общественный резонанс.

После «времени Короленко», настало «время Горького». В конце 90-х годов XIX века знаменитый писатель стал центром притяжения для всей нижегородской демократической интеллигенции. Алексей Максимович активно сотрудничал в газете «Нижегородский листок», где работали многие народники: А. А. Дробыш-Дробышевский (1865–1920), выпускник Нижегородского кадетского корпуса, проведший более 10 лет в тюрьме и сибирской ссылке; С. И. Гриневский (1863–1926), народоволец из Минска; В. Е. Чешихин-Ветринский (1866–1923), литературовед и историк. Благодаря им «Нижегородский листок» являлся одной из наиболее радикальных газет Поволжья.

Кроме либеральных народников на нижегородской земле в конце XIX – начале XX века развернули вою деятельность и наследники идей революционного народничества социалисты-революционеры (эсеры). Основателем их организации в губернии был друг А. М. Горького, журналист «Нижегородского листка» А. В. Панов (1865–1903). Губернский комитет партии образовался в 1904 году. Эсеры вели агитацию в Сормове и Нижнем Новгороде и во многих уездах губернии, прежде всего в Горбатовском, где существовало несколько эсеровских «братств». Социалисты-революционеры имели свою подпольную типографию, в которой выпу-

скали листовки и небольшую газету под названием «Земля и воля». Среди наиболее известных нижегородских эсеров можно выделить адвоката Н. Н. Фрелиха, хирурга Н. И. Долгополова, земского статистика Е. Е. Колосова, садовника В. Е. Лазарева и врача-гинеколога В. Б. Либина.

Помимо народников к «кругу Горького» принадлежали и многие нижегородские либералы. Впрочем, резкую грань между ними и либеральными народниками провести трудно, ибо обе эти группировки тесно взаимодействовали. В целом либералы были более умеренны в своих политических требованиях. Они не желали социальной революции и стремились только к замене самодержавия конституционной монархией. Лидеры нижегородских либералов (А. А. Савельев, Г. Р. Килевейн, В. А. Горинов, А. В. Иконников, И. А. Зубков, А. А. Остафьев) имели большое влияние в местном земстве. Кроме того, они принимал активное участие в общероссийском оппозиционном земском движении.

Это движение явилось реакцией земцев на «контрреформы» Александра III, заметно сократившие права и возможности органов местного самоуправления. Однако либеральные земцы не ограничивались требованиями о восстановлении прежних порядков. Теперь их уже не удовлетворяли чисто хозяйственные функции земств. Земские деятели стремились к политическому объединению, участию в законотворческой деятельности, считали необходимым реформы, ограничивающие самодержавие.

В Нижнем Новгороде зародилось общенациональное земское движение. 8–11 августа 1896 года (во время Всероссийской промышленно-художественной выставки) здесь собрались 18 представителей губернских земских управ. Земские лидеры решили сделать подобные совещания постоянными и для их подготовки выбрали бюро из 5 человек, в состав которого вошёл и нижегородец В. В. Хвоцинский. Эта инициатива подверглась правительственному запрету. Тем не менее земцы продолжали устраивать общероссийские совещания, используя в качестве прикрытия официально разрешенные съезды по узкоспециальным проблемам: ветеринарии, продовольственному делу, народному образованию. Активными участниками таких совещаний стали нижегородцы А. А. Савельев, Г. Р. Килевейн, А. А. Остафьев. А. А. Савельев, сменившей В. В. Хвоцинского на посту председателя губернской управы, вошел в бюро земских съездов и был в нём одной из ключевых фигур.

С либералами и народниками вели резкую полемику представители ещё одного идейно-политического направления боровшегося с самодержавием освободительного движения – марксисты (в Нижнем также принадлежавшие к «кругу Горького»).

Нижегородцы были в числе первых российских приверженцев и распространителей марксизма. Сын преподавателя Дворянского института Г. А. Лопатин (1845–1918) хорошо знал Карла Маркса, перевёл на русский язык его «Капитал», входил в Генеральный совет I Интернационала. Жена нижегородского помещика В. Н. Левашова, Ольга Степановна, принимала активнейшее участие в деятельности русской секции Интернационала, а её супруг пожертвовал тысячу рублей (весьма крупная тогда сумма) на издание печатного органа секции, называвшегося «Народное дело».

В самом Нижнем Новгороде пропаганду марксизма начали высланные в 1889 году из Казани в наш город П. Н. Скворцов и М. Г. Григорьев. В 1891 году Григорьев организовал кружки по изучению марксизма среди учеников гимназии, духовной семинарии и реального училища, а также марксистский кружок рабочих завода Курбатова (в него входило 8 человек). В Канавине распространял идеи научного социализма инженер-химик Г. М. Круковский. Тогда же среди учеников реального училища марксистский кружок создал сын богатого купца А. А. Кузнецов, установивший связь с руководителем первой русской социал-демократической организации «Освобождение труда» Г. В. Плехановым. Заметное влияние на нижегородских марксистов оказал В. И. Ульянов (Ленин), посещавший наш город в 1893, 1894 и 1900 годах.

В 1898 году в Минске состоялся I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Среди основателей партии был и нижегородский марксист Н. А. Вигдорчик (переехавший к тому времени в Киев). Вигдорчик переслал в Нижний Новгород несколько экземпляров изданного от имени съезда Манифеста РСДРП.

Нижегородский комитет новой партии был создан в 1901 году. Его организаторами стали местные марксисты, ориентировавшиеся на газету В. И. Ленина «Искра». В комитет вошли двое рабочих – П. А. Заломов и Д. А. Павлов, а также пять представителей интеллигенции: служащий городской управы А. И. Пискунов, его жена, фельдшер городской больницы Е. И. Пискунова, библиотекарь Всесословного

клуба О. И. Чачина, журналист «Нижегородского листка» А. В. Яровицкий и земский статистик И. П. Ладыжников.

Одним из самых известных мероприятий нижегородских социал-демократов стала рабочая демонстрация в Сормове 1 мая 1902 года, во главе которой с красным знаменем шёл Пётр Заломов. Это событие ярко описано в романе А. М. Горького «Мать».

В 1903 году РСДРП разделилась на две фракции – большевиков и меньшевиков. Раскол произошёл и среди нижегородских марксистов. Однако на практике социал-демократы обоих направлений часто действовали совместно. Параллельно с эсерами, либеральными народниками и либералами они вели активную борьбу с самодержавием.

Ф. А. Селезнев

ДМИТРИЙ СИРОТКИН: МИЛЛИОНЕР ИЗ ДЕРЕВНИ

Может ли деревенский парень стать своим в кругу политиков, пригласить в гости знаменитого писателя или побеседовать с министром? Почему бы нет? Только этому парню нужно сначала стать видным предпринимателем, известным общественным деятелем или главой крупного города. Дмитрию Сироткину удалось и первое, и второе, и третье. А родился он действительно в деревне – в деревне Остапово Балахнинского уезда Нижегородской губернии (ныне она относится к Чкаловскому району).

Сироткины жили в том краю, где мужика кормила не земля, а река. Кто-то из их земляков добывал хлеб насущный бурлачеством, кто-то нанимался в матросы, кто-то становился хозяином самодельной

Д. В. Сироткин, городской голова Нижнего Новгорода (1913–1917)

деревянной «расшивы» – парусного плоскодонного судёнышка. Отец будущего предпринимателя, Василий Иванович Сироткин, как раз и принадлежал к числу последних.

Зимой он скупал изделия местных кустарей – деревянные ложки – и сплавлял их на «кладнушке» (род небольшой расшивы) в безлесные Саратовскую и Астраханскую губернии. Из Саратовской губернии он привозил знаменитую местную горчицу, производившуюся в немецкой колонии Сарепте.

В 1860-е наиболее оборотистые владельцы расшив начали обзаводиться парходами. Стал парходчиком и Василий Сироткин. Паровую машину (изношенную на маслобойном заводе) он по случаю купил в Саратове, с трудом переправил оттуда и установил на самодельный деревянный корпус. Так в 1868 году на Волге появился товаро-пассажирский парход, названный хозяином в память о хлопотах с его постройкой «Многострадальным». Впрочем уже в первый рейс это судно сторицей окупало все затраты и, посему, было переименовано: с 1869 года В. И. Сироткин бороздил волжские волны на парходе «Оправданный».

С каждым годом доходы Василия Ивановича росли, что позволило ему переехать в Нижний Новгород и завести второй парход. Правда, судно это было старовато. Его спустили на воду ещё в 1862 году, вскоре после отмены крепостного права, почему оно и было названо «Волей». На этом парходе и началась карьера среднего сына Василия Ивановича, Дмитрия. Во время поездок с отцом, Митя выполнял самые разнообразные работы. Сначала был поваренком. Когда же чуть возмужал и набрался силы, ему доверили лопату кочегара. В 25 лет Дмитрий уже ходил на «Воле» командиром.

Шли 1880-е годы. Положение фирмы Сироткиных в это время было не ахти, каким успешным. Глава семьи никак не мог оправиться от трагической смерти старшего сына Викула, последовавшей в 1873 году. Катастрофа тяжело поразила старика Сироткина. Дела его пошатнулись. Дошло до банкротства. Большая часть имущества была продана за долги. Передав то немногое, что осталось сыну, Василий Иванович Сироткин отошёл от дел.

Подняться Дмитрию помог тесть, казанский парходчик Кузьма Четвергов. Он дал зятю деньги в долг. Кроме того, Четверговы предоставили Дмитрию в аренду свой старый парход «Заря». У Д. В. Сирот-

кина имелся и собственный парход – «Забияка». К нему в 1895 году прибавился буксир «Воля» – с железным корпусом и мощной машиной. Машина была собрана по чертежам знаменитого волжского конструктора В. И. Калашникова.

Кроме парходов у Д. В. Сироткина имелись баржи. Они использовались хозяином в основном для перевозки нефтепродуктов. Тогда, по сути, их было два: керосин и мазут. Большая часть российской нефти добывалась в Баку. Там же из неё отгоняли керосин, а остатки – мазут – сначала просто сливали, а потом стали использовать в качестве топлива и сырья для производства смазочных масел. Причем мазут как топливо получил широкое распространение только в конце 1880 – начале 1890-х годов. Этот-то момент и ухватил Дмитрий Сироткин, заняв свою нишу на рынке речных нефтеперевозок. А этот способ транспортировки нефтяных грузов тогда был основным. Керосин и мазут водным путем поступали из Баку в Астрахань. Оттуда их везли вверх по Волге до одного из портов, к которому подходила ветка железной дороги. Важнейшим перевалочным пунктом являлся Нижний Новгород. Отсюда нефтяные грузы шли в Москву. Крупные потребители мазута имелись и в самом Нижнем.

Сироткину удалось стать поставщиком станции «Нижний Новгород» Московско-Казанской железной дороги и Варинских химических заводов И. Н. Тер-Акопова. А это были крупные оптовые покупатели.

Число деловых партнеров Дмитрия Васильевича постоянно возрастало. И все благодаря его кипучей энергии и хватке. Трудился он не покладая рук. Весь день молодого предпринимателя был в буквальном смысле распределён по минутам!

Сироткин стремился идти в ногу со временем. В его конторе стояла модная кожаная мебель, на стенах висели географические карты. Он следил за всеми техническими новинками, постоянно повышал свой культурный уровень. Усиленно занимаясь самообразованием, Дмитрий Васильевич регулярно покупал книги. Одной из первых его приобретений стал многотомный Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

Дела у хваткого молодого купца шли бойко. Благополучие повышалось. В 1895 году Дмитрий Васильевич приобрёл лошадь и экипаж. В 1896 году начал перестройку своей усадьбы на Ильинской улице.

(Прежние постройки, выходявшие фасадом на Ильинку, были сломаны, а в глубине участка возвели деревянный двухэтажный флигель в стиле «модерн»).

Повысился и социальный статус тридцатилетнего предпринимателя. В 1897 году его избрали гласным Городской думы и членом ряда думских комиссий. В 1898 году Городская дума направляет его в качестве представителя Нижнего Новгорода на Съезд русских деятелей по водным путям.

В том же (1898) году Д. В. Сироткин значительно расширил масштабы своего предприятия, приобретя нефтетранспортное дело москвича С. М. Шибаева: четыре буксира и пятнадцать деревянных баржах.

Льготный трёхгодичный кредит на приобретение Шибаевской флотилии нижегородскому купцу предоставили знаменитые московские предприниматели братья Рябушинские. Они, как и Сироткин были старообрядцами, а известно, что купцы-старообрядцы охотно оказывали помощь своим единоверцам.

В дальнейшем Д. В. Сироткин постоянно поддерживал тесные связи (личные, деловые, политические) с братьями-банкирами и, прежде всего с Павлом Павловичем Рябушинским. Они вместе играли важную роль в церковно-общественной жизни старообрядцев, в том числе в организации всероссийских старообрядческих съездов.

Первый такой съезд состоялся в 1900 году в Москве. Его участники подали прошение Николаю II с мольбой защитить старообрядцев от гонений. В короткое время под этим прошением подписались 49 753 старообрядца. Дальше предстояло самое ответственное. Нужно было вручить это письмо. Это удалось сделать благодаря поддержке министра финансов С. Ю. Витте, который симпатизировал энергичным предпринимателям-старообрядцам. С помощью секретаря Витте, Путилова, прошение старообрядцев, было передано Сироткиным великому князю Александру Михайловичу, с тем, чтобы тот преподнёс его Императору.

На аудиенции у Александра Михайловича, Д. В. Сироткин держался с большим достоинством и, стремясь убедить власть в бессмысленности преследования своих единоверцев, сказал: «За нами нет ни в прошлом, ни в настоящем вины перед правительством. Кроме того, мы почти все – грамотны, трезвы, зажиточны». Власть предрешающие и сами это понимали. Во всяком случае, царский ответ на прошение старообрядцев был самым благоприятным. Он был передан предста-

вителям старообрядцев во главе с Сироткиным министром внутренних дел Д. С. Сипягиным. От себя министр добавил: «Будьте покойны, беспокоить Вас никто не будет, и это вы увидите на деле».

После этого авторитет молодого купца среди старообрядцев всей страны необычайно возрос. Второй всероссийский съезд старообрядцев в 1901 году состоялся в его нижегородском доме.

Комплекс построек Д. В. Сироткина на Ильинской улице (Ильинская, 46) в Нижнем Новгороде на долгие годы стал организационным центром старообрядчества. Здесь состоялись II–X всероссийские съезды старообрядцев. Председателем совета съездов бессменно являлся сам Дмитрий Васильевич. В этом качестве он неоднократно встречался с представителями власти, хлопоча о нуждах своих единоверцев.

Не в последнюю очередь благодаря усердию нижегородского купца в Светлое Христово Воскресение 17 апреля 1905 года был издан царский указ о свободе веры. На пасхальной неделе Николай II записал в своем дневнике: «христосовался со старообрядцами». В истории старообрядчества закончился мрачный период гонений.

21 февраля 1906 года царь принял всероссийскую делегацию старообрядцев. От их имени Д. В. Сироткин сказал императору: «Мы твёрдо верим, что начертанный Тобою путь к обновлению России на основах свободы и единения с народом возвеличит наше отечество и сделает имя Твоё священным из рода в род».

Занимаясь старообрядческими делами, Сироткин не забывал и о развитии своей фирмы. 26 апреля 1907 года на её базе было образовано паевое «Торгово-промышленное и пароходное товарищество Дмитрия Васильевича Сироткина в Нижнем Новгороде» с капиталом в полтора миллиона рублей. Оно располагало 15 пароходами и 65 деревянными и железными нефтеналивными баржами. В 1910 году Сироткин ещё более расширил своё дело, став соучредителем пароходного общества «Волга». Для правления общества построили красивое здание в центре Нижнего Новгорода (сейчас здесь, в доме 10/1 на пл. Минина и Пожарского размещается главный корпус Медицинской академии).

Сначала «Волга» перевозила как мазут, так и зерно. Но с 1913 года «Волга» полностью сосредоточилась на перевозке нефтепродуктов (причём не только по Волге, но и по Оби и Иртышу). Для этого у неё имелся большой флот: 10 шхун на Каспийском море, 33 парохода, 42 железных баржи и 113 деревянных баржей.

Важно отметить, что, будучи одним из самых богатых и влиятельных людей Поволжья, Сироткин уважал подчиненных. Ко многим работникам он обращался «на Вы» и держался с ними с большим почтением. Но прославила его не только вежливость – Дмитрий Васильевич первым на Волге организовал страхование матросов от несчастных случаев. Кроме того, его рабочие получали хорошее жалование – больше, чем на других судах.

Увеличение жалования достигалось за счёт сокращения числа работников. По добровольному соглашению с хозяином оставшиеся рабочие за денежную надбавку выполняли дополнительные обязанности. Бывали случаи, когда огромные нефтеналивные баржи обслуживались не восемью матросами, как этого требовала обычная практика, а четырьмя. Тех, кто не справлялся – увольняли или штрафовали.

Применяя систему штрафов и жёстко поддерживая трудовую дисциплину, Сироткин в то же время не досаждал людям мелочной опекой, не мешал им проявлять инициативу. Он умел подбирать работников, умел их выдвигать, умел сработаться с ними. Именно это было главным секретом постоянных успехов Дмитрия Васильевича.

Удачливость молодого купца поражала воображение современников. На бирже его звали «счастливым человеком». Его старались пригласить на зачин любого дела, поскольку считалось, что одно присутствие Сироткина «принесет счастье».

На бирже он имел безусловный авторитет и в 1907 году был избран председателем Нижегородского биржевого комитета – представительной организации местного делового сообщества. Таким образом, нижегородское купечество официально признала Дмитрия Васильевича своим лидером.

Сироткин действительно являлся прирождённым вожакom. Крутолобый, плотный, неулыбчивый, он всем своим обликом излучал внутреннюю силу. Когда он горделиво шёл по набережной, опираясь на каблук, с высоко поднятой головой, сразу было видно, что идёт настоящий хозяин Волги.

Как и подобает лидеру, он смело брался за новые начинания, реализуя казалось бы, фантастические проекты. Одним из них стало открытие пароходного сообщения (впервые в истории!) по... Аральскому морю.

В декабре 1907 году Д. В. Сироткин и его земляк-старообрядец, пароходчик М. П. Лапшин послали экспедицию в Чарджоу для исследования судоходства Аральского моря и Аму-Дарьи. Путешествие

оказалась удачным и в 1908 году Сироткин и Лапшин отправили из Нижнего Новгорода на Аральское море в разобранном виде пароход и лес для постройки деревянных баржей и баркасов. Так возникло (официально учреждённое в 1909 году) акционерное общество пароходства и торговли «Хива» председателем правления которого стал Дмитрий Васильевич Сироткин. «Хива» расчистила проходы в устье Аму-Дарьи, удалила камышовые заросли и открыла судоходство от станции «Аральское море» Ташкентской железной дороги через Аральское море до устья Аму-Дарьи и по Аму-Дарье до Чарджоу. Тем самым Хивинское ханство впервые получило регулярное транспортное сообщение с остальной Империей. Была также установлена связь между Среднеазиатской и Ташкентской железными дорогами.

Сироткин был новатором и в технической сфере. Уже в конце 1890-х годов на удивление всей Волге построил несколько деревянных баржей новой конструкции. Сироткин нашёл, что наиболее совершенным типом волжского судна, идеально приспособленным к условиям плавания по великой реке, были старые расшивы (плоскодонные суда, легко проходившие мели и перекаты), детальные формы которых, к этому времени были уже утрачены волжскими судостроителями. Добившись, после долгого труда восстановления этих форм и дополнив их тем, что дали судостроительная наука и практика позднейшего времени, Сироткин сконструировал тип новой баржи, непревзойдённой по своим судоходным достоинствам.

Уже первые деревянные баржи-«новинки» Сироткина поражали воображение современников своими невиданными размерами. Но и им было далеко до грандиозной железной «Марфы-Посадницы», которая была изготовлена в 1907 года и произвела в баржевом судостроении настоящий переворот.

«Марфа-Посадница» строилась на заводе Шорина в Гороховце по проекту самого Сироткина. Техническое воплощение своей идеи Сироткин заказал гениальному русскому инженеру Владимиру Григорьевичу Шухову. Чудо-баржа сразу привлекла внимание нефтяного треста-гиганта – Товарищества братьев Нобель. Узнав о «Марфе-Посаднице» инженеры Нобелей с разрешения Сироткина детально обследовали судно, совершив на нём несколько рейсов. Результаты оказались блестящими, и фирма братьев Нобель немедленно заказала на Кулебакском заводе целую флотилию наливных баржей типа «Марфы-посадницы».

Баржи типа «Марфы Посадницы» были не единственным примером внедрения Дмитрием Васильевичем на своих предприятиях технических новинок. В 1911 году он начал осуществление другого грандиозного проекта – замену пароходов теплоходами с дизельными двигателями. Компактные дизельные двигатели занимали меньше места, чем паровые машины. Кроме того, благодаря дизелям резко сокращался расход топлива. Экономия достигала 60–100%.

Сироткин представил свои убедительные расчёты партнёрам, и акционеры «Волги», обсудив предложение директора-распорядителя, постановили в течение ближайших лет полностью заменить пароходы теплоходами. Для этого было решено построить собственный судостроительный завод.

Его заложили около села Бор, напротив Нижнего Новгорода, в 1911 году и назвали «Нижегородский теплоход». Первый сироткинский теплоход (пассажирский баркас «Кашевар») сошёл на воду в 1912 году. Тогда же были построены буксир «Царицын» и нефтеналивная баржа «Протопоп Аввакум».

За что бы не брался Сироткин, во всем он проявлял себя как умелый управленец. Так стоило в 1913 году Дмитрию Васильевичу стать главой Нижнего Новгорода, как сразу в городском хозяйстве начались положительные изменения.

При Сироткине городское управление осуществило ряд крупных проектов, намеченных ещё предшественниками Дмитрия Васильевича, но по ряду причин оставшихся на бумаге. Здесь, прежде всего, нужно отметить устройство канализации. Для осуществления этого грандиозного проекта был заключен городской облигационный заём на 2 миллиона рублей сроком на 49 лет. Для его погашения и уплаты процентов Дума ввела особый сбор с присоединяемых к городской канализационной системе домовладельцев. В 1914–1915 годах были построены бетонный коллектор на Ковалихе, очистная станция на берегу Волги и соединявший их 600-метровый кирпичный тоннель под Сенной площадью.

Введение в действие канализации потребовало увеличения мощности водопроводной сети. Были установлены новые насосы и фильтры, проложены новые линии труб. В 1914 году закончили постройку водонапорной башни в верхней части города.

Трудно перечислить все сделанное Сироткиным для земляков. В 1901 году он основал бесплатный досуговый центр для бедняков (по характерному фасаду дома его называли «Столбы»). В 1916 году

при деятельном участии Сироткина был создан городской народный университет (ныне Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского). Тогда же (1916) по инициативе и на средства Дмитрия Васильевича в Семенове была организована Школа художественной обработки дерева во главе с художником Г. П. Матвеевым, открывшая новую страницу в истории хохломской росписи.

Плодотворная и разносторонняя деятельность Сироткина на нижегородской земле прервалась в 1917 году. Хотя нижегородский городской голова и приветствовал Февральскую революцию, но после неё дела Дмитрия Васильевича стали идти всё хуже.

На новых выборах в Городскую Думу в июле 1917 года возглавленный им список нижегородских предпринимателей получил всего 1,6% голосов избирателей – меньше всех. Неудачей закончилось и участие Дмитрия Васильевича в выборах в Учредительное собрание.

После Октябрьской революции бывший лидер старообрядцев находился на «белом» Юге. Следы его пребывания отмечены в Крыму и Ростове-на-Дону. Сироткин играл важную роль в ростовских предпринимательских кругах. Накануне прихода туда красных он в конце 1919 года покинул Россию. Сначала поехал во Францию, к П. П. Рябушинскому, а с 1920 года обосновался в Югославии, в Белграде, где жил до своей кончины в 1953 году.

На Дунае Дмитрий Васильевич имел небольшое пароходное дело. Но сербские реки не могли заменить ему родной Волги. В конце 1920-х годов Сироткин написал своему старому знакомому, писателю А. М. Горькому и председателю Совета народных комиссаров А. И. Рыкову о своём желании вернуться домой «чтобы работать по организации волжского транспорта». Однако эта просьба не была удовлетворена.

Улица, на которой в Белграде жил бывший глава Нижнего Новгорода граничила с крепостью Калемегдан. Рядом в Дунай впадала река Сава. В общем местность сильно напоминала Верхневолжскую набережную в Нижнем Новгороде, где Сироткин незадолго до революции построил красивый особняк. Сейчас в этом здании размещился Нижегородский художественный музей. В Нижегородском историко-архитектурном музее заповеднике хранится великолепная коллекция женских шалей и узорчатых платков, собранная Дмитрием Васильевичем. В фонде Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки к услугам читателей редкие книги из библиотеки Сироткина. Все это напоминает нам о миллионере из деревни Остапово.

XX век: ИСПЫТАНИЯ И ПОБЕДЫ

А. В. Медведев

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

А. М. Горький (настоящая фамилия – Пешков) вышел из самых низов. Этот самородок достиг своим творчеством мировой известности. В советское время он был возвеличен как крупнейший пролетарский писатель и основоположник метода социалистического реализма. С 1932 года по 1990 год Нижний Новгород город носил его имя.

Родился Алексей Максимович в 1868 году в Нижнем Новгороде семье столяра-краснодеревщика Максима Савватеевича Пешкова и Варвары Васильевны, в девичестве Кашириной, дочери владельца красильной мастерской. В возрасте трех лет Алеша Пешков потерял умершего от холеры отца, а в одиннадцать лет и мать. Первые годы детства он жил с дедом и бабушкой, а после смерти матери был отправлен в «люди». Началась его трудовая жизнь – ученика маляра, чертежника, иконописца и т. д., а фактически – мальчика на побегушках для выполнения всякой черной работы. Потом последовали «университеты» в Казани – тяжелая работа грузчика, подручного пекаря. Об этом периоде своей жизни Горький рассказал в автобиографических повестях «Детство». «В людях», «Мои университеты». В этих произведениях рассказывается о многочисленных «свинцовых мерзостях жизни» (выражение самого писателя) окружавших мальчика.

В тяжелые минуты теплом своей души согревала мальчика его бабушка Варвара, обогащавшая его память сказками, былями, народными песнями, сказаниями. Она привила внуку любовь к сочному и богатому русскому языку.

Образование Алеша Пешков получил минимальное – два класса Канавинской начальной школы. Повар Смурый, когда Алеша работал посудомойщиком на пароходе, приохотил его к чтению книг, и он стал заядлым книголюбом, поглощал в дальнейшем не только художественную, но философскую, литературоведческую, политическую литературу, стал образованнейшим человеком. Он обладал феноменальной памятью, запоминал надолго и прочитанное, и увиденное. В Казани Пешков участвовал в работе народнического кружка, приобщился к народническим идеям, но почувствовал их утопизм, т. к. не видел в жизни того идеального народа, на который они делали ставку.

В 1888–1889, 1891–1892 годах Алексей Пешков странствовал по Руси, встретив множество типов людей, ставших потом его литературными героями. В 1892 году он опубликовал в тбилисской газете свой первый рассказ «Макар Чудра». С 1893 года разворачивается его литературное творчество, которое он сочетал с работой журналиста в «Самарском вестнике» и «Нижегородском листке». Свои работы он подписывает псевдонимом «М. Горький», на выбор которого повлияла его тяжелая жизнь. В 1898–1899 были опубликованы три тома рассказов и очерков Горького, которые обеспечили ему всероссийскую славу и мировую известность.

Они вызвали читательский интерес своим реализмом, такими типами героев, которых не было у лучших писателей того времени, у Л. Н. Толстого, у А. П. Чехова. В произведениях Горького находили правду жизни грамотные рабочие, крестьяне, интеллигенты. В его рассказах проявлялся романтизм, созвучный настроению передовых людей того времени. Читателя привлекали образы Данко,

Домик Каширина. Здесь, в доме своего деда, красильщика В. В. Каширина, Алеша Пешков жил с трехлетнего возраста. Воспоминания об этом нашли яркое выражение в повести «Детство»

пожертвовавшего жизнью ради людей, и гордого Сокола, рожденного летать, а не ползать. Среди героев его было много отверженных – босяков, нищих, проституток, бродяг, но Горький видел в каждом из них человека. Позднее он определил словами Сатина из пьесы «На дне» отношение к человеку: «Человек! ... Это звучит... гордо! ... Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо».

В горьковских рассказах было немало гордых людей, которые не могли смириться с тяжелой и пошлой жизнью. Они по-своему бунтовали, часто нелепо, спивались, погибали, но и вызывали сочувствие. Это вор Челкаш, который мог показать презрение к деньгам, бросив к ногам жадного поделщика добытую с риском большую сумму. Это другой вор, который спасался бегством от ареста, но подобрал брошенного младенца и отнес его в полицию. Это изнывающий от тоски ввиду несправедности жизни пекарь Коновалов и др.

А. М. Горький был гуманистом действенным. Он осознал, что надо не только жалеть людей, но и стремиться изменить их жизнь к лучшему, что и привело его в ряды революционеров. В 1901 году Горький публикует «Песню о буревестнике», ставшего символом назревающей революции. Горький поворачивает к марксизму и к социал-демократам, причем более к большевикам, чем к меньшевикам.

1899–1903 годы в Нижнем стали временем Горького. В «Нижегородском листке» появился в 1899 году новый редактор – С. И. Гриневицкий, близкий Горькому по духу. Оба они стали совладельцами газеты, купив ее на паях еще с двумя нижегородцами. Идейным вдохновителем газеты стал Алексей Максимович. Вокруг него образовалась группа талантливых журналистов из прогрессивно настроенных интеллигентов – врачей, учителей, земских служащих. Они будоражили общественность постановкой острых проблем города, общества, вызывая недовольство властей, стараясь изменить жизнь в городе к лучшему.

Горький включился активно в деятельность существовавших благотворительных организаций и был инициатором создания новых. Он был тесно связан с Обществом взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии. Горький уговорил коллег писателей отчислить с издания двух сборников «Знание» в пользу общества 2 тысячи рублей. Он организовал издание «Нижегородского сборника», весь доход от издания которого – 6 тысяч руб.

пошел на строительство общежития в Н. Новгороде для учащихся – детей учителей, проживавших в уездах (на 80 человек). Он был среди учредителей Общества помощи нуждающимся женщинам. Вместе с купцом Д. В. Сироткиным организовал чайную и читальный зал для бедноты – знаменитые «Столбы». Платил стипендии восьми бедным студентам.

Горький и его друзья постарались скрасить жизнь детей городской бедноты. Писатель стал инициатором организации новогодних елок для них. Он обратился в 1899 году в «Нижегородском листке» с призывом начать подписку на сбор денег в пользу обездоленных детей, сам ходил к богатым людям, собирая деньги, хлопотал о разрешении праздника у городских властей, привлек большое количество добровольцев к его подготовке. 4 января 1900 года состоялась первая «горьковская» елка в здании городской думы, на которую было приглашено около 500 детей в возрасте от 6 до 12 лет. Для них были устроены небольшие представления, игры, танцы. Потом детям дарили пакеты гостинцев, рубашки, платья, куски материи, обувь. В следующем году Горький организовал елку для 1200 детей из бедных семей. Очевидец писал о горьковской елке: «Станный это был праздник. Возбужденные детские голоса, счастливые возгласы, смех, – а лица бледные, изможденные, одежда рваная, залатанная, изношенная обувь...»

Алексей Максимович то и дело хватал какого-нибудь малыша на руки, поднимал его, показывая елку, что-то объяснял, гладил по голове. По лицу его текли крупные слезы. О чем вспоминал он в эти минуты? Может, вставало в памяти собственное безрадостное детство, безрадостное и тяжелое?...» Друзья Горького организовали уже в его отсутствие еще три елки для бедных детей в 1902–1904 годах.

Но писатель понимал, что одной благотворительностью изменить общество нельзя. Вот почему он повернул к социал-демократам, много помогал нижегородским большевикам, купил для них мимеограф, печатный станок для подпольной типографии, писал листовки, помогал деньгами Нижегородскому комитету РСДРП и отдельным революционерам и их семьям. Например, посылал сосланному в ссылку П. Заломову (прототипу главного героя из своего романа «Мать») по 15 рублей ежемесячно и 300 рублей для организации побега.

В январе 1905 года уже в Петербурге он был арестован, около месяца сидел в Петропавловской крепости, но под мощным воздействием

общественности был освобожден под залог 10 тысяч рублей. В октябре 1905 Горький участвовал в создании газеты социалистов «Новая жизнь», в которой публиковал статьи и В. И. Ленин. Знакомство Горького с Лениным состоялось 27 ноября, со временем переросло в дружбу, сохранившуюся и при их разногласиях. О своих отношениях с вождем большевиков Горький рассказал в очерке «В. И. Ленин» после его смерти. В декабре 1905 года, в дни вооруженного восстания и боев на Красной Пресне, московская квартира Горького являлась одним из штабов социал-демократов. В ней жили боевики, встречались революционеры, обменивались информацией, хранились взрывчатка, оружие и боеприпасы, которые Горький закупал для повстанцев. После поражения восстания Горький по совету Ленина эмигрировал за границу.

За границей он собирает деньги в пользу русской революции, выезжает с этой целью в Америку, в которой собрал с помощью социалистов и противников самодержавной России 10 тысяч долларов. Поднимает общественное мнение против французского правительства, давшего заем правительству России. Потом на долгие годы (до 1913 года) поселяется на итальянском острове Капри, залечивая свой застарелый туберкулез.

В это время начинается новый, еще более зрелый период литературного творчества А. М. Горького. В своих сочинениях он анализирует состояние общества, его острые проблемы, показывает борьбу сторонников старой России и тех, кто стремится ее изменить. В 1906 году он пишет наиболее политизированные свои работы – пьесу «Враги» и роман «Мать». При определенной идеализации революционеров роман «Мать» отражал реальные события в Н. Новгороде и Сормове, свидетелем которых был Горький. С прототипом главного героя, рабочего-революционера Павла Власова, Петром Заломовым Горький встречался и беседовал после его побега из ссылки в 1905 году. Мать Заломова – Анна Кирилловна – была родственницей бабушки Горького, через нее Горький передавал обеды Заломову в тюрьму осенью 1902 года. Роман «Мать» оказывается и ныне востребованным в России. Читают его и за рубежом. Сайт «Новости литературы и культуры» в Интернете сообщил 7 июля 2010 года, что этот роман – самое читаемое произведение русской литературы в Индии. Творчество А. М. Горького поднялось на такой уровень, что даже его противники признали его высочайшее мастерство (например, «символисты» поэ-

тесса З. Гиппиус и писатель Д. Мережковский после публикации повести «Детство»).

А. М. Горьким до конца жизни было написано множество новых работ – рассказов, сказок, очерков, пьес, романов. Самым значительным из них является роман «Жизнь Клима Самгина» о роли интеллигенции в русских революциях, об острой идейно-политической борьбе эпохи. В романе разоблачается мещанство, «самгинщина», буржуазный индивидуализм, потерпевший поражение в 1917 г.

В начале 1930-х годов А. М. Горький теоретически определяет метод, который использовал в своем творчестве – «социалистический реализм», «...как реализм людей, ...которые перестраивают мир» и дает способность отражать мир в революционной перспективе.

Однако и сам Горький был противоречив, отражал искания, колебания интеллигенции. Он, например, после поражения первой русской революции примкнул к группе видных большевиков – «богостроителей», считавших, что социализм неграмотным и неразвитым массам надо прививать как религию, за что подвергался жесткой критике со стороны В. И. Ленина. После Февральской революции стал высказывать опасение, что крестьянский анархизм и зоологический индивидуализм уничтожит тонкий слой культуры в России. По этой причине не принял вначале и Октябрьскую революцию. Это отразилось в его сборнике статей «Несвоевременные мысли». Но осенью 1918 года Горький повернул к Ленину и Советской власти. В тяжелые 1919–1921 годы он сотрудничал с большевиками, привлекал интеллигентов к работе над разного рода проектами (например, к переводу и к изданию лучших произведений мировой

М. Горький с женой Екатериной Павловной и детьми Катей и Максимом. В 1896 г. Алексей Пешков, уже известный читателям как Максим Горький, вернулся в родной город и дальнейшие семь лет провел здесь

литературы), спасал их от голода через созданный по его инициативе Центральный комитет по улучшению быта ученых. В то же время критиковал большевиков за использование террора, хлопотал перед Лениным об освобождении отдельных арестованных интеллигентов. Ленин ему никогда не отказывал.

По совету Ленина Горький уехал осенью 1921 года за границу подлечиться и надолго там остался. Во время добровольной эмиграции 1921–1933 годов Горький критиковал советское руководство за отдельные акции, но и помогал Советской стране агитацией за сбор средств для голодающих Поволжья, пропагандой достижений социалистического строительства. В 1928 и 1929 годах он приезжал в СССР, ему был организован восторженный прием. В 1933 году писатель окончательно вернулся на Родину, активно включился в дело строительства социализма, был одним из организаторов Союза писателей СССР. Он всю жизнь мечтал о воспитании нового человека, строительстве социально справедливого общества. Увидев реальные шаги в этом направлении, он их поддержал. Его захватил пафос созидания социализма. Скончался А. М. Горький в 1936 году от туберкулеза, изъевшего его легкие, похоронен у кремлевской стены в Москве.

Ф. А. Селезнёв

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ В ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Социально-экономические противоречия в российском обществе привели в начале XX века к затяжному политическому кризису. Особенно острые формы он принял в годы русско-японской войны (1904–1905). Русские солдаты и матросы (а в их числе и уроженцы Нижегородского края) сражались доблестно. Всю страну облетела весть о подвиге крейсера «Варяг». Среди легендарных героев «Варяга» были и нижегородцы – машинисты Алексей Голубков и Андрей Жорин, матрос Илья Илюшечкин. В роковом Цусимском сражении смертью храбрых пал нижегородец капитан 1-го ранга П. И. Серебrenников, командир эскадренного броненосца «Бородино». Одна-

ко, несмотря на мужество русских войск, они терпели поражения, и в обществе постепенно росло недовольство властью, чем умело воспользовалась оппозиция.

В ноябре 1904 года в Петербурге состоялся общероссийский земской съезд, участники которого (от имени Нижегородской губернии выступали А. А. Савельев, Г. Р. Килевейн, А. В. Иконников, В. А. Горинов) высказались за скорейший созыв парламента. После этого нелегальная организация демократической интеллигенции «Союз освобождения» (её членами являлись нижегородцы Е. М. Ещин, Г. Р. Килевейн и В. А. Горинов) начала мощную пропагандистскую кампанию в связи с сорокалетием судебной реформы 1864 года. Интеллигенты устраивали праздничные вечера, посвящённые этой дате, на которых принимались петиции с требованиями конституционных реформ.

В Нижнем такой банкет был организован 20 ноября 1904 года во Всесословном клубе (ул. Алексеевская, 3) местной либеральной адвокатурой. А 28 декабря 1904 года собравшиеся здесь же члены Общества пособия учителям и учительницам открыто потребовали созыва Учредительного собрания. Однако полиция недолго смотрела на подобные выступления сквозь пальцы и жестко пресекла попытку антиправительственной агитации на вечере в Народном доме 29 декабря 1904 года, избив при этом посетителей.

Это вызывало возмущение многих нижегородцев. Особенно оно усилилось, когда в город пришли известия о Кровавом воскресенье – событиях 9 января 1905 года в Петербурге. 11 января рабочие паровозомеханического и паровозосборочного цехов Сормовского завода попытались организовать забастовку протеста и в феврале – марте 1905 года Нижегородский край был охвачен невиданной по масштабам волной стачек.

Требования стачечников носили экономический характер и частично были удовлетворены, однако и после этого на предприятиях то и дело вспыхивали трудовые конфликты. Постепенно проявлялась политическая направленность рабочего движения, чему способствовали местные социал-демократы и эсеры. На массовых сходах в Сормове и Нижнем Новгороде они говорили о необходимости вооруженного восстания и свержения самодержавия, собирали деньги на покупку оружия. Параллельно нижегородские либеральные

Сормово. Мужская школа имени Александра III, впоследствии «школа баррикад». Во время революции 1905 г. здесь располагались штаб и арсенал восставших сормовских рабочих, на подступах к школе были сооружены баррикады

земцы, участвовавшие в общероссийских земских съездах в мае и июле 1905 года, все настойчивее требовали установления парламентской демократии.

9 июля 1905 года, в день полугодовщины Кровавого воскресенья, социалисты добились закрытия всех предприятий и торговых заведений, остановили транспорт. Забастовки и демонстрации продолжались и 10 июля. Владельцы магазинов и извозчики терпели убытки и были возмущены. Тем более, что большинство из них придерживалось монархических взглядов. Вечером того же дня местные монархисты (лавочники, извозчики, грузчики, мастеровые) во главе с извозчиком Ключевым напали на левых демонстрантов. На Острожной площади (ныне пл. Свободы) и прилегающих к ней улицах, при попустительстве властей, началось жестокое избиение демократической

интеллигенции. Был убит известный нижегородский либерал аптекарь А. К. Гейнце. На другой день в Нижний пришли вооружённые сормовские рабочие-социалисты, чтобы отомстить за товарищей. У них произошла стычка с монархистами, в ходе которой двое сормовичей, Л. Командин и А. Дмитриев, погибли.

В октябре 1905 года под лозунгами радикалов началась всеобщая политическая стачка, парализовавшая жизнь страны. До Нижнего Новгорода она докатилась с большим опозданием, только 18 октября, когда уже стал известен текст царского манифеста о даровании гражданских свобод. Тем не менее, закрылись все предприятия, учреждения, магазины. Встали трамваи. Два дня шли демонстрации и уличные митинги под красными знаменами. Один из митингов, на Благовещенской площади, посетил городской голова А. М. Меморский, приветствовавший собравшихся. Параллельно прошли и демонстрации монархистов под белыми знаменами. К счастью, столкновений между политическими противниками (как это случилось во многих городах России) не произошло. Самые авторитетные в городе люди, принадлежавшие как к демократической оппозиции, так и к правому лагерю (А. А. Савельев, Н. А. Бугров, П. П. Малиновский, Д. В. Сироткин, А. А. Хохлов), обратились к нижегородцам с призывом не омрачать «великого для свободы» насилом и создали специальный умиротворительный комитет. А вот в Горбатове и в Арзамасе, где черносотенцы устроили избиение демократической интеллигенции, избежать кровопролития не удалось.

Таким образом, Манифест 17 октября был воспринят разными слоями населения весьма неоднозначно. По-своему его интерпретировали и крестьяне, понявшие провозглашённые свободы как право не платить налоги и захватывать помещичье имущество. В этом их настойчиво убеждали агитаторы – эсеры и социал-демократы.

Пропаганда революционеров падала на благотворную почву. В результате значительного роста населения крестьянские наделы всё более мельчали. В среднем на один двор в Нижегородской губернии приходилось 7,7 десятины (8,4 гектара) земли. Этого было недостаточно, поскольку крестьянское хозяйство оставалось малопродуктивным и экстенсивным. Наиболее остро «земельный голод» ощущался в южных, земледельческих уездах губернии. Именно там (прежде всего в Лукояновском и Сергачском уездах) борьба крестьян с помещиками

в ноябре – декабре 1905 года приняла самые ожесточённые формы – поджогов и разгромов господских имений. Кроме того, крестьяне в массовом порядке рубили помещичий лес (особенно интенсивно в Васильском, Княгининском и Нижегородском уездах).

Неспокойной была обстановка и в губернском центре. Представители левых партий почти ежедневно устраивали многодневные митинги, на которых призывали к свержению самодержавия. Центрами революционной пропаганды стали Народный дом, Коммерческий и Всесословный клубы, Народная столовая в Сормове и Башкировское училище в Канавине. Там же базировались организованные социал-демократами и эсерами боевые дружины.

Самые сильные позиции социалисты имели в Сормове, которое в ноябре – декабре 1905 года представляло собой «маленькую республику» с успешно действовавшими революционными структурами власти. Там существовали рабочая милиция, народный суд и совет цеховых уполномоченных, выступавший от лица рабочих в переговорах с дирекцией.

Свою мощь оппозиция воочию показала во второй половине ноября, когда, благодаря совместным действиям либералов и социалистов, не допустила назначения нижегородским губернатором бывшего одесского градоначальника Д. Б. Нейдгардта, прославившегося крутыми мерами против революционеров. Тогда же начались забастовки нижегородских почтово-телеграфных служащих, электриков и трамвайщиков. Активно поддержанные социал-демократами, эсерами и конституционными демократами (кадетами). В начале декабря эти забастовки, нанеся большой ущерб городскому хозяйству, прекратились. Однако вскоре в Нижний Новгород пришло известие о всероссийской политической стачке в связи с разгоном петербургского совета рабочих депутатов и о том, что большевики призвали «перевести её в вооружённое восстание».

Первыми на клич революционеров отозвались сормовичи. 12 декабря 1905 года они прекратили работу и, под красными флагами, вооружившись револьверами, пиками и кинжалами, с пением песен, пошли по Большой Шоссейной улице (ныне улица Коминтерна). Им преградил путь полицейский исправник с 5 конными городскими, но рабочие, открыв огонь, вынудили стражей порядка ретироваться. Следующее столкновение произошло у Народной столовой, располагав-

шейся на углу нынешних улиц Культуры и Ефремова. К цепи полиции и казаков явился белым платком парламентар от рабочих Иван Савин и извинился перед исправником за произведённый перед тем выстрел, говоря, что «стреляли провокаторы». Однако, когда Савин вернулся к своим и передал им требование казачьих и полицейских командиров немедленно разойтись, революционеры вновь открыли огонь. Завязалась перестрелка, и рабочие были рассеяны.

На следующий день, 13 декабря, сормовичи начали строить баррикады. Главная из них располагалась у каменного трехэтажного здания Сормовской церковно-приходской школы (ныне ул. Коминтерна, 175), ставшей основным опорным пунктом восставших. В школе были размещены штаб боевой дружины, который возглавил большевик П. С. Мочалов, лаборатория по зарядке бомб и фугасов, продовольственный склад, установлена самодельная пушка, изготовленная токарем механического цеха К. Е. Париковым.

Не вняв увещаниям священника Орловского, дружинники оказали ожесточенное сопротивление полиции и казакам и только 14 декабря, когда прибывшая из города артиллерия начала обстрел баррикад, скрытно оставили свои позиции.

14 декабря вооружённое выступление революционеров произошло и в Канавине. С 10 декабря там продолжалась забастовка железнодорожников, организованная бухгалтером товарной станции Нижний большевиком С. А. Акимовым, к которой присоединилась подавляющая часть местных предприятий и торговых заведений. Однако не все канавинцы приняли участие в стачке добровольно. Многие жители Канавина и Гордеевки, против своего желания снятые с работы, – грузчики, извозчики, рабочие, лавочники, торговцы, – особенно те из них, кто придерживался консервативных политических взглядов, 14 декабря под белыми знаменами, с царскими портретами и иконами направились к Московскому вокзалу, где митинговали забастовщики. Дружинники-большевики встретили процессию револьверным огнём, убив несколько человек. Затем революционеры забаррикадировались в зданиях Московского вокзала и начального училища при мельнице Башкирова (ул. Приокская, 6). Власти сумели справиться с ними только 15 декабря – после артиллерийского обстрела вокзала, находившиеся внутри дружинники во главе с С. А. Акимовым и С. А. Левитом были вынуждены сдаться.

В верхней части агитация за забастовку началась 8 декабря, но имела слабый успех. Нижегородцы устали от дезорганизации хозяйственной жизни. К тому же приближались рождественские праздники, а участие в стачке ощутимо ударило бы горожан по карману. Тем не менее нижегородский комитет РСДРП призвал жителей города начать 12 декабря 1905 года всеобщую забастовку. Почти все предприятия и учреждения вооружённые активисты левых партий останавливали силой. Кое-где революционеры встречали сопротивление. Так, 13 декабря на Ново-Базарной площади (ныне площадь Горького) «съёмщиков» атаковали приехавшие на рынок крестьяне. В этих условиях местные большевики и эсеры не решились на вооружённое восстание, тем более что исполнявший должность губернатора К. П. Фредерикс сформировал и вооружил добровольческий монархический отряд из демобилизованных воинов и крестьян Печерской слободы. Бойцы отряда представляли серьёзную силу.

Как вспоминал один из руководителей нижегородских большевиков П. М. Лебедев-Керженцев, 13 декабря 1905 года участники партийного собрания РСДРП констатировали, что забастовка провалилась, и решили прекратить её с 15 декабря. Фактически же большинство предприятий возобновило свою работу уже 14-го. А 15 декабря власти арестовали руководителей социал-демократов и эсеров (Н. А. Семашко, А. М. Лежаву, А. П. Невзорову, П. М. Лебедева-Керженцева, А. И. Пискунова, В. Б. Либина и др.) и закрыли опорные пункты революционеров – Народный дом и Всесословный клуб.

В 1906–1907 годах накал социальной борьбы в Нижегородской губернии заметно упал. Резко уменьшилось число крестьянских выступлений (с 298 в 1905 году до 17 в 1907 году). Забастовки были редки и кратковременны. В тоже время революционеры регулярно совершали вооружённые нападения на почты и магазины. Эти грабежи они называли «экспроприациями».

В 1908 году обстановка в крае стабилизировалась. Но революция не прошла бесследно. Она повлекла за собой серьёзные изменения в политической и социальной сферах, которые отразились и на жизни нижегородцев.

Ф. А. Селезнёв

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 года: ПАРТИИ, ПРОФСОЮЗЫ, КООПЕРАТИВЫ

Самыми главными политическими итогами революции стали созыв парламента (Государственной Думы) и принятие 23 апреля 1906 года основных законов, зафиксировавших гражданские свободы и права человека, Огромное значение для Нижегородской губернии, где жило много старообрядцев, имело провозглашение принципа свободы вероисповедания. В крае начали официально регистрироваться старообрядческие общины и органы печати, строились староверческие храмы. Более открытый характер приняли всероссийские съезды старообрядцев белокриницкой иерархии, регулярно устраивавшиеся в Нижнем именитым купцом Д. В. Сироткиным. В мае 1908 года другой известнейший нижегородский предприниматель, Н. А. Бугров, организовал первый всероссийский съезд старообрядцев-беглопоповцев, который отличался чрезвычайно широким составом участников. В Нижний прибыли делегаты из самых отдалённых мест России (Сибирь, Забайкалье) и даже из-за рубежа (Румыния, Турция). В Нижнем Новгороде состоялся и всероссийский съезд мусульман, также носивший весьма представительский характер. Его заседания проходили в августе 1906 года в Общедоступном клубе (ул. Алексеевская, 3). После революции в жизни нижегородских мусульман произошло ещё одно значительное событие. Городская управа предоставила им в бесплатное пользование участок земли на нынешней Казанской набережной, где в 1915 году было построено большое и красивое здание мечети – первой в верхней части города.

Кроме религиозных свобод, в результате революции нижегородцы приобрели право выбирать и быть избранными в Государственную Думу.

Выборы в Государственную Думу императорской России были многоступенчатыми. Первыми «ступеньками» являлись крестьянский сход, заводское рабочее собрание, предварительный съезд уездных землевладельцев и съезд городских избирателей, а последней – губернское избирательное собрание. Оно проходило в здании Дворянского собрания (ул. Б. Покровская, 18) и тайным голосованием

определяло депутатов от губернии. Хотя женщины, солдаты и некоторые категории горожан права голоса не имели, всё же введённая в России избирательная система была для своего времени достаточно демократичной и давала возможность стать депутатами даже самым бедным крестьянам. Так, из 25 парламентариев-нижегородцев, заседавших в I–IV Государственных Думах, семь были крестьянами «от сохи» (Н. Д. Хватков из села Корсакова Княгининского уезда, И. Д. Бугров из деревни Ломовки Арзамасского уезда, М. Н. Гришкин из села Глухова Ардатовского уезда и др.), один депутат – рабочим «от станка», двое – интеллигентами (врач, журналист), девять – помещиками, трое – священниками и трое – представителями торгово-промышленной среды.

Так что в нижегородской группе депутатов Государственной Думы крестьянские представители занимали второе место, уступая лишь представителям дворянства, как это наблюдалось и в земских учреждениях.

Для защиты своих социальных и политических интересов нижегородцы начали объединяться в партии, появление которых тоже было результатом революции, важным этапом на пути в гражданскому обществу.

Ведущей партией в губернии считалось Конституционно-демократическая (в просторечии – кадетская), или Партия народной свободы, объединившая сторонников широких социальных реформ и парламентской демократии европейского образца. В Нижегородском крае ею руководили земские деятели Г. Р. Килевейн и А. А. Савельев, адвокаты Е. М. Ещин и П. А. Рождественский, литературовед В. Е. Чешихин-Ветринский. Среди членов партии (340 человек) явно преобладала интеллигенция: врачи, адвокаты, служащие. Были представлены и помещики-земцы. Кадетские активисты действовали почти во всех уездах. Под их контролем находилась популярная местная газета «Нижегородский листок». В Конституционно-демократическом клубе (занимавшем часть помещения Коммерческого клуба в Грузинском переулке, где проходили и партийные собрания) нередко выступали знаменитые столичные профессора и публицисты, что привлекало сюда многих нижегородцев. Будучи весьма искушенными в тонкостях предвыборной борьбы, нижегородские кадеты провели в Государственную Думу (за всё время её существования) восьмерых депутатов – больше, чем какая-либо другая партия.

Основным соперником Конституционно-демократической партии являлся нижегородский союз «Белое знамя», ставший в 1906 году фи-

лиалом общеимперского «Союза русского народа». «Белознаменцы» считали главной своей задачей защиту традиционных устоев русской жизни, к которым они относили семью, религию и царскую власть. Убеждённые монархисты, они яростно боролись с разрушителями самодержавной государственности – либералами и революционерами. Сначала «Белым знаменем» руководил купец А. А. Хохов, затем лидерами организации стали священник Н. В. Орловский, надзиратель Владимирского реального училища С. П. Смотряков и мещанский староста К. П. Карташев. В Союзе числилось около тысячи членов, но партийные собрания, проходившие в кремлёвском Манеже или в здании Георгиевского братства (ныне дом № 38 по улице Пискунова), посещало обычно 200–300 человек. Отделы союза существовали в Сормове, Лыскове, Павлове, Княгинине, Балахне, Горбатове, Городце, на Бору. Опорой «белознаменцев» являлись городские низы – ремесленники, мастеровые, извозчики, грузчики, мелкие лавочники. Среди сторонников союза немало было крестьян и священников, встречались и представители интеллигенции. Пропаганду своих взглядов ультрамонархисты вели через газету «Минин», а также в чайной-библиотеке на Варварке. Члены организации имели специальные значки, а отделы – знамена (хоругви). На парламентских выборах правые обычно уступали либералам и левым и только в 1912 году, во многом благодаря сочувствовавшему им губернатору А. Н. Хвостову (крайнему консерватору), одержали победу.

Третьей значительной политической силой в губернии был умеренно-либеральный Союз 17 октября, заслуживший в Нижнем репутацию «купеческой партии». В его руководство входили председатель местного биржевого комитета М. И. Шипов, паромщик Ф. В. Казанский, купцы М. И. Будилов, А. А. Зайцев. Октябристы проявляли активность только во время избирательных компаний. В промежутках между выборами более-менее регулярно действовал лишь сормовский отдел, возглавляемый мастером литейного цеха А. Д. Становым. Сормовские октябристы даже создали собственный профсоюз: «Профессиональное общество для улучшения экономического быта рабочих и служащих сормовских заводов». Однако по влиянию на рабочих они заметно уступали социалистам. Это сказывалось и во время выборов. Впрочем, и вся нижегородская организация «Союза 17 октября» не могла похвастаться особыми успехами.

За всё время октябристы провели в Государственную Думу лишь двоих депутатов.

Если политические итоги революции были очевидны, то социальные последствия событий 1905 года ощущались не так явно. Однако и они были значительны. Все партии – от крайне правых до крайне левых – сошлись на том, что необходимо сокращение рабочего дня и улучшение условий труда. Это же осознало и правительство. Кабинет великого русского преобразователя П. А. Столыпина в 1908 году внёс в Государственную Думу законопроекты о страховании рабочих, ставшие в 1912 году законами. На предприятиях начали создаваться больничные кассы, куда вносили деньги и рабочие и хозяева. Из этих средств выплачивали пособия заболевшим (для семейных от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка, для холостых – от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$). Выдавали деньги и на похороны. В течение четырёх недель после родов получали содержание женщины-работницы. В Нижегородской губернии открылось 25 больничных касс, в том числе на заводе Добровых и Набголец, в Сормове, на мельницах Башкировых и Бугрова.

Борьбу трудящихся за сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и быта возглавили возникшие в ходе революции профессиональные союзы. С ноября 1905 года по начало 1906 года в Нижнем образовалось 28 профсоюзов, объединивших почти 10 тысяч человек. Свои организации создали даже официанты и газетные разносчики. Новый этап рабочего движения начался с марта 1906 года, когда были обнародованы так называемые Временные правила о союзах и профессиональные объединения стали регистрироваться, существовать вполне официально. В это время в Нижегородской губернии функционировало более 20 профсоюзов. Самым деятельным из них являлся союз торговых служащих, многие члены которого прошли хорошую школу в старейшем нижегородском профессиональном объединении – Обществе вспоможения частному служебному труду, основанному ещё в 1869 году. Руководили союзом видные деятели нижегородского профдвижения: А. Н. Нестеров, продавец из мануфактурного магазина братьев Баженовых, и конторщик А. А. Белозеров. Некоторое время торговые служащие выпускали собственные периодические издания («Вестник приказчика», «Вести приказчика»). Сильные организации имели сормовские рабочие и печатники.

Важной формой социальной организации трудящихся стала кооперация. В России и, в частности, в Нижегородской губернии она имела давнюю историю. Ещё в 1868 году в Нижнем возникло первое потребительское общество «Бережливость». С 1890 года действовала знаменитая Павловская кустарная артель А. Г. Штанге. Но только после революции начался настоящий расцвет кооперативного дела. Самым важным было то, что оно получило широкое распространение среди крестьян. В 1906 году возникли кредитные кооперативы сразу в четырех деревнях Нижегородского уезда – Новом Ликееве, Суроватихе, Арманихе и Ближнем Борисове. В 1908 году состоялся губернский съезд кредитных товариществ. В 1913 году тридцать из них – Богородское, Ореховское, Кузьминское, Лопатинское, Большесукинское, Семеновское, Шалдежское, Шарাপовское, Линдо-Пустыньское, Яблонское, Зарубинское, Апраксинское и Ивонькинское – образовали Нижегородский союз учреждений мелкого кредита, который к 1917 году состоял уже из 152 организаций, почти в 10 раз увеличил собственный и паевый капитал и, по существу, превратился в кооперативный банк, проводивший кредитные, страховые и торгово-посреднические операции.

После революции заметно возросло и число потребительских кооперативов, пайщики которых могли по более дешёвой цене купить продукты и предметы обихода. Увеличилось количество кооперативов по сбыту продукции сельского хозяйства (в том числе садово-огородной и пчеловодческой).

Памятник героям и мученикам революции 1905 г. на пл. Свободы (архитектор А. А. Яковлев, 1930 г.)

По примеру павловских кустарей одна задругой создавались трудовые артели. В 1905 году по инициативе крестьянина Шмелева в селе Михальчикове Нижегородского уезда был образован кооператив по изготовлению цепей для пароходов, баржей, плавучих элеваторов, землечерпалок, минных и подводных лодок. За отличную работу артель удостоилась наград на нескольких выставках. В местности «Красная Рамень» Семёновского уезда открылись кузнечные артели, в Лыскове – артель по выработке стальных изделий. Новый толчок развитию производственной кооперации дала первая мировая война – появилось много артелей, выполнявших оборонные заказы. Среди них особо следует отметить кооперативы по изготовлению хирургических инструментов, организованные в Ворсме, Тумботине и Грудцыне губернским ветеринарным инспектором Н. Уваркиным. Всего к 1917 году в Нижегородской губернии работало более 800 разных кооперативов. Во многом это являлось заслугой нижегородских энтузиастов и пропагандистов кооперации – В. Е. Чешихина-Ветринского, Г. И. Сергеева, В. М. Владиславлева, Ф. Я. Анисимова и других.

Бурное развитие операции в сельской местности в немалой степени было обусловлено и тем, что в деревне после 1905 года начались координальные изменения, вызванные аграрной реформой П. А. Столыпина – самым важным социально-экономическим следствием первой русской революции.

Ф. А. Селезнев

ПЕТР НЕСТЕРОВ: ПРОРЫВ В НЕБО

Сегодня летящий по небу самолет никого не удивит. А если вдуматься, не чудо ли это? Человек взмыл выше птиц! Не об этом ли мечтали наши далёкие предки, сочиняя сказку о ковче-самолете? Однако чтобы мечта стала явью, кто-то должен был проторить для человечества путь в небо. Нужны были люди, которые не побоятся оторваться от земли и взмыт в пугающую высь на пока ещё очень несовершенных и ненадежных крылатых машинах. Одним из этих первопроходцев был

Петр Николаевич Нестеров, признанный во всем мире корифей высшего пилотажа.

Будущий новатор летного дела родился 15 февраля 1887 года в офицерской семье. Его отец был воспитателем в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. Там же, в служебной квартире, жила семья Нестеровых. Корпус находился в Кремле. Теперь в этом красивом здании с колоннами располагается Законодательное собрание Нижегородской области. Здесь и появился на свет Петр Нестеров.

В два годика ему было суждено лишиться отца. Это было очень тяжелое испытание для семьи Нестеровых. Мало того, что они остались без кормильца, им ещё, естественно, пришлось освободить служебную квартиру. Правда, без крова они не остались. Мать Петра Николаевича, Маргарита Викторовна, с четырьмя детьми переехала во Вдовый дом.

Это благотворительное учреждение построили на собственные средства и передали в ведение города нижегородские купцы братья Аристарх и Николай Блиновы, а также Николай Бугров. Здание, располагалось на тогдашней городской окраине, близ Крестовоздвиженского монастыря. Ныне – это общежитие Технического университета на площади Лядова. Во Вдовьем доме предоставлялись бесплатные квартиры в одну – две комнаты вдовам с детьми.

Вдовый дом помог Нестеровым пережить самое трудное время. Вскоре семья переехала на частную квартиру. Но конечно Маргарите Викторовне Нестеровой было тяжело одной поднимать детей. Она подала просьбу о приеме её сына в Нижегородский графа Аракчеева

П. Н. Нестеров – основоположник высшего пилотажа, одна из фигур которого названа его именем. 26 августа 1914 г. П. Н. Нестеров погиб на фронте, выполнив первый в мире таран в воздухе

кадетский корпус. Её ходатайство было удовлетворено, и 26 августа 1897 года Петр Нестеров стал кадетом.

Кадетские корпуса давали среднее общее и военное образование. Срок обучения в них составлял 7 лет. За это время, Петр превратился в «идеальный тип будущего офицера с ярко выраженными моральными качествами и храбростью» – так характеризовали его в аттестационном журнале за выпускной класс.

Авиации тогда ещё не существовало. Но уже в годы учебы кадет Нестеров проявлял интерес к небу и его обитателям, будучи страстным голубятником. А романы Жюль Верна, которыми он зачитывался, могли пробудить у юноши первые мечты о покорении воздушного океана человеком.

В 1904 году Петр Нестеров по 1-му разряду закончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус. Следовало выбрать военное училище для получения офицерского звания. Поскольку, будучи кадетом, Нестеров достиг больших успехов в математике и черчении, вполне естественным было, то, что он поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, где особенно были востребованы «технари».

Годы учебы совпали со временем Русско-Японской войны. Петр внимательно следил за ходом военных действий на Дальнем Востоке, и, особенно за опытом применения там артиллерии. Туда, на восточную окраину России и был в 1906 году направлен подпоручик Нестеров после выпуска из училища. Он получил назначение во Владивосток, в 9-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду.

Молодой офицер много думал над тем, как повысить меткость пушечной стрельбы. И вдруг увидел первое в своей жизни воздушное судно. Это был аэростат, принадлежавший Владивостокской крепостной воздухоплавательной роте. Перед Нестеровым предстал идеальный наблюдательный пункт, с которого, нависая над вражескими позициями, можно было прекрасно корректировать огонь артиллерии. Петр Николаевич лично убедился в этом, поднявшись в воздух. Затем последовали и другие подъемы, поскольку Нестеров добился своего временного прикомандирования к наблюдательной станции воздухоплавательного парка в качестве артиллерииста-наблюдателя. Увы, воздухоплавательную роту расформировали, и Нестеров был отозван обратно в бригаду.

Между тем сырая дальневосточная погода оказалась для молодого нижегородца крайне неблагоприятной. Поэтому Нестерова «по климатическим условиям» сроком на один год перевели во Владикавказ, в Кавказскую резервную артиллерийскую бригаду. Это случилось в 1910 году. Именно с этого года началось настоящее увлечение Петра Николаевича авиацией. Во многом оно было вызвано произошедшим во Владикавказе знакомством Нестерова с летчиком Артемием Кацаном, построившим планер собственной конструкции.

Нестеров также поставил перед собой задачу построить летательный аппарат, более совершенный, чем все существующие и всецело подчиняющийся воле пилота. Соответствующий проект он направил в военное ведомство, однако модель Нестерова была отклонена Главным инженерным управлением.

Между тем годичная служба на Кавказе подошла к концу. Перед отправкой в другое место Нестеров получил отпуск, который провел в Нижнем Новгороде. Это были летние месяцы 1911 года – июль и август. В родном городе Нестеров познакомился с другим энтузиастом летного дела – Петром Соколовым. Тот был учеником знаменитого профессора Н. Е. Жуковского, отца русской авиации, членом Нижегородского общества воздухоплавания, куда вступил и Пётр Николаевич.

Не теряя время, два новых друга принялись строить планер. Импровизированной мастерской им послужил сарай Соколовых на Провиантской улице. Обтяжку к планеру помогла сшить матушка Нестерова, Маргарита Викторовна, поддерживавшая увлечение сына.

Испытывать летательный аппарат решили за городом. В качестве аэродрома выбрали поле за Петропавловским кладбищем. Ныне – это район улиц Белинского и Невзоровых, около парка им. Кулибина. Нестеров поместился в планер, а Соколов сидел в телеге, правил лошадей и тянул веревку, привязанную к аппарату. Когда животное достаточно разбежалось, планер поднялся в воздух на целых три метра. Так прошёл первый самостоятельный полет великого в будущем летчика. Когда Нестеров уже стал знаменитым асом, ему было очень приятно вспоминать этот трогательный опыт с планером и вообще начало авиационной практики в Нижегородском обществе воздухоплавания.

Осудив пьянящее чувство отрыва от земли, Нестеров уже не мог не думать о полетах. Он решил стать профессиональным летчиком.

Но как это сделать? Русская авиация ещё только-только топорила свои крылышки. Её гнездо находилось в столице. Под Петербургом с 1910 года работала Офицерская воздухоплавательная школа. С мая 1911 года она дислоцировалась в Гатчине. Научить летать могли только там. И Нестеров добился, что его приняли в названное учебное заведение. Зачисление произошло 7 октября 1911 года. А 1 ноября он был прикомандирован к авиационному отделу Школы.

Упорные занятия продолжались целый год. Теория сочеталась с практикой. Наконец начались учебные полеты. Сначала на аэростате. И только 12 сентября 1912 года Петр Николаевич совершил свой первый самостоятельный полет на аэроплане. А 28 сентября он уже сдал трудный экзамен на звание пилота-авиатора. И, наконец, 5 октября пройдено самое сложное испытание – экзамен на звание военного летчика.

Авиационный отряд, в который зачислили Нестерова, вскоре был переведен из Петербурга в Варшаву. Начались тренировочные полеты на боевых «Ньюпорах». Молодой пилот желал достичь такого совершенства в управлении самолетом, чтобы машина слушалась каждого его движения. Для этого в каждом полете он ставил какой-то эксперимент. В ходе одного из них Нестеров набрал почти предельную высоту и... выключил мотор! Дальше он начал кругами и восьмерками планировать над Варшавой, чем привел наблюдавших с земли товарищей в трепет.

Умение маневрировать при неработающем двигателе скоро спасло поручику Нестерову жизнь. 25 января 1913 года у него во время полета загорелся бензин в карбюраторе и мотор заглох. Однако Нестеров не растерялся и, сделав ряд резких разворотов, сумел благополучно посадить охваченную огнем машину.

В мае 1913 Петр Николаевич был направлен в Киев. Сначала его прикомандировали к 7-й воздухоплавательной роте. Через месяц, в июне перебросили в 3-ю авиационную роту 11-го корпусного отряда. Затем командование, быстро оценив рвение и способности поручика Нестерова, назначило его временно исполнять должность начальника этого отряда.

С самого начала Нестеров буквально не давал покоя своим подчиненным. В июле он провел учения по взаимодействию авиации и артиллерии. Там его люди получили хорошую летную практику, и Петр Николаевич сразу же начал готовить их к дальнему групповому перелету, который состоялся 10–11 августа 1913 года по маршруту Киев – Остер – Нежин – Киев. При этом группа произвела четыре

промежуточные посадки на незнакомую и неподготовленную местность и учились ориентироваться в пути по карте.

Тренируя своих летчиков, Нестеров непрерывно совершенствовал и собственное мастерство. При этом он разработал принципиально новую технику управления самолетом. В те далекие годы было распространено убеждение, что самолет должен по возможности лететь в горизонтальном положении. Крутых кренов рекомендовалось избегать, даже при поворотах. Однако Нестеров не побоялся спросить: «Почему птица не боится никаких положений в воздухе, а летчики страшно боятся крутых виражей, быстрых поворотов?»

Молодой покоритель воздушной стихии начал упорную работу над развитием маневренных качеств самолета. При этом он руководствовался не интуицией, а строгим теоретическим расчетом – сказались солидная математическая подготовка, полученная в артиллерийском училище. Сначала Петр Николаевич выработал приемы выполнения крутых поворотов машины. Потом научился резко его разворачивать, вопреки инструкциям накрывая аэроплан до 45°.

А если совершить разворот не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости – взмыть вверх и сделать своего рода кувырок назад, пролетев какое-то время вверх «брюхом»? Изучение техники глубоких виражей привело Нестерова к выводу, что при наличии достаточного запаса скорости самолет может сделать это, т.е. выполнить замкнутую кривую (петлю) в вертикальной плоскости.

Проверку своих теоретических выкладок Нестеров осуществил 27 августа 1913 года на «Ньюпоре» русской сборки. Вечером этого дня он поднялся на высоту тысяча метров, выключил мотор и, наклонив самолет носом вниз, начал почти вертикально планировать. Примерно

Памятник П. Нестерову. 1987
(скульпторы
И. и А. Рукавишниковы,
архитектор Ю. Воскресенский)

на высоте 600 метров Петр Николаевич выровнял аэроплан и завел двигатель. Аппарат пошел вверх, всё круче задирая нос, а потом лег на спину. Несколько мгновений пилот летел вниз головой. Однако ощущения, что он вываливается, не было. Ноги по-прежнему давили на педали. Остались на своих местах и инструменты в открытых ящиках – сработала центробежная сила инерции.

Совершив в воздухе петлю (потом её назовут «петлёй Нестерова») летчик благополучно посадил машину. Когда взволнованный и счастливый пилот вылез из машины, его подхватили на руки товарищи, сослуживцы и зрители. Раздавались крики «Ура!». Люди славили авиаторов и Россию. В газетах появилась телеграмма с описанием подвига Нестерова, подписанная свидетелями события. Она нашла отклик и в Европе. Вскоре петлю Нестерова повторил французский ас Пегу, публично признавший первенство русского летчика.

Но начальство, разумеется, Нестерова не похвалило. Ведь он никого не предупредил о своём эксперименте, нарушил инструкции, серьезно рисковал собой и машиной. Герою объявили выговор. Однако руководство авиаотрядом за ним сохранили. Вскоре Нестеров со своими подчиненным принял участие в крупных войсковых учениях Киевского военного округа и в официальном отзыве получил высокую оценку своего летного мастерства. Затем последовали командировка в Петербург, встреча с начальником воздухоплавательного отдела генералом Шишкевичем, восторженные чествования в редакции популярнейшей газеты «Вечернее время» и в родной Воздухоплавательной школе.

Однако Петр Николаевич не собирается почивать на лаврах. Он полон новых замыслов. Штабс-капитан Нестеров осваивает ночные полеты, для чего собирает самолетный прожектор. Он упорно ведет работу над аэропланом собственной конструкции. По его замыслу эта машина должна была не только отличаться повышенной маневренностью, но и иметь бортовое вооружение – вещь тогда неслыханная, поскольку самолеты использовались для разведки, а не для боя друг с другом. Это был едва ли не первый в истории самолетостроения проект истребителя!

Едва дождавшись весны, Нестеров приступает к дальним перелетам. В марте 1914 года состоялся его перелет по маршруту Киев – Одесса – Севастополь (900 км в два дня). Май 1914 года: Нестеров из Киева за один день добирается до Гатчины, преодолев 1015 километров. В июле 1914 года он прилетает в Гатчину уже из Москвы (600 км

без посадки). Следующим должен был стать рекордный перелет Петербург – Севастополь. Но осуществить его Нестерову помешала начавшаяся Первая мировая война.

11 корпусной авиаотряд под командованием Нестерова был брошен на Юго-Западный фронт. Уже 28 июля Петр Николаевич совершил свой первый боевой вылет. В первые месяцы войны русские летчики занимались только воздушной разведкой. Однако Нестеров открыл для отечественной авиации еще два новых вида использования самолетов: бомбометание и воздушный бой.

Первую бомбардировку позиций противника штабс-капитан Нестеров осуществил 25 августа в районе Равы Русской. В ответ австрийцы выслали свой самолет, который сбросил бомбу (правда, неразорвавшуюся) на аэродром 11 отряда в Жолкиеве. Нестеров тут же поднялся в воздух, чтобы догнать врага, но тот успел улететь. В тот же день Нестеров ещё раз поднимался в воздух, очевидно, чтобы преследовать вновь появившегося австрийца. Три боевых вылета в один день должны были сильно измотать Петра Николаевича. Между тем на следующий день 26 августа австриец прилетел опять. Для его преследования Нестеров подымался в воздух дважды. Во время второго вылета русский летчик настиг врага.

Нужно отметить, что в то время идея воздушного боя казалась невозможной. Никакое вооружение на аэропланы не устанавливалось. Но у Нестерова ещё раньше родилась идея «соколиного удара» по самолету противника. В разговорах с товарищами он неоднократно высказывал мнение, что можно сбить неприятельский аппарат ударом сверху, колесами своей машины. Такой удар Петр Николаевич и нанес 26 августа 1914 года, взвившись над вражеским аэропланом. Однако это был уже пятый вылет за два дня и утомившийся Нестеров не смог ударить противника колесами. Он врезался сверху в австрийский самолет, сбил его, но погиб и сам. Это был первый в истории мировой авиации боевой таран.

Похоронили Петра Николаевича в Киеве. Сохранена память о великом летчике и в Нижнем Новгороде, где есть улица Нестерова. На ней в 1987 году, к 100-летию со дня рождения героя ему был установлен памятник. Рядом с ним – макет «Ньюпора», на котором Петр Николаевич выполнил «мертвую петлю». В 1962 году Международная авиационная федерация вела переходящий приз для победителя первенства по высшему пилотажу – кубок имени П. Н. Нестерова. А российских асов с 1994 года награждают медалью Нестерова.

Ф. А. Селезнёв

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

Октябрь 1917 года в Нижегородской губернии был красным. Красным от багрового зарева пожаров. Это горели помещичьи усадьбы. Крестьяне уводили и резали барский племенной скот, ломали инвентарь, рубили господский лес. В иных местах управляющим едва удавалось благополучно унести ноги. Власти же фактически бездействовали, не в силах обуздать анархию.

Безвластие ощущалось и в самом Нижнем Новгороде, который захлестнула волна преступности. На людной улице могли ограбить, раздеть донага, на глазах растерявшихся людей разгромить квартиру.

Отсутствие порядка болезненно сказывалось на экономике. Политика Временного правительства, члены которого в своё время обвиняли царских чиновников в неспособности эффективно управлять страной, за каких-то полгода после Февральской революции привела к полному развалу производства, разрыву хозяйственных связей между регионами, массовой безработице, бешеным темпам инфляции, введению карточек на продовольственные и непродовольственные товары и реальной перспективе голода. «В губернии наступают продовольственный голод», – телеграфировал в сентябре 1917 года в МВД Временного правительства нижегородский губернский комиссар М. И. Сумгин. Он же констатировал «полный недостаток ржаной муки и других предметов первой необходимости и невозможность получения их из других губерний».

На этой почве 14 октября 1917 года в Нижнем произошли крупные беспорядки. Сотни женщин из Подновья и Печерской слободы, возмущённые отсутствием хлеба в лавке на Старо-Сенной площади, двинулись на Большую Покровку к зданию городской продовольственной управы. Часть управских служащих успела предусмотрительно ретироваться через чёрный ход, остальные получили свою порцию тумачков.

Одновременно с хозяйственной разрухой всё более обострялся политический кризис. В стране параллельно действовали две системы органов власти – Временного правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К октябрю 1917 года в Советах

заметно усилилось влияние большевиков, взявших курс на вооружённый захват власти.

Впрочем, поначалу вопрос о целесообразности вооружённого восстания вызвал в большевистском руководстве острые разногласия. Ленин, ещё в сентябре 1917 года предлагавший арестовать Временное правительство, оказался в меньшинстве, как это не раз случалось в 1917 году. Ему даже пришлось пойти на крайний шаг – подать прошение об отставке, оставляя за собой право агитировать в партийных низах против Центрального комитета. Только на историческом заседании ЦК 10 октября 1917 года вождю большевиков удалось преодолеть колебания «старой гвардии» (Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков, Милютин, Ногин). В этой ситуации самыми надёжными союзниками Ленина в ЦК оказались недавно примкнувшие к большевикам представители группировки Троцкого (т. н. «межрайонцы» – сам Троцкий, а также Урицкий и Иоффе).

По схожему сценарию развивались события и в Нижегородской партийной организации. Старые партийные работники и здесь высказались против восстания. Один из них, Г.С. Биткер, на экстренном заседании губкома РСДРП (б) 18 октября 1917 года при обсуждении решения ЦК от 10 октября заявил, что накануне созыва Всероссийского съезда Советов и выборов Учредительного собрания вооружённое

восстание будет ошибочным шагом. Биткер призвал товарищей предупредить ЦК об отрицательном отношении Нижегородского губкома к восстанию и тем самым удержать партийное руководство от ошибочного выступления.

Среди нижегородских большевиков наметилось два течения: одно стояло за немедленный захват власти и организацию Военно-революционного комитета, а другое было против этого. К умеренному течению, кроме уже упомянутого Г. С. Биткера, принадлежали А. В. Савельева (секретарь Нижегородского совета рабочих депутатов, член губкома РСДРП (б) и редколлегии губернской большевистской газеты «Интернационал», невестка покойного лидера нижегородских кадетов А. А. Савельева), Е. А. Дунаев (бывший рабочий – ткач из Иваново-Вознесенка, революционер с большим стажем), а также И. Р. Романов (старый большевик, сормович, в своё время избиравшийся депутатом II Государственной думы). Все они долгие годы боролись с самодержавием рука об руку с меньшевиками и эсерами и поэтому были психологически не готовы к тому, чтобы считать их своими врагами.

Лидером другого течения, выступавшего за восстание, являлся Яков Зиновьевич Воробьев (поселившийся в Нижнем Новгороде под именем Григорий Коц) – бывший анархист с Украины, имевший несколько сроков за «революционные» грабежи – экспроприации. В октябре 1917 года Воробьев был секретарем канавинского комитета РСДРП(б) и вместе руководителями сормовских большевиков Маркелом Сергушевым и Анатолием Писаревым вошёл в губернский штаб Красной гвардии.

Вечером 25 октября в Нижнем стало известно о революционных событиях в Петрограде. А на другой день уже весь город будоражили слухи о большевистском восстании. В кремле собралось экстренное заседание Нижегородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. От имени большевиков выступил Г. С. Биткер, заявивший, что нечего обсуждать, хорошо или плохо поступил Петроградский совет, – нужно решить, сохранится ли единство «революционного фронта» здесь, в Нижнем. Для сохранения этого единства Биткер предложил эсерам и меньшевикам поддержать переход власти к Советам. Но соответствующая большевистская резолюция была меньшевиками и эсерами провалена (62 голоса «за», 105 –

«против»). Зато своими резолюциями большевиков поддержали рабочие крупнейших заводов – Сормовского, «Доброва и Набольца» (ныне машиностроительный завод М. Воробьёва), «Сименс и Гальске» (ныне – «Нител»).

Чувствуя за собой поддержку рабочих и имея благоприятные известия из Петрограда, нижегородские большевики решились на захват власти. В ночь на 27 октября для руководства восстанием ими был создан Военно-революционный комитет, который возглавил И. Р. Романов.

На следующий день, 27 октября 1917 года, впрочем, как и накануне, в Нижнем было совершенно спокойно. Как обычно, ходили трамваи, работали лавки, магазины и даже рестораны. Затишье кончилось в субботу, 28-го. С раннего утра к кремлю двинулись отряды Красной гвардии из Сормова, Канавина, Молитовки. Начальник гарнизона, эсер Б.Н. Змиев, пытавшийся ввести в городе военное положение, был арестован. Красногвардейцы захватили почтово-телеграфную контору на Нижнем базаре, возмущённые служащие которой тут же прекратили работу. Другой отряд красногвардейцев, во главе с Яковом Воробьевым, в это время занял типографию Остафьевой и редакции наиболее популярных городских газет «Нижегородский листок» и «Волгарь», прекратив их выпуск. На вопросы ошарашенных служащих: «По какому собственно, праву?» и «Где ваш мандат?» будущий руководитель нижегородской ЧК сурово ответил: «Вот», указав на грозно поблёскивавшие штывы своих бойцов.

К вечеру большевики контролировали значительную часть города. Юнкера, размещавшиеся в здании Духовной семинарии на Благовещенской площади (ныне пл. Минина, д. 7/1), занимали нейтральную позицию и в события не вмешивались. Тем не менее, на всякий случай красногвардейцы решили их разоружить. Эту операцию провёл всё тот же Воробьев.

Вопрос о разоружении юнкеров чуть было не вызвал раскол в большевистском ВРК. В газетах даже промелькнуло сообщение, что в знак протеста из его состава вышли И. Р. Романов, Г. С. Биткер и А. В. Савельева. Умеренное большинство ВРК не желало кровопролития и было настроено вести со своими политическими противниками переговоры. Воробьев же являлся сторонником вооружённого подавления любого сопротивления.

Среди противников большевиков единства также не наблюдалось. Главным очагом антибольшевистского сопротивления в Нижнем Новгороде являлась городская дума. Поздно вечером, 26 октября 1917 года под председательством кадета П. Н. Булашевича началось её экстренное заседание, посвящённое большевитскому перевороту в Петрограде. Председатель губкома партии кадетов Г. Р. Килевейн предложил «сплотиться против этого преступления и образовать комитет общественной безопасности». Созданный орган получил название «Комитета защиты революции». В него вошли представители всех думских фракций: эсеры (И. И. Калюжнов, С. С. Векслерчик, В. Г. Ганчель), кадеты (Г. Р. Килевейн, Ф. А. Ермолаев), меньшевики (А. И. Иванов, П. Ф. Налетов), народные социалисты группа РСДРП «Единство» (В. М. Владиславлев, К. Н. Дертев), сионисты (И. Л. Бергер). Эти политические силы были очень разнородны, что затрудняло их совместную деятельность. Все социалисты настороженно относились к кадетам, считая их партию «буржуазной» и «контрреволюционной» и нарочито дистанцируясь от неё. Но и внутри социалистического блока имелись серьёзные разногласия. Например, меньшевики заявили, что активно выступать против большевиков они не будут. А 29 октября их лидер П. Ф. Налетов вообще предложил гласным думы «во избежание эксцессов со стороны большевиков разойтись по домам», т. е. фактически капитулировать. Боевая дружина союзного меньшевикам Бунда, которая принимала участие в обороне здания городской думы (нынешний дворец труда), покинула свои позиции. Бундовцы заявили, что «они не могут вместе с офицерами, черносотенными студентами и всяким остальным сбродом выступать против войск, стоящих за Советы, и поэтому уходят».

Студентов политехнического института и гимназистов по домам отослали сами гласные, дабы не подвергать жизнь мальчишек опасности. Оставшиеся в здании гласные (эсеры, энесы, кадеты) и офицеры решили оказать вооруженное сопротивление большевикам, если они рискнут штурмовать городскую думу, но никаких наступательных действий против Красной гвардии не проводили. В свою очередь и большевики от штурма отказались (сказалось влияние умеренного крыла ВРК).

Как отмечал весьма информированный «Нижегородский листок» «между двумя сторонами существует неписанное условие – не выступать друг против друга активно». Всё яснее становилось, что ВРК

и дума, большей частью социалистическая, не хотят конфронтации и ждут, чем закончится противостояние в Петрограде и Москве. Когда стало ясно, что партия Ленина добилась успеха, нижегородские эсеры и меньшевики решили пойти на компромисс с большевиками на почве создания «однородной» социалистической власти (т. е. эсеро-меньшевистско-большевистской).

Этот компромисс был официально провозглашён на историческом заседании обновлённого Нижегородского совета рабочих и солдатских депутатов, которое открылось в 9 вечера 2 ноября 1917 года в здании Общественного собрания (ныне Б. Покровская, 39, где сейчас кинотеатр «Орлёнок»). Представители фракций большевиков, эсеров, меньшевиков выработали проект совместной резолюции о необходимости создания «однородной социалистической власти», которая должна была в срок созвать Учредительное собрание, заключить перемирие с немцами и передать помещичьи земли земельным комитетам и установить контроль над производством и распределением промышленной продукции. За это голосовали все, кроме воздержавшихся. Затем собравшиеся 157 голосами «за» (при 52-х «против») провозгласили в губернии советскую власть. После этого городская дума и большевики одновременно распустили Военно-революционный комитет и Комитет спасения Родины т революции. Так начался «советский» период в жизни Нижнего Новгорода.

М. В. Медоваров

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ПУТЬ ДЛИННОЮ В СТОЛЕТИЕ

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского – не только самый большой, но и старейший вуз в нашем крае. Точка отсчета его истории – 19 октября 1905 года. В этот день городской голова А. М. Меморский предложил ознаменовать издание царского манифеста о гражданских свободах основанием в Нижнем Новгороде Народного (т. е. негосударственного) университета.

Но для его открытия были нужны немалые деньги. Поэтому реальный толчок к организации этого учебного заведения был дан благодаря

дару Евгении Робертовны Ермолаевой. Эта замечательная женщина, ушедшая из жизни 1 января 1912 года всё своё имущество (на сумму около 70 тысяч рублей) завещала в собственность университета в Нижнем Новгороде в память о своём муже Алексее Федоровиче Ермолаеве – старейшем гласном Нижегородской думы.

В ноябре 1914 года, Думой была сформирована специальная комиссия по вопросу о выработке положения о Народном университете в Нижнем Новгороде. Городская дума избрала попечительный совет университета во главе с гласным З. М. Таланцевым. Отметим, что в 1921–1929 гг. Таланцев станет доцентом, а затем профессором химического факультета Нижегородского университета, будет автором учебников, научных статей и изобретений. Так что в попечительском совете он отнюдь не являлся «свадебным генералом». Наоборот, во многом благодаря усилиям этого разносторонне одаренного человека – предпринимателя, инженера-химика и общественного деятеля – Нижегородский народный университет 17 января 1916 года был открыт, став третьим подобным учебным заведением в России. Его ректором стал Дмитрий Федорович Сеницын – известный биолог, ранее работавший в Варшаве и Москве.

В том же году в Нижний Новгород был эвакуирован Варшавский политехнический институт имени Николая II. Между прочим, борьбу за право принять это солидное учебное заведение вели восемь городов. Для этого нужно было выделить огромную сумму – два миллиона рублей. Нижегородцы оказались расторопнее всех своих конкурентов: деньги были собраны в кратчайший срок усилиями Городской думы, городского головы Д. В. Сироткина, крупнейшего владельца мельниц М. Е. Башкирова, да и многих простых горожан. В результате Варшавский политехнический институт (включавший механическое, химическое, инженерно-строительное и горное отделения) переехал в наш город и был торжественно открыт 1 октября 1916 года. В нём тогда насчитывалось 1639 студентов и 53 преподавателя, многие из которых навсегда свяжут свою судьбу с Нижним Новгородом (из наиболее известных – химики Р. Е. Вагнер, И. И. Бевад и М. С. Цвет, математик И. Р. Браицев).

После февральской революции 1917 года Временное правительство по просьбе Совета Варшавского политехнического института переименовало его в Нижегородский. А 1 октября 1917 года откры-

лись созданные ректором Народного университета Д.Ф. Сеницыным и директором естественноисторического музея М. П. Архангельским Высшие сельскохозяйственные курсы (за один день на них записалось 300 студентов). Таким образом, в городе возникло ещё одно высшее учебное заведение. 25 июня 1918 года председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал декрет об их объединении в единый Нижегородский государственный университет – первый в стране, созданный после Октябрьской революции. Осенью 1918 года на десять факультетов пришлось учиться свыше 2500 студентов. Так состоялось второе рождение крупнейшего вуза нашего города.

Ректором преобразованного университета оставался Д.Ф. Сеницын. В соответствии с постановлением Наркомпроса РСФСР, двери университета были открыты для поступления лиц без образования в возрасте от 16 лет (прежде всего, из рабоче-крестьянской среды). Экзамены, сессии, лекционно-семинарская система, оценка в баллах – всё это отменялось. Ученые степени и звания упразднялись и заменялись единым званием профессора. Особо следует отметить, что на историко-филологическом факультете профессорами работали будущие академики С. И. Архангельский и С. Д. Сказкин. Великий русский философ XX века А. Ф. Лосев именно в стенах Нижегородского университета получил звание профессора классической филологии (февраль 1919 г.).

В июне 1919 г. Д. Ф. Сеницын, отстаивавший автономию университета перед лицом Советской власти, был смещен с поста ректора (позже он эмигрировал и умер в США). Его сменил П. С. Филосов – представитель старой школы химиков, специалист по стеклу, керамике и фарфору. Он продолжил практику приглашения ведущих столичных ученых для чтения лекций и проведения семинаров, открыл ихтиологическую станцию и медицинский факультет. В декабре 1919 г. был принят Устав НГУ, кардинально отличавшийся от уставов дореволюционных университетов: главной целью образования было объявлено распространение знаний в народных массах. Поэтому был создан рабочий факультет, где выходцев из рабочих и крестьян готовили к поступлению на первый курс.

Удивительно, но в годы Первой мировой и гражданской войн Нижегородский университет развивался достаточно успешно (несмотря на то, что студенты были вынуждены основную часть времени работать

в народном хозяйстве). А вот в начале 1920-х годов его ждали серьезные испытания. В 1921 г. был закрыт историко-филологический факультет (как, впрочем, и во всей стране); всего за два года было упразднено шесть факультетов. Весной 1922 г. из-за отсутствия финансирования под угрозу встало само существование НГУ. Благодаря ректору А. А. Завадскому (1920–1924) и нижегородской ответственности университет удалось отстоять – правда, лишь в составе четырех факультетов (агрономического, химического, медицинского и инженерно-механического). Но финансирование вуза стало осуществляться не из государственного бюджета, а из средств местных органов власти, а также соседних поволжских губерний (получивших свою квоту в общем числе студентов НГУ). Обучение стало полностью платным. Неудивительно, что в 1923 году студенты и преподаватели подчас находились на грани голода, лабораторные исследования проводились на их собственные средства. Часть химического и биологического оборудования пришлось и вовсе вернуть в Польшу.

1924 год принес засуху. Университет снова попытались закрыть, но ректор С.А. Стоичев (первый гуманитарий на этом посту) добился прямого финансирования из госбюджета (с сентября 1925 г.). При нём университет приобрел новые земли, строились новые корпуса и ремонтировались старые, срок обучения был увеличен с четырех до пяти лет, а каждый третий студент стал получать стипендии. Но вскоре ситуация ухудшилась. А. Г. Балахонов – первый ректор из уроженцев Нижегородской губернии (1926–1930) – был вынужден ввести режим жесткой экономии. Понижались вдвое зарплаты, факультеты отчитывались за каждый потраченный рубль. Тем не менее, в эти годы были созданы педагогический и строительный факультеты.

В таких непростых условиях отмечалось десятилетие университета в марте 1928 года. К этому моменту было выпущено 876 специалистов, что, безусловно, являлось недостаточным для Нижегородской и соседних губерний. К концу 1920-х годов руководство Советского Союза стало ожидать от системы высшего образования действенной помощи в индустриализации страны (за годы первой пятилетки в Нижнем Новгороде вступили в строй 16 новых крупных заводов). Высшее образование всё теснее смыкалось с промышленностью и сельским хозяйством и всё дальше уходило от академической науки. К 1930 году в Наркомате просвещения созрела идея разделения Нижегород-

ского университета на вузы прикладного, узкого профиля. С 1 мая 1930 г. университет был упразднен, дав начало шести институтам: механико-машиностроительному (в будущем – политехническому), химико-технологическому, педагогическому, сельскохозяйственному, инженерно-строительному и медицинскому.

Этот смелый эксперимент не оправдал себя. Под давлением ответственности Нижегородский государственный университет был вновь (в третий раз!) открыт с 1 сентября 1931 года (вскоре переименован в Горьковский). Он включал вначале лишь три отделения: физическое, механическое, зоологическое, на которых училось всего 180 студентов. Начинать создание вуза новому ректору Л. А. Маньковскому (1931–1938) пришлось практически с нуля. Помощь оказывал наш земляк Максим Горький (с 1917 г. – почетный член университета). Тем не менее, результаты деятельности Л. А. Маньковского оказались впечатляющими: создан ряд лабораторий, открыта биологическая станция на Пустыньских озерах, присоединен Физико-технический институт (ГИФТИ). В университете стали работать физики А. А. Андронов и М. Т. Грехова, биолог С. С. Четвериков, имена которых теперь знает весь мир. В 1936 г. Горьковский университет, как и вся страна, отказался от педагогических экспериментов и вернулся к дореволюционной лекционно-семинарской системе обучения. Стал решаться вопрос о строительстве университетского городка. Постоянно увеличивалось число кафедр. В 1938 году открылись специальность «астрономия» и заочное отделение.

С первых дней Великой отечественной войны ГГУ перестроил свою деятельность под нужды обороны. Сотни преподавателей и студентов ушли на передовую, десятки из них погибли. Физики и химики университета в годы войны сделали множество открытий, востребованных в военной промышленности. Биологи в сотрудничестве с Медицинским институтом разрабатывали новые методы борьбы с вирусами, насекомыми, паразитами. В марте 1943 г. был создан НИИ химии, возникла кафедра физики. Тем не менее, в ГГУ по-прежнему было лишь три факультета: химический, физико-математический, биологический. Так продолжалось до победного 1945 года, когда из состава физико-математического факультета был выделен новый, радиофизический – первый в СССР. Его основателями стали А. А. Андронов, М. Т. Грехова, Г. С. Горелик.

А уже с 1 сентября 1946 г. был восстановлен историко-филологический факультет – во многом силами профессора С. И. Архангельского,

преподававшего еще на первом нижегородском истфиле (1918–1921), а также А. И. Парусова, Н. П. Соколова, В. Т. Илларионова, С. В. Фрязинова и других выдающихся историков и филологов. В целом послевоенные годы, совпавшие с ректорством видного зоолога А. Н. Мельниченко (1946–1952), были очень благоприятными для Горьковского университета. Число студентов превысило 2000 человек, преподавателей – 250 человек. В университете было уже 40 кафедр, 60 лабораторий и два научно-исследовательских института. С марта 1948 г. началось издание газеты «За сталинскую науку» (потом – «Горьковский университет»).

В 1955 г. университет возглавил В. И. Широков, прошедший путь от слесаря телефонного завода на Мызе и студента физико-математического факультета ГГУ в тридцатые годы до заведующего лабораторией ядерной физики НИИХ. При нём был в основном построен университетский городок, создан радиопизический институт (ныне НИРФИ). В 1956 г. ГГУ было присвоено имя уроженца нашего города, великого математика Николая Ивановича Лобачевского. В 1959 г. физико-математический факультет был разделен на два: физический и механико-математический. Тогда же был открыт промышленно-экономический факультет: сначала как вечернее отделение при истфиле, а с 1963 г. как самостоятельный факультет. Возникали новые кафедры.

Шестидесятые годы в истории ГГУ оказались навсегда связанными с именем ректора И.А. Коршунова (1961–1969). Выбор его жизненного пути был предрешён с детства: его отец в 1920-е годы был деканом педагогического факультета НГУ, а дядя – наркомом здравоохранения РСФСР. Сам И. А. Коршунов был известен исследованиями в области радиохимии и полярографии. Благодаря его активной деятельности на посту ректора были построены новые корпуса, в два раза выросло число студентов, в полтора раза – количество кафедр. В ГГУ работала почти тысяча научных сотрудников. В 1963 г. был открыт первый в СССР факультет вычислительной математики и кибернетики, а в 1964 г. – НИИ прикладной математики и кибернетики: в Горьком рано почувствовали новые тенденции в мировой науке и хозяйстве. Наконец, в 1965 г. было завершено строительство университетского городка.

Дольше всех пост ректора занимал Андрей Григорьевич Угодчиков (1969–1988). Одновременно он был заведующим кафедрой теории упругости и пластичности, а затем директором основанного им же НИИ механики (с 1974 г.). В течение многих лет А. Г. Угодчиков изби-

рался депутатом Областного совета депутатов трудящихся. При нём в 1976 г. университет был награжден Орденом трудового Красного знамени; получали награды и многие преподаватели. В 1986 г. истфил был разделен на два факультета: исторический и филологический.

В эпоху распада Советского Союза и коренной перестройки системы высшего образования в стране Горьковский (с 1990 г. – вновь Нижегородский) государственный университет возглавлял Александр Федорович Хохлов (1988–2003), до этого бывший деканом физического факультета. А. Ф. Хохлов был специалистом в области полупроводников и диэлектриков, оптоэлектроники и кристаллографии. Его учебник «Физика твердого тела» (в соавторстве с П. В. Павловым) выдержал три издания в России, одно во Франции и одно в Италии. Научная и общественная деятельность А. Ф. Хохлова была необычайно многогранна: член комитета по науке и образованию России, член правления комиссии по делам ЮНЕСКО, заслуженный деятель науки России, лауреат ряда государственных премий... Во многом усилиями А. Ф. Хохлова университет не просто выжил в 1990-е годы, но и сумел приспособиться к новым реалиям в стране и мире.

В тяжёлом 1991 году были основаны два новых факультета: юридический и Высшая школа общей и прикладной физики (ВШОПФ, на базе Института прикладной физики РАН). В 1995 г. возник финансовый факультет, на следующий год – факультет управления и предпринимательства и центр дополнительного профессионального образования (на правах факультета). Кроме того, в 1996 г. из состава истфака выделился факультет социальных наук. В 2001 г. образован факультет физкультуры и спорта и создан первый в России совместный с институтами РАН учебно-научный центр. В 2002 г. от исторического факультета отделился факультет международных отношений, тогда же был основан НИИ молекулярной биологии и региональной экологии.

Начинания А. Ф. Хохлова были продолжены Романом Григорьевичем Стронгиным (ректор в 2003–2008 гг.). Сын заслуженного изобретателя России Г. М. Стронгина и внук замечательного математика И. Р. Брайцева (который приехал в Нижний Новгород вместе с Варшавским политехническим институтом, а затем до 1939 г. был деканом физико-математического факультета), Роман Григорьевич окончил радиофак ГГУ. Однако его интересы были тесно связаны с теоретической кибернетикой и вычислительной математикой, поэтому после длительной стажировки в Великобритании

он в 1967 г. перешел работать на факультет ВМК и в 1981–1989 гг. был его деканом. Р. Г. Стронгин внес большой научный вклад в ряд отраслей математики и информатики. В должности первого проректора ННГУ (1991–2003) он проявил и незаурядные качества организатора и управленца, в частности, наладил связи с зарубежными университетами. Как следствие, уже в 2004 г. ННГУ был принят в Европейскую ассоциацию университетов, а в 2005 г. создан факультет иностранных студентов, на котором сейчас обучаются 400 человек из 50 стран мира.

В годы ректорства Р. Г. Стронгина началась реализация национального проекта «Образование» (2006), укрепились связи с компаниями Intel и Microsoft, расширилась сеть филиалов ННГУ в Нижегородской области (сейчас их девять). В 2003 г. был принят документ «Миссия ННГУ», определивший долгосрочные задачи вуза и пути их выполнения. В рамках реализации концепции университета как интегратора научно-образовательных и социокультурных взаимодействий в регионе (2004) были открыты подготовительный факультет, центр содействия трудоустройству выпускников, Малая академия государственного управления, упрочились контакты со средними школами и с Российской академией наук. Университет стал активно сотрудничать с органами власти и важнейшими предприятиями Приволжского федерального округа. В 2008 г. был создан Институт военного обучения (на правах факультета).

В 2007 г. Нижегородский университет выиграл конкурс на создание областного научного центра «Информационно-телекоммуникационные системы», что позволило открыть новые специальности и кафедры и произвести переоснащение материально-технической базы вуза. Тогда же, в 2007 году, на базе физического факультета был создан научно-образовательный центр «Физика твердотельных наноструктур» – один из центров развития нанотехнологий в нашей стране.

За выдающиеся достижения в науке и образовании Р. Г. Стронгин удостоен звания «Ректор года-2004», стал заслуженным деятелем науки России и почетным гражданином Нижнего Новгорода. В ноябре 2008 г. он был избран первым Президентом ННГУ, а девятнадцатым ректором университета стал Евгений Владимирович Чупрунов (специалист в области экспериментальной физики, в 1994–2006 гг. декан физического факультета). Наконец, в ноябре 2009 года Нижегородскому государственному университету им. Н. И. Лобачевского в числе 12 ведущих вузов

России присвоено наименование национального исследовательского университета. Приоритетное направление исследований обозначено как «Информационно-телекоммуникационные системы: физические и химические основы, перспективные материалы и технологии, математическое обеспечение и применение». Программа развития университета по данному направлению рассчитана до 2018 года.

На сегодняшний день в ННГУ работают около 300 докторов и 900 кандидатов наук. Общее число студентов и сотрудников университета достигает сорока тысяч человек. На 19 факультетах насчитывается 132 кафедры, осуществляется обучение по более чем 50 специальностям. При ННГУ функционирует 20 диссертационных советов, шесть научно-исследовательских институтов, Институт аспирантуры и докторантуры, комплекс музеев, биологическая станция, издательство и типография. Фундаментальная библиотека университета располагает двумя миллионами томов. На переднем краю научной деятельности ННГУ, как и раньше, находятся физики, химики и биологи: результаты их открытий и изобретений особенно зримы. Студенты ННГУ ежегодно добиваются призовых мест на Всероссийских олимпиадах по физике и математике, на чемпионатах мира по программированию. Но интенсивно развиваются и гуманитарные науки. С каждым годом новые вершины покоряют спортсмены – студенты и выпускники молодого факультета физкультуры и спорта. Широкие возможности открыты для музыкального и литературного творчества, различных культурных мероприятий, и это касается как студентов, так и преподавателей. В стенах Нижегородского национального исследовательского университета бережно хранится память о его вековой истории, но это только помогает уверенно смотреть в будущее.

Мемориальная доска в честь профессора С. С. Четверикова на корпусе госуниверситета им. Лобачевского (скульптор Л. Ф. Кулаков)

Ф. Б. Дроздов

НИЖЕГОРОДСКАЯ РАДИОЛАБОРАТОРИЯ – КОЛЫБЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РАДИОТЕХНИКИ

Россия – родина радио. Русский изобретатель Александр Степанович Попов в 1895 году создал первый радиоприемник и первую в мире радиолинию. Но даже в начале XX века в нашей стране не существовало собственной радиопромышленности, не было мощных радиостанций для связи с европейскими государствами. Вся электропромышленность была в основном в руках немецких фирм.

Когда в 1914 году началась первая мировая война, немцы перерезали английские подводные кабели, и Россия осталась без прямой телеграфной связи со своими союзниками – Францией и Англией. Пришлось в кратчайшие сроки построить две мощные радиостанции в Москве (на Ходыньском поле) и в Царском Селе. Приемную станцию создали в Твери (в Москве или Петрограде ее работе мешали бы передающие радиостанции).

Помощником начальника Тверской радиостанции был назначен воспитанник Петроградской офицерской электротехнической школы Михаил Александрович Бонч-Бруевич.

В те годы на радиостанциях с целью усиления сигнала начали применяться электронные лампы. В Россию такие лампы привозились из Европы. Но поставки из-за рубежа прекратились, а собственного производства ламп Россия не имела. Это означало, что, израсходовав запасы зарубежных ламп, мы будем вынуждены закрыть приемные радиостанции. Тогда Бонч-Бруевич решил создать собственную конструкцию радиолампы. Эта первая лампа, изготовленная в 1916 году, потом получила название «Лампа-бабушка». По инициативе Бонч-Бруевича в июне 1918 года при Тверской радиостанции была создана лаборатория для изготовления радиоламп.

Однако в маленькой мастерской невозможно было наладить процесс массового изготовления ламп. И ее сотрудникам было поручено создать современную радиолобораторию в другом городе, расположенном недалеко от Москвы. Выбор пал на Нижний Новгород. Там было много мощных предприятий, имелись обученные технические кадры. Существовали налаженное железнодорожное сообщение и проволочный телеграф для связи с Москвой и Петроградом.

В августе 1918 года началось оборудование Нижегородской радиолоборатории (НРЛ) в трёхэтажном здании бывшего общежития Нижегородской семинарии (доме № 5 на Верхневолжской набережной).

Первым управляющим НРЛ стал ученик А. С. Попова Владимир Михайлович Лещинский, ведущими учёными и организаторами – М. А. Бонч-Бруевич, Владимир Константинович Лебединский, Петр Алексеевич Остряков, Владимир Васильевич Татарин, Валентин Петрович Вологдин, Александр Федорович Шорин.

Нижегородская лаборатория должна была стать центром всех научно-технических работ в области радио в стране. Официальным днём основания НРЛ считается 2 декабря 1918 года, когда В. И. Ленин подписал «Положение о радиолоборатории с мастерской».

Несмотря на огромные трудности, М. А. Бонч-Бруевичу удалось наладить серийное производство приемно-усилительных ламп. Начиная с весны 1919 года, их выпуск составлял до 1000 единиц в год. Три года это были единственные лампы, используемые на приемных радиостанциях России.

В январе 1920 года Бонч-Бруевич изготавливает генераторную лампу с массивным алюминиевым анодом, позволявшим развивать большую мощность. Первый удачный опыт радиотелефонной передачи был осуществлен им из Нижегородской радиолоборатории на расстояние четырех км. Комиссия на приемной станции отметила «...прекрасное воспроизведение речи, качество которой было лучше, чем передача по проводам». 15 января 1920 года была осуществлена радиотелефонная передача из НРЛ в Москву на расстояние в 370 км. Дальнейшее

Михаил Бонч-Бруевич у передатчика для радиостанции имени Коминтерна

усовершенствование аппаратуры для радиотелефонных передач было связано с целым рядом трудностей, и Бонч-Бруевич обратился за помощью к В. И. Ленину. В феврале 1920 года Ленин благодарил ученого за успешные работы и подчеркнул важность его исследований, указав, что «Газета без бумаги и “без расстояний”, которую вы создаете, будет великим делом». Он обещал оказывать «всяческое и всемерное содействие».

В марте 1920 года было подписано постановление: поручить Нижегородской радиолaborатории изготовить в срочном порядке центральную радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст (свыше 2100 км). Усиленное внимание со стороны властей объяснялось тем, что большевики хотели построить такую станцию, которой не было нигде в мире. В США первая радиостанция вышла в эфир в 1920 году, в Англии – в ноябре 1922 года, во Франции – в декабре 1922 года, в Германии – в октябре 1923 года, а в Италии – летом 1924 года.

Изготовление мощной генераторной лампы для такой станции в то время казалось практически неразрешимой задачей. Алюминиевый массивный анод для этого был не пригоден, нужен был тугоплавкий анод из редких металлов – тантала или молибдена. Но таких металлов в России не было.

Но Бонч-Бруевичу удалось найти удивительно смелое техническое решение. После многочисленных экспериментов он создает макет радиолампы, аналогов которой не было в мире. Ученый предложил изготавливать анод из меди, но охлаждать водой из водопровода. Неслучайно, что, по выражению одного из коллег Бонч-Бруевича, это казалось «святотатством». Но в действительности это была подлинная революция в электровакуумной технике. Анод, охлаждаемый водой, позволял развивать мощность до 950 Вт, что вполне соответствовало требованиям радиотелефонной передачи.

Дальнейшим улучшением конструкции стало увеличение поверхности анода, для чего он был сделан четырёхкамерным. Уникальная конструкция позволила решить задачу, долгое время считавшуюся на Западе неразрешимой.

К концу декабря 1920 года было закончено изготовление новой генераторной лампы для Ходынской радиостанции. Мощность радиотелефонного передатчика составляла 5 кВт, что превышало суммарную мощность радиостанций Нью-Йорка, Парижа и Берлина. Сама радиостанция получила наименование «Центральная радиотелефон-

ная станция им. Коминтерна» или просто «Большой Коминтерн». Первый же день передачи пришли восторженные отзывы из отдаленных от Москвы городов – Ташкента и Иркутска.

Связисты из Иркутска (4000 км от Москвы), услышав человеческую речь в приемном устройстве, рассчитанном на запись телеграфных сигналов, сочли это настолько невероятным, что пытались объяснить необычный феномен «индукцией от городского телефона».

А дежурный телеграфист одной из радиостанций за Полярным кругом, «услышав человеческий голос вместо привычных знаков азбуки Морзе, в ужасе сбросил наушники и убежал».

Состоялась передача и за границу, в Берлин, но там еще не было такой мощной установки, и ответить по радиотелефону немецкие радисты не смогли. Причем звук был настолько четким, что глава советской делегации в Берлине А. М. Николаев легко узнавал голоса тех, кто вел разговор за 1600 км. Это был мировой рекорд на дальность переговоров. Позднее, в феврале 1921 года радиоспециалист германской компании подтвердил получение в Берлине передачи, которая «удивила руководство фирмы».

Вскоре началось сооружение Центральной радиотелефонной станции в Москве. Возглавить это сложное строительство было поручено специалисту НРЛ П. А. Острякову. Осенью 1922 года в Москве на Гороховской улице (ныне улице Радио) строительство было закончено. Но перед учеными встала еще одна сложная техническая проблема: для питания анода электронной лампы нужен был постоянный ток высокого напряжения. Обычно для этого использовались специальные высоковольтные динамо-машины. Но изготовить такую машину в короткий срок было весьма сложно. Выход был найден сотрудником НРЛ, талантливым инженером и ученым, позднее известным специалистом в области высокочастотной техники, членом-корреспондентом АН СССР В. П. Вологдиным, предложившим создать ртутный выпрямитель, хотя в зарубежной литературе тогда утверждалось, что надежные ртутные выпрямители на высокое напряжение изготовить невозможно. В марте 1922 года Вологдин закончил испытания оригинального трехфазного ртутного выпрямителя, позволявшего получить постоянный ток напряжением 10 кВт. Как писал П. А. Остряков, «высоковольтной ртутной колбой В. П. Вологдин опередил за границу».

15 сентября 1922 года состоялся первый радиоконцерт, переданный Центральной радиотелефонной станцией. Русскую музыку слушали во многих городах, жители были в восторге. Через день, 17 сентября 1922 года Нижегородская радиолaborатория была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Верхневолжскую набережную, где располагалась НРЛ, переименовали в Радионабережную, а Вознесенскую улицу в Москве, на которой была установлена радиовещательная станция, – в улицу Радио.

В Постановлении Правительства особенно отмечалась успешная научная деятельность М. А. Бонч-Бруевича и В. П. Вологодина. 7 ноября 1922 года был передан праздничный радиоконцерт с участием известных артистов. В столице он был воспроизведен «громкоговорящими телефонами» (громкоговорителями) на Театральной, Елоховской и Серпуховской площадях. С таким же телефоном по улицам Москвы разъезжал специальной грузовик.

Бонч-Бруевич продолжал совершенствовать лампу, добиваясь увеличения ее мощности. Если первые генераторные лампы имели мощность 1,25 кВт, то последующие достигали 2, 5 и 25 кВт. Таких ламп на Западе еще не было.

Помимо мощных радиостанций стала возникать потребность и в небольших, недорогих и компактных, которые освещали бы по радио жизнь на местах. Радиолaborатория в годы 1924–1927 построила 27 радиотелефонных передатчиков для областных городов. Они получили название «Малый Коминтерн». Первый экземпляр «Малого Коминтерна» получил Московский окружной союз работников связи. Второй уехал в Ленинград. А третий вполне заслуженно расположился в отечественной «столице радио» – Нижнем Новгороде.

Вскоре конструкция ламп Бонч-Бруевича с охлажденным анодом стала использоваться в Европе и Америке. Но, как это часто бывало в истории отечественной науки и техники, зарубежные фирмы (например, английская «Метро Виккерс») даже не упоминали автора идеи и конструкции. А немецкие радиоспециалисты решили собственными глазами убедиться в успехах русского ученого. Известный специалист в области электронных ламп А. Мейсснер, приехав в Нижний Новгород, подробно ознакомился с работами Бонч-Бруевича. Несколько лет назад никто бы не поверил, что немецкая фирма «Телефункен», которая была основным поставщиком радиоаппаратуры в дореволюционной России, закажет в НРЛ несколько мощных (25 кВт) генераторных ламп для одной из крупнейших немецких радиостанций.

К 1924 года НРЛ превращается в крупный научно-исследовательский институт в области радиотехники, который получил широкое признание за рубежом. К этому времени Бонч-Бруевич создал макет невиданной по размерам и мощности лампы: вместе с бачком для анода она превышала рост среднего человека. Ее мощность составила 100 кВт.

Грандиозный успех ожидал лампы Бонч-Бруевича в 1925 года на Скандинавско-Балтийской выставке в Стокгольме. В одном из шведских журналов писали: «...среди иностранных экспонатов прежде всего следует отметить изготовленные в Советской России приборы и лампы, между прочим большую 25 кВт лампу с водяным охлаждением – никто не подозревал о существовании в России столь большого и серьезного производства подобных внушительных радиоприборов». Немецкий радиотехнический журнал отмечал, «...что русские экспонаты показывают высокое развитие радиоиндустрии в России по сравнению с остальными европейскими странами».

Газета «ПрагерПресс» в статье «Радиолaborатория в Нижнем Новгороде» (29 ноября 1925 года) сообщала: «...эта лаборатория уже вошла в историю радиотехники за ее исследовательские работы. Недавно здесь были проведены опыты с короткими волнами. При помощи передатчика, построенного руководителем этой лаборатории профессором Бонч-Бруевичем (от 15 до 20 кВт), передачи были хорошо приняты в Чили и Порто-Рико, ... была достигнута дальность радиопередачи до Индонезийского архипелага».

В 1926–1927 годах нижегородцы сделали для Москвы новый передатчик мощностью 40 квт; он был установлен на Шаболовке, где ныне находится старый Московский телецентр. В этом передатчике действовали новые «медные» лампы Бонч-Бруевича мощностью по 25 квт. «Новый Коминтерн» испытали в Н. Новгороде 12 августа 1926 года, и включили в Москве 18 марта 1927 года; это был самый мощный телефонный передатчик в Европе.

Одна из лабораторий НРЛ под руководством А. Ф. Шорина впервые в мире применила быстродействующие буквопечатающие аппараты типа Бодо. Она же сконструировала громкоговорящие установки для радиотелефонии.

Двое сотрудников лаборатории – Федор Лбов и Владимир Петров в домашних условиях создали свой радиотелефонный передатчик. И в ночь на 16 января 1925 года они впервые вышли в эфир на коротких

волнах. Сигналы молодых людей принимали даже в Париже. Это был первый всесоюзный рекорд по сверхдальней связи на коротких волнах.

В конце 1925 года при Нижегородской организации радиолюбителей создается первая в стране секция коротких волн. А в 1928 году, благодаря усилиям радиолоборатории, в стране насчитывалось около 1 млн. радиолюбителей. Уже успешно эксплуатировалось 50 широкоэмиттерных станций в губерниях. НРЛ обеспечила надежную коротковолновую связь Москвы с Ташкентом, Владивостоком, Иркутском. За первое десятилетие своей работы Нижегородская лаборатория стала одним из самых знаменитых научно-производственных учреждений не только в России, но и за ее пределами.

Нижегородской лаборатории принадлежит заслуга в издании первых периодических радиотехнических журналов: «Телеграфия и телефония без проводов» («ТиТбп») и «Радиотехник», которые начали издаваться в Москве с 1918 года. Бессменным редактором этих журналов был видный ученый-радиофизик, профессор В. К. Лебединский, воспитавший несколько поколений крупнейших радиоспециалистов. Журналы были широко известны в стране, в иностранной печати часто публиковались статьи из «ТиТбп», его также выписывала Нью-Йоркская публичная библиотека.

В НРЛ была отдана дань и проблеме передачи по радио изображений. В марте 1921 г. Бонч-Бруевич показал на лабораторной беседе «радиотелескоп» с передающей панелью из фотоэлементов и приемной – из мелких лампочек, с механической разверткой на 200 точек.

В Нижегородской лаборатории работал молодой учёный Олег Владимирович Лосев, в 1922 году открывший кристаллический гетеродин (кристадин), легший в основу современного учения о полупроводниках.

Заслуги НРЛ снова были отмечены Правительством: в 1928 году лаборатория была награждена вторым орденом Трудового Красного Знамени.

В связи с развитием отечественной радиоиндустрии возникла потребность в реорганизации НРЛ и передаче ее в распоряжение ВСНХ – Высшего совета народного хозяйства. В конце 1928 года коллектив научных сотрудников и инженеров, а также все разработки и научно-технические исследования были переданы в Центральную радиолобораторию в Ленинграде. Часть НРЛ послужила основой для создания Центральной военно-индустриальной лаборатории (ЦВИРЛ) в Нижнем Новгороде, впоследствии ставшей заводом им. Фрунзе.

Е. И. Подрепный

КРЫЛЬЯ НИЖЕГОРОДСКОГО «СОКОЛА»

Нижний Новгород издавна был авиационным городом. Здесь родился летчик Петр Николаевич Нестеров, заложивший в нашей стране основы высшего пилотажа. В начала прошлого века в Канавине работал завод «Ремвоздух», который ремонтировал и строил самолеты тех лет – «Авро», «Мораны», «Фарманы» и другие.

Нижегородский авиастроительный завод «Сокол» – детище первой советской пятилетки. 21 октября 1929 года Совет Труда и Оборона СССР принял постановление о строительстве в Нижнем Новгороде авиационного завода, получившего номер 21. Строительство предприятия было начато 2 мая 1930 года в районе деревень Костариха и Ратманиха. Часть жителей этих деревень были строителями завода, а затем стали его работниками.

Для подготовки высококвалифицированных рабочих организовали контору по подготовке кадров. Началось строительство жилого поселка.

В феврале 1932 года была пущена первая очередь предприятия. «Двадцать первый» стал первым заводом страны, который специализировался на выпуске самолетов-истребителей. Первым истребителем нижегородского производства стал И-5 конструкции Николая Николаевича Поликарпова и Дмитрия Павловича Григоровича. Этот маневренный биплан был самым массовым советским истребителем в начале 1930-х годов. В 1935 году конструкторы завода Алексей Андреевич Боровков и Илья Флорентьевич Флоров создали двухместный вариант И-5, получивший обозначение УТИ-4 (учебно-тренировочный истребитель). Изготовление самолета велось под руководством будущего главного инженера завода Бориса Васильевича Куприянова.

В 1934 году под руководством директора Евгения Ивановича Миросникова началось освоение скоростного истребителя И-16. И-16 стал четвертым типом самолетов, выпускавшихся заводом № 21. В дальнейшем его варианты назывались И-16 тип 10, тип 17, тип 24 и т.п. Первые образцы И-16 испытывал шеф-пилот завода № 21 Валерий Павлович Чкалов. В испытаниях самолеты также участвовали летчики завода Петр Павлович Павлушов, Иван Андреевич Квасов, Леонид Михайлович Максимов, Николай Григорьевич Алифанов. Фердинанд Фердинандович Меч.

В 1935 году начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии Яков Иванович Алкснис предложил заводу построить новый истребитель по требованиям военных. Решить эту задачу поручили коллективу конструкторов во главе с Боровковым и Флоровым. Они задумали соединить достоинства маневренных бипланов и скоростных монопланов, так появился самолет «7211» или, «семерка», как его называли заводчане. 6 мая 1937 года летчик Леонид Максимов совершил на нем первый полет.

За выдающиеся успехи в деле снабжения Красной Армии скоростными истребителями и успешное освоение новой техники завод № 21 имени Серго Орджоникидзе в декабре 1936 года был награжден орденом Ленина.

Завод дал стране около 8 тысяч самолетов И-16, которые составляли основу истребительной авиации страны Советов до 1941 года. Его конструктор Н. Н. Поликарпов в 1936–1938 годах был главным конструктором завода № 21.

В конце 1940 года правительство приняло решение об организации на Горьковском авиазаводе производства цельнодеревянного истребителя ЛаГГ-3. Главным конструктором завода стал знаменитый в будущем Семен Алексеевич Лавочкин (1900–1960). Вслед за горьковчанами выпуск ЛаГГ-3 налаживали в Таганроге, Ленинграде и Новосибирске, а завод № 21 был головным по его выпуску.

Конструкция ЛаГГ-3 сильно отличалась от прежнего И-16, что потребовало значительной перестройки работы завода. Несмотря на это, в шесть месяцев 1941 года предприятие освоило его серийное производство. Конвейер сборки ЛаГГ-3 уже занимал половину сборочного цеха, а на второй половине продолжался выпуск И-16.

В предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны заслуженный авторитет умелых организаторов производства имели директора завода Алексей Сергеевич Сухарев, Петр Николаевич Голубков, Василий Павлович Воронин, Александр Федорович Гостинцев, Сурен Иванович Агаджанов.

В начале Великой Отечественной войны на фронт ушли сотни заводчан. Однако программу заводу постоянно увеличивали – фронт требовал восполнения огромных потерь, понесенных советской авиацией. Роль предприятия еще более возросла, когда практически все самолетостроительные заводы, включая Московский авиапромышленный

узел, эвакуировали на Восток. Тогда на наш и Саратовский завод легла основная задача по снабжению ВВС истребителями. В конце 1941 года доля Горьковского авиазавода в общем производстве истребителей СССР составляла 34–38%.

За образцовое выполнение заданий правительства по выпуску боевых самолетов завод № 21 в октябре 1941 года был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Поскольку ЛаГГ-3 не мог успешно конкурировать с немецкими истребителями, Государственный Комитет Обороны принял решение поставить вместо него на горьковский конвейер истребитель Як-7. Производство ЛаГГов на нашем заводе отстоял нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин, который поддержал предложение по модернизации истребителя. Конструкторам и производственникам следовало резко улучшить летные характеристики самолета. Они предложили установить на него звездообразный мотор воздушного охлаждения М-82. Предложение было принято. В марте 1942 года летчик-испытатель Григорий Андреевич Мищенко поднял воздух будущий Ла-5 (Лавочкин-5), ставший одним из лучших советских истребителей военного времени. По результатам испытания Государственный Комитет Обороны принял решение о серийном выпуске новой машины. Задача устранения недостатков самолета, о которых писали фронтовые летчики, легла на плечи серийно-конструкторского отдела завода, который возглавлял Евгений Иванович Миндров.

В каких условиях работали авиастроители, рассказал фронтовой летчик, Герой Советского Союза Эмир-Усеин Чалбаш, который в январе 1943 года принимал истребители Ла-5 в Горьком: «Мы на фронте смутно представляли, какие трудности и лишения переносил советский народ в тылу, обеспечивая фронт всем необходимым. Теперь лично убедились в том, будучи на заводе. Тяжелая это была картина. Люди сутками не выходили из цехов, голодные, в холоде. Трудился день и ночь, не считаясь ни чем, с одним только желанием: больше выпускать из цехов завода боевую технику. Характерно еще то, что подавляющее большинство рабочих и служащих составляли женщины и подростки 14–16 лет. Руками этих героических женщин и детей в труднейших условиях жизни изготовлялись детали, агрегаты, приборы и собирались боевые самолеты для фронта.

Помню: подошел я к подростку у токарного станка. Стоит парнишка на подставке – иначе не дотянуться до деталей, сосредоточен, на меня никакого внимания не обращает.

– Погоди, токарь! – говорю я ему. – Дело к тебе есть.

– Не могу, товарищ летчик, – отвечает. – Очень срочное задание, а смена-то кончается!

– Да погоди же! Возьми вот банку тушенки от летчиков-фронтовиков.

– Не могу, товарищ летчик. Вам лететь на фронт, а мы и так питаемся неплохо.

Только тогда я осознал полностью, чего стоило то обеспечение, которое получают фронтовики. Да, мы воевали, поминутно рискуя жизнью. Но как оценить мужественную самоотверженность этих безымянных подростков и женщин, вынесших на себе всю подспудную тяжесть самой жесточайшей в истории человечества войны?!

...Летчики, побывавшие в тылу, и увидевшие своими глазами, какой ценой достаются самолеты для фронта, сумели оценить этот титанический труд, сберегали до последней возможности свой самолет, рискуя собственной жизнью, стремились спасти свой самолет, поврежденный в воздушном бою».

В 1943 года на базе Ла-5ФН разработали истребитель Ла-7, на котором удалось увеличить объем топливных баков, облегчить самолет на 100 килограммов и повысить скорость до 680 км/час. Именно на это машине закончил войну трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб. Сейчас этот самолет хранится в Музее ВВС в подмосковном Монино.

Летом 1943 года большую группу заводчан наградили орденами и медалями СССР. Тогда же главному конструктору завода С.А. Лавочкину за выдающиеся заслуги в области создания новых конструкций самолетов-истребителей присвоили звание Героя Социалистического Труда. Всего же за период войны награды получили 587 работников завода № 21.

К 1944 году производство самолетов и их агрегатов перевели на конвейер. Темп выпуска достигал 26 машин в сутки. Завод дал стране за годы войны 16 324 истребителя.

В 1946 году перед заводом была поставлена задача освоить выпуск цельнометаллических истребителей Ла-9, вчерашние плотники

стали дюральщиками, слесарями-сборщиками и клепальщиками. Серийное производство самолетов Ла-9 продолжалось в Горьком с 1946 по 1948 год. Его развитием стал Ла-11, который выпускался с 1947 по 1951 год и стал последним советским истребителем с поршневым двигателем. Эти самолеты участвовали в войне на Корейском полуострове в 1950–1953 годах.

В 1946 году на заводе было организовано опытно-конструкторское бюро ОКБ-21, руководителем которого стал Семен Михайлович Алексеев, бывший заместителем С. А. Лавочкина, соавтор истребителей Ла-5 и Ла-7, а впоследствии известный конструктор авиационных средств спасения, Герой Социалистического Труда.

Последним серийным истребителем конструкции Лавочкина стал Ла-15, который завод строил в 1948–1949 годах. Эта машина была заменена прославленным истребителем МиГ-15 конструкции Артема Ивановича Микояна и Михаила Иосифовича Гуревича. Началась эпоха МиГов на нашем заводе!

В 1953 году директором завода стал Александр Ильич Ярошенко, именем которого названа улица в Московском районе Нижнего Новгорода. При нем «визитной карточкой» завода № 21 стали сверхзвуковые истребители МиГ-19 – первый отечественный сверхзвуковой серийный истребитель и МиГ-21 – «политическое оружие» СССР, как его называли на Западе. МиГ-19 выпускался по лицензии в Китае и Чехословакии. Горьковский завод поставил за рубеж в 37 стран более 1800 самолетов МиГ-21. МиГ-21 воевал в небе Ближнего Востока и Вьетнама. На его счету и несколько сбитых американских стратегических бомбардировщиков В-52.

Главным инженером завода в это время был Талгат Фатыхович Сейфи, один из основателей системы обеспечения высокого качества продукции, которая до сих пор успешно работает на заводе «Сокол».

В 1960-е годы на заводе имени С. Орджоникидзе начался выпуск «стальной машины» – МиГ-25 в варианте разведчика и истребителя-перехватчика. На заводе сварка стала основным технологическим процессом. Для выпуска новой машины был построен и новый сборочный цех. Много труда в новый самолет вложил главный технолог завода Герой Социалистического Труда Василий Александрович Мюрисеп.

Истребитель МиГ-31 авиазавода «Сокол»

6 июля 1966 года летчик-испытатель ОКБ Микояна Александр Васильевич Федотов впервые поднял в воздух горьковский МиГ-25. В 1970 году по просьбе правительства Египта МиГ-25Р провели аэрофотосъемку израильских позиций на Синайском полуострове. Ни один тогдашний истребитель, ни американский «Фантом», ни французский «Мираж», ни зенитные ракеты «Хок» не смогли ничего сделать этой стальной птице. В этих полетах участвовал заводской летчик-испытатель Владимир Гаврилович Гордиенко, впоследствии – Герой Советского Союза. Всего было построено более 1100 самолетов МиГ-25. Разведчик МиГ-25Р до сих пор состоит на вооружении ВВС России.

Развитием МиГ-25П стал перехватчик МиГ-31. В настоящее время он составляет основу истребительной авиации ПВО России. В его создание большой вклад внесли главные конструкторы завода Евгений Иванович Миндров и Валерий Георгиевич Дробышевский. Завод выпустил около 400 самолетов МиГ-31.

В это же время на заводе начал выпускаться учебно-боевой самолет МиГ-29УБ, который поставляется на экспорт до сих пор во многие страны мира. Недавно завод «Сокол» освоил выпуск палубного варианта машины для Индии.

В трудное время перехода к рыночной экономике во главе коллектива завода стояли Владимир Михайлович Помолов и Василий Харлампиевич Панков. Гордостью завода стал первый самолет, построенный в новой России – учебно-боевой Як-130, который в настоящее время поступает на оснащение Военно-воздушных сил Российской Федерации.

В настоящее время авиастроительный завод «Сокол» совместно с Нижегородским техническим университетом имени Р. Е. Алексеева готовит кадры будущим авиастроителям с высшим образованием.

За свою историю нижегородские авиастроители дали Родине более 43 тысяч самолетов, в основном истребителей. Недаром ветераны завода с гордостью говорят: «История нашего завода – это история истребительной авиации страны!»

Ф. А. Селезнев

ВАЛЕРИЙ ЧКАЛОВ

Кто-то приходит в этот мир с криком. А Валерий Чкалов родился без сознания. Младенца долго отхаживали. Результата не было. Потом подпалили тряпку из холста и дали понюхать. Будущий ас пилотажа чихнул и только тогда закричал. Так он вышел из первой в жизни трудной ситуации. А сколько терний ещё будет на его пути!

Чкалов родился в том краю, через который когда-то шли рати владимирских князей, чтобы в Городце пересечь на сделанные здешними мужиками ладьи и дальше плыть по Волге. Это была земля корабелов, речников, технарей, мастеров на все руки. Таким был и отец будущего великого летчика, Павел Григорьевич Чкалов, мастер-котельщик. Построенный им дом, стоит в Чкаловске до сих пор. Правда, уже на новом месте. Ведь большая часть старого Василева на дне Горьковского моря. Дом Чкаловых перенесли из зоны затопления. Жаль было губить память о знаменитом земляке. Да и дом сам по себе настоящий шедевр. В нем 7 комнат – больших, вместительных. Они прекрасно отапливаются огромной, на несколько комнат

печью, которая даёт не только тепло, но и горячую воду (внутри вмонтирован бак с краном).

Отец мечтал сделать Валерия образованным человеком и в 1916 году послал его учиться в знаменитое Александровское техническое училище в город Череповец. Там готовили специалистов по судоремонту. В дорогу Павел Григорьевич смастерил удобный сундук-чемодан. (Он тоже сохранился в Чкаловском музее). Только вот через два года с этим же сундучком сын, не доучившись, вернулся обратно. Впрочем, вины его в том не было. В стране царил послереволюционный разуха. Училище закрылось. (К счастью, не навсегда; сейчас – это Череповецкий лесомеханический техникум им. В. П. Чкалова).

Дома пятнадцатилетний паренек начал работать с отцом подручным молотобойца. Потом поступил кочегаром на пароход «Баян». Однажды, работая в кочегарке, Валерий услышал звук какого-то очень сильного двигателя. Выскочил на палубу и впервые в жизни увидел самолет. Юноша с восхищением смотрел на прекрасную железную птицу. Любовался ее лакированными плоскостями, блеском металлических частей мотора. Им овладело непреодолимое желание стать летчиком. Было это летом 1919 года.

Еле дождавшись конца навигации, Чкалов отправился в Нижний Новгород. Туда в 1918 году из Витебска был эвакуирован воздушный парк № 4, занимавшийся ремонтом и сборкой самолетов. Его работники являлись военными служащими. Бригадиром там был односельчанин Валерия Павловича. Он посоветовал земляку добровольно призваться в Красную армию и попросить направление в воздушный парк. Валерий так и сделал. Так будущий ас стал учеником-сборщиком самолетов и досконально изучил материальную часть крылатых машин.

Теперь он хотел сам подниматься в небо. Но сначала нужно было овладеть необходимыми пилоту знаниями. И Валерий добился направления в Егорьевскую теоретическую школу Рабоче-Крестьянского Воздушного Флота РСФСР. 18 августа 1921 года красноармеец Валерий Чкалов был зачислен в её списки. Через год курсантам присвоили звания красных командиров и направили весь выпуск в только что открывшуюся в Борисоглебске 2-ю военную школу летчиков Красного Воздушного флота. Там они должны были научиться применять свои знания на практике. В Борисоглебске, на рязанской земле, Чкалов впервые поднял машину в воздух.

Его инструктор, позднее вспоминал: «Сидишь иной раз в учебном полете на инструкторском месте и чувствуешь, как этот малец, не налетавший ещё десятка часов, заставляет машину подчиняться своей воле, властвует над ней». Неудивительно, что Чкалова в числе лучших курсантов в октябре 1923 года направили в московскую школу высшего пилотажа. Завершается же его летная подготовка тремя месяцами учебы в Серпуховской школе воздушной стрельбы и бомбометания.

Памятник Валерию Чкалову

Летом 1924 года Валерий Чкалов был направлен для дальнейшего прохождения службы в Ленинградскую 1-ю Краснознаменную истребительную эскадрилью. Вскоре он стал одним из лучших летчиков соединения. Ему и ещё одному хорошему пилоту эскадрильи доверили участие в больших маневрах Балтийского флота. Дали задание: в сильную непогоду разыскать в море флагман «Марат» и сбросить на палубу вымпел. Прошло два часа, а летчиков все не было. Наконец вернулся напарник Чкалова с докладом, что корабль не найден. Все были озабочены судьбой Валерия: судя по времени, горючее он должен был уже истратить. И вдруг Чкалов звонит по телефону, с сообщением, что задание выполнил, но бензина хватило лишь на то, чтобы дотянуть до Ораниенбаума.

Страсть к риску, талант взять от самолета, всё, что он может дать – в этом был весь Чкалов. Смелый до дерзости, он однажды совершил невозможное: пролетел под Троицким мостом в Ленинграде. В другой раз, чтобы произвести впечатление на свою молодую супругу (в 1927 году Чкалов женился на ленинградской учительнице Ольге Ореховой) летчик-молодожен пролетел на перевернутом вверх брюхом самолете на очень низкой высоте. Начальство, естественно,

выкрутасы Чкалова раздражали. Большинство его экспериментов заканчивалось гауптвахтой. В конце-концов, терпеть его выходы руководству надоело, и из Ленинграда его перевели в Брянскую авиаэскадрилью (март 1928). Но и там он продолжал свои рискованные воздушные опыты.

Один из них едва не привел к трагедии. Ведя звено истребителей на предельно малой высоте, Чкалов врезался в телеграфные провода. В результате – трибунал и приговор (октябрь 1928): год тюрьмы. Друзья (а их у Валерия Павловича было множество) принялись за него хлопотать. Да и высшее летное руководство понимало, что такие профессионалы, как Чкалов нужны авиации. В дело вмешался сам начальник ВВС П. И. Баранов, который выхлопотал у Всесоюзного центрального исполнительного комитета (ВЦИК) помилование для талантливого пилота. Через 19 дней заключения тот вышел на свободу. Но из армии его уволили. Мастеру высшего пилотажа пришлось устроиться на работу летчиком-инструктором в ленинградское отделение ОСОАВИАХИМа (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству; эта организация, занималась военно-патриотическим воспитанием молодежи).

Среди мальчишек, которых Валерий Павлович научил летать, был знаменитый в будущем авиаконструктор Антонов. Но, конечно, Чкалов был рожден для большего. И наконец-то его таланту было найдено подходящее применение. Баранов направил восстановленного в воинском звании Чкалова в Научно-исследовательский институт ВВС в Москве (ноябрь 1930). Он должен был испытывать новые модели самолетов. Теперь риск стал его профессиональной обязанностью, а выявление предельных возможностей машины – частью ежедневной работы.

За два года работы в НИИ молодой летчик совершил более 800 испытательных полетов, освоил технику пилотирования тридцати типов самолетов. Среди них был и истребитель И-5 конструкции Н. Н. Поликарпова.

Прославленный в будущем конструктор в ноябре 1929 года был арестован ОГПУ. Обвинение (участие в «контрреволюционной вредительской организации») грозило расстрелом. Однако Поликарпова не казнили, а направили в Особое конструкторское бюро, где он и разработал И-5. В 1931 году понаблюдать за показательным боем самолетов этой марки прибыли Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. За

*В. П. Чкалов с сыном Игорем и женой Ольгой Эразмовной
(фото Н. Капелюша, 1936 г.)*

штурвалами находились Чкалов и его напарник Анисимов. Они творили в небе такие чудеса, что Поликарпова амнистировали. После этого его карьера пошла резко вверх.

А вот у Чкалова опять возникли трения с руководством. Его новаторство вызывало испуг. Слишком часто летчик восставал против старых авиационных норм. В результате его обвиняют в нарушении правил полета и наказывают. Кончается дело увольнением.

Между тем в это время в советской авиации происходили большие перемены. В 1932 году начальником Главного управления авиационной промышленности был назначен Петр Баранов. Он взял в свое ведение Московский авиационный завод № 39 имени В. Р. Менжинского. Это предприятие Баранов сделал базой опытного самолетостроения в СССР. В январе 1933 года там было образовано Центральное конструкторское бюро во главе с Ильиным. Начальником бригады № 2 ЦКБ стал Н. Н. Поликарпов. Подбирая летчиков-испытателей, он, естественно, сразу вспомнил о Чкалове.

Так Валерий Павлович оказался на заводе имени Менжинского. Здесь его талант, благодаря доверию Поликарпова, раскрылся в полной мере. Создавая свой новый высокоскоростной истребитель И-16 с убирающимися шасси, Поликарпов часто советовался с Чкаловым. Валерий Павлович наблюдал за всеми стадиями создания самолета, следил за изготовлением деталей, проверял работу отдельных уже готовых механизмов.

2 мая 1935 года был назначен авиационный парад. На аэродром приехали Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. В их присутствии Валерий Павлович показал чудеса высшего пилотажа, продемонстрировав гостям отличные возможности машины Поликарпова. Через три дня конструктор и испытатель получили главные советские награды – ордена Ленина. А И-16 стали серийно производить в Москве, Горьком, Новосибирске. Главным был горьковский авиационный завод № 21, который выпустил более восьми тысяч «ишачков». В формулярах сотен И-16 значилось: «Самолет испытан. Годен к эксплуатации в строевых частях ВВС. В. Чкалов».

Один из самолетов И-16 сейчас находится в Чкаловске, в музее героя. Рядом с ним в музейном ангаре красуется легендарный АНТ-25. Военная модификация этой машины А. Н. Туполева задумывалась как первый советский дальний бомбардировщик. Чтобы проверить его летные качества самолет с 1934 года начали пробовать в дальних перелетах. В сентябре 1934 года рекорд по продолжительности полета (12 тыс. км за 75 часов) на нём установил экипаж М. М. Громова. Но он двигался по кольцевому маршруту. Нужно было испытать машину в настоящем дальнем перелете. В августе 1935 года это предстояло сделать экипажу Сигизмунда Леваневского (маршрут Москва – Северный полюс – Сан-Франциско). Перелет имел и огромное пропагандистское значение. Он должен был показать всему миру успехи советской техники. Но над Ледовитым океаном в машине обнаружилась течь масла. Пришлось вернуться обратно.

После этого для совершения воздушного броска через Арктику был сформирован экипаж под командованием Чкалова. Вторым пилотом стал Георгий Байдуков, который летал с Леваневским. Штурманом был Александр Беляков. Отправлять самолет сразу на полюс, руководство страны не рискнуло. Был определен более безопасный маршрут: Москва – земля Франца-Иосифа – Северная Земля – Петропавловск-Камчатский.

Экипаж стартовал 20 июля 1936 года. Из-за погодных условий полет оказался невероятно труден, особенно на заключительном этапе – над Охотским морем. Видимость была очень плохой. Дождь и туман застилали путь. Пришлось подняться над облаками. Но тогда самолет обледенел. Летчики решили пойти на снижение. Самолет летел над гребнями волн бушующего моря. Становилось все темнее. Из Москвы пришла радиограмма прекратить полет и приземлиться при первой возможности. Чкалов посадил машину на острове Удд (ныне остров Чкалова) между Сахалином и материком.

На обратном пути летчики делали посадки в Красноярске, Омске, других городах. Везде их торжественно встречали. Их портреты не сходили с первых полос газет. Все трое были удостоены звания Героев Советского Союза. В Москве их лично встречал Сталин. С этого момента Чкалов стал известен всей стране.

Теперь уже можно было лететь и в Америку. Старт самолета АНТ-25 состоялся 18 июня 1937 года. 20 июня экипаж Чкалова благополучно приземлился в американском городе Ванкувер (штат Вашингтон, США).

26 июля 1937 года Чкалова встречала вся Москва. Он стал всенародным любимцем. Разумеется, гордились им и земляки. 12 декабря 1937 года Валерий Павлович Чкалов стал депутатом Верховного Совета СССР от Горьковской области и Чувашии.

Несмотря на депутатство, Чкалов продолжал испытывать новые самолеты. Это была его работа. Работа, сопряженная с ежедневным риском. 15 декабря 1938 года Валерий Чкалов поднял в воздух самолет И-180 конструкции Поликарпова. Уже при заходе самолета на посадку двигатель остановился. Чкалов пытался посадить самолет вне площади занятой жилыми домами и погиб. На месте падения самолета на Ходынском поле (в настоящее время это район дома № 52, корпус 2 по Хорошевскому шоссе) установлен мемориальный камень. А в Горьком был установлен памятник этому обаятельному и бесстрашному человеку, ставший одним из символов города. Взор великого летчика, отлитого в бронзе, устремлен ввысь – в небо, на пути к которому он преодолел столько терний.

Ф. А. Селезнев

ГОРЬКОВСКИЙ АВТОЗАВОД: МАШИНЫ ДЛЯ РОССИИ

История успеха может быть не только у отдельного человека, но и у целого предприятия. С чего она начинается? История Горьковского автозавода началась с умело заключенного договора с американцами. Согласно этому документу, подписанному 31 мая 1929 года автомобильным королем Генри Фордом, его компания «Форд мотор» обязалась предоставить СССР лицензии, патенты и всю проектную и техническую документацию на производство легкового и грузового автомобилей «Форд». В том числе и на их новые модели, которые будут создаваться в течение времени действия договора (9 лет). Вдобавок Форд обещал учить наших специалистов в Америке, а своих инженеров прислать для наблюдения за установкой и вводом в действие оборудования в СССР. И за все за это советская сторона должна была всего лишь купить у Форда 72 тысячи его машинокомплектов!

Для сборки автомобилей из фордовских комплектующих создавались два завода. Один в Москве (Автосборочный завод № 2, будущий АЗЛК), другой в Канавине, на базе завода «Гудок Октября» (Автосборочный завод № 1). Первый советский грузовой форд под звуки оркестра плавно съехал с его конвейера 1 февраля 1930 года.

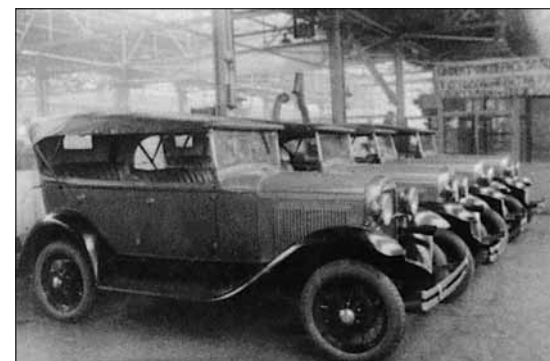
За городской чертой Канавина, на пустыре у деревни Монастырка, предстояло взметнуться ввысь корпусам нового автомобильного завода, который должен был уже сам изготавливать автомобили по фордовской лицензии. Руководило его постройкой государственное управление «Автострой» при техническом содействии американцев (акционерное общество «Остин компани»). Начальником управления «Автостроя» стал Степан Семенович Дыбец, которому найти общий язык с заокеанскими партнерами было очень легко. Он ведь когда-то двадцатилетним юношей уехал на заработки в США, прожил там 10 лет и вернулся в Россию только после Февральской революции.

В 1920-е Дыбец был уже хозяйственником с большим опытом. Под его руководством осенью 1929 года работа у Монастырки закипела полным ходом. Огромная территория на левом берегу Оки была быстро очищена от кустарников и мелколесья. Овраги и ямы засыпали. От завода «Двигатель революции» и станции Доскино к строительной

площадке протянули железнодорожные ветки. На Оке создали механизированный порт для приема грузовых барж.

На возведение гигантского предприятия были брошены все ресурсы Нижегородского края. Его руководитель А. А. Жданов лично следил за ходом работ. Директорам нижегородских заводов пришлось отдать в распоряжение Автостроя квалифицированных рабочих и специалистов. С бирж труда на стройку направлялись безработные. (Одному из них, Виталию Грачеву, впоследствии предстояло стать знаменитым автоконструктором). Вербовщики Автостроя поехали по нижегородским деревням. На селе в это время было несладко: шла массовая коллективизация, начинались раскулачивания. Поэтому многие деревенские мужики в это время стремились покинуть родные места. Сначала они работали на Автострое землекопами, грузчиками, плотниками. Потом многие из них связали свою судьбу с Автозаводом. Среди них был и знаменитый в будущем Александр Бусыгин. Он родился в деревне Колеватовское (теперь – Ветлужский район), был плотником на Автострое. А потом стал кузнецом на ГАЗе и прославился своими трудовыми достижениями. В честь него даже назван проспект в Нижнем Новгороде.

В ноябре 1931 года «сказка из железа и бетона» как назвал Нижегородский автозавод поэт Демьян Бедный, стала явью. В январе 1932 года НАЗ был принят в строй действующих предприятий, как Нижегородский автомобильный завод имени В.М. Молотова (тогдашнего председателя Совета Народных Комиссаров СССР). А в 19 часов 15 минут 29 января 1932 года под крики «Ура!» с конвейера сошел первый полутонный грузовик – НАЗ-АА (он был воспроизведением Форда-АА).

*1 декабря 1932 г.
Первые легковые
автомобили ГАЗ-А*

4 июля 1932 года нижегородские полуторки отправились в длительный пробег по маршруту Нижний Новгород – Москва – Псков – Витебск – Смоленск – Москва – Нижний Новгород. Это испытание они выдержали.

В октябре 1932 года Нижний Новгород переименовали в Горький. Естественно Нижегородский автозавод стал «Горьковским», получив аббревиатуру «ГАЗ». Соответственно НАЗ-АА превратился в ГАЗ-АА. Он стал самым массовым советским грузовиком 1930-х годов. Благодаря ему СССР по производству грузовых машин вышел на первое место в Европе.

В том же 1932 году (8 декабря) в Горьком собрали две первые легковые машины. Это был ГАЗ-А, автомобиль с открытым верхом (кузов типа «фаэтон») и максимальной скоростью 95 км/ч. Его ходовые качества испытали в ходе двух автопробегов: зимнего – до Москвы и обратно (декабрь 1932 – январь 1933) и летнего – через пески пустыни Кара-Кум (1933). Эти испытания показали, что в Горьком научились делать автомобили фордовского уровня.

Однако сам прототип первой горьковской легковушки, Форд-А, отнюдь не был идеальной машиной. Особенно для российских условий. Во время автопробегов 1933 года это проявилось со всей очевидностью. Открытая машина совсем не годилась для русской зимы, рессоры и шасси были слабоваты для грунтовых дорог СССР. Поэтому уже осенью 1933 года на ГАЗе начали работу над новой легковой машиной. Её создателем стал Андрей Липгарт.

Выходец из обрусевшей немецкой семьи, он закончил знаменитое Московское высшее техническое училище и несколько лет работал в Научном автотракторном институте в Москве (НАТИ). Оттуда сам попросился на ГАЗ: молодой инженер жаждал приобщения к практике автомобилестроения. С 1933 по 1951 год – Липгарт главный конструктор Горьковского автозавода. Первым его детищем стал ГАЗ-М1 – знаменитая «эмка», автомобиль с цельнометаллическим кузовом типа «седан». Литера «М» означала «Молотовец» – завод, как мы помним, носил имя главы советского правительства.

В это время договор с компанией Форда ещё действовал (он был прекращен по обоюдному согласию в 1935) и, в соответствии с ним, ГАЗ получил техническую документацию на Форд V8-40 1932 года выпуска. Взяв за основу эту модель, Андрей Александрович Липгарт приспособил её к условиям России. Опытные образцы «Молотовца» были собраны уже в янва-

ре 1934 года. Два года машину «доводили до ума». Под её выпуск было начато строительство второй очереди Горьковского автозавода (1935).

Два первых ГАЗ-М1 сошли с конвейера 15 марта 1936 года. Обе машины тут же отправили в Москву: одну поездом, другую своим ходом. 17 марта на «эмке» прокатили Сталина и Молотова. За рулем был сам Липгарт. Сталин внимательно осмотрел его творение и остался доволен, сказав: «Дай Бог каждому такую машину!». «Эмка» стала гордостью молодого советского автопрома. В 1937 году она представляла достижения СССР на всемирной выставке в Париже.

Кроме легковых и грузовых машин «гражданского» назначения стране были нужны автомобили повышенной проходимости для армейских нужд.

Андрей Липгарт, ещё когда работал в НАТИ (1932), создал трехосный Форд-АА-НАТИ-30. Доводили эту машину уже на Горьковском Автозаводе в конструкторской группе спецмашин под руководством гения-самоучки Виталия Грачева. Здесь она получила название ГАЗ-ААА. Этот автомобиль представлял собой модификацию ГАЗ-АА. У газовой полуторки увеличили грузоподъемность до двух тонн, а задний ведущий мост заменили двухосной тележкой. Площадь соприкосновения колес с поверхностью земли увеличилась. Соответственно ездить по грунтовым дорогам стало намного легче. В 1934 ГАЗ-ААА пошёл в серию. Он использовался как грузовик и армейский тягач. На его базе делали также автобусы, спецавтомобили и броневики. В годы Великой Отечественной войны на шасси ГАЗ-ААА устанавливали системы реактивного залпового огня (знаменитые «катюши»).

На ГАЗе создали и легковую машину повышенной проходимости. Это был ГАЗ-61 – первый в мире комфортабельный внедорожник (1938, конструктор В. А. Грачев). Он мог преодолевать подъемы крутизной 38°. Во время Великой Отечественной войны на таком ездил Жуков.

Начало войны с Германией заставило Автозавод полностью перейти на выпуск оборонной продукции. Кроме внедорожников, тягачей, броневиков, полуторок на предприятии начали массовое производство легких танков Т-60 (затем освоили Т-70 и Т-80), танковых моторов, минометов, самоходных артиллерийских установок, реактивных снарядов для «катюш». Помимо этого ГАЗ (единственный в СССР!) изготавливал коляски к армейским мотоциклам.

Возглавлял предприятие в эти трудные годы Иван Кузьмич Лоскутов. Уроженец деревни Цветково (ныне Куженерский район

Марий-Эл), он окончил Ленинградский политех, в 1934 инженером-конструктором пришел на ГАЗ, а уже в 1938 году (в 38 лет!) стал директором автогиганта. Под руководством Лоскутова ГАЗ стал одним из крупнейших в стране поставщиков вооружений для фронта.

Для немцев Горьковский автозавод был как бельмо на глазу. С ноября 1941 года они своими авианалетами пытались вывести его из строя. Особенно яростно фашисты бомбили ГАЗ накануне Курской битвы, в июне 1943 года. Многие цеха тогда были разрушены или сильно повреждены. Погибли люди. Однако автозаводцы под руководством своего директора Ивана Лоскутова за 100 дней восстановили предприятие.

Во время июньских бомбежек едва не погибли чертежи нового массового автомобиля для мирного времени: в разгар войны Лоскутов и Липгарт мечтали о том, чтобы после победы над врагом ГАЗ начал выпуск красивых и доступных легковых машин. Уже в ноябре 1944 года на Автозаводе подготовили ходовой образец такого автомобиля. Это был ГАЗ-М20. В победном июне 1945 года Лоскутов и Липгарт представили эту машину Сталину. Тот сначала был против её пуска в производство. Он полагал, что стране нужны два типа легковой машины: автомобиль представительского класса (эту нишу уже занял восьмицилиндровый ЗИС-110) и малолитражка (ею станет Москвич-400). Между тем на ГАЗ-М20 предполагалось поставить мощный шестицилиндровый двигатель. Сталин сказал, что это слишком близко к ЗИС-110. Положение спас Липгарт. Конструктор доложил, что один из образцов имеет четырехцилиндровый мотор, который делает автомобиль очень экономичным. Сталин подобрел и разрешил Лоскутову назвать эту машину «Победой».

В отличие от довоенных советских автомобилей, «Победа» была не копией заграничных машин. Она сама задала новое направление в мировой автомобильной моде – прежде всего благодаря оригинальной форме кузова, который создавал очень малое аэродинамическое сопротивление. Но как абсолютно новая машина, «Победа», конечно, была «сырой». Между тем Лоскутов поторопился начать её выпуск (июнь 1946). И вскоре после начала производства на неё посыпались нарекания от потребителей. В результате последовало грозное постановление Совета министров СССР от 31 августа 1948 года о неудовлетворительном качестве автомобиля «Победа». Лоскутова в наказание с ГАЗа перевели директором завода в Ульяновске, где тогда собирали

газовские полторки. Сгустились тучи и над Липгартом. К счастью ему дали возможность устранить имевшиеся недостатки. И все от этого только выиграли. Усовершенствованная «Победа» полюбилась автолюбителям как исключительно прочная и выносливая машина. За её создание в 1950 году Липгарт получил Сталинскую премию.

В следующем году главный конструктор ГАЗа удостоился еще одной такой награды, на этот раз за автомобиль ГАЗ-М-12 «ЗиМ», выпускавшийся с 1950 года. Это была качественная машина представительского класса (но ниже по статусу чем «правительственный» ЗИС-110). Она использовалась как служебный автомобиль руководителей среднего звена, а также свободно продавалась в личное пользование граждан. Однако в силу высокой цены была доступна только видным ученым, известным писателям и спортсменам. Следует отметить, что ГАЗ-М-12 «ЗиМ» экспортировался в Финляндию и Швецию.

Ещё одну Сталинскую премию Липгарту дали за автомобиль ГАЗ-51, грузоподъемностью 2,5 тонны (ведущий конструктор А. Д. Просвирнин). Работа над ним началась ещё в 1937 году. В 1946 году ГАЗ-51 стали производить серийно, и изготавливали до 1975 года. Для своего времени это был шедевр мирового уровня. Водители не могли им нахвалиться: надежен, долговечен, проходим, легок в управлении.

Такие же высокие оценки получил от современников джип ГАЗ-69. И не только в СССР, но и в 56 странах мира, куда он экспортировался. Его серийное изготовление началось 15 июля 1953 года. Правда, в 1956 году его производство перевели в Ульяновск, и он превратился в УАЗ-69.

В середине 1950-х пришла пора обновить модельный ряд легковых машин ГАЗ. «ЗиМ» заменила шикарная «Чайка», а место «Победы» заняла быстро ставшая всенародной любимицей «Волга» ГАЗ-21.

Создателями «Волги» были главный конструктор завода Н. И. Борисов, ведущий конструктор по машине А. М. Невзоров и художник-конструктор Л. М. Еремеев. «Волга» ГАЗ-21 выпускалась с 10 октября 1956 по 15 июля 1970 года. Её прочный, хорошо защищенный от коррозии кузов и удобный салон тогда могли удовлетворить самого взыскательного потребителя. На часть автомобилей первого выпуска впервые в практике отечественного автомобилестроения устанавливалась автоматическая коробка передач. Отличительными чертами внешнего оформления машины были оригинальная решетка радиатора (сначала «акуля пасть» с 16 прорезями, а с 1962 – «китовый ус»,

состоявший из 37 вертикальных стоек) и знаменитый олень на капоте. В 1958 году «Волга» ГАЗ-21 была удостоена Гран-при на Всемирной выставке в Брюсселе, а в 1961 году ею, после полета в космос, наградили Юрия Гагарина. В начале XXI века «Волга» ГАЗ-21 является модным и престижным ретро-автомобилем. Она вдохновила известного режиссера Тимура Бекмамбетова на создание фильма «Черная молния» о летающем автомобиле, спасающем людей. В России и во многих зарубежных странах имеются клубы любителей этой машины. «Волгу»-21 приобрел Владимир Путин, прокативший на ней президента США Джорджа Буша.

Еще одним шедевром дизайнера «Волги» ГАЗ-21 Льва Еремеева стала «Чайка» (конструкторы В. С. Соловьев, Н. А. Юшманов, Н. Г. Мозохин и др.). Эта машина представительского класса выпускалась на Горьковском автозаводе с 16 января 1959 года. «Чайка» ГАЗ-13 отличалась обилием технических новшеств и разных «наворотов» (автоматическая коробка передач, гидроусилитель руля, электрические стеклоподъемники, радиоприемник с автоматической настройкой, противотуманные фары). Для этого автомобиля был разработан полностью новый восьмицилиндровый двигатель (он изготавливался на только что построенном Заволжском моторном заводе). В отличие от своего предшественника, ГАЗ-12, «Чайка» никогда не находилась в свободной продаже. На ней ездили министры и лидеры некоторых иностранных государств, например руководители социалистической Германии – Вальтер Ульбрихт и Эрих Хонеккер. Этой машиной была награждена первая женщина, побывавшая в космосе – Валентина Терешкова. Списанные из министерств «Чайки» после капитального ремонта нередко попадали во Дворцы бракосочетаний, где использовались в качестве свадебных лимузинов. В начале XXI века ГАЗ-13 – престижный ретро-автомобиль. 11 октября 2010 года президент России Д. А. Медведев прокатил на собственной «Чайке» губернатора Калифорнии, известного американского актера Арнольда Шварценегера.

«Чайка» стала первой машиной, выпуск которой начался при легендарном директоре ГАЗа, Иване Ивановиче Киселеве. Этот человек возглавлял предприятие дольше, чем кто-либо в истории. Эпоха Киселева продолжалась с 1958 по 1983 год. С его именем связана масштабная реконструкция ГАЗа. При нём был создан первый в стране цех точного литья по выплавляемым моделям, обо-

рудованный оригинальными автоматическими линиями. Впервые в мировой практике создается типовая автоматическая линия для изготовления литых тормозных барабанов. Были построены новые заводские корпуса. У Горьковского автозавода появились дочерние предприятия: первый в СССР специализированный Завод штампов и прессформ (1967), Завод коробок скоростей (1968), Заволжский завод гусеничных тягачей (1967).

Правой рукой Киселева стал Александр Дмитриевич Просвирнин. Он занимал должность главного конструктора 29 лет (с 1958 года) и существенно обновил модельный ряд газовских грузовиков. В эти годы Горьковский автозавод освоил выпуск автомашин ГАЗ-52 (1958–1989), ГАЗ-53 (1961–1993) и ГАЗ-66 (1964–1999).

Создателями ГАЗ-52 и ГАЗ-53 были конструкторы А. И. Шихов и В. Д. Запойнов. Эти автомобили имели одинаковую кабину, но были оснащены разными двигателями. На ГАЗ-52 стоял мотор шестицилиндровый, а на ГАЗ-53 – более мощный, восьмицилиндровый. Соответственно у них отличалась грузоподъемность. У ГАЗ-52 она была 2,5 тонны, а у разных модификаций ГАЗ-53 – 3, 3,5, 4 и 4,5 тонны. ГАЗ-53 стал самым массовым грузовиком советской эпохи. Таких машин было выпущено более 4 миллионов. Некоторые из этих машин до сих пор верно служат российским крестьянам.

Ведущим конструктором ГАЗ-66, легендарной «шишиги» был В. Г. Заворотный. Он создал полноприводный двухосной грузовик повышенной проходимости грузоподъемностью две тонны. На песке «шишига» брала подъемы крутизной 22°, а на сухом твердом грунте могла даже одолеть подъем в 37°. Её широко использовали в армии, в том числе в десантных войсках. В 1967 ГАЗ-66 удостоился золотой медали на Международной выставке в Лейпциге, а в 1969 первым из советских автомобилей получил государственный знак качества.

В том же счастливом для себя 1969 году Горьковский автозавод начал выпуск автомобиля «Волга» ГАЗ-24 (конструктор А. М. Невзоров, дизайнеры – Л. И. Циколенко и Н. И. Киреев). Её вместительный багажник особенно полюбился водителям такси – «Волгой» ГАЗ-24 обеспечивались все таксопарки Советского Союза. Кроме того, она использовалась милицией, была служебным автомобилем, а также являлась самой престижной машиной из тех, что находились в личном пользовании.

«Волга» ГАЗ-24 стала самой массовой легковой моделью в истории завода. Она выпускалась до 1992 года. За это время автомобиль дважды модернизировали, сначала в 1976–1978, потом 1985–1987 годах. (Её последней модификацией стала «Волга» ГАЗ-24-10).

ГАЗ продолжал выпускать и более престижные статусные автомобили. В 1977 году на заводе начали делать новую «Чайку» ГАЗ-14 (ведущий конструктор В. Н. Носаков, дизайнер С. В. Волков). Первый автомобиль пробной партии (он был красивого вишневого цвета) в декабре 1976 года, подарили на день рождения руководителю страны Леониду Ильичу Брежневу. Всего было выпущено чуть больше тысячи экземпляров. Они возили министров и крупных партийных руководителей. В 1988 году, когда началась борьба с привилегиями для партийного руководства, по личному указанию М. С. Горбачева эту машину выпускать перестали и уничтожили всю технологическую оснастку для её производства, включая кузовные штампы и рабочую документацию.

Больше повезло «директорской» «Волге» ГАЗ-3102. (Работа над ней велась под руководством главного конструктора Горьковского автозавода по легковым автомобилям Н. А. Юшманова). Она благополучно пережила бури «Перестройки» и выпускалась с 1982 по 2009 год.

В 1980-е годы Горьковский автозавод освоил производство грузовых автомобилей потреблявших более дешёвое горючее – газ и дизельное топливо. Сборка газобаллонных грузовиков была начата в 1981 году на базе ГАЗ-52 и ГАЗ-53. Это были соответственно ГАЗ-5227 и ГАЗ-5327.

В конце 1982 года был собран первый грузовой автомобиль ГАЗ-4301 с дизельным двигателем воздушного охлаждения (грузоподъёмность 5 тонн). Над машиной работала группа конструкторов во главе с А. Просвирниным и главным конструктором грузовых автомобилей А. Бутусовым. 3 августа 1983 года ГАЗ-4301 отправились в автопробег Горький – Ташкент – Памир. Первая опытно-промышленная партия была изготовлена 21 апреля 1984 года. Отличительной особенностью этого грузовика было то, что он мог эксплуатироваться не только одиночно, но и в составе автопоездов. На его базе выпускались также самосвалы.

Следует особо отметить, что дизельный двигатель для ГАЗ-4301 был самостоятельно разработан специалистами Автозавода. Для его производства ГАЗ начал в 1984 году строить собственный завод дизельных двигателей. Вообще, чтобы поставить на поток выпуск машин,

работающих на дизельном топливе, пришлось провести новую реконструкцию предприятия – самую крупную за всю историю завода. В её ходе у ГАЗа появились новые корпуса (прессового и кузнечного цехов) и производства (механосборочное, 1984; станкостроительное, 1987).

ГАЗ-4301 оказался на хорошем счету у водителей. Но в рыночных условиях его производство было свернуто (1996), поскольку исчез государственный заказ, а тогдашним предпринимателям и фермерам эта машина оказалась не по карману.

Непросто складывалась судьба и других газовских грузовиков, пришедших на смену семейству ГАЗ-52/53. Речь идет о ГАЗ-3307, серийно выпускавшемся с 1989 года, и ГАЗ-3309. Этот автомобиль с турбодизельным двигателем пошел в серию в 1994, но в 1997 его производство было приостановлено.

В советский период ГАЗ не испытывал проблем с реализацией продукции. Но в 1990-е войска резко сократили закупку новой техники, как и другие государственные структуры. По причине безденежья практически отказалось от новых машин село. А мелким предпринимателям не нужны были автомобили большой грузоподъёмности. В результате газовские грузовики на какое-то время почти лишились покупателей. Начались проблемы и у «Волги»: из ниши служебного и представительского автомобиля её постепенно вытеснили иномарки.

В это трудное время Горьковский автозавод спасла умница и красавица «ГАЗель», ставшая главной кормилицей предприятия. История этого проекта, признанного самого удачным в отечественном автомобилестроении конца XX – начала XXI веков изобиловала крутыми поворотами.

Начиная с 1960-х годов, советская экономика испытывала необходимость в легком и экономичном развозном грузовике. Такие машины закупались в дружественных СССР странах восточной Европы – Польше и Чехословакии. Но потребность в подобных автомобилях всё росла, по мере того как увеличивались советские города. И вот в 1980-е годы было решено наладить производство грузовых полупорок в Советском Союзе. Причём развернуть его предполагалось в аграрном Азербайджане. Чтобы создать там новые рабочие места, было решено построить Кировобадский автозавод. Заказ на разработку полупороки для Кировобада получил Научный автомобильный и автомобильный институт (НАМИ). А конструкторов с Горьковского автозавода пригласили участвовать в проекте как

экспертов-практиков. Работа шла своим чередом, но на Кавказе возникла угроза межнациональных конфликтов, и работы по полуторке перенесли на Ульяновский автозавод, а в качестве смежника привлекли автозавод из Люблина. (Это польское предприятие в своё время собирало ГАЗ-51, затем выпускало малотоннажный грузовичок «Жук»). Горьковских инженеров опять пригласили участвовать в проекте.

На ГАЗе уже тогда проявили интерес к полуторке. Но советское руководство, заинтересованное в экономическом единстве социалистических стран, передало всю техническую документацию в Люблин, с тем, чтобы выпускать машину в Польше. Между тем дружественное СССР польское правительство в 1988 году подверглось серьёзному натиску со стороны оппозиции. В Польше начались большие перемены, в результате которых она через пару лет перестала быть союзницей СССР. Стало ясно, что производство новой полуторки следует развернуть в Советском Союзе. ГАЗ предложил свою площадку, но получил отказ. Его счастливым соперником стал отнюдь не УАЗ, а Брянский автомеханический завод. В Брянске раньше делали армейские тягачи и ракетовозы, теперь завод решили перевести на выпуск гражданской продукции. Но дело там застопорилось, ведь подходящей под полуторку производственной базы у брянского завода не было.

Между тем в 1987 был принят закон о государственном предприятии, предоставивший советским заводам значительную самостоятельность. А в 1988 году вступил в силу закон о кооперации, и в СССР как грибы после дождя стали появляться негосударственные магазины и кафе. Их владельцам экономичная полуторка пришлась бы как нельзя кстати. И во тогда, в 1988 году директор ГАЗа Борис Петрович Видяев решил на свой страх и риск начать разработку собственного варианта полуторки в Горьком.

Новая горьковская машина стала первым отечественным автомобилем, созданным с применением передовых компьютерных технологий. Значительно ускорило работу то, что в конструкции газовской полуторки были широко использованы элементы, унифицированные с «Волгой». Главным разработчиком будущей кормилицы завода стал ведущий конструктор грузовых автомобилей В.Л. Четвериков. В создании семейства принимали участие конструкторы А. М. Бутусов, В. И. Давыдов, А. И. Кочетков, дизайнеры С. В. Волков, В. И. Фузеев.

В 1992 году были готовы три образца новой полуторки, получившей заводское обозначение ГАЗ-3302. Заместитель главного конструктора

завода В. Н. Носаков придумал для неё пришедшееся всем по душе название «ГАЗель». Сначала это был бортовой грузовичок. Его конвейерная сборка началась 20 июля 1994 года. Он сразу стал пользоваться огромным спросом. Причем не только в России, но и за рубежом. «ГАЗели» стали экспортировать в Германию, Чехию, Польшу, Венгрию, Алжир, Нигерию, Сирию, Турцию, Уругвай и другие страны. Специально для Южно-Африканской республики (страны с левосторонним движением) на ГАЗе создали машины с правым рулевым управлением.

С помощью «ГАЗели» завод занял ещё одну перспективную нишу на рынке. Весной 1996 года в продаже появились первые микроавтобусы ГАЗ-3221. Постепенно семейство «ГАЗелей» разрослось до 250 с лишним модификаций. Среди них – санитарные и милицейские кареты, инкассаторские бронеавтомобили, автолаборатории, автолавки, автомобили для коммунальных служб.

Между тем конструкторы ГАЗа не успокоились на достигнутом. В ноябре 1998 года завод начал выпуск ещё более легких, чем «ГАЗель» грузовых автомобилей «Соболь» (грузоподъемность 900 кг). «Соболя» тоже составили целое семейство: цельнометаллический фургон ГАЗ-3752, микроавтобусы ГАЗ-2217 и ГАЗ-22171 «Баргузин», бортовой грузовик ГАЗ-2310 и другие машины.

Горьковский автозавод не собирался упускать и традиционную для себя нишу среднетоннажных грузовиков. В 1999 на Московском автосалоне был представлен 4-х тонный низкорамный грузовик ГАЗ-3310 «Валдай» (пошел в серию в 2005 году). С 1999 года выпускается пришедший на смену «шишиге» 2-х и 2,3-х тонный ГАЗ-3308 «Садко», а с 2005 – 4-тонный грузовик повышенной проходимости ГАЗ-33086 «Земляк». В 2006 году к кабине ГАЗ-3309 присоединили спальный отсек – получился дальнобойщик «Добрыня».

В середине 1990-х амбициозные газовские конструкторы были готовы оседлать и производство легковых внедорожников. Их семейство было разработано ещё в 1995 году. Его основу составил полноприводной пикап ГАЗ-2308 «Атаман». На основе его платформы были созданы также внедорожники ГАЗ-3106 «Атаман»-2 (мощный универсал с пятью дверями) и джип ГАЗ-3120 «Комбат». Здесь нельзя не упомянуть и семейство «Тигров» – многоцелевых автомобилей повышенной проходимости, созданных на ГАЗе по заказу военного ведомства Объединенных Арабских Эмиратов.

Не забывают на ГАЗе и о совершенствовании свое главной рабочей лошади – «ГАЗели». 12 февраля 2010 года началось производство её самого современного и надежного варианта – семейства автомобилей «ГАЗель-бизнес». Несмотря на все трудности через которые пришлось испытать Горьковскому автозаводу в конце XX – начале XXI века, он по прежнему выпускает машины для России.

Ф. Б. Дроздов

ГОРЬКИЙ – ПРИФРОНТОВОЙ ГОРОД

Горький, как крупный промышленный центр страны, попал в поле зрения Германии еще в период разработки плана разгрома СССР, известного под названием «Барбаросса». Немцы рассчитывали в первых числах сентября 1941 года захватить Москву, а в начале октября – вступить в Горький.

Осенью 1941 года немецко-фашистские войска группы армий «Центр» наступали на Москву, войска Красной Армии вели на подступах к столице ожесточенные бои.

22 октября 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным, учитывая создавшееся тяжелое положение, принял решение об образовании в 46-ти городах комитетов обороны, в том числе и в Горьком. 23 октября в нашем городе был создан Горьковский городской комитет обороны. Возглавил его первый секретарь Горьковского обкома и горкома ВКП (б) Михаил Иванович Родионов.

Выполнение решений ГГКО было беспрекословным. Особой заботой этого органа было строительство оборонительных рубежей, которое было начато сразу же – в октябре 1941 года. К 10 ноября было решено построить Горьковский оборонительный обвод, а в срок до 15 ноября – оборонительные рубежи по реке Оке для обороны города Муром.

На строительные работы мобилизовали гражданское население, включая студентов вузов, учащихся старших курсов техникумов и учеников 9–10 классов школ. Всего в сооружении оборонительных укреплений участвовало 350 тысяч человек. Они рыли траншеи, противотанковые рвы, строили дзоты, устраивали завалы на лесных дорогах, устанавливали надолбы. К январю 1942 года строительство

оборонительного рубежа было завершено. Его протяженность составила 1134 км, было построено 2332 огневые точки, 4788 землянок.

За образцовое выполнение заданий ГКО по строительству оборонительного рубежа и обводов вокруг городов Горького и Мурома 80 участников строительства были награждены орденами и медалями. 10 тысяч 186 строителей оборонительного рубежа были отмечены Почетными грамотами городского комитета обороны, 873 человека – премированы.

Работа на оборонительных рубежах в области проводилась затем и в течение всего 1942 года, и лишь после победы нашей армии под Курском в 1943 году она была прекращена.

Немецкое командование стремилось разрушить крупнейший арсенал страны. За 1941–1943 годах на Горький были совершены десятки налетов вражеской авиации. На город было сброшено 1845 фугасных и 8 896 зажигательных авиабомб.

В июле 1941 года, для отражения вражеских налетов, началось формирование 90-го запасного зенитного артиллерийского полка. Полку предстояло сыграть важную роль в подготовке зенитчиков, как для защиты горьковского неба, так и для многих частей ПВО Красной Армии.

В августе 1941 года, когда противник совершал налеты на Москву, при помощи 90-го зенитно-артиллерийского полка был создан 196-й зенитно-артиллерийский полк – в дальнейшем главный защитник Горького от атак вражеских самолетов. В период Московской битвы Горьковскому району ПВО пришлось принять непосредственное участие в борьбе против немецкой авиации. Первый налет на город был совершен в ночь с 4 на 5 ноября 1941 года. В нем участвовали группы бомбардировщиков «Хейнкель-111» и «Юнкерс-88», всего до 150 самолетов. К городу прорвались лишь 11. Однако и они причинили значительный ущерб заводам им. Ленина, «Двигателю революции», Горьковскому автозаводу. Налет повторился с 5 на 6 ноября (из 150 самолетов прорвались к городу 14). Они нанесли урон жилым кварталам и ряду цехов Автозавода. Во время бомбардировки в эти дни погибло 127 горьковчан, было тяжело ранено – 176, легко – 195. После боев с гитлеровскими ВВС 8 ноября 1941 года Горьковский район ПВО со всеми частями и штабами был введен в состав действующей Красной Армии. В течение ноября 1941 года было совершено еще несколько налетов, особенно тяжелыми были налеты 12 и 14 ноября.

В горьковском небе немецкие самолеты появились вновь в начале февраля 1942 года. В ночь на 4 февраля одиночные самолеты с разных направлений и на разных высотах, приглушив моторы, прорывались к Горькому. Один самолет на большой высоте незамеченным прошел к Автозаводу и сбросил фугасные бомбы, повредив колесный и моторный цеха. В тот же день 4 февраля в вечернее время противник силами до 12 самолетов повторил налет.

Наиболее ожесточенный характер бои в горьковском небе приняли в июне 1942 года. Они совпали по времени с крупнейшим наступлением вермахта на Сталинград и Кавказ. Однако действия частей ПВО стали более эффективными, враг своих целей не достиг. Натолкнувшись на возросшее сопротивление частей ПВО г. Горького, противник во второй половине 1942 года отказался от массовых бомбардировочных налетов, перешел к полетам самолетов-разведчиков и лишь в отдельных случаях стремился нанести удары по заводам и фабрикам. И только в ноябре 1942 года гитлеровцы снова совершили крупный бомбардировочный налет на Горький. Был нанесен серьезный ущерб заводу «Нефтегаз», жилым кварталам. В конце 1942 года налетов вражеской авиации на Горький больше не было.

Воздушный противник появился вновь в Горьковском небе в феврале 1943 года. Особенно яростными налеты были летом 1943 года – накануне Курской битвы. С 5 по 22 июня 1943 года на город было совершено 25 авианалетов. Всего в них участвовало 655 самолетов врага, из них 100 прорвались к Автозаводу. На город было сброшено 1631 фугасных и 33934 зажигательных бомб. Вражеские бомбы разрушили некоторые корпуса Автозавода, в том числе главный конвейер. Но 35 000 горьковчан сумели восстановить разрушенное всего за 100 дней. А, согласно донесениям горьковских зенитчиков, над городом в июне 1943 года было сбито 23 вражеских самолета. В 1944 году налеты на Горький окончательно прекратились.

Жизнь в городах, в годы войны была тяжелой и суровой. Уже в 1941 году начались перебои с хлебом. Людям приходилось отстаивать огромные очереди, чтобы его купить. На рынках резко возросли цены на продукты питания. При зарплате квалифицированного заводского рабочего в 400–900 рублей мясо на рынке стоило от 60 до 100 рублей за килограмм, молоко 10–15 рублей за литр, масло 100–130 рублей за килограмм и т. д.

С 1 сентября 1941 года в самом городе Горьком, городах и поселках Горьковской области были введены карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия. Рабочим и инженерно-техническим работникам первой категории полагалось в день по 800 граммов хлеба, служащим – 500 граммов, второй категории соответственно 600 и 400 граммов хлеба, иждивенцам и детям до 12 лет отпускалось по 400 граммов. Позднее были введены карточки практически на все продукты питания: на крупу, мясо, жиры, а также на керосин и даже на дрова.

С наступлением зимы к городу подступил не менее беспощадный враг – холод. С потерей оккупированных врагом угольных бассейнов Донбасса и Подмосковья стала ощущаться острая нехватка топлива. Вместо угля необходимо было заготовить большое количество дров и торфа.

В июле 1943 года было принято решение о строительстве узкоколейной железной дороги Горький – Керженец. Горьковский машиностроительный завод дал металл, Кулебакский металлургический прокатал его и изготовил рельсы, «Красная Этна» выделила крепежный материал, «Красное Сормово» модернизировало старые паровозы. Железнодорожники отремонтировали вагонетки и помогли уложить пути.

На возведении железнодорожного полотна трудились люди всех возрастов и профессий. Путь от города до станции Керженец составил 52 километра. Весь он был разделен на 11 участков (по числу

Один из первых салютов Победы – в честь освобождения Киева. Ноябрь 1943 г

существовавших тогда городских районов), каждый район отвечал за строительные работы на своем отрезке. Через три месяца работы по прокладке дороги были окончены, все это позволило доставлять в город необходимое топливо. Одновременно была построена и другая узкоколейная дорога, связавшая Сормовский район с Каблуковским торфяным болотом.

Как ни тяжела и сурова в военный период была жизнь горожан, еще тяжелее приходилось труженикам деревни. Из сельских районов было призвано в армию большинство мужчин. На фронт же отправили 1000 тракторов и 80 тысяч лошадей. Поля возделывались вручную, пахать приходилось нередко даже на коровах. Тем не менее в 1942 году Горьковская область за высокие урожаи была удостоена переходящего Красного Знамени ГКО и второй премии. В 1943 году – самом тяжелом за все военное время – уборочные площади не только не уменьшились, но даже возросли на 6%. Всего за 1941–1945 годы Горьковская область поставила для нужд Красной Армии и Флота 794 964 тонны муки и крупы. Сдала государству 1 391 559 тонн хлеба, 355 987 тонн картофеля, десятки тысяч тонн овощей, мяса, масла и молока. За высокие показатели в развитии сельского хозяйства в 1942 году Горьковская область была удостоена переходящего Красного Знамени ГКО. 9 000 сельских тружеников были награждены правительственными наградами.

Жители городов приходили на помощь колхозникам. В 1943 и 1944 годах в область выезжало более 240 тысяч горожан. Промышленные предприятия осуществляли шефство над колхозами, оказывали им помощь в ремонте техники, изготовлении запасных частей. Научные сотрудники Горьковского сельскохозяйственного института разработали метод скоростной сушки овощей (картофеля, лука), который успешно применялся в колхозах области.

Студенты и преподаватели вузов помогали сельским жителям в весеннем севе и уборке урожая. Организованный осенью 1942 года сбор колосков школьниками дал стране дополнительно сотни центнеров зерна.

Поскольку Горький был прифронтовым городом, сюда привозили много раненых. Здесь же разместились и люди, эвакуированные из областей занятых врагом. 24 июня 1941 года был создан Совет по эвакуации при Совнаркомом СССР, на котором было решено, что Горь-

ковская область станет важнейшей эвакуобазой и госпитальной базой тыла страны.

Первый военно-санитарный поезд № 347 прибыл в Горький 11 июля 1941 года в 16 часов, а в 18 часов все раненые были доставлены в госпитали. За период Великой Отечественной войны в госпиталях Горьковской области находилось на лечении 422 949 солдат и офицеров. За годы войны на фронт было отправлено 92 202 литра крови, в госпитали области – 17 127 литров. 500 доноров-горьковчан получили награды.

В Горьком и области было сформировано 143 эвакуогоспиталя. Кроме того, было принято и размещено 28 передислоцированных из других областей эвакуогоспиталей. Всего в разные периоды войны в Горьковской области работал 171 эвакуогоспиталь на 71 640 коек. Мемориальные таблички на многих зданиях нашего города до сих пор напоминают об этом.

Кроме того, к февралю 1942 года горьковчане приняли и разместили на территории области 175 тысяч эвакуированных, из них 45 тысяч детей из Ленинграда, Москвы, Белоруссии, Латвии, Литвы и т. д., для которых было организовано 135 детских домов. В Шатки была вывезена девочка из блокадного Ленинграда Таня Савичева, дневник которой стал одной из улик против нацизма на Нюрнбергском процессе.

В городе расселить такое количество приезжих было невозможно, поэтому большая часть их, особенно женщины и дети, отправили в сельские районы области. В городах области был взят на учет каждый квадратный метр жилой площади, под жилье были заняты дворцы культуры и клубы.

Эвакуация населения часто проводилась в спешке, поэтому многие эвакуированные уезжали, не успев захватить с собой теплую одежду, обувь, иногда не имели даже сменного белья. Властям на местах приходилось оказывать им денежную помощь, решать вопросы трудоустройства, обеспечения топливом, определять детей в детские сады.

В годы Великой Отечественной войны в Горьковской области на 1 января 1941 года было 28 детских домов (2 267 детей), а на 1 января 1943 года – 147 детских домов (11 739 детей). В них, кроме горьковских, находились дети, эвакуированные из Латвии, Литвы, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, а также 48 детей из Польши. В Краснобаковском районе в доме отдыха «Лесной курорт» с начала войны и до июня

1944 года размещался международный детский интернат, в котором жили и воспитывались более 730 детей работников Коминтерна.

Для лечения больных детей в ряде районов области были открыты санатории. Здравница обкома ВЛКСМ – самое крупное детское оздоровительное учреждение – обслуживало в месяц до 300 детей фронтовиков.

Особо следует сказать, что Горький стал местом формирования целого ряда воинских частей, которые прямо отсюда были направлены на фронт.

Ф. Б. Дроздов

ПОДВИГИ ВОИНОВ-ГОРЬКОВЧАН НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

С 23 июня 1941 года в Горьковской области началась мобилизация призывников 1905–1918 годов рождения. Горьковчане 1919–1921 годов рождения уже были в рядах Красной армии и первыми встретили врага.

В июне 1941 года в Горьком было организовано 10 пунктов сбора военнообязанных. Они располагались в школах, Дворце культуры завода № 92 (ныне Нижегородский машиностроительный завод), в клубе им. Кримова, на стадионах «Водник», «Торпедо». Через эти пункты ежедневно проходило 800–1000 человек. В первый же день войны в военкоматы г. Горького поступило 5 486 заявлений с просьбой об отправке на фронт, а в области – 10 000. Всего в годы войны из города Горького и Горьковской области в Красную армию было призвано 884 тысячи человек. И это, не считая тех, кто уже служил в вооруженных силах к 22 июня 1941 года.

В Горьком и области были сформированы:

- 2 гвардейских корпуса,
- 16 стрелковых дивизий,
- 17 танковых и механизированных бригад,
- 4 стрелковых бригады,
- 3 артиллерийских бригады

и многие другие части – всего свыше 70 частей и соединений Красной Армии.

137-я стрелковая Бобруйская дивизия участвовала в ликвидации Орловского плацдарма немцев, первой форсировала Десну, освободила Украину и Белоруссию, первой вступила на территорию южной Пруссии.

Героическим был путь 322-й стрелковой Житомирской дивизии; 279-й стрелковой Лисичанской, над полками которой шефствовали горьковчане; 85-й гвардейской стрелковой Рижской; 89-й гвардейской стрелковой Белгородско-Харьковской; 8-го гвардейского танкового корпуса; Горьковско-Варшавского дивизиона бронепоездов; ряда артиллерийских полков и других соединений, которые формировались в Горьком и области.

118-я стрелковая дивизия (с апреля 1943 года – 85-я гвардейская стрелковая Рижская) начала формироваться на территории Шахунского района Горьковской области. Дивизия освобождала Калининскую, Смоленскую, Псковскую области и Латвию. Она участвовала в операциях Ржевско-Вяземской и Смоленской в 1943 году, Режице-Двинской и Рижской в 1944 году, окружении и ликвидации курляндской группировки немецких войск в 1945 году.

В Горьковской области в годы войны было создано народное ополчение, на 25 июля 1941 года в Горьком в его состав записалось 61 000 человек. 72 отряда народного ополчения из Горьковской области приняли участие в битве за Москву.

В годы войны город Горький и область стали одним из центров подготовки командиров для Красной Армии. Офицеры готовились в Горьковском училище имени Фрунзе, 3-м Горьковском танковом училище. В Семенове дислоцировалась Краснознаменная высшая офицерская артиллерийская школа ордена Ленина, в поселке Правдинск – Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище ордена Ленина, в селе Абабково Павловского района – Ленинградское военно-топографическое училище. В Кстовском районе располагался второй офицерский танковый полк. В 1944 году в Горький была переведена Высшая офицерская школа технических войск Красной Армии.

Подготовкой и переподготовкой военных специалистов занимался один из крупнейших в стране – Горьковский автобронетанковый центр. В нем готовили танкистов не только на боевые машины отечественного производства – но и на английские и американские танки, которые поставлялись в Советский Союз.

В Горьком размещался первый отряд вновь строящихся кораблей ВМФ. Младших лейтенантов готовила 1-я стрелковая бригада.

Промышленные объекты и важные стратегические сооружения охраняли созданные в Горьком истребительные отряды. Они должны были вести борьбу с вражескими десантами и разведгруппами. Позднее на базе горьковских истребительных отрядов были созданы истребительно-партизанские подразделения, выполнявшие задания командования Западного и Северо-Западного фронтов. Они действовали в тылу врага в Московской, Ленинградской, Смоленской, Псковской и других областях.

Высокого звания Героя Советского Союза за подвиги в годы Великой Отечественной войны было удостоено 334 горьковчанина (из них 271 человек из города Горького), 51 человек стали полными кавалерами ордена Славы. Более 300 тысяч горьковчан награждены боевыми орденами и медалями. Среди наших земляков – Героев Советского Союза – имеются представители всех родов войск: 111 пехотинцев, 76 летчиков, 51 артиллерист, 33 танкиста, 19 саперов, 12 моряков, 6 связистов, 4 партизан, 2 кавалериста. Многие награждены посмертно.

В честь воинов-горьковчан в нашем городе названы многие улицы: Безрукова, Васильева, Иванова, Ивлиева, Кузьмина, Ляхова, Ларина, Маслякова, Никонова, Овчинникова, Бориса Панина, Попова, Поющева, Прыгунова, Сидорова, Сутырина, Фильченкова, Юрина.

Первым Героем Советского Союза – горьковчанином еще в 1938 году стал Павел Афанасьевич Семенов. Он же был прообразом главного героя одного из культовых советских фильмов «Парень из нашего города», его сыграл знаменитый советский актер Николай Крючков. Семенов – уроженец Сормово – служил в танковых войсках. В 1937 году его отправили инструктором в Испанию, где тогда в разгаре была гражданская война. Добровольцы со всего света добивались на Пиренейский полуостров, чтобы вступить в ту самую первую в двадцатом веке схватку с фашизмом. Республиканские войска и интернациональные бригады воевали в основном на советской боевой технике. «Комарадо Пауло», как называли испанцы старшего лейтенанта Павла Семенова, предстояло на деле продемонстрировать испанским товарищам преимущество наших танков Т-26 и БТ-5 над итальянскими и германскими машинами. И не только продемонстрировать, но и научить испанцев, управляться с этими танками на поле

боя, сражаться и побеждать. В одном из боёв в течение 24 часов Павел Семёнов вместе с экипажем танка, у которого была сорвана гусеница, отстреливался от наседавших мятежников. Был ранен, но отверг предложение фашистов сдаться в плен. Израсходовав боеприпасы, под покровом темноты советские танкисты сумели выбраться из танка и вернулись в часть. В апреле тридцать восьмого «комарадо Пауло» был отозван на Родину. И, отрапортовав о прибытии, узнал, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1938 года ему, Павлу Афанасьевичу Семенову, присвоено звание Героя Советского Союза.

С первых дней Великой Отечественной Павел Семенов – теперь уже командир танковой роты, а потом и батальона – снова в бою. Он был смертельно ранен во время отчаянной контратаки батальона своих «тридцатьчетверок» на прорвавшегося к Сталинграду противника в августе 1942 года. В боевом донесении командира танковой бригады за тот день указывалось, что «брошенный в контратаку батальон капитана Семенова уничтожил 26 танков, 14 бронемашин, 68 грузовиков с боеприпасами, топливом и другими грузами, истребил до 400 человек пехоты противника...»

Уроженец села Арефино Вачского района Зиновий Григорьевич Колобанов 19 августа 1941 года установил непревзойденный мировой рекорд. Экипаж его танка КВ-1 в одном бою уничтожил 22 немецких танка, а всего ротой З. Г. Колобанова в этом бою было уничтожено 43 танка 6-й танковой дивизии немцев (около 20% от общего количества всех танков дивизии), наступавшей на Ленинград. За этот бой Колобанов получил орден Красного Знамени.

Генералы Василий Георгиевич Рязанов и Арсений Васильевич Ворожейкин стали Героями Советского Союза дважды.

Василий Георгиевич Рязанов родился 25 января 1901 в посёлке Большое Козино, ныне Балахнинского района Нижегородской области. Во время Великой Отечественной войны был заместителем командующего ВВС 5-й армии; командиром 76-й авиадивизии; командующим маневровой группой ВВС Юго-Западного фронта. В 1942 году Рязанова назначают командиром 1-го штурмового авиационного корпуса. Этот корпус под командованием Рязанова воевал на Калининском и Воронежском фронтах, на Курской дуге, уничтожал корсунь-шевченковскую группировку противника.

Арсений Васильевич Ворожейкин родился в 1912 году в деревне Прокофьево Городецкого уезда Нижегородской губернии. В годы войны командовал эскадрилей 728-го истребительного авиационного полка, затем 32-м истребительным авиационным полком. К январю 1944 года А. В. Ворожейкиным было совершено 78 боевых вылетов. Всего на его счету лётчика-истребителя около 400 боевых вылетов, 52 сбитых лично самолёта противника (из них 6 – на Халхин-Голе) и 14 в группе. Он – один из наиболее результативных асов советской истребительной авиации.

Бессмертный подвиг экипажа капитана Гастелло повторили восемь горьковчан-нижегородцев, семеро летчиков совершили тараны в небе войны, восемь воинов из Горьковской области закрыли своими телами амбразуры вражеских дотов и дзотов.

Матрос с корабля «Минск», бывший работник Горьковского автозавода Евгений Никонов в августе 1941 г., находясь в составе разведгруппы под Таллином, попал в плен. Осколком вражеской гранаты балтиец был ранен и потерял сознание. Когда Никонова привели в чувство, гитлеровский офицер приступил к допросу: он хотел получить от разведчика сведения о численности морского отряда, о частях, защищающих Таллин, о том, где проходит линия наших укреплений. Никонов молчал. Офицер повторял вопросы, добавив, что если моряк будет говорить откровенно, то ему сохранят жизнь. Его начали жестоко избивать, Никонов молчал. Гитлеровцы кололи его тело ножами, вырывали волосы, жгли лицо горящими сигаретами, но никакие пытки не сломали железную волю бойца. Взбешенный упорством Никонова фашистский офицер приказал сжечь матроса живьем. Евгения привязали к дереву и под ногами разожгли огонь. Теряя сознание, он крикнул: «Товарищи, отомстите!». За это подвиг Евгению Никонову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Николай Дмитриевич Фильченков родился в 1907 году в селе Курилово ныне Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. В 1941 году он – начальник клуба 18-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота, политрук. Во главе группы из пяти моряков 7 ноября 1941 года в районе села Дуванкой под Севастополем отражал атаки противника, пытавшегося пробиться к городу. Группа вступила в единоборство с двадцатью двумя фашистскими танками и десять из них уничтожила, враг был остановлен. В критический

Первый эшелон демобилизованных горьковчан на подходе к городу

момент боя политрук Фильченков с последними гранатами бросился под вражеский танк. За этот подвиг ему также было присвоено звание Героя Советского Союза.

В марте 1943 года юго-западнее Харькова, у железнодорожного переезда в селе Тарановка, совершили свой бессмертный подвиг 25 бойцов стрелкового взвода лейтенанта Широнова 78-й гвардейского полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии. Со 2 по 6 марта 1943 года взвод выдержал несколько боёв за переезд. 5 марта противник предпринял самую мощную попытку захватить переезд с тем, чтобы на занятые позиции могли выйти бронепоезда для обстрела Харькова. Позиции взвода атаковали 35 немецких танков и бронемашин. Единственное 45-миллиметровое орудие, имевшееся во взводе, было уничтожено в первые минуты боя, однако бойцы огнём из противотанковых ружей, гранатами и бутылками с зажигательной смесью уничтожили 16 танков и бронемашин, и огнём из пулемётов и пистолетов-пулемётов уничтожили свыше 100 солдат противника. Несколько бойцов взвода бросились с гранатами под вражеские танки,

жертвуют своими жизнями. В ходе ожесточённого боя большая часть взвода погибла. В живых осталось только 6 человек. Все погибшие бойцы взвода похоронены в братской могиле в селе Тарановка. За этот бой широнинцев стали называть украинскими панфиловцами. 8 марта 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР все воины из взвода Широнова были удостоены звания Героев Советского Союза. Среди гвардейцев-широнинцев было и два наших земляка – Иван Николаевич Силаев, уроженец села Новиково Арзамасского района Нижегородской области и Андрей Аркадьевич Скворцов, уроженец села Стрели (ныне переименовано в честь героя в Скворцово) Варнавинского района Нижегородской области.

При форсировании Днепра совершил свой подвиг Георгий Масляков, пулеметчик 234-го гвардейского стрелкового полка. Он родился в Нижнем Новгороде в 1925 году. В 1943 окончил школу № 23 и был призван в армию. 28 сентября 1943 года в составе группы из девяти бойцов одним из первых преодолел Днепр в районе села Мысы Репкинского района Черниговской области. Захватив участок на вражеском берегу, бойцы сумели его удержать, чем способствовали форсированию реки своим полком. Защищая этот плацдарм, молодой горьковчанин погиб смертью храбрых. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Рядом с лицеем № 40 в Нижнем Новгороде стоит бюст Георгия Маслякова.

Сварщик Горьковского автозавода Юрий Смирнов воевал в составе 77-го гвардейского стрелкового полка 26-й гвардейской стрелковой дивизии. В ночь на 24 июня 1944 года Юрий Смирнов участвовал в ночном танковом десанте. В бою за деревню Шалашино под Оршей был тяжело ранен и захвачен противником в плен. 25 июня фашисты после жестоких пыток распяли Смирнова на стене блиндажа, искололи его тело штыками. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 октября 1944 года гвардии младшему сержанту Смирнову Юрию Васильевичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиги наших земляков относятся не только к периоду войны с Германией, но и к боевым действиям против Японии в 1945 году. Выпускник Горьковского речного училища Николай Вилков был боцманом плавбазы «Север» в Петропавловске-Камчатском на Тихом океане. 18 августа 1945 года в составе десанта он освобождал курильский остров Шумшу от японских захватчиков. В бою была отбита контра-

така противника, уничтожено 8 японских танков. Но когда десантники пошли на штурм высоты, то попали под огонь дзота. Тогда Вилков и матрос Пётр Ильичёв подползли к дзоту и забросали его гранатами. Когда десантники вновь поднялись в атаку, японские пулемёты заработали снова, и тогда Вилков и Ильичёв закрыли своими телами амбразуры вражеской огневой точки. Бюст Николая Вилкова установлен у общежития Нижегородского речного училища.

Звания Героя Советского Союза были удостоены некоторые из горьковчан, воевавших в партизанских отрядах. Это – Василий Иванович Ренов, уроженец Княгининского района, Иван Иванович Сергунин из Сосновского района. С городом Горьким связана и биография легендарного партизанского командира Антона Петровича Бринского. Он поселился здесь после войны, стал известным писателем.

Однако далеко не всем фронтовикам удалось выжить.

С 1994 года выходит Книга Памяти нижегородцев, погибших в годы войны. В ней содержатся данные почти на 360 тысяч наших земляков, не вернувшихся с полей Великой Отечественной. Из них:

более 140 тысяч погибших,
около 40 тысяч умерших от ран,
4 тысяч погибших в плену,
свыше 160 тысяч пропавших без вести...

Ф. Б. Дроздов

ГОРЬКОВСКИЙ КРАЙ – КУЗНИЦА ПОБЕДЫ

Успех Советской Армии ковался в глубоком тылу. С самого начала войны Горький стал крупнейшим промышленным центром по производству оружия, военной техники и боеприпасов.

В 1930-е годы Горьковская область производила впечатление гигантской стройки. Ни один из городов Советского Союза в то время не мог сравниться с Горьким по количеству строящихся объектов и по размаху строительства.

Накануне Великой Отечественной войны многие предприятия наряду с мирной продукцией стали выпускать военную технику,

Самоходные артиллерийские установки СУ-76

оборудование, снаряжение. Из 194 предприятий Горьковской области в начале 1941 года 44 работали на оборону. За 1941–1943 годы в городе и области начали свою работу 22 новых завода, из них 13 – эвакуированных в наш регион с территорий, оккупированных немцами.

Выпуск средних танков был возложен на завод «Красное Сормово». С 1 июля 1941 года он перешел на серийный выпуск танков Т-34 и боеприпасов для реактивной и обычной артиллерии. Танк Т-34 был признан специалистами лучшим танком Второй мировой войны. Это признавали даже наши противники. Немецкий генерал Эрих Шнейдер писал: «Танк Т-34 произвел сенсацию. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76-миллиметровой пушкой, снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5–2-х тысяч метров, тогда как немецкие – не более 500 метров и то лишь в том случае, если попадали в бортовую или в кормовую часть танка Т-34». Немецкий фельдмаршал Клейст написал еще проще: «Их Т-34 был лучшим в мире».

Рекордное количество танков (51 сверх запланированной нормы) завод «Красное Сормово» произвел во время Сталинградской битвы. В 1943 году впервые в мире в ходе модернизации на заводе внедрили автоматическую сварку. Вскоре сормовичи произвели модернизацию «тридцатьчетверки», на ней установили 85-миллиметровую пушку. На таких танках – Т-34-85 – наши воины заканчивали войну, входили в Вену, Прагу, Берлин.

В январе 1942 году завод «Красное Сормово» возобновил и выпуск подводных лодок.

На базе Горьковского автозавода, Выксунского завода дробильно-размольного оборудования и Муромского паровозоремонтного был организован выпуск легких танков Т-60, Т-70 и Т-80, а с 1943 года – самоходных установок СУ-76. Здесь же, на ГАЗе, выпускались танковые моторы, бронеавтомобили, самоходки, минометы, бронебойные и реактивные снаряды для «катюш». Продолжалось производство автомобилей, в том числе повышенной проходимости. Именно на автозаводе были созданы первые отечественные джипы – ГАЗ-64 и ГАЗ-67. В 1942 году прямо с завода знаменитые «полторки» ГАЗ-АА направлялись на фронт, в том числе на знаменитую «Дорогу жизни», по которой шло снабжение блокадного Ленинграда. Они первыми выходили на едва окрепший лед Ладожского озера и последними сходили с его ледяных трасс.

Производство истребителей ЛаГГ-3 было организовано на авиационном заводе № 21 (ныне предприятие «Сокол») и его филиалах. В 1943 году на смену ЛаГГ-3 пришел более совершенный истребитель Ла-5, а в следующее году – Ла-7. Именно на Ла-7 воевал и одержал многие свои победы знаменитый ас, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. В 1943 году специалисты завода разработали и успешно применяли способ восстановления самолетов, потерпевших аварию, ремонт которых до этого считался невозможным.

Абсолютный мировой рекорд по выпуску артиллерийского вооружения принадлежит Горьковскому заводу № 92 (ныне Нижегородский машиностроительный завод). Во время войны он дал фронту сто тысяч пушек (всеми остальными заводами СССР было произведено 86 тысяч пушек, на заводах гитлеровской Германии и ее союзников – 104 тысячи). На такие мощности завод вышел за рекордные сроки: до войны

*Генерал-майор
Е. Э. Рубинчик, директор
завода «Красное Сормово»
в годы Великой
Отечественной войны*

предприятие производило по три-четыре пушки ежедневно, а уже через месяц после начала войны – 35 в день, с середины 1942 года – по сто пушек. Мировая военная индустрия не знала ничего подобного. Шедевром конструкторской мысли мировые авторитеты признали дивизионную пушку ЗИС-3. Это было первое в мире орудие, поставленное на поточное производство и конвейерную сборку. Только за первые 2,5 года войны было спроектировано 27 образцов различных орудий. Снаряды, выпущенные из 57-миллиметровой пушки ЗИС-2, в начале войны прошивали любой немецкий танк насквозь и улетали дальше. Точность попадания в цель была настолько велика, что из пушки можно было поразить отдельно стоящего человека.

Минометы собирались на заводах «Двигатель революции», «Красная Этна», а также на Автозаводе.

До 1943 года главным поставщиком установок реактивной артиллерии («катюш») был Завод фрезерных станков. Осенью 1941 года на фронт было отправлено 14 дивизионов (117 установок) реактивной артиллерии. Они сыграли огромную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

А реактивные снаряды для «катюш» выпускались сразу на тридцати машиностроительных предприятиях области.

Борский стекольный завод в сентябре 1941 года организовал выработку стекла «сталинит», шедшего для изготовления прозрачной брони самолетов штурмовой и истребительной авиации.

Завод им. Ульянова – единственный в стране – производил специальную судовую электроаппаратуру для судостроения, береговых установок и кораблей Военно-морского флота.

Радиотелефонный завод им. В. И. Ленина изготавливал радиостанции для самолетов и кораблей. Он был поставщиком переговорных устройств для всех видов военной техники.

Завод им. М. В. Фрунзе освоил выпуск радиостанций для танков, самоходных установок и бронетехники.

Шесть химических заводов Дзержинска также выпускали продукцию для фронта. В июне 1941 года Чернореченский химический завод сумел за 36 часов смонтировать установку по производству самовоспламеняющейся жидкости «КС» («коктейля Молотова»). Завод имени Свердлова производил половину всей взрывчатки, выпускавшейся в стране, что позволяло делать свыше 3 миллионов снарядов, мин и авиабомб в месяц.

Многих ушедших на фронт мужчин на заводах и фабриках заменили представительницы слабого пола – 3 из каждых 5 горьковских тружеников в годы войны – женщины.

На завершающем этапе войны горьковская промышленность являлась важнейшим арсеналом страны. Выпуск продукции для фронта на ряде заводов увеличился в 4–5 раз, а по некоторым предприятиям – в 10 и более раз. К примеру, в начале 1945 года сормовичи отправили на фронт танк под номером 10000.

Всего за 4 года войны промышленность Горького и области дала фронту: танков, самоходок, бронемашин – 38 318 (37,0% общесоюзного производства), в том числе: танков Т-34 – 10 159 (10,2%), самолетов – 16 324 (11,3%), орудий – 101 673 (23,9%), подводных лодок – 22 (43,1%).

В годы войны на предприятиях города рождались новые почины и формы соревнования за усиление помощи фронту. Молодой сормович Федор Букин 3 июля 1941 года выполнил план на 200%. На митинге, проходившем в этот день на заводе, он обязался каждый день работать и давать продукцию не только за себя, но и за ушедшего на фронт товарища. Так появилось слово «двухсотник». Об этом 10 июля 1941 года написала газета «Комсомольская правда» и у Букина нашлись последователи: сначала на заводе «Красное Сормово», Автозаводе, на заводах города и области. Позже движение «двухсотников» охватило всю страну. Их стали называть «действующей армией тыла». Вскоре появились «трехсотники», «пятисотники» и даже «тысячники». Движение с каждым годом ширилось и росло.

В августе 1941 года «двухсотников» было 200 человек; в январе 1942 – 2900; в январе 1943 – 7830; в январе 1944 – 9540; в январе 1945 – 10 318 человек.

В октябре 1941 года на Автозаводе стали создаваться комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Первые бригады возглавили В. Шубин, В. Тихомиров, И. Якименко и другие. К примеру, Василий Шубин за 4 года выполнил 24 годовых задания.

В годы Великой Отечественной войны на фронте многие бойцы, особенно легчики, снайперы, артиллеристы вели личный счет сбитым самолетам, подбитым танкам, уничтоженным солдатам противника. Комсомольцы завода «Красная Этна» ввели личные счета производственников – бойцов тыла. Вместо отметок об уничтоженной боевой

технике или убитом фашисте делали в лицевых счетах записи о дневной выработке. Лицевые счета многих тысяч горьковских комсомольцев были свидетельством их трудового героизма в тылу. Комсомольцев с солидным лицевым счетом стали называть «гвардейцами тыла».

К выполнению всевозможных оборонных заказов привлекли и школьников. Им поручалась несложная работа: изготовление лыжных палок, черенков для саперных лопат, топорич; пошивка белья, варежек, наволочек, обметывание петель, пришивка пуговиц к одежде и т. п.

Огромное значение для обороны страны имел самоотверженный труд горьковских ученых, конструкторов, инженеров. Весомый вклад в разработку и совершенствование вооружения внесли конструкторы Василий Гаврилович Грабин (разработка артиллерийских орудий), Семен Алексеевич Лавочкин (создание истребителей Ла). За успешную разработку конструкции легкого танка коллективу конструкторов автозавода во главе с Андреем Александровичем Липгартом и Николаем Александровичем Астровым дважды присваивалась Сталинская премия. За разработку проектов боевого корабля в 1942 году была присуждена Сталинская премия коллективу конструкторов ЦКБ-18.

В годы войны профессором Сергеем Сергеевичем Четвериковым в Горьковском университете был проведен уникальный эксперимент по выведению новой породы китайского дубового шелкопряда, приспособленного к климату среднерусской полосы. Это был заказ для оборонной промышленности – коконы шелкопряда использовались для изготовления парашютного шелка.

Уже в первые дни войны повсеместно начали возникать различные формы патриотического движения «В помощь фронту». Труженики города и деревни отчисляли в Фонд обороны страны часть своего заработка, вносили добровольные взносы; работники искусства проводили спектакли и концерты. С начала войны по 1 октября 1943 года в Фонд обороны страны от населения г. Горького и области поступило 328 миллионов 896 тысяч рублей, в том числе на строительство танков и самолетов – 310 миллионов 22 тысячи рублей.

В мае 1942 года комсомольцы авиационного завода имени Орджоникидзе объявили о сборе средств на строительство авиационной эскадрильи имени Зои Космодемьянской. Для этого собирали металлолом, устраивали концерты, оставались на сверхурочные работы.

15 июня 1942 года эскадрилья самолетов имени Зои Космодемьянской вылетела на фронт.

Молодые автомобилестроители выступили с инициативой сбора средств на танковую колонну «Горьковский комсомол».

По инициативе горьковских и муромских железнодорожников на их деньги были построены в начале 1942 года бронепоезда «Козьма Минин» и «Илья Муромец», которые вошли в состав 31-го Особого Горьковско-Варшавского дивизиона бронепоездов.

В декабре 1942 года прозвучал призыв колхозников Чкаловского района собрать средства на строительство эскадрильи самолетов «Валерий Чкалов». На 28 января 1943 года собрали 110 миллионов 194 тысячи рублей на постройку авиаэскадрильи имени В. П. Чкалова и 200 тысяч рублей на строительство эскадрильи имени Александра Невского.

На средства, собранные школьниками области, были построены 7 танков и самолет «Горьковский пионер».

Всего на средства, собранные трудящимися Горьковской области, на 1 июня 1943 года было построено 48 танков, 3 бронепоезда и 6 самолетов.

Движение горьковчан было одобрено руководством страны. Правительственные телеграммы содержали слова благодарности. Одна из них, за подписью И. В. Сталина, была направлена 9 апреля 1943 года трудящимся Свердловского (ныне Нижегородского) района г. Горького и выражала благодарность за сбор средств на танковую колонну.

Осенью 1941 года начался сбор теплых вещей для воинов Красной армии. С начала войны по сентябрь 1943 года от населения области поступило 27 тысяч полушубков, 11 тысяч жилетов, 29 тысяч ватных костюмов, 77 тысяч пар валенок, 86 тысяч шапок-ушанок.

В годы войны стало доброй традицией к знаменательным датам – Новому году, Дню Советской армии, 1 Мая, годовщине Великого Октября, посылать воинам подарки. В воинские части были переданы сотни тысяч килограммов различного продовольствия: колбасы, мяса, сахара, меда, сыра, печенья, конфет, миллионы банок консервов, а также огромное количество мыла, табака, папирос, различных предметов первой необходимости. Всего в период войны горьковчане отправили на фронт 133 вагонов подарков – более 800 тысяч посылок.

В блокадный Ленинград было отправлено 128 вагонов с продовольствием.

В 1943 году одними из первых отправились на восстановление разрушенного Сталинграда 300 выпускников школ ФЗО (фабрично-заводского обучения) г. Горького. Каждое предприятие и учреждение нашего города стремилось хоть что-нибудь выделить для героического города. Весной 1943 года в помощь ему было отправлено 7 железнодорожных эшелонов, 9 пароходов и 3 баржи с промышленными товарами, оборудованием, стройматериалами, инвентарем. Кроме того, отправили 78 вагонов дзержинцы, 14 вагонов – балахнинцы. Горьковчане взяли шефство над Тракторозаводским районом Сталинграда и двумя сельскими районами. Село выделило подшефным колхозам коров, овец, свиней, плуги и бороны. Рабочие завода имени Ленина сверхурочно по два часа несколько месяцев работали над выполнением сталинградских заказов. Наши земляки могут гордиться тем, что вписали одну из славных страниц в восстановление Сталинграда.

Более 9 тысяч горьковчан – тружеников тыла – были отмечены правительственными наградами.

За самоотверженный труд в годы войны получили ордена и горьковские заводы:

- 20 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР завод «Красное Сормово» был награжден орденом Ленина, в 1945 году – орденом Отечественной войны I степени за выпуск танков и оборонной продукции;
- 9 марта 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Горьковский автозавод был награжден орденом Красного Знамени, кроме того, ГАЗ был награжден орденами Ленина и Отечественной войны I степени,
- в 1944 г. завод «Красная Этна» награждён орденом Ленина за самоотверженный труд и бесперебойное снабжение фронта боеприпасами,
- авиационный завод имени Орджоникидзе был награжден орденом Красного Знамени, орденами Ленина и Отечественной войны I степени,
- завод «Двигатель революции» – орденом Трудового Красного Знамени;
- радиотелефонный завод им. В. И. Ленина – орденом Ленина.

Ф. А. Селезнев

ВЗЛЕТЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ НАУКИ

XX век – время становления и расцвета нижегородской науки. О её взлетах нам напоминают мемориальные доски на зданиях, где работали великие ученые и названные их именами улицы.

Больше всех памятных знаков на стенах корпусов Нижегородского государственного университета. Корпус № 1 в Университетском городке на проспекте Гагарина занимает биологический факультет. У входа установлена мемориальная доска в честь генетика Сергея Сергеевича Четверикова (1880–1959).

Он был сыном богатого московского купца, владельца сукновальной фабрики. Тот желал видеть Сергея продолжателем семейного дела и мечтал дать ему инженерное образование. Однако, несмотря на уважение к отцу Сергей Четвериков-младший выбрал иной путь. Сначала его стезей становится лепидоптерология – наука о бабочках. Ко времени окончания Московского университета (1906) Четвериков признанный знаток чешуекрылых. Защитив магистерскую диссертацию (1911) он работал в Московском университете на кафедре экспериментальной зоологии, где читал курс энтомологии.

Самый плодотворный период научной деятельности Четверикова пришелся на 1921–1929 годы, когда он заведовал отделом генетики Института экспериментальной биологии в Москве. Нужно сказать, что в начале XX века в науке существовало мнение, что генетика противоречит дарвиновской теории эволюции. В самом деле, ведь Дарвин считал двигателем эволюции естественный отбор, происходящий под воздействием окружающей среды. Генетики же показали, что каждое существо получает наследственные задатки признаков (гены) от своих предков. Причем гены неизменны во времени и к влиянию окружающей среды устойчивы. Хотя возможны их внезапные качественные изменения – мутации. Между тем, вопреки открытиям генетиков, сторонники классического дарвинизма тогда по-прежнему полагали, что возможны только постепенные, эволюционные изменения видовых признаков. Мутации они считали аномалиями, полученными в искусственных условиях и не встречающимися в дикой природе.

Четвериков тоже был убежденным дарвинистом. Но, став заведующим отдела генетики, он решил примирить открытия Менделя и его последователей с теорией эволюции. В 1926 году Сергей Сергеевич написал большую теоретическую статью «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики». В ней ученый доказывал, что мутации (Четвериков предпочитал называть их «геновариациями») имеют место и в дикой природе. Нежизнеспособные существа, появившиеся в их результате, погибают, не пройдя естественного отбора. А те, кто приспособился, могут постепенно передать свои новые признаки всей популяции. Таким образом, естественный отбор и с точки зрения генетики является важнейшим фактором эволюции.

Статья советского биолога внесла огромный вклад в создание господствующей ныне в мировой науке синтетической теории эволюции. Она неоднократно переиздавалась и переводилась на иностранные языки.

Как всякий большой ученый Четвериков, разумеется, имел оппонентов. К сожалению, в советское время научные споры и личные конфликты нередко получали идеологическую окраску. И ученый «буржуазного» происхождения на этой почве всегда мог подвергнуться гонениям. Так произошло и с Четвериковым. Нападки, начатые его молодыми коллегами, привели к тому, что Сергея Сергеевича отстранили от работы и выслали из Москвы. Шесть лет он провел в Свердловске и Владимире. Был консультантом при организации Свердловского зоопарка, преподавателем.

Опала закончилась в 1935 году. С.С. Четвериков был приглашен в Горьковский университет, где возглавил кафедру генетики и селекции биологического факультета. Затем стал деканом биофака. Главное достижение Четверикова в горьковский период – выведение новой породы шелкопряда, приспособленной для жизни в средней полосе России. Это был правительственный заказ: стране не хватало чесучи – шелковой ткани, применявшейся при изготовлении парашютов. Созданная под руководством С. С. Четверикова порода получила название «Горьковская моновольтинная». В 1944 году Четвериков был награжден за эту работу орденом «Знак почета».

Продолжим нашу прогулку по университетскому городку. Часть помещений его второго корпуса занимает химический факультет. У входа – барельеф химика Г. А. Разуваева (1895–1989). По рождению он москвич, сын артиллерийского офицера. После выхода в отставку отец

Григория Алексеевича некоторое время работал инженером на одном из судостроительных предприятий Нижнего Новгорода. Так будущий академик впервые оказался в городе, в котором ему будет суждено провести половину жизни. Однако первое пребывание на волжских берегах оказалось недолгим. Вскоре семья переехала в Серпухов, а потом опять в Москву, где Григорий поступил в гимназию.

Химии в гимназическом курсе тогда не было. Первая книга по этой науке попала в руки Григория Алексеевича случайно, из рук знакомого, приехавшего поступать в одно из московских учебных заведений. Эта книга произвела на юного гимназиста неизгладимое впечатление и определила его судьбу: Разуваев поступил на I курс физико-математического отделения Московского университета по специальности «химия».

Григорий Разуваев был необыкновенно увлеченным и усердным студентом. Все его скромные средства уходило на покупку специальной литературы, которую он осваивал вперед программы. Особое внимание он уделял новым работам по органической химии. Со страниц книг перед ним вставала величественная картина живой природы и её составных элементов – органических соединений. Одна из наиболее интригующих частей органической химии – химия свободных радикалов. Она востребована также физиками и биохимиками. Сегодня с её помощью ученые пытаются объяснить механизмы старения и развития некоторых заболеваний. Разуваев увлекся этой областью науки с тех пор, как в его библиотеке оказалась книга П. Вальдена «Свободные радикалы». Будущий академик непрерывно её читал и конспектировал.

Увы, в 1917 году между Григорием Алексеевичем и любимой наукой встала революция. В страшные годы гражданской войны Разуваеву пришлось расстаться с Московским университетом. Будущий академик тогда голодал и едва не умер от скарлатины. Несколько лет он провел в Полтавской губернии, где учил детей иностранным языкам и химии. Но наука властно звала его. И как только обстановка в стране более – менее стабилизировалась Разуваев с громадным мешком муки и куском сала отправился покорять Петроград – там в университет был химический факультет.

Добирался Григорий Алексеевич туда с большими приключениями: где на крыше поезда, где, пользуясь физической силой, пробивался в вагон, кое-где шёл пешком. В Петроградском университете научным руководителем Разуваева стал академик А. Е. Фаворский, который,

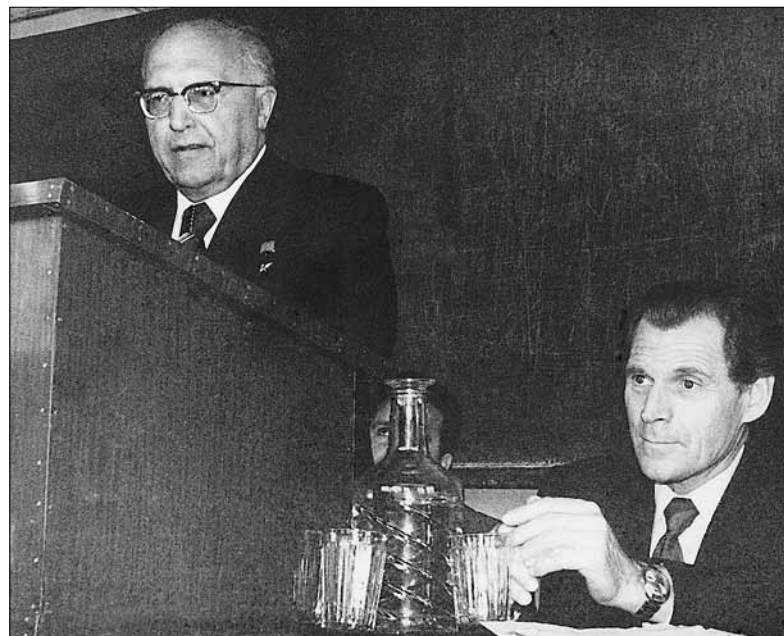
учтя интерес студента, дал ему тему дипломной работы из области химии свободных радикалов.

Ещё одним своим наставником Разуваев считал академика В. Н. Ипатьева, организатора прикладных химических исследований в военной и промышленной сфере. Под его началом Григорий Алексеевич работал после окончания университета. Ипатьев был бывшим генералом царской армии, и когда в 1930 году над старыми специалистами стали сгущаться тучи, он не вернулся из заграничной командировки, эмигрировав в США. Естественно, это бросило тень и на его ученика. Тем не менее, Разуваев продолжал какое-то время заниматься как фундаментальной наукой, так и секретными военными изысканиями, заведя кафедрой отравляющих и взрывчатых веществ Ленинградского технологического института. Однако в 1934 году по доносу своего аспиранта он был арестован и приговорен к расстрелу, замененному десятью годами заключения.

Эти годы Разуваев провел на Севере. Работал на лесоповале и на шахтах в Воркутинских лагерях. Преподавал химию и физику в колонии малолетних преступников. В 1942 году был досрочно освобожден и до 1946 года заведовал производством на заводе по добыче радия в Коми АССР.

В 1945 году Григорий Алексеевич по служебным делам был в Москве. С ним увиделся его однокашник по Московскому университету, академик А.Н. Несмеянов, тогда – директор института органической химии АН СССР. Благодаря этой встрече Разуваев вернулся в науку. По совету и при поддержке Несмеянова Григорий Алексеевич с блеском защитил кандидатскую (1945) и докторскую (1946) диссертации в институте органической химии. В декабре 1946 года недавний заключенный получил кафедру органической химии в Горьковском университете (заведовал ей до 1974 года). Здесь он смог без остатка отдаться изучению химии свободных радикалов.

Как известно, свободным радикалом называют частицу, у которой на внешней орбитали «скушает» одинокий электрон без пары. Свободный радикал всячески стремится «вернуть» недостающий электрон и отнимает его у нормальной молекулы, превращая в свободный радикал уже её. Тем самым запускается цепная реакция. Цепные свободнорадикальные реакции стали важной областью изысканий ученого. Он исследовал, как они происходят в жидкой среде у соединений ме-

Академики Г. А. Разуваев (слева) и А. В. Гапонов-Грехов, автор трудов по физике плазмы, электродинамике нелинейных сред и нелинейных колебаний, дважды лауреат Государственной премии СССР

таллов с органическими веществами. Уже в 1954 году Г. А. Разуваев открыл прямую реакцию свободных радикалов с металлической ртутью. Реакция Разуваева – Ольдекопа – Майера в дальнейшем легла в основу нового метода синтеза ртутьорганических соединений.

В 1958 году горьковский химик был награжден Ленинской премией. Тогда в стране это была самая престижная награда. Он получил её за исследования в области свободных радикалов в растворах. В том же году Разуваева избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Отличительной чертой научного почерка Разуваева было стремление добиться практического использования полученных новых знаний. Благо рядом с Горьким находился город с десятками современных химических производств – Дзержинск. Григорий Алексеевич сумел привлечь дзержинских химиков-практиков к сотрудничеству со своей

кафедрой и с созданным им в 1956 при Горьковском университете Научно-исследовательским институтом химии. Каждый вторник на протяжении двадцати лет он проводил в Дзержинске, занимаясь там вопросами прикладной науки.

В то время химики-прикладники бились над созданием новых материалов для промышленности – синтетических волокон и пластмасс. Они изготавливались на основе полимеров – искусственных высокомолекулярных соединений. Полимеры же получались из простых химических веществ – мономеров – путем их полимеризации. В 1960–1965 годах под руководством Разуваева был разработан промышленный синтез вещества удобного в качестве инициатора полимеризации. Оно было внедрено в производство на предприятиях Дзержинска и Челябинска. Кроме того, в 1963 году Григорий Алексеевич создал Лабораторию стабилизации полимеров. Там были разработаны стабилизаторы поливинилхлорида, одного из самых перспективных искусственных веществ. Это позволило создать реальные технологии производства изделий из него.

Успехи горьковского химика были по достоинству оценены. В 1966 году он становится действительным членом Академии Наук, в 1969 получает почетное звание Героя социалистического труда и назначается директором Института химии АН СССР.

Главным направлением его научных изысканий по-прежнему была химия свободных радикалов, тесно связанная с химией металлорганических соединений (из них проще получать радикалы). И здесь Разуваев тоже добивается практического применения своих фундаментальных открытий, причем в самой передовой отрасли техники – электронике. В то время защитные покрытия резисторов получали напылением металла. Разброс по толщине покрытия, а значит и по параметрам, получался очень большой. Поэтому каждый резистор надо было измерить, потом тщательно их рассортировать. И всё это вручную. Разуваеву и его команде с помощью применения теории распада металлорганических соединений удалось произвести здесь настоящую революцию. Была создана технология получения покрытий нового типа: устойчивых к износу, коррозии и таких которые можно было наносить автоматически с идеально одинаковой толщиной.

Когда Разуваев ещё только начинал свою карьеру в Горьком, химфак находился там, где сейчас размещается исторический факультет –

в доме № 2 по улице Ульянова. Если мы пройдем по этой улице чуть дальше, то увидим на доме № 10 памятную доску, посвященную ещё одному горьковскому академику – Александру Александровичу Андронову (1901–1952).

Подобно Четверикову и Разуваеву, Андронов вырос в Москве, в культурной и обеспеченной семье. Его отец принадлежал к сословию личных почетных граждан, мать была дочкой купца из города Яранска Вятской губернии. Родители рано развелись, и отца Александру Александровичу заменил отчим, известный в Москве врач-гинеколог Корнелий Адамович Липский. По его примеру, Саша Андронов хотел стать врачом. Но не просто медиком-практиком. Медицина будущего ему виделась наукой, опирающейся на новейшие открытия физики и математики, поэтому Александр ещё в школьные годы занялся углубленным изучением этих предметов.

После Октябрьской революции представителям московской буржуазии пришлось несладко. Саше пришлось использовать свои познания, чтобы помогать семье. Он подрабатывал починкой электроприборов и примусов. А чтобы иметь постоянный источник существования, поступил на завод «Пулемет». Короткое время Андронов служил в Красной армии, но в 1920 году перенес в тяжелой форме плеврит и был признан негодным к военной службе. В том же году он поступил на электротехнический факультет Московского высшего технического училища.

С 1921 года, одновременно с занятиями в МВТУ, Александр Александрович стал посещать лекции на физико-математическом факультете Московского университета и быстро почувствовал: «Это – моё!». В 1923 году он перевелся из МВТУ на физмат, который окончил в 1925 году по специальности «теоретическая физика». Сомнений, чем заниматься дальше не было. Конечно, только наука! Андронов поступил в аспирантуру НИИ физики при МГУ. Его научным руководителем стал Л. И. Мандельштам – выдающийся физик, счастливо сочетавший в себе глубокого теоретика, смелого экспериментатора и великолепного лектора. Одним из направлений науки, которым он занимался, были нелинейные колебания. Этой областью физики станет главной для его талантливого ученика, который с блеском защитит диссертацию под названием «Пределные циклы Пуанкаре и теория нелинейных колебаний».

Классическим примером нелинейных колебаний может служить обращение планет вокруг Солнца. Французский математик Анри

Пуанкаре, занимаясь задачами «небесной механики», описал движение небесных тел с помощью нелинейных уравнений (они сложнее уравнений простого вида, называемых «линейными»). Пуанкаре рассмотрел и другие нелинейные уравнения, более общие, чем те, которые отображают круговорот планет. Однако эти исследования считались чисто математическими и не использовались физиками. Андронов в своей работе составил математические модели динамики колебаний часов и лампового генератора и показал, что математический аппарат разработанной Пуанкаре может быть с успехом использован как в общей теории колебательных процессов, так и в разных областях естествознания, в том числе и в радиотехнике.

Между тем радиотехника, уже добившаяся крупных успехов на «инженерном» уровне в 1920-е годы испытывала теоретический кризис. Задачи о колебаниях, выдвигавшиеся растущими потребностями развития радио, требовали новой полноценной теории. А для её создания нужны были новые математические средства. Их и дал физикам Андронов.

Кроме того, он ввел в науку важнейшее понятие «автоколебаний». Так Александр Александрович назвал незатухающие колебания, которые могут существовать в системе без воздействия на неё внешних периодических сил. Разумеется, подобная система должна обладать собственным источником энергии. Именно такой системой является ламповый генератор – тогда основа любой радиостанции. Неудивительно, что теория автоколебаний была сразу востребована в радиотехнике. А одним из главных центров её развития тогда являлся Нижний Новгород. Благодаря своей знаменитой Радиолaborатории, этот город уже вписал особую главу в историю радио. Именно здесь, на волжских берегах, в полной мере суждено было раскрыться таланту Андронова.

В Нижний Новгород Александр Александрович приехал в 1931 году вместе с женой, Евгенией Александровной Леонтович. В городе на Волге молодому физика дали возможность развернуть исследования в интересующей его сфере, создав «под него» новые структуры – кафедру теории колебаний (1933), в только что возродившемся университете и отдел теории колебаний и теории автоматического регулирования в Государственном физико-техническом институте. (Этот институт разместился в том самом доме № 10 по улице Ульянова, на котором сейчас установлена памятная доска в честь А. А. Андронова).

В 1933 году Александр Александрович сделал доклад «Математические проблемы теории автоколебаний». В нём ученый на многие годы сформулировал программу исследований – свою и руководимых им подразделений. Первые крупные результаты его изысканий были изложены в книге «Теория колебаний», опубликованной Андроновым в 1937 году в соавторстве с А. А. Виттом и С. Э. Хайкиным. Эта книга стала настольной для целого поколения ученых. Её переведут на английский язык. На неё будут ссылаться физики всего мира. Изложенные в этом фундаментальном труде новые подходы к изучению колебаний и новые методы исследования их природы будут широко использоваться в радиотехнике, радиофизике, атомной энергетике, химии, а также в теории автоматического регулирования.

На следующем этапе своей научной работы, в начале 1940-х годов А. А. Андронов со своими сотрудниками Н. Н. Баутиным и А. Г. Майером нашёл решение основных классических нелинейных задач теории автоматического регулирования. Этот ошеломляющий успех наглядно показал эффективность новой теории нелинейных колебаний.

В 1946 году Академия наук СССР избрала Александра Александровича Андронова своим действительным членом. Впоследствии была учреждена премия его имени за работы по теории автоматического регулирования. В 1947 году великий ученый был избран депутатом Верховного совета Российской Федерации.

Много сил академик Андронов отдавал развитию Горьковского университета. Он считал необходимым приглашать туда ученых из других городов для чтения некоторых курсов и даже отдельных лекций, чтобы преподаватели, аспиранты и студенты постоянно были в курсе всего нового в науке. И не только в физике и математике, но и в химии и биологии. Сам Андронов жадно следил за новинками во всех областях естествознания. Он был по настоящему разносторонним человеком. В круг его интересов входили литература, живопись и история – история Отечества и история науки.

Лекции Андронова целиком захватывали слушателей, в том числе и потому, что он великолепно знал историю естественных наук и мастерски пользовался этим. По мнению Александра Александровича, примеры гениев прошлого должны были вдохновлять на научные подвиги молодых ученых. Для горьковских студентов особенно привлекательным в этой связи мог стать образ их земляка – Николая Ивановича

Лобачевского. Однако, занявшись в грозном 1943 году его биографией, Андронов увидел, что доброкачественное жизнеописание великого геометра не позволяют составить неясности в обстоятельствах его нижегородского детства. Неизвестна была даже точная дата появления на свет гениального уроженца нижегородской земли.

Андронов поставил себе задачу докопаться до истины и здесь. По его инициативе в 1947 году отделение общества «Знание» предложило Государственному архиву Горьковской области просмотреть документы конца XVIII века, чтобы разгадать загадки биографии Лобачевского. При этом Андронов лично руководил архивными изысканиями созданной для этой работы группы историков.

В это время Александр Александрович был уже сильно болен. Тяжелая форма гипертонии вырвала его из жизни в 51 год. История последних лет жизни академика Андропова вдохновила известного драматурга С. Алешина на написание пьесы «Всё остаётся людям» (1958). Её главный герой, академик Дронов умирает и знает об этом. Но обреченность не пугает его. Ученый мужественно продолжает работать. В 1963 году по пьесе был снят одноименный фильм, где Дронова сыграл знаменитый актер Николай Черкасов, удостоенный за эту роль Ленинской премии.

Разумеется, образ Дронова собирательный. В нём есть черты и физика-атомщика И. В. Курчатова. Фабула фильма далека от обстоятельств личной жизни Андропова. Но название картины может служить лучшей эпитафией великому ученому. Всё созданное им – открытия и книги – действительно осталось людям. Получила мировое признание созданная Андроновым научная школа. Благодаря его историческим изысканиям и инициативам Горьковский университет в 1956 году получил имя Лобачевского, были выяснены время и место рождения творца неевклидовой геометрии. Расцвел созданный при участии Александра Александровича первый в мире радиофизический факультет.

Первым деканом радиофака стала Мария Тихоновна Грехова (1902–1995). Мемориальная доска в честь этой ве-

М. Т. Грехова

ликой женщины установлена на здании основанного ей Научно-исследовательского радиофизического института (ул. Большая Печерская, д. 25/14). Мария Тихоновна появилась в Нижнем Новгороде почти одновременно с Андроновым. Тогда в 1931/1932 учебном году в городе на Волге оказались две супружеских пары: Александр Александрович Андронов с Евгенией Александровной Леонтович и Виктор Иванович Гапонов с Марией Тихоновной Греховой.

Как и Андронов, Мария Тихоновна выросла в интеллигентной семье. Но в отличие от Андропова, Четверикова и Разуваева, родилась она не в Москве, сердце Российской империи, а на её западной окраине, в Царстве Польском. Там, около Варшавы рубежи государства защищала крепость Новогеоргиевск. При ней была железнодорожная станция, Новогеоргиевская. Там и появилась на свет М. Т. Грехова. Её отец Тихон Семенович был инженером-путейцем, матушка, Раиса Осиповна, имела профессию зубного врача, но значительную часть жизни была домохозяйкой.

Т. С. Грехов, дворянин по сословной принадлежности, был прекрасно образованным человеком, глубоко интересовавшимся проблемами физики. Одно время он читал курс теоретической и практической электротехники в Виленском среднем химико-техническом училище, причем на таком солидном уровне, что его лекции были выпущены в 1908 году в Киеве отдельной книгой. Пример отца, несомненно, сыграл для Марии Тихоновны определяющую роль в выборе жизненного пути.

В годы Первой мировой войны Греховы жили в Москве. Здесь Мария окончила школу и в 1918 году поступила на физико-математический факультет Московского университета. Отец к этому времени уже ушёл из жизни. Мать не работала, две младшие сестры, разумеется, тоже. Марии пришлось стать главной семейной добытчицей. Она устроилась секретарем-машинисткой в Наркомат путей сообщения. А ещё ремонтировала электроприборы. Случалось также подрабатывать электромонтером: надев особые «когтистые» приспособления («кошки») девушка залезала на столбы линии электропередач. Но каждую свободную минуту Мария Тихоновна урывала для науки, пропадая днями и ночами в лаборатории, где, бывало, засыпала на матрасе, набитом стружками.

Когда она училась на четвертом курсе (1922 год) в её жизни произошли два важных события. Во-первых, она вышла замуж за Виктора Ивановича Гапонова (тогда – тоже студента) с которым вместе прожила 67 лет. Во вторых, перспективную студентку пригласили на

работу в Государственный физико-технический институт (впоследствии – Всесоюзный электротехнический институт), где она окунулась в атмосферу захватывающих научных экспериментов.

В 1924 году за работы по технике и физике коротких волн дециметрового диапазона М. Т. Грехова была удостоена премии Народного комиссариата просвещения «Молодому научному сотруднику». Она успешно окончила университет (1924), аспирантуру (1928) и стала преподавать на физическом факультете МГУ. Одновременно Мария работала научным сотрудником во Всесоюзном электротехническом институте и консультантом на электроламповом заводе.

Знание производственной специфики очень пригодилось Марии Тихоновне в нижегородский период жизни. В Горьком она проявила себя как непревзойденный организатор науки, умеющий объединять в одной упряжке теоретиков и практиков. Один за другим Грехова создала в городе на Волге несколько работоспособных коллективов, составивших гордость отечественной науки.

А приехала она в Нижний первоначально на год. На этот срок её командировали из Всесоюзного электротехнического института в только что созданный Нижегородский исследовательский физико-технический институт (НИФТИ, потом – ГИФТИ). Цель командировки – организовать в Нижнем Новгороде лабораторную базу по дециметровым радиоволнам.

В Нижнем в это время прикладные работы в области радио развернулись во всю ширь. Наследница Нижегородской радиолоборатории, Центральная военно-индустриальная лаборатория (ЦВИРЛ, нынешний завод им. Фрунзе) справила новоселье на Мызе. Там построили 10 полевых испытательных лабораторий, где обкатывались самолетные и наземные радиостанции, авиационные радиомаяки.

Прикладным исследованиям требовалось научное обеспечение. Поэтому в Нижнем сложилась плодотворно работавшая связка трех учреждений: ЦВИРЛ, ГИФТИ, и Горьковского университета (ГУ). Олицетворением сотрудничества между ними как раз и являлась Мария Тихоновна Грехова. С 1932 по 1935 год она работала консультантом в ЦВИРЛ, с 1934 года читала на физико-математическом факультете ГУ курс «Физика электронных приборов». Одновременно московская исследовательница, для которой Горький теперь уже навсегда стал родным городом, в ГИФТИ изучала проблему связи на дециметровых волнах, и весьма успешно. В 1936 году ей была присвоена степень доктора физико-математических наук.

Развитие горьковской физики едва не прервала Великая Отечественная война. В начале июля грозного 1941 года ГИФТИ был закрыт. Часть сотрудников ушла на фронт. Остальные во главе с директором В. И. Гапоновым были переведены на авиационный завод им. Орджоникидзе. Туда же передали всё оборудование и станки. Горьковскую физику нужно было спасать.

Мария Тихоновна вместе с Андроновым и профессором ГГУ Г. С. Гореликом написали два письма Сталину о возможности использования радиоаппаратуры для обнаружения вражеских самолетов. В середине декабря 1941 года ГИФТИ был вновь открыт. Директором назначили М. Т. Грехову.

Институт сразу принялся работать на нужды фронта. Особое внимание уделялось заданиям Совета по радиолокации, созданного в 1943 году при Государственном комитете обороны. Грехова понимала, что для развития этой отрасли нужны не просто инженеры, а физики-исследователи. Для их подготовки она предложила правительству (1944) создать в Горьковском университете особый факультет.

Мария Тихоновна умела убеждать! 29 июня 1945 года Совет Народных Комиссаров принял решение об организации «специального радиофизического факультета для подготовки специалистов в области радиофизики для научно-исследовательских институтов и заводских лабораторий радиолокационной и электровакуумной промышленности». Как уже говорилось, деканом радиофака (тогда единственного в СССР и в мире!) стала сама Мария Тихоновна. Она же возглавила там кафедру физики сверхвысоких частот и электроники. Кафедрой теории колебаний и автоматического регулирования руководил А. А. Андронов, ставший рядом с М. Т. Греховой главным организатором нового факультета.

Но где будут работать выпускники радиофака? Конечно, часть из них пойдет инженерами на заводы. А те, кто устремлен в науку? ГИФТИ всех их принять не мог. И у Марии Тихоновны возникает замысел создания в Горьком Радиоинститута Академии Наук.

В то время академические институты работали почти исключительно в столице. Мария Тихоновна считала это неправильным. В 1953 году она написала письмо председателю Совета министров Г. М. Маленкову о том, что концентрация ученых в одной Москве обедняет науку и отделяет её от промышленных центров. Такое же письмо было отослано в ЦК КПСС. И аргументы М. Т. Греховой опять возымели действие! Постановлением

Совета министров от 15 июля 1956 года в Горьком на базе трех отделов ГИФТИ был образован Научно-исследовательский радиофизический институт – знаменитый НИРФИ. Возглавила его Мария Тихоновна.

В институте она пользовалась непререкаемым авторитетом. Её сравнивали с Жанной д'Арк, а она называла себя солдатом науки. Волевая, решительная, требовательная к себе и окружению, Мария Тихоновна была руководителем с большой буквы. Кадры для НИРФИ она готовила ещё со школьной скамьи. В 1961 году при её деятельном участии была организована физико-математическая школа № 40, которая стала колыбелью для многих будущих звезд науки.

В 1972 году Марии Тихоновне исполнилось 70 лет, и она ушла с поста директора НИРФИ. Теперь она отдалась выполнению нового замысла: соединить усилия физиков и врачей для создания новых медицинских приборов. Для этого медиков и физиков сначала нужно было свести вместе, познакомить друг с другом. И М. Т. Грехова в 1973 году организовала общегородской семинар «Применение радиофизических методов в медицине». (С 1980 тематика семинара была расширена, и он стал именоваться «Физика и радиоэлектроника в медицине», а с 1991 – «Физика и радиоэлектроника в медицине и экологии»). В 1974 году соответствующий отдел (Радиофизических методов в медицине) создаётся в НИРФИ, и Мария Тихоновна становится его руководителем. Крупным успехом отдела стала разработка ультразвукового эхокардиографа «УЗКАР», внедренного в серийное производство. Работал отдел и в области обеспечения безопасности космических полетов.

В 1977 Мария Тихоновна перешла вместе с отделом радиофизических методов в медицине во вновь созданный элитный сверхинститут, отпочковавшийся от НИРФИ. Это был прославившийся затем на весь мир Институт Прикладной Физики Академии Наук (ИПФ АН). Его директором стал академик Андрей Викторович Гапонов-Грехов, сын Марии Тихоновны. В своё время он был одним из лучших учеников академика Андропова. Кандидатская диссертация молодого исследователя имела такое важное значение для науки, что ему сразу были присвоены и степень кандидата, и степень доктора наук (1955). Открытия ученого позволили создать новый класс приборов – гиротронов и гироклистронов. Гиротроны используют как источник мощного электромагнитного излучения для нагрева плазмы в установках управляемого термоядерного синтеза. С их помощью человечество может получить кладь безопас-

ной энергии. А гироклистроны нашли применение в радиолокации: они позволяют с высокой точностью следить за космическими объектами.

Другой сын Марии Тихоновны член-корреспондент Российской Академии Наук, Сергей Викторович Гапонов в 1993 возглавил Институт физики микроструктур (ИФМ РАН). Под его руководством нижегородские физики начали разрабатывать нанотехнологии в области рентгеновской оптики. Рентгеновская оптика – ключевая часть производства интегральных схем нового поколения. А проводящиеся в ИФМ исследования фундаментальных свойств кремниевых наноструктур могут позволить создать кремниевую оптоэлектронику, в которой на смену металлическим соединениям в интегральных схемах придет управление с помощью луча света.

Специалистов для ИПФ РАН и ИФМ РАН готовит факультет Высшая Школа Общей и Прикладной Физики (ВШОПФ) Нижегородского университета имени Лобачевского. Этот факультет был создан в 1991 году по предложению А. В. Гапонова-Грехова и ректора Нижегородского университета Александра Федоровича Хохлова (1945–2003).

О А. Ф. Хохлове нам напоминают горельеф на главном корпусе ННГУ и улица его имени в Нижегородском районе. Профессор Хохлов создал научную школу в области физики наноструктур твердого тела. Он руководил исследованиями в области оптоэлектроники и кристаллографии. Благодаря А. Ф. Хохлову Нижегородский университет смог преодолеть испытания 1990-х годов.

В это трудное времени университету помогло и то, что у него имелся солидный запас прочности, созданный при предшественнике А. Ф. Хохлова в должности ректора, Андрее Григорьевиче Угодчикове (1920–2007). Угодчиков руководил Горьковским университетом почти двадцать лет (с 1969 по 1988), превратив его за это время в настоящее царство науки. Сам он был одним из ведущих в стране специалистов в области прочности аппаратов и машин. Мемориальная доска в память о нём установлена на здании основанного им НИИ механики (6 корпус ННГУ, проспект Гагарина, 23).

Увековечена в университете и память о супруге Андрея Григорьевича, Ирине Николаевне Блохиной (1921–1999). Мемориальная доска на 1 корпусе ННГУ сообщает, что здесь с 1976 по 1989 год работала член Российской академии медицинских наук Блохина, выдающийся ученый в области молекулярной биологии и биотехнологии. На

биологическом факультете Горьковского университета Ирина Николаевна заведовала организованной ей кафедрой молекулярной биологии и иммунологии. Кроме того, эта замечательная женщина с 1955 года являлась директором Горьковского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии. Одним из ведущих направлений деятельности этого НИИ было изучение дисбактериозов, в том числе возникающих от приема антибиотиков.

Благодаря энергии И. Н. Блохиной научные открытия быстро воплощались в лекарственные препараты. При институте Ирина Николаевна организовала предприятие по производству бактериофагов – вирусов, пожирающих болезнетворные микробы, но не наносящих вред микрофлоре кишечника.

Под руководством Блохиной был разработан и подготовлен к использованию антистафилококковый иммуноглобулин. Это один из белков сыворотки крови. В нём сосредоточены защитные антитела, которые организм выработал когда-то в ответ на проникшую инфекцию. Своевременное введение иммуноглобулина может спасти жизнь тяжело больного человека.

Теперь институт эпидемиологии и микробиологии носит имя И. Н. Блохиной. Есть в Нижнем Новгороде и улица академика Блохиной. В доме № 9 на этой улице Ирина Николаевна появилась на свет. Кстати она единственная из ученых, о которых пока шла речь в этом очерке, родилась в Нижнем Новгороде. Остальные приехали из других мест. В свою очередь несколько ученых – уроженцев нижегородской земли добились славы и успеха в иных городах.

Бюст одного из них установлен перед зданием филологического факультета ННГУ (Большая Покровская, 37). Речь идет об академике Николае Николаевиче Боголюбове (1909–1992), одном из крупнейших советских математиков и физиков-теоретиков, с 1965 по 1988 год возглавлявшем Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Он родился в Нижнем Новгороде, в семье священника и духовного писателя Н. М. Боголюбова. В 1916 году семья переехала в Киев, где Николай Боголюбов и нашёл свой путь в науку.

Точно также и академик Сергей Алексеевич Лебедев (1902–1974), появился на свет в Нижнем Новгороде, а прославился в Киеве, где ему установлен памятник. Лебедев – создатель первого советского компьютера (1950).

Именем ещё одного академика-нижегородца, Алексея Евграфовича Фаворского (1860–1945), названы улицы в Санкт-Петербурге, Иркутске и его родном Павлове, где он появился на свет в семье священника. Там же, в Павлове великому химику установлен памятник. Работы академика Фаворского и его учеников стали теоретической основой промышленного синтеза каучука в нашей стране.

Перечень взлетов нижегородской науки можно продолжить и дальше. Ведь он, к счастью не ограничивается XX веком. Научные школы, созданные великими учеными прошлого продолжают творить. И может быть именно тебе суждено совершить новые удивительные открытия, которые прославят тебя и наш край.

Е. И. Подрепный

СОРМОВСКАЯ ПОДВОДНАЯ РАТЬ

Уже свыше 80 лет, на заводе «Красное Сормово» строят подводные лодки.

А началось с того, что в гражданскую войну, в декабре 1918 года, на Сормовский завод для строительства судов предназначавшихся Волжской военной флотилии прибыл корабельный инженер Николай Николаевич Кутейников. Он сразу понял, что в Сормове, в глубоком тылу, враг не сможет помешать строительству боевых кораблей. И началась работа. Сначала на бумаге – проектирование, потом на стапелях – родильном доме всякого корабля. Однако в 1920 году с Николаем Николаевичем случилось несчастье – он заразился сыпным тифом, который свирепствовал тогда на Волге, и скончался в январе 1921 года.

Но дело его было продолжено. Первая подводная лодка «Щ-304» «Комсомолец» была заложена в День Красной Армии – 23 февраля 1930 года на стапеле, где сейчас находится Центральное конструкторское бюро «Лазурит», организованное в 1953 году.

А тогда, в 1930-м конструированием субмарин руководил ветеран-подводник Петр Иванович Макаркин. Его сменил первый дипломированный инженер Александр Павлович Овчинников, который возглавил проектирование подводных лодок в Сормове в годы Великой Отечественной войны.

Первые подводные лодки, построенные в Сормове относились к типу «Щука» (различных серий – III, V-бис, X.) и носили «рыбьи» имена – «Семга», «Дельфин», «Белуха», «Кумжа» и другие. Всего было построено 11 сормовских «щук», восемь из них погибли, защищая Родину в годы Великой Отечественной войны. Две стали гвардейскими – «Щ-422» и «Щ-309», три награждены орденом Боевого Красного Знамени – «Щ-421», «Щ-323», «Щ-310».

Высокое качество сормовских «рыбок» подтвердилось в годы Великой Отечественной войны.

Адмирал Георгий Михайлович Егоров, который во время войны служил штурманом на подводной лодке «Щ-310», вспоминает: «Повреждения, которые получила наша «Щ-310» вследствие подрыва на mine, оказались весьма значительными. Со стороны на лодку страшно было смотреть... Выручила нас исключительно высокая прочность корпуса лодки, а также других корабельных конструкций. После прибытия в базу, осмотрев повреждения, полученные в результате взрыва, моряки не раз вспоминали добрым словом сталеваров, кораблестроителей, конструкторов. Разрушения были действительно большими. От носовой оконечности до центрального поста прочный корпус буквально провалился между шпангоутами, которые торчали наружу, как ребра у худой лошади».

Город наш стоит на великой реке, но от моря он далековато. Как же сделать так, чтобы построенные здесь лодки довести до моря, да ещё и скрытно, чтобы враг не догадался, откуда на него свалилась такая напасть? Для этого сормовичи спроектировали и построили специальные транспортные доки. Первый такой док спроектировал молодой инженер Владимир Владимирович Крылов (в годы войны главный конструктор завода).

Кроме «щук» на сормовских стапелях строились и другие подводные лодки – «Эски» (тип «С», или IX-бис серия) и «Малютки» (тип «М», или XII серия). Они воевали на всех действующих флотах. 29 из них погибли (на Балтийском море – 15 единиц, на Черном море – 9 и на Северном театре – 5). Из числа построенных заводом Красное Сормово» подводных лодок лучших результатов в боевых действиях добились: «С-7», командир С. П. Лисин, (потоплено 6 целей), «С-13», командиры П. П. Маланченко, А. И. Маринеско (потоплено 6 целей, из них два лайнера), «Щ-309», командиры И. С. Кабо, Н. А. Филлов,

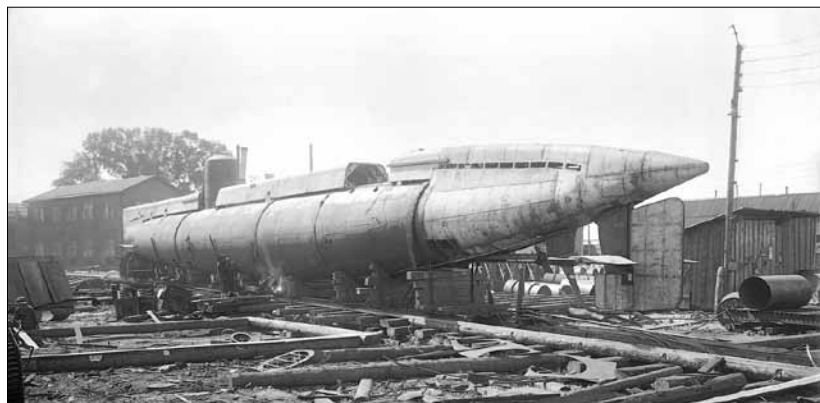
П. П. Ветчинкин (потоплено 3 цели). «М-35», командиры М. В. Грешилов, В. П. Прокопьев (потоплено 4 цели).

К 1 октября 1941 года судостроение на заводе прекратилось. Но к январю 1942 года большинство судостроительных заводов страны, строящих подводные лодки, либо были захвачены противником, либо блокированы. Поэтому подводные лодки снова стали строить в Сормове. Командовал всем этим инженер Михаил Исаевич Лернер. В годы войны Сормовский завод построил и сдал флоту 22 подводные лодки, став лидером отечественного подводного судостроения.

После войны завод «Красное Сормово» начал вновь строить паровозы, буксирные и сухогрузные теплоходы. Однако вскоре началась «холодная война», и сормовичи получили задание на строительство дизель-электрических подводных лодок проекта 613. Это была самая крупная серия подводных лодок в истории страны и самая большая серия в мире (215 единиц). И больше всех лодок построил завод «Красное Сормово» – 113 единиц. Надежная и простая, подводная лодка проекта 613 стала прекрасной школой для нескольких поколений советских подводников. Первая лодка этого типа – «С-80» была заложена 13 марта 1950 года. В приемном акте Государственной комиссии было записано: «Подводная лодка «С-80» является вполне современным кораблем, способным выполнить боевую задачу на любом морском театре войны». Строили эти лодки так быстро, что в учебных центрах не успевали готовить экипажи. Именно эта лодка первой стала ракетно-носцем – она получила две крылатые ракеты для поражения наземных целей. Переоборудование корабль проходил на родной сормовской верфи. Затем последовали лодки различных проектов с установкой четырех и шести крылатых ракет, которые также строились в Сормове.

Одна из лодок проекта 613 стала не военной, а штатской – первым подводным кораблем науки, предназначенным для изучения жизни рыб. «Северянка», как ее называли, была спроектирована в Горьком Центральным конструкторским бюро «Лазурит» и построена сормовичами.

Удачей сормовских конструкторов стала дизель-электрическая подводная лодка проекта 633. Ее главным конструктором был Зосима Александрович Дерибин. Среди дизель-электрических подводных лодок, которые были спроектированы в Сормове, выделялись подводная мишень «Кефаль» для тренировок военных моряков и спасательная подлодка «Ленок», которая могла спасти подводников из затопленных

Подводная лодка на стапеле завода «Красное Сормово»

кораблей. Ее очень не хватало нам во время катастрофы подводного крейсера «Курск».

По сормовским чертежам создавались лодки в Китае, были построены 39 лодок проекта 613 и около ста подводных кораблей проекта 633.

С 1956 по 1980 годы сормовские конструкторы, инженеры и рабочие начали работать над атомными подводными кораблями. Главным конструктором первого такого корабля стал Виталий Константинович Шапошников. Подводная лодка предназначалась для борьбы с авианосцами противника и вооружалась восемью крылатыми ракетами «Аметист», которые располагались по бортам лодки. Они стартовали из-под воды, в то время как все предыдущие подводные лодки сормовской постройки должны были всплывать на поверхность, чтобы запустить свои ракеты, затем их вооружили более мощным ракетным комплексом «Малахит». Атомные реакторы для лодок проектировались и строились тоже в Горьком, в Опытном конструкторском бюро машиностроения, во главе которого стоял Игорь Васильевич Африкантов. Размеры лодки позволяли перевозить ее в транспортных доках по рекам России на удаленные флоты.

На Западе эти лодки прозвали «Гремучими змеями» океанов. Подводные лодки с атомным двигателем, вооруженные крылатыми ракетами против авианосцев, считаются национальным достоянием России – мы обогнали все флоты мира в этом направлении.

Одна из таких лодок передавалась в аренду Индии, где получила имя «Чакра» и была высоко оценена индийскими подводниками.

К сожалению, на одном из этих кораблей в 1970 году произошла авария атомного реактора, погибли моряки.

В те же годы кроме атомных подводных лодок завод строил современные дизель-электрические подводные корабли, вооруженные крылатыми ракетами, лодки, имеющие большую автономность для действий в океане и, наконец, самую совершенную среди дизель-электрических подводных лодок мира «Варшавянку», которая за свою малую шумность получила прозвище «Черная дыра». Эти лодки охотно покупали различные страны, в том числе Индия и Китай.

В 1970-е годы завод «Красное Сормово» приступил к строительству атомной подводной лодки с мощным торпедным и ракетным вооружением и корпусом из очень прочного титанового сплава. Эту лодку назвали «Барракуда» (одна из них носит имя «Нижний Новгород»). Главным конструктором лодки стал Николай Иосифович Кваша, впоследствии руководитель «Лазурита», первый Герой России в Нижегородской области. Это – одна из лучших подводных лодок XX столетия. Как только она вышла в море, вскоре в иностранной печати появились ее снимки с весьма характерным комментарием – «В обозримом будущем такие подводные лодки будут на виду». Американские подводники назвали «Барракуду» высшим техническим достижением цивилизации.

И вот ведь какие парадоксы истории – именно готовый пятый корпус атомной подводной лодки этого проекта был изрезан в металлолом на Сормовском заводе.

За 70 лет строительства подводных лодок на заводе «Красное Сормово» их построено 275, почти каждая четвертая отечественная подводная лодка строилась в Сормове.

Созданные на Сормовском заводе подводные лодки и глубоководные аппараты это результат труда сормовских кораблестроителей. Их тысячи, они разные и по характерам по нравам, во многом замечательные и незабываемые. Вот несколько из них. Александр Григорьевич Гусаров – газосварщик по профессии с высшим техническим образованием, Иван Алексеевич Якимов – судосборщик первой руки, Петр Алексеевич Каратаев – слесарь-монтажник, не знавший работ под именем «невозможно», Василий Васильевич Куликов, организатор

производства так называемого среднего звена, который был сдаточным механиком первой атомной подводной лодки, Алексей Леонидович Хабаров – трубогибщик, которому подвластны любые «коленца» трубопроводов подводных лодок. Аккумуляторщик Вячеслав Константинович Перевалов мог выполнять любую работу хоть по обслуживанию аккумуляторов, хоть по электромонтажу.

Об инженерах-конструкторах – особая речь. «Изворотливость» Григория Николаевича Вдовина позволила разместить в носовой части «Барракуды» восемь торпедных аппаратов. Николай Иосифович Кваша ходил в автономное плавание на сорок суток, чтобы лично проверить свое детище в Баренцевом море и Атлантике.

«Время показало, – говорил Герой России начальник штаба Северного флота вице-адмирал М. В. Моцак, поздравляя сормовичей со 150-летием завода, Вы строили отличные корабли, на которых мы осваивали Мировой океан, ходили по всему миру, в том числе и подо льдами Арктики. Мы убедились в высочайшем профессионализме сормовичей и в надежности построенной техники».

Мы верим, что будут и новые сормовские подводные и надводные корабли, лучше и совершеннее предыдущих.

Е. И. Подрепный

КРЫЛАТЫЕ СУДА ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Суда на подводных крыльях широко известны в нашей стране и за рубежом. Их создатель – Ростислав Евгеньевич Алексеев. Он родился 18 декабря 1916 года в семье Евгения Кузьмича Алексеева, земского агронома и Серафимы Павловны Алексеевой, учительницы, на опытной сельскохозяйственной станции недалеко от города Новозыбкова Орловской губернии.

Всего у Алексеевых было четверо детей. Как потом вспоминали все члены семьи, до 1929 года были у них самые счастливые годы жизни. Неожиданно пришла беда. По чьему-то злому доносу Евгения Кузьмича объявляют врагом народа, за то, что он якобы «сеял сорняки», и ссылают в Сибирь. Серафима Павловна остается с детьми одна, на улице. Она принимает решение, благодаря которому все оста-

лись живы. Детей она отправляет в разные города по родственникам и знакомым. Ростислава, например, приютил дядя в Нижнем Тагиле и устроил слесарем в городском радиоузле.

К счастью Евгений Кузьмич попал под амнистию. Ему разрешили поселиться в городе Горьком, где собирается вся семья.

Детям служащих в то время нельзя было поступать в институты, не пройдя так называемый рабочий факультет (рабфак, своего рода подготовительное отделение), и Ростислав поступил на вечернее отделение машиностроительного рабфака, а днем работал художником и чертежником в одном из городских учреждений.

Он выкраивал минуты и часы, прямо на чердаке дома соорудил яхту. Долго раздавался стук молотка и звук пилы, все делалось по собственным чертежам. Выстругать шпангоуты или мачту ему ничего не стоило, сложнее оказалось найти материал для паруса. В дело пошли простыни, куски материала разных цветов, потом пришлось выкрасить парус в черный цвет. Вскоре горьковские яхтсмены стали замечать необычную лодку с черными парусами вблизи водной станции «Динамо». Посмеивались над чудачком. Но на одних соревнованиях этот «черный пират», как его успели прозвать, легко обошел всех и первым пришел к финишу, правда, тут же скрылся. В конце концов, владелец «пиратской» лодки был разоблачен и с радушием принят в ряды яхтсменов.

После окончания рабфака Ростислав не раздумывал долго, куда идти учиться. В 1935 году он поступил на кораблестроительный факультет Горьковского индустриального института (который ныне стал техническим университетом и носит имя Ростислава Евгеньевича Алексеева).

Сохранился снимок предвоенных лет. Набережная реки. Валерий Чкалов вручает приз победителю волжской регаты – студенту Ростиславу Алексееву. «Чкалов сказал что я – молодец, и пожелал быть таким впрямь», – вспоминал впоследствии конструктор.

В 1940 году студентам старших курсов предложили перейти на учебу в Ленинградскую Военно-морскую академию. Алексеев согласился. Он предполагал, что в академии ему легче будет осуществить свою мечту – создание скоростного судна.

Однако, как писал своей будущей жене Алексеев, «разочаровался я в академии, и никакие уж силы не оставят меня там». (Речь идет о проваленном экзамене по математике.) «Математику, конечно, я сдам, только не здесь». Алексеев возвращается в Горьковский

индустриальный институт, и первого октября 1941 года, в одной из аудиторий института, окна которой были тщательно замаскированы от налетов германской авиации, Ростислав Евгеньевич приступил к защите дипломного проекта. Комиссия определила, что проект имеет характер научно-исследовательской работы, а в отдельных разделах приближается к уровню кандидатской диссертации.

По окончании института Алексева направили на завод «Красное Сормово» строить танки Т-34. Однако он мечтал о другом. Десятого октября 1941 года Ростислав Алексеев направил народному комиссару Военно-морского флота Николаю Герасимовичу Кузнецову проект глссера на подводных крыльях «А-4».

К этому времени подобные работы велись и в других странах. Наибольших успехов в создании судов на подводных крыльях добился немецкий конструктор Ганс фон Шертель.

Тогда, в 1941 году, Алексеев почти ничего не знал обо всех этих работах. Он с раннего утра и порой до следующего рассвета гоняет по полигону танки, совершенствует технологию их сборки, дежурит на контрольном пункте. Домой попадает не каждый день. Чтобы тратить как можно меньше времени на дорогу от дома до завода (около пятнадцати километров) он приделал к велосипеду лодочный мотор.

В конце ноября 1941 года Алексеев получает ответы на свое предложение: «Предлагаемая вами схема глссера на подводных крыльях является неприемлемой, так как выбранная конструкция в основе своей ничем не отличается от уже ранее испытанных и обреченных на неудачу...»

В очередной раз он понял, что ему не хватает теоретических знаний и опыта, чтобы доказать свою правоту. Усиленно начал изучать труды выдающихся аэро- и гидродинамиков, свойства воздушной и водной среды, «Думать в свободные минуты о будущем скоростных кораблей, рисовать эскизы было отдыхом после шестнадцати и более часов работы на производстве танков», – вспоминал Алексеев.

Прошло некоторое время, и его перевели в конструкторское бюро завода. Здесь свободного времени оставалось не больше, чем в цехе, но, как вспоминал Ростислав Евгеньевич: «В конструкторском отделе мне выделили койку, стол, щиток. Шел тяжелый 1942 год. Главный конструктор завода В. Н. Крылов и директор завода Е. Э. Рубинчик приняли решение разрешить мне три часа в день работать над созданием корабля на подводных крыльях. С этого трудного времени нача-

Метеор

лась моя борьба за создание крылатого флота будущего» Некоторые косились, а кое-кто говорил прямо в глаза: «Пугаешься, Алексеев, в ногах у завода! Что за кустарь появился? Такими вещами научно-исследовательские институты должны заниматься, а не одиночки».

Не обижался. Понимал: можно убедить одним – строить катер. Доказать, поставив судно на крылья.

Апрельский день сорок третьего года. Сормовский затон. На берегу полно народу: как ни скрывали день спуска большой самоходной модели катера, об этом на заводе все равно узнали. Одни пришли из любопытства, другие – помочь, если потребуется. И вот узкий сигарообразный корпус на воде. Но что это? Корпус накренился, задрал крылья. В толпе на берегу гомон.

Алексеев смотрит на коллегу Леонида Попова, тот на него: неужели ошибка в расчетах?

Толпа на берегу поредела – кому интересно смотреть на чужую неудачу?

Модель, крутясь на воде, упрямо высовывала наружу крылья. Попов даже испугался, услышав тихий смех Алексева. А тот чертыхался и радовался:

– Воздух! В крыльях-то воздух.

Действительно, пустотелые крылышки, погрузившись в воду, приобрели плавучесть, которая мешала модели ровно держаться на воде.

*Р. Е. Алексеев (1916–1980),
главный конструктор
судов на подводных крыльях,
лауреат Ленинской и двух
Государственных премий*

Несколько отверстий решили исход: вода заполнила крылья, и суденышко мягко закачалось на волне. Вот оно плавно отошло от берега. Судно, взревело мотором, и у днища показался просвет. В воде оставались только винт, крылья и руль.

Много лет спустя, главный конструктор скоростных судов говорил:

– Меня так вдохновила забота о моем проекте, это был такой могучий заряд уверенности в необходимости задуманного, что его хватило на десятилетия. Ведь подумать только – еще в разгаре войны, все подчинено лозунгу: все для фронта, каждая пара рук на счету, а государство думает о завтрашнем мирном дне...

Летом 1944 года Алексеев успешно проводит испытания катера «А-4», который полностью выходит на крылья, развив скорость более тридцати километров в час. Руководство завода оценило результаты, дало добро на расширение лаборатории и пообещало изыскать возможные средства на строительство нового катера «А-5».

Сормовский завод переходил на выпуск мирной продукции. Алексеева с конструкторами перевели в просторный цех. Основное направление работы – отработка конструкций и профилей крыльев. Новый катер показал скорость 80 километров в час. Казалось, практически и теоретически конструкторы смогли доказать реальность судов на подводных крыльях. Но... Все ответы на письма Алексеева были похожи в одном: в верхах никак не хотели верить в реальность этих судов. Нужны были средства на дальнейшие работы. «Только поддержка завода давала нам силы в течение этих лет продолжать свои изыскания. Я даже не представляю, что было бы с нами, если бы мы оторвались от завода», – вспоминал Алексеев.

Но завод не мог выделить больших средств за счет своих заказов. Алексеев принимает рискованное решение: на катере «А-5» дойти до Москвы и продемонстрировать реальность существования судов на подводных крыльях. До Москвы он добрался благополучно, но по при-

езде вместе с катером был арестован. Катер вызвал интерес у военных. Результат: задание разработать торпедный катер на подводных крыльях, построить и начать испытания летом 1948 года.

С 1949 по 1951 год лаборатория Алексеева работает в основном над проблемами торпедных катеров, но изыскивает средства и на гражданские проработки. В результате в 1951 года Алексеев и его ближайшие помощники Николай Зайцев, Леонид Попов и Иван Ерлыкин удостоиваются Сталинской премии. Казалось бы, это триумф. Но главная цель – создание скоростного пассажирского судна – оставалась еще впереди. И на пути к этой цели было немало препятствий. В стране существовала система: головной институт выдает идеи, конструкторские бюро создают чертежи, заводы строят образцы. У Алексеева в лаборатории сами выдавали идеи, сами исследовали, сами проектировали, сами строили, сами испытывали.

Наступил период, когда уже никто не финансировал работы по крылатым судам. Предложение Алексеева о создании пассажирского теплохода на подводных крыльях называли авантюризмом. Однако известия о его работах достигли министра речного флота Зосимы Шашкова. Приехав на завод «Красное Сормово», он с большим интересом познакомился с его работами, был восхищен увиденным, обещал поддержку. Директор завода Николай Смеляков также поддерживал Алексеева.

Алексеев доказывал: «В наш век на воде сохранились еще скорости девятнадцатого века. Речному транспорту, особенно пассажирскому, грозит жесткая конкуренция со стороны авиации, железных дорог и автотранспорта. Мы хотим поставить на крылья, прежде всего, флот местного значения. Это самый массовый, самый насыщенный флот, как трамвай, автобус в городе».

Министерство речного флота выделило финансирование и решило постройку «Ракеты» – ныне широко известного речного теплохода на подводных крыльях. А министр судостроительной промышленности объявил выговор за самовольное поведение.

Летом 1956 года начали строительство теплохода «Ракета» в экспериментальном цехе. Триумфом судна стал московский фестиваль молодежи и студентов в 1957 года. «Ракета» стала символом нашего города на газетных страницах, на плакатах, на конфетных обертках горьковчане видели родной силуэт крылатого судна.

В 1958 году началось серийное производство «Ракет». Алексеев читает лекции в Политехническом институте, консультирует

дипломников-кораблестроителей. Многие из них потом станут энтузиастами крылатых кораблей.

За восемь лет с 1956 года был создан скоростной флот России. «Метеор» берет на борт 130 человек, «Чайка» – 30, «Буревестник» – 150... Морские суда на подводных крыльях «Вихрь», «Комета» берут 250 и 150 человек соответственно. Впоследствии Греция купит все списанные «Кометы», отремонтирует, оборудует на современном уровне и решит проблему пассажирских перевозок между островами страны, поставит одно из судов на пьедестал... Стоит теперь в Греции памятник «Комете».

Судьба скоростного флота в России сложилась трудно. Но мы верим в его будущее. Прекрасный памятник Ростиславу Евгеньевичу Алексееву в Сормовском районе Нижнего Новгорода – залог этому!

Ф. А. Селезнев

ЗВЕЗДЫ НИЖЕГОРОДСКОГО СПОРТА

В 1971 году к 750-летию Нижнего Новгорода выпустили серию небольших книжечек по истории города. Одна из них называлась «Спортивное созвездие». В качестве автора на обложке значился «Е. Филиппов». И только немногие посвященные знали, что под этим псевдонимом скрывается ведущий журналист «Горьковской правды» Евгений Филиппович Назаров, находившийся тогда в расцвете своих творческих сил.

Родом уралец, он попал в Горький в 1963 году, после окончания Уральского университета и сразу полюбил этот город. К Нижнему у него было особое отношение. В начале XX века здесь на Молитовской льнопрядильной мануфактуре работал бухгалтером его дед, Федор Дмитриевич Долгушев. Здесь прошло детство горячо любимой и рано ушедшей из жизни матери Евгения Назарова, Надежды Фёдоровны Долгушевой.

В редакции «Горьковской правды» молодой журналист с Урала быстро стал звездой. Поэт, король фельетона, виртуоз репортажа, он мог интересно подать самый прозаический сюжет. Ну а спорт был его коньком. Сам отличный боксер, лыжник, копьеметатель, пловец, он, что называется, «был в теме», и спортсмены охотно перед ним раскрывались, принимая за своего.

Репортажи и очерки Назарова и легли в основу «Спортивного созвездия». До сих пор это самая интересная книга по истории нижегородского спорта. Она и легла в основу нашего рассказа.

А когда вообще появился спорт на нижегородской земле? Оказывается совсем недавно. Лет сто назад. Нет, по ледяной глади рек и озер нижегородские мальчишки носились на коньках испокон веков. Тому свидетельство – старинные коньки, щедро расписанных кистью городецких мастеров, хранящиеся в музеях области. И наперегонки юные нижегородцы бегали, и в городки играли, и в лапту. Но всё это были детские забавы. Кулачные бои деревенских парней, поездки охотников в зимний лес на лыжах, фехтование и верховая звезда дворянофицеров, гимнастические упражнения солдат, схватки цирковых борцов – всё это ещё не было спортом в нашем современном понимании.

Сегодня спортивными состязаниями мы называем соревнования по определенным правилам, за соблюдением которых следят особые судьи. Такой спорт появился в Нижнем Новгороде в 1910 году. С этого года спортивная тематика прочно обосновалась на страницах нижегородских газет. Начали проводиться регулярные соревнования, которые стали организовывать спортивные общества и клубы. Их с каждым днем становилось всё больше. Перечислим старейшие: Общество русских соколов, Кружок шахматистов (затем «Нижегородское шахматное собрание»), Нижегородский спортивный клуб, гимнастическое общество «Сокол», Общество велосипедистов, филиал всероссийского спортивного общества «Санитас».

В апреле 1910 года дал первый в Нижнем Новгороде сеанс одновременной игры яркий шахматист и талантливый поэт Аполлон Вяхирев, представитель известного в городе купеческого рода. А 26 октября 1910 года открылся первый в нижегородской истории круговой шахматный турнир.

Историю нижегородского футбола можно вести с маленькой заметки, опубликованной в газете «Нижегородский листок» 2 июня 1910 года. Она сообщала, что в Канавино по предложению «некоторых учителей» в Выставочном саду организуется игра в футбол. (Выставочный сад – это нынешний Парк имени 1 мая). А вскоре возле села Кстово, на лужайке, находившейся на месте нынешнего нефтеперерабатывающего завода, состоялся первый проведенный по всем правилами и в присутствии болельщиков матч. Привычная нам спортивная форма тогда ещё не появилась. На футболистах были длинные, ниже

колен трусы и нижние рубашки. А чтобы различать команды у игроков через плечо была перекинута цветная лента – у одних синяя, у других красная. На поле блистал Сергей Алексеевич Иконников – лучший тогдашний футболист. (Этот удивительный человек прожил девяносто лет и впоследствии стал ученым-механиком). Вскоре в городе началось повальное увлечение футболом. Газетчики даже изобрели для этого явления термин «футболизм».

28 ноября 1910 года прошли первые в Нижнем Новгороде состязания лыжников. Они должны были пробежать от улицы Новой, где в доме № 40 у них была «временная станция» до Мызы и обратно. Следующей зимой, 29 января 1912 года Нижегородский спортивный клуб разыграл «Чемпионат г. Нижнего Новгорода». Дистанция составила 15 верст: от ул. Кулибина, где разместился клуб (около нынешней площади Лядова) до Мызы и назад.

У истоков тяжелой атлетики в Нижнем находился Александр Николаевич Баранов, призер чемпионата России 1913 года. Для своей спортивной школы он приспособил просторный сарай на улице Больничной (ныне – Нестерова). Помимо обычных гирь и гантелей Баранов использовал на тренировках оригинальное приспособление собственного изобретения – «кистень». Оно представляло собой большой чугунный шар, к которому крепилась толстая резина. Раскачивая груз, спортсмен раз за разом отбрасывал его всё дальше и дальше.

Памятная дата в истории нижегородского конькобежного спорта – 2 февраля 1914 года. В это день восемь конькобежцев из Городца: В. П. Ахилинов, А. Д. Беляев, А. И. Галаничев, А. П. Новожилов, М. А. Филиппов, А. Г. Турылев, А. М. Костромин и единственная среди них дама, С. В. Барينو́ва, пустились по волжскому льду в забег до Нижнего Новгорода и обратно. За 7 часов они отмахали больше ста верст.

Начавшаяся вскоре война и грянувшая за ней революция заставили нижегородцев забыть о спорте, как и о многих других радостях мирной жизни. Но в 1920-е годы нижегородский спорт возродился и достиг новых высот. Если раньше он был делом отдельных энтузиастов, то в советский период развитие физической культуры и спорта стало целенаправленной политикой государства.

На исходе Гражданской войны при нижегородском губвоенкомате был создан спортивный центр Всевобуча. Всевобучем (от слов «всеобщее военное обучение») называлась предварительная подготовка

молодежи, подлежащей призыву на армейскую службу. В 1920 году в ведение спортцентра были переданы ликвидированные спортивные общества царского времени: «Санитас», «Русские соколы» и «Нижегородский спортивный клуб». Однако в 1923 сам Всеобуч в связи с переходом к новой системе комплектования армии был упразднен. На смену ему пришли добровольные физкультурно-спортивные общества. В Нижнем это были созданные в 1923 году «Охотник» (он проработал недолго) и «Волгарь» (вскоре стал «Водником»). А в 1924 году в Нижнем Новгороде начало работу всесоюзное спортивное общество «Динамо».

Все эти общества находились под опекой правящей Всесоюзной коммунистической партии, Коммунистического союза молодежи (Комсомола) и пользовались государственной поддержкой.

25 сентября 1927 году главная партийная газета области – «Нижегородская коммуна» – организовала на улицах города эстафету бегунов. С тех пор такие соревнования проводятся ежегодно.

В 1928 году в Нижнем Новгороде на государственные средства был построен первый стадион. Он разместился в бывшем Выставочном саду (теперь Парк им. 1 мая). Его хозяином долгое время было спортивное общество железнодорожников «Локомотив». В нагорной части города открылись стадионы обществ «Динамо» и «Водник».

Эти общества стали развивать самый популярный тогда на Нижегородчине вид спорта – бег на коньках. Состязания конькобежцев, проходившие на стадионе «Динамо» собирали тысячи зрителей. Общей любимицей была Валентина Кузнецова. В 1934 году никому неизвестная девчонка из Сормова в течение нескольких месяцев прошла путь до сильнейшей конькобежки Горьковского края и многократной чемпионки страны. А вскоре она стала звездой европейского уровня, установив под восторженные овации норвежского стадиона «Фрогнер» мировой рекорд в беге на 1000 метров. Эта конькобежка замечательна ещё и тем, что летом тоже добывала золотые медали чемпионатов СССР, только уже оседлав велосипед. Под стать ей была другая замечательная горьковская спортсменка тех лет, Марианна Валовова. Зимой она побеждала на ледовых дорожках, а летом покоряла скорости на шоссе и треке.

Первую олимпийскую медаль горьковские скоростницы привезли в 1960 году из американского Скво-Вэлли. Это было серебро Натальи Донченко, учительницы французского языка из школы № 48 Приокского района г. Горького.

В 1971 году Евгений Назаров назвал молодую тогда Татьяну Аверину надеждой горьковского спорта, обещающей вернуть родному городу славу конькобежной столицы. И его прогноз блестяще оправдался. Начиная с 1971 года, Татьяна стала выигрывать одно соревнование за другим, установив 12 мировых и 19 всесоюзных рекордов. На олимпиаде в Инсбруке (1976) она завоевала четыре медали: две золотых и две бронзовых.

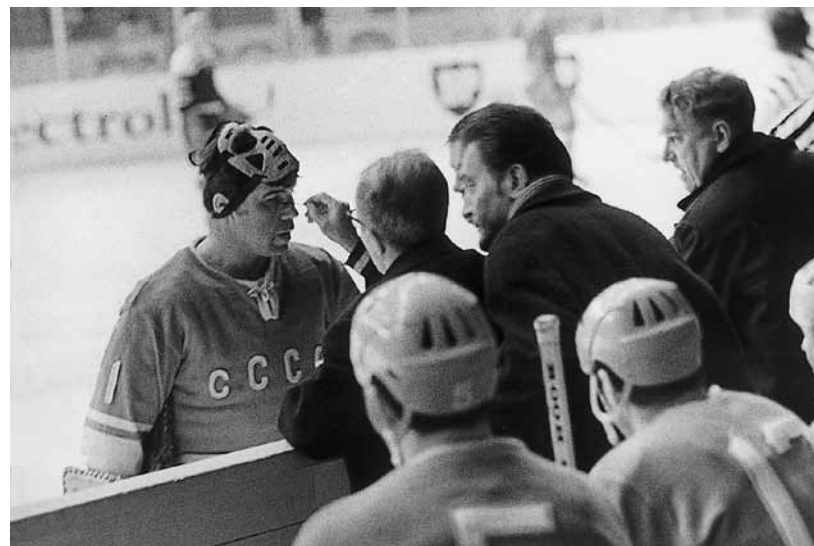
Старинная любовь нижегородцев к конькам позволила развернуться в Горьком двум видам спортивных игр на льду – хоккею с мячом и хоккею с шайбой.

Команда по хоккею с мячом (он же – русский хоккей) появилась в Нижнем Новгороде в 1932 году и называлась «Зенитом». Позднее она стала выступать под флагом общества «Труд», а в 1961 году получила прославившее её имя «Старт». В 1967 году «Старт» вышел в высшую лигу чемпионата СССР. Его высшие достижения серебро первенства СССР (1980), Кубок СССР (1983), серебро (1995, 2002) и бронза (1996, 1998, 2000) чемпионатов России. В советский период успехи «Старта» были связаны с легендарным тренером Юрием Ефимовичем Фокиным. Его общий стаж работы в команде 33 года! «Старт» славился своей грамотной обороной. Два её столпа – защитники Юрий Гаврилов и Александр Рычагов постоянно привлекались в национальную сборную и в её составе становились сильнейшими в мире.

Интересно, что когда хоккей с мячом в Горьком делал первые шаги, лучшей командой города был не предшественник «Старта», «Зенит». Нет, в 1930–1940-е годы на ледовых полях блистало «Торпедо». Этот клуб представлявший Горьковский автозавод одним из первых в городе (1946) начал развивать и родственник русскому хоккею новый вид спорта – хоккей с шайбой, быстро добившись в нём больших успехов. Зимой 1946/1947 годов торпедовцы взяли кубок города Горького по хоккею с шайбой. С 1948 они стали играть в чемпионате РСФСР. А в 1953 году автозаводцы попали в элиту отечественного хоккея – класс «А».

Сначала горьковчане обретались внизу турнирной таблицы. Но в сезоне 1959/1960 годов заняли престижное пятое место. А в следующем чемпионате «Торпедо» добилось своего высшего успеха – серебряных медалей. Тренировал команду тогда Дмитрий Николаевич Богинов, приехавший в Горький из Ленинграда.

У той славной команды практически не было слабых мест. В падении блистала тройка Игорь Чистовский – Роберт Сахаровский –

Легендарный вратарь горьковского «Торпедо» и сборной СССР заслуженный мастер спорта СССР Виктор Коноваленко (1938–1996)

чемпион зимних олимпиад 1964 (Инсбрук) и 1968 (Гренобль). Этот вратарь обладал молниеносной реакцией и удивительным умением просчитывать действия нападающих соперника. А ещё Коноваленко был спортсменом беспримерного мужества. Это воочию показал чемпионат мира 1970 года. Тогда в одном из первых матчей сборная СССР играла с хозяевами, шведами, и их нападающий на полной скорости врзался нашему самоотверженно сыгравшему вратарю коньком в голову. Коноваленко получил множественный перелом переносицы и потерял сознание. Заменявший его молодой дублер, Владислав Третьяк не справился с волнением, и наша сборная проиграла. Коноваленко понял: без него товарищам не стать первыми. Виктор убедил врача и тренера разрешить ему выйти на лед. В следующем матче с финнами мужественный спортсмен вновь занял свое место воротях. Сборная была настолько вдохновлена его отвагой, что разорвала финнов в клочья – 16 : 1. Коноваленко отстоял два периода до счета 13 : 0. А в третьем периоде финский нападающий «случайно» ударил его клюшкой по маске. Пришлось уйти со льда. К счастью два следующих матча

были со слабыми командами Германской демократической республики и Польши. Коноваленко дали отдохнуть и подлечиться. Но в решающих играх с главными соперниками – сборной Чехословакии и шведами – горьковский вратарь был снова на посту и не подкачал. Чехословакию наша сборная победила 5 : 1, а Швецию – 3 : 1.

Коноваленко пользовался огромным уважением болельщиков и в нашей стране и за рубежом. Его имя увековечено в Зале славы Международной федерации хоккея.

Последние годы жизни Виктор Сергеевич работал директором Автозаводского дворца спорта. После того как в 1996 году Коноваленко ушёл из жизни, этому спортивному сооружению присвоили имя великого вратаря. О Коноваленко там напоминают его бюст и символический свитер под сводами арены.

Рядом висят свитера других звезд «Торпедо»: Александра Скворцова, Михаила Варнакова, Владимира Ковина, Юрия Фёдорова. Эти хоккеисты играли в великой команде конца 1970-х – первой половины 1980-х годов. Тому составу не удалось добиться медалей. Лишь однажды в те времена (1983) торпедовцы побывали рядом с пьедесталом почета – на 4-м месте. Зато горьковчане заслуженно слыли грозой авторитетов. Они бесстрашно бились с лучшими командами страны (включая легендарный ЦСКА Виктора Тихонова, московские «Спартак» и «Динамо») и регулярно отнимали у них очки.

Тихонов, тренировавший тогда сборную СССР, ценил горьковских хоккеистов и часто приглашал их в главную команду страны. Особенно много в ней сыграл нападающий Александр Викентьевич Скворцов. Быстрый, юркий, техничный, он забил в играх за сборную 41 шайбу, больше чем кто-либо из торпедовцев. Скворцов входит в число лучших бомбардиров за всю историю отечественного хоккея. Выступая за «Торпедо» (1973 – 1989) он забил 244 шайбы. Это рекорд горьковского хоккея. Скворцов чемпион мира и Европы 1979, 1981 и 1983 годов. А в 1984 году он привез из Сараево золотую олимпийскую медаль – вместе со своим товарищем по «Торпедо» Владимиром Ковиным.

Владимир Александрович Ковин, нападающий «Торпедо» в 1973–1988 годах, за 15 лет служения родному клубу заработал репутацию настоящего бойца, мужественного и неуступчивого. Недаром его часто приглашали в сборную на турниры в Канаде и США. 11 февраля 1979 году Ковин забил на арене «Мэдисон сквер гарден» в Нью-Йорке гол в ворота

команды всех звезд НХЛ. Это был третий матч на легендарный «Кубок вызова» между сборными СССР и НХЛ. Победу в той серии одержали советские хоккеисты. И немалый вклад в общий успех внесла тройка нападающих из горьковского «Торпедо»: Скворцов – Ковин – Варнаков.

Самый важный гол был на счету Михаила Варнакова. Он забил его 10 февраля 1979 года, во втором матче. В первой игре наши хоккеисты уступили 4 : 2. Второй поединок тоже шел по сценарию звезд НХЛ. В начале второго периода они повели 3 : 1. И вот тут-то горьковчанин Варнаков уменьшил разрыв в счете. Этот гол окрылил советских игроков и они, в конце концов, вырвали победу 5 : 4. Ну а третий матч был триумфом советского хоккея и закончился 6 : 0 в нашу пользу.

Михаил Павлович Варнаков защищал цвета «Торпедо» с 1976 по 1989 год. В чемпионатах СССР забил 226 шайб. Это один из лучших результатов в истории отечественного хоккея. В 1986 году Варнаков стал чемпионом мира. Он запомнился болельщикам умной, зрячей игрой. Дело отца продолжил его сын, Михаил Михайлович Варнаков. Он символ «Торпедо» XXI века и любимец поклонников нижегородской команды.

Из других зимних видов спорта, в которых нижегородские спортсмены добивались весомых успехов, отметим лыжные гонки, биатлон и прыжки на лыжах с трамплина.

Многократной чемпионкой СССР по лыжным гонкам была Алевтина Олюнина. Дважды она становилась сильнейшей в мире. А в 1972 году привезла из Саппоро золотую олимпийскую медаль в эстафете.

Наш олимпийский чемпион в биатлоне Николай Круглов тоже начинал как лыжник. Потом освоил стрельбу и вырос в спортсмена мирового уровня. В 1976 на Олимпиаде в Инсбруке он выиграл гонку на 20 километров и стал чемпионом в эстафете. Прекрасным биатлонистом стал и сын Николая Круглова – тоже Николай. Николай Круглов-младший в составе сборной России завоевал серебряную медаль в мужской эстафете на Олимпиаде-2006 в Турине.

В 1958 году в Горьком построили 90-метровый трамплин. Это создало условия для развития мастерства местных «летающих лыжников». Открытый всем волжским ветрам, Большой Горьковский трамплин требовал от спортсменов особого мужества и мастерства. На нём выросли один из самых смелых и искусных советских прыгунов Михаил Веретенников (чемпион СССР 1965, 1969 и 1975 годов) и двукратный чемпион мира Гарий Напалков. На чемпионате мира 1970 года

Заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион Олимпийских игр, мира и СССР по фехтованию Герман Свешников (1937–2003) с сыном

Наталья Садова (легкая атлетика, 2004), Елена Посевина (художественная гимнастика, 2004), Дарья Шкурихина (художественная гимнастика, 2008).

Олимпийские успехи горьковских фехтовальщиков связаны с именем замечательного тренера Юрия Аркадьевича Казанджана. Под его руководством этот изящный и мужественный вид спорта в трудные послевоенные годы делал первые шаги волжской столице. И двукратный олимпийский чемпион по фехтованию на рапирах Герман Свешников, и неустойчивая рапиристка Людмила Шишова и замечательный шпажист Дмитрий Люлин – воспитанники Казанджана.

Золотая медаль Валерия Лихачева, привезенная из олимпийского Мюнхена – своеобразный знак качества горьковской школы велосипедистов. Мы уже вспоминали о Валентине Кузнецовой и Марианне Валовой, которые успешно сочетали коньки и велосипед. Валовой много лет не было равных в велоспринте. В первый раз она выиграла чемпионат СССР в спринтерской гонке на 1 км в 1936 году, а в последний раз – в 1948 году. А вот Павел Орлов зимой катался не на

в Штрбско-Плесо (Чехословакия) Напалков победил в прыжках со среднего (70 м) и большого (90 м) трамплинов. Его полет журналисты назвали «блистательным парением», восхитившись элегантной техникой летающего лыжника из Горького.

В летних видах спорта пока восемь олимпийских чемпионов-нижегородцев. Это Герман Свешников (фехтование, 1960, 1964), Людмила Шишова (фехтование, 1960), Виктор Бушуев (тяжелая атлетика, 1960), Валерий Лихачев (велоспорт, 1972), Ирина Белова (художественная гимнастика, 2000), На-

коньках, а на лыжах. И чемпионом СССР сначала стал в лыжном спорте (1938) и только потом в велокроссе (1944). Надо сказать, что помнят его представители обоих этих видов спорта. Лыжники разыгрывают приз памяти Павла Орлова. А с 1971 года в Нижнем Новгороде ежегодно проводится велогонка-мемориал Орлова и его лучшего ученика Александра Кулибина. Кулибин дважды становился чемпионом СССР в командных гонках по шоссе, выигрывал на международных соревнованиях. Победную эстафету от Кулибина приняли Валерий Лихачев, Юрий Баринов, Дмитрий Кобышев.

В XXI веке больших успехов на Олимпиадах добились представительницы нижегородской школы художественной гимнастики. Инициатором развития этого красивого вида спорта в Горьком полвека назад была Таисия Кирилловна Тимошенко, занимавшаяся со студентками Педагогического института. Одна из её учениц, Наталья Борисовна Тишина в 1968 году выиграла Кубок СССР, а потом сама стала великим тренером, заслуженным тренером России.

Её ученица, очаровательная Ирина Белова, дважды выигрывала мировое первенство в групповых упражнениях, а в 2000 году привезла золотую медаль из олимпийского Сиднея. Через четыре года Нижний Новгород вновь поздравлял с золотой олимпийской медалью ученицу Тишиной – на этот раз воспитательницу Елену Посевину.

Гордость мамы-тренера две её дочери – Татьяна и Ольга, также выбравшие родительскую стезю. Татьяна Тишина уже заслуженный тренер России, воспитавший олимпийскую чемпионку – Дарью Шкурихину. Даша выиграла групповые упражнения на Играх в Пекине в 17 лет. Пока эта грациозная девушка – единственная спортсменка в нижегородской истории, добившаяся такого успеха в столь юном возрасте.

26 ноября 2010 года на заседании областного Градостроительного совета был утвержден проект строительства Центра художественной гимнастики в Нижнем Новгороде. Если он воплотится в жизнь, Нижний Новгород действительно станет российской столицей художественной гимнастики. Точно так же, как Кстово уже является мировой столицей самбо.

С 1961 года главным центром развития этого зрелищного вида борьбы в Горьковской области был Дзержинск. Кстати первый горьковский чемпион мира по самбо (1974) – Зяки Умяров – воспитанник дзержинской школы самбистов. А что же Кстово? В 1964 году туда из

Дзержинска на работу переехал монтажник-высотник и перворазрядник по самбо Михаил Бурди́ков. Он создал в Кстово секцию самбистов. Сначала ребята занимались в бывшей котельной Новогорьковского нефтеперерабатывающего завода. Но лиха беда – начало. В 1971 году в Кстово прошел всесоюзный турнир памяти героя Советского Союза Николая Талалушкина. На ковер вышли 240 спортсменов из 22 городов страны. Одним из них был Михаил Бурди́ков. В своей весовой категории он стал чемпионом. Успехи своих самбистов в городе были замечены. И вот в 1974 году при поддержке руководства Новогорьковского нефтеперерабатывающего завода и городских властей началось строительство здания Дворца самбо. В 1976 году оно гостеприимно распахнуло двери для кстовских мальчишек. К этому времени Михаил Бурди́ков выполнил норматив мастера спорта. В 1979 он уже один из тренеров сборной СССР, а два его воспитанника: Николай Баранов и Евгений Есин стали чемпионами мира. Ну а дальше кстовские самбисты добивались успеха за успехом. Звезд этого вида спорта в Кстове воспитано предостаточно. Вот, хотя бы Сергей Лоповок – шестикратный чемпион мира. А Всемирная академия самбо, президентом которой является Михаил Геннадьевич Бурди́ков, теперь одна из визитных карточек города. За Кстово тянется и областной центр. Автозаводец Раис Рахматуллин в начале XXI века стал семикратным чемпионом мира.

Самбо пока не олимпийский вид спорта. Как и ещё целый ряд спортивных дисциплин, которые от этого, однако, не становятся менее зрелищными. И во многих из них нижегородцы добивались весомых успехов. Сложнейшими акробатическими трюками под тугим куполом парашюта восхищал специалистов многократный рекордсмен мира Вячеслав Шарабанов. Бесстрашно опускалась в морскую бездну чемпионка СССР по подводному плаванию Ирина Овчинникова.

Пожалуй, самый сложный из «водных» видов спорта – морское многоборье. Оно сочетает в себе плавание и греблю, кросс и парусные гонки. Входит в него и стрельба из пистолета. В Нижнем Новгороде живет первый в истории отечественного морского многоборья абсолютный чемпион страны (1968–1970 годов) заслуженный тренер России, выпускник историко-филологического факультета Горьковского университета имени Лобачевского Юрий Щеглов.

Звезды нижегородского спорта XX века – пример для подражания для нынешних молодых спортсменов. Как эстафету передают они своё мастерство, благо в области ещё в советское время была создана эффективная система выявления маленьких «звездочек». В начале XXI века в Нижегородской области работает 27 специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва и 51 детско-юношеская спортивная школа.

Главная кузница спортивных кадров – Нижегородское училище олимпийского резерва. Оно было открыто в сентябре 1971 года в Автозаводском районе как Горьковская школа-интернат спортивного профиля. Сначала там развивали только 5 видов спорта: хоккей, лыжные гонки, легкую атлетику, плавание, конькобежный спорт. В начале XXI века занятия ведутся уже по 20 спортивным дисциплинам.

В 1982 году директором интерната назначили Владислава Семеновича Тишина. На этом посту он провел больше 25 лет. За это время школа-интернат была преобразована в училище олимпийского резерва (1989), которое получило шикарный учебно-спортивный комплекс в уютном парке рядом с микрорайоном Кузнечиха – I (1990) и воспитало когорту олимпийских чемпионов и победителей первенств мира по разным видам спорта.

В начале XXI века нижегородские любители спорта могут быть довольны. Реконструирован Ледовый дворец спорта профсоюзов на проспекте Гагарина (2007). После долгого перерыва вернулась в лигу сильнейших наша футбольная команда (2010). Это нижегородская «Волга». Россия получила право провести чемпионат мира по футболу 2018 года, матчи которого должны пройти и в Нижнем Новгороде. Но, самое главное, началось возведение объектов для массового спорта. Строятся физкультурно-оздоровительные комплексы, бассейны, крытые катки, дворовые спортивные площадки. И не только в Нижнем Новгороде, но и в других городах области. А это значит будут у нижегородского спорта новые звезды!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Ф. А. Селезнев

КРАСОТЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В состав Нижегородской области входят 48 районов. Перечислим их, в скобках указывая название районного центра. Начнем с севера. Итак, заволжские районы севера области: Ветлужский (г. Ветлуга), Шахунский (г. Шахунья), Тоншаевский (р. п. Тоншаево), Варнавинский (р. п. Варнавино), Уренский (г. Урень), Тонкинский (р. п. Тонкино), Краснобаковский (р. п. Красные Баки), Воскресенский (р. п. Воскресенское), Шарангский (р.п. Шаранга), Семеновский (г. Семенов), Ковернинский (р.п. Ковернино), Сокольский (р. п. Сокольское), Городецкий (г. Городец), Борский (г. Бор).

Западные районы между Волгой и Окой: Чкаловский (г. Чкаловск), Балахнинский (г. Балахна), Володарский (г. Володарск).

Южные районы: Павловский (г. Павлово), Богородский (г. Богородск), Кстовский (г. Кстово), Лысковский (г. Лысково), Воротынский (р.п. Воротынец), Спасский (с. Спасское), Княгининский (г. Княгинино), Большемурашкинский (р. п. Большое Мурашкино), Дальнеконстантиновский (р. п. Дальнее Константиново), Сосновский (р. п. Сосновское), Вачский (р. п. Вача), Навашинский (г. Навашино), Кулебакский (г. Кулебаки), Выксунский (г. Выкса), Ардатовский (г. Ардатов), Вознесенский (р.п. Вознесенское), Арзамасский (г. Арзамас), Дивеевский (с. Дивеево), Первомайский (г. Первомайск), Вадский (с. Вад), Шатковский (р. п. Шатки), Лукояновский (г. Лукоянов), Перевозский (г. Перевоз), Бутурлинский (р. п. Бутурлино), Гагинский (с. Гагино), Починковский

(с. Починки), Большеболдинский (с. Большое Болдино), Сергачский (г. Сергач), Краснооктябрьский (с. Уразовка), Пильнинский (р. п. Пильна), Сеченовский (с. Сеченово).

Ещё четыре крупных города области являются самостоятельными административными единицами. Это столица химической промышленности Дзержинск, город атомщиков Саров, Арзамас и сам Нижний Новгород.

Людей, впервые попадающих в Нижний Новгород, поражает красота его расположения. «Этот царственно поставленный над всем востоком России город совсем закружил наши головы. Как упоительны его необозримые дали! Мы захлебываемся от восхищения ими...», – так выразил свои первые впечатления от Нижнего Новгорода великий художник Илья Репин. Особенно красив Нижний, если Вы приближаетесь к нему на теплоходе. Тогда перед вами как на ладони открывается исторический центр города: Кремль, Верхневолжская набережная, Рождественская улица, знаменитая Чкаловская лестница.

Старый Нижний (Кремль, Площадь Минина и Пожарского, площадь Народного единства, Верхневолжская набережная, Большая Покровская улица) – излюбленное место прогулок горожан.

Гостей и жителей города притягивают и нижегородские парки. Войти в самый старый из них можно с улицы Пискунова. Это бывший Архиерейский сад. Назывался он так, потому что в нём находился дом нижегородского архиерея, то есть главы церковной епархии. В советское время сад получил имя революционера Свердлова.

На высоком берегу Оки находится парк «Швейцария». Его заложили в 1903 году учащиеся нижегородских гимназий, вместе с родителями и учителями. Видимо кто-то из них, побывав в Альпах, сравнил окские кручи со швейцарскими пейзажами. В 1958 году горьковские студенты-комсомольцы продолжили посадки от старого парка вдоль Арзамасского шоссе (нынешний проспект Гагарина). После этого парку было присвоено имя «Ленинского комсомола». В 1992 парку вернули прежнее название – «Швейцария».

Есть свои парки в Автозаводском и Сормовском районах. А самый старый в заречной части – Парк имени 1 мая. Он ведет начало от городка Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 года.

Очень любят нижегородцы Щёлоковский хутор. Прохлада его родников и озер спасает от летней жары. Зимой же тут раздолье лыжникам.

Щёлоковский хутор – это и парк, и лес, и музей под открытым небом. Здесь расположился Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья, где воочию можно наблюдать древние деревянные церкви и старинные избы, украшенные искусной резьбой.

Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья – филиал Нижегородского государственного историко-архитектурного музея заповедника, одного из крупнейших музейных объединений России. Среди его жемчужин – Музей истории художественных промыслов Нижегородской области. В его коллекции рукотворные чудеса народных умельцев: произведения мастеров хохломской и городецкой росписи, образцы нижегородской резьбы по дереву, золотное шитье, удивительной красоты вещи из металла.

Далеко за пределами области известен Нижегородский художественный музей. Его гордость – шедевры русской живописи серебряного века: картины Кустодиева, Серебряковой, Рериха. А для одной картины музей выделил отдельное здание (дом купца Д. В. Сироткина на Верхневолжской набережной). Там выставлено знаменитое полотно К. Е. Маковского «Воззвание Минина». Его в 1908 году подарил Нижнему Новгороду царь Николай II. Картина была столь велика, что прибыла в наш город на отдельной железнодорожной платформе.

Славу музейной столицы с Нижним Новгородом по праву делит древний Городец. Там есть целый музейный квартал с богатейшим краеведческим музеем и такими музеями, каких нигде больше нет. Это, например, Детский музей – с игрушками и школьными принадлежностями разных эпох и Музей пряника, где можно не только узнать все тонкости изготовления этого любимого русского лакомства, но и отведать его. Новое украшение Городца – появившийся в 2009 году «Город мастеров». В нём разместились действующие мастерские народных промыслов. Там любой желающий может воочию наблюдать, как рождаются шедевры народного искусства и даже попробовать изготовить себе на память глиняную свистульку или тряпичную куклолку.

Кроме Городца в Нижегородской области есть ещё немало городов обладающих хорошими музеями и сохранивших интересные уголки старинной архитектуры. Это Арзамас, Семенов, Балахна, Павлово, Богородск.

Говоря о достопримечательностях нижегородской земли нельзя не назвать два села, имеющих поистине всероссийскую известность. Речь идет о Дивееве и Большом Болдине. В Дивееве находится Свято-

В болдинской усадьбе

Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, где покоятся мощи Серафима Саровского. Сюда приезжают паломники со всей России. Большое Болдино – место, где муза посещала Александра Сергеевича Пушкина. Три осени (1830, 1833, 1834 годов) великий поэт провел в своем родовом поместье, пережив здесь необычайный творческий подъем. В 1949 году к 150-летию со дня рождения Пушкина здесь был создан Государственный литературно-мемориальный музей и природный заповедник. Ежегодно в июне в Болдине проводится Всероссийский пушкинский праздник поэзии, в сентябре пушкинисты из разных уголков страны собираются на Болдинские чтения.

Притягивают туристов и красоты нижегородской природы. Кого могут оставить равнодушным ширь волжских просторов или чудесные окские пейзажи? Незабываемое впечатление оставляет сплав на байдарках по лесным рекам Заволжья – Ветлуге и Керженцу.

Длина Ветлуги – 323 км. Начинается она в Кировской области и протекает по Ветлужскому, Варнавинскому, Краснобаковскому и Воскресенскому районам, а затем уходит в Марий Эл, где впадает в Волгу. Дно Ветлуги ровное, преимущественно песчаное. Эта река широка, многоводна и очень красива.

Керженец немного уступает Ветлуге по длине. Его протяжение 290 км. Начинается эта река в Ковернинском районе, долго течет по Семеновскому району, перетекает в Борский район, а оттуда в Лысковский, в его левобережную часть и напротив Лыскова впадает в Волгу.

В Борском районе на берегу Керженца расположился поселок Ру-стай. Оттуда можно попасть в знаменитый Керженский заповедник.

Параллельно Керженцу, западнее его по Ковернинскому и Городецкому районам протекает лесная красавица Узола. Её дина 147 км. На её берегах возникли два самых известных вида художественной росписи по дереву – городецкая и хохломская.

Величественное зрелище представляют собой озера Заволжья и Балахнинской низины. Самое известное из них – расположившееся рядом с селом Владимирское Воскресенского района озеро Светлояр. Оно имеет почти идеальную круглую форму и с ним связано множество поэтических легенд. Вдохновленный ими композитор Римский-Корсаков сочинил оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

Ещё больше Светлояра огромное Пырское озеро. Оно находится в 30 км к западу от Нижнего Новгорода и совсем рядом с Дзержинском. Его площадь 252 га.

Так же велико и озеро Большое Плотово, затерявшееся среди богатых клюквой болот левобержной части Воротынского района. Названные места – часть огромного массива Камско-Бакалдинских болот. Он раскинулся к востоку от Керженца – в северной части Лысковского и Воротынского и южной части Воскресенского районов. Эти водно-болотные угодья имеют международное значение как место обитания диких птиц, в том числе редких. Тут же спрятались несколько прекрасных озер: Камское, Кузьмояр, Светлое, Ардино, Рыжан, Большое Полюшкино.

В южной части Нижегородской области, много карстовых озер. Карстом ученые называют такой вид земной поверхности, когда близко к ней залегают крупнозернистые породы, например известняки и гипсы. Подземные воды их растворяют, в результате образуются пещеры, провалы, ямы, озерные котловины. Карстовые озера находятся в бассейнах рек Пьяны, Теши и Серези.

Исток Пьяны в Сеченовском районе, в 30 км от Суры (реки отделяющей Нижегородскую область от Чувашии). И впадает Пьяна тоже в Суру. Но, чтобы «отыскать» её, она совершает круг в 436 км и сначала течет в противоположную сторону, на запад. Потом в Вадском районе резко поворачивает на север и почти тут же на восток, чтобы после долгого пути добраться до Пильнинского района. Там она впадает в Суру – всего в 60 км от собственного истока! На склонах и в пойме

Пьяны много карстовых образований, в том числе пещер. Самая известная из них – Борнуковская пещера в Бутурлинском районе. Рядом с ней расположилось село Борнуково, где живут искусные камнерезы.

Рядом, в Перевозском районе, в петле Пьяны раскинулся удивительный уголок природы – Ичалковский бор. Он знаменит подземными озерами в глубоких пещерах. Самая знаменитая из них – Ледяная.

В Вадском районе, в русле левого притока Пьяны, реки Вадок, в результате слияния нескольких карстовых провалов образовалось загадочное Вадское озеро. С его дна из глубоких карстовых воронок (воклин) бьют ледяные подземные воды. Они создают на поверхности озера волны, расходящиеся концентрическими кругами. Бывают зимы, когда вода над воклинами не замерзает – настолько силен напор подземных струй.

По дороге из села Вад к селу Зеленые горы обустроены 12 ключей. Их называют «Святыми ключами». У каждого из источников установлен крест с иконой одного из двенадцати апостолов.

Ещё одна крупная река южной части области – Теша. Ей длина 311 км. Она начинается вблизи Лукоянова, протекает через Шатковский, Арзамасский, Ардатовский, Кулебакский районы и в Навашином районе впадает в Оку. В 10 км к востоку от устья Теши на месте карстового провала образовалось озеро Свято, глубиной до 20 м.

Самый значительный приток Теши – река Сереза. Она течет с востока на запад, почти параллельно Теше, севернее её. В пойме Серези близ села Старая Пустынь находится восемь озер карстового происхождения. Все они соединяются между собой протоками. Наиболее крупное из них озеро Великое. На его берегу расположена биологическая станция Нижегородского университета.

А в селе Пешелань, к юго-востоку от Арзамаса есть таинственные карстовые пещеры. Там на глубине 70 метров расположился музей горного дела, геологии и спелеологии.

Одно из главных богатств Нижегородской области – леса. Когда-то они покрывали её большую часть. Север Нижегородской земли занимает южная тайга. Тут преобладают хвойные деревья. В здешних елово-пихтовых чащах встречаются лоси, медведи и коварная лесная кошка – рысь.

Дальше на юг начинаются смешанные леса. В них представлены ель, пихта, липа, береза, осина. Это грибной и ягодный край.

На возвышенных равнинах к югу от Волги и Оки растут дуб, липа, береза, сосна. Особенно красив сосновый лес. Основные массивы сосняков находятся в низовьях Теши и Сережи, в юго-западной части Нижегородской области.

Летом 2010 года эти места были охвачены страшными пожарами. Причина их была не только в сильной жаре, но и в людской неосторожности.

Брошенный в лесу окурочек и непогашенный костер, могут привести к большой беде. В течение нескольких часов бор с вековыми соснами может превратиться в пепелище. Никогда не следует забывать об этом. Помните, что окружающая нас красота очень уязвима. Это касается не только леса, но и озер, рек, парков, городских достопримечательностей. Согласитесь, что неприятно выйти на берег озера и увидеть там груды мусора. А что подумают гости о нашем городе, увидев на его улицах грязь и осколки бутылок, а на стенах исторических памятников отвратительные каракули? Да и нам, нижегородцам, разве не хочется, чтобы наши города, села, парки, пляжи, берега рек и озер были чисты и опрятны? А для этого мы все должны беречь красоту родной земли, храня её для потомков.

Л. Ю. Варенцова

СЛАВНЫЙ ГОРОД АРЗАМАС

Арзамас возник на главных путях из Москвы и Владимира в Волжское Понизовье, на посольской дороге, именованной в древности «Царской сакмой», и на переправах через речку Тешу.

О происхождении названия «Арзамас» существует множество версий. Вероятнее всего оно происходит от мордовского племени эрзя.

В первой половине XVI столетия Арзамасский край выполнял функцию порубежья русского централизованного государства на юго-восточных границах. По берегам Теши, по ramenьям дремучих боров тянулась засечная Арзамасская черта. Засеки представляли собой заповедные леса, в которых на уровне человеческого роста подрубались вековые дубы и сосны. Затем деревья сваливались в сторону Дикого поля, откуда можно было ожидать врагов. Заваленные в глубину до

Арзамасские купола

сотни метров мощные деревья поджигались. Огонь опаливал поверхность сучьев, предотвращая их на долгие годы от гниения. Пробраться врагу через такие преграды было невозможно. Какая-либо хозяйственная деятельность в таких заповедных местах окрестным жителям запрещалась. Для проезда посольских и торговых миссий в засеках оставлялись проезды. Именно такую функцию выполняли Собакинские, Пуские и Шатковские «вороты» (ныне рабочий поселок Шатки). На продолжении «сакмы» от Арзамаса в Понизовье стояли Темниковские и Алаторские сторожи засек, позднее переросшие в центры самостоятельных уездов. Все это находилось в ведении военных людей, под руководством засечного головы (дозорщика).

В 1560 году Арзамас был уже крупным городом-крепостью, центром самостоятельного уезда России, подведомственного Новгородскому приказу. Управлялся древний Арзамас воеводами и государевыми дьяками или подьячими.

Арзамас являлся тогда важным военным и экономическим центром российского государства. Под командой арзамасского воеводы находилось до 150 стрельцов и 30 пушкарей.

Рубленая крепость занимала высокий мыс между обрывами реки Теши и глубоким оврагом речки Сороки. Лишь со стороны ополья был выкопан

ров и поставлено 4 рубленые башни. Крепость имела достаточное вооружение: 3 медных, 6 железных пушек, 26 затинных и 29 ручных пищалей.

Особым острожком на кручах по другую сторону оврага возвышался Спасский монастырь, рубленая ограда которого напоминала крепостицу. В ней размещались собор, трапезная палата, рубленая шатровая колокольня с 9 колоколами, боевыми часами, кельи, ледники, квасоварни, кладовые.

Над кручами реки Теши в крепости стоял шатровый городской собор, а возле него – воеводский двор, приказная и земские избы, таможня и кабак, избы посадских людей. Из Спасских и Никольских крепостных ворот вниз спускались мощные настилы улиц к мосту через Тешу. Далее дорога продолжалась через Выездную слободу на Муром и Москву.

В 1623 году в городе было 433 двора, к середине XVII века насчитывалось 976 дворов.

Расположенный на пересечении многих государственной важности транспортных путей России, Арзамас в XVII веке становится значительным торгово-промышленным центром с развитым кузнечным, кожевенным, ткацко-прядельным, деревообрабатывающими производствами. Особую группу арзамасских мастеров составляли иконники, которых часто вызывали в Москву для росписи столичных храмов.

В это время происходит перестройка крепости, производится каменное строительство: в Спасском монастыре выстроен пятиглавый собор, двухэтажная трапезная палата и Рождественская церковь.

Стрельцам и пушкарям арзамасского гарнизона предстояло участвовать в 1695–1696 годах в Азовских походах Петра Великого. Многие из участников домой не вернулись, как и 30 плотников и 5 кузнецов, забранных вскоре на корабельные верфи Воронежа.

Первый рекрутский набор в регулярную русскую армию 1699 года коснулся и Арзамаса. Здесь было набрано 603 солдата.

Начавшаяся война со Швецией требовала людей, провиант, оружие, транспорт. Все это с напряжением собирала вся страна, в том числе и Арзамас. В 1701 году арзамасцы отправили в Москву на перелив несколько колоколов с храмов, а также с каждых 6 дворов по подводе. В дополнение к обычным платам тогда же пришлось собирать хлеб, высылать для государевых работ плотников, кузнецов, лопатников.

В эпоху Екатерины II вышел правительственный указ от 9 сентября 1779 года, по которому учреждалось Нижегородское наместничество.

Нижегородская губерния была разбита на 13 уездов. Древний Арзамас был объявлен уездным центром. У города появился свой герб и план будущей застройки.

В это время наблюдались успехи в промышленности и торговле Арзамаса. Купечество производило торги холстом в Санкт-Петербургском порту, а внутри города – шелковыми, суконными и прочими товарами. В городе действовали мыльные и кожевенные заводы. Изготавливался юфтяной красный и черный товар (производство кож). В городе жили ремесленники разных специальностей: серебрянники, портные, башмачники, рукавичники, кузнецы, токари, сапожники. Торги бывали по понедельникам и пятницам. Окрестные крестьяне привозили на них съестные припасы, деревянную посуду.

В XIX веке Арзамас получил новый импульс в своем экономическом и культурном развитии. К концу XIX столетия Арзамас занимал второе место после Нижнего Новгорода по развитию промышленности и торговли. Жителей в Арзамасе насчитывалось 11700 человек. В городе было 1300 домов, в том числе 82 каменных. Действовало 9 учебных заведений. Располагалось 4 мужских и 3 женских монастыря.

В 1802 году Александр Васильевич Ступин создал в Арзамасе первое провинциальное художественное учебное заведение России. Видные мастера искусств дарили ей свои живописные произведения: К. Брюллов, А. Егоров, В. Шебуев. Академия художеств передала школе 17 слепков с античных скульптур, гравюры, эстампы. Школьная библиотека включала обширные коллекции книг по всем отраслям наук и знаний. На обучение принимались не только дети чиновников, купцов и мещан, но крепостных крестьян. Наиболее одаренные из них по ходатайству А. В. Ступина нередко получали свободу.

Обучались 6 лет. За годы учебы с питанием платилось по 200 рублей ассигнациями. Уже имевшие художественные навыки учились 4 года с платой по 350 рублей в год. Работы лучших учеников представлялись в Санкт-Петербург, на выставки академии художеств. Наиболее одаренные ученики получали медали, зачислялись в ее классы. В 1809 году А. В. Ступин стал академиком живописи.

Современники отмечали высокую демократичность внутренней жизни школы. Независимо от сословной принадлежности каждый участвовал в подготовке красок, холстов, в уборке помещений, в подаче кушаний на общий стол. Регулярно устраивались коллективные чтения,

домашние спектакли, праздники. Вместе с учениками А. В. Ступин расписывал соборы Арзамаса, Нижегородской ярмарки, Пензы, Починок.

В 1825 году в школе обучалось 26 человек, в том числе будущие академики живописи – К. Макаров, Н. Алексеев, В. Раев, А. Надеждин. Многие воспитанники стали учителями уездных и губернских училищ и гимназий. Некоторые основали собственные художественные школы в Саранске и Козлове.

В 1862 году, вскоре после смерти А. В. Ступина, школа закрылась. Всего было подготовлено в ней 168 художников, из которых 88 человек являлись выходцами из крепостных крестьян. В числе его учеников были известный русский художник Василий Григорьевич Перов, зодчий-арзамасец Михаил Петрович Коринфский.

Школа выполняла важную миссию художественного образования российской глубинки. Она дала Отечеству целую когорту признанных живописцев, графиков и зодчих, получивших в стране всеобщее признание и высокое звание академиков.

К XVIII–XIX векам относятся памятники гражданской и культовой архитектуры города, среди которых самый примечательный Воскресенский собор, выполненный по проекту архитектора М. П. Коринфского.

В 1954–1959 годах Арзамас – это областной центр Арзамасской области. В настоящее время районный центр, крупный промышленный и культурный город.

О. Н. Сенюткина

НИЖЕГОРОДСКИЕ ТАТАРЫ

Татары – один из народов, населяющих наш край. До сих пор не все люди, даже интересующиеся историей Отечества и родной земли, знают о той роли, которую сыграли татары в истории Нижегородчины. Да и ответить на вопрос, откуда появились татары на нижегородской земле, может далеко не каждый.

Чтобы ответить на него сначала представим себе те места, где традиционно и компактно проживают татары Нижегородчины. Это юго-восток современной Нижегородской области, прежде всего,

земли Сергачского, Краснооктябрьского, Спасского, Княгининского, Сеченовского, Первомайского и Пильнинского районов, где расположились 34 деревни с преимущественно татарским населением. Природа этих мест отличается от других пространств нижегородских земель. Вспомним, что на территории Нижегородской области представлены три природные зоны: зона хвойных лесов (тайги), зона широколиственных лесов (дубрав) и степная зона. Именно степь и пограничная с лесом лесостепь и есть те земли, где с давних времен проживают нижегородские татары. Эта степь – «язычок», северное ответвление Великой Степи, идущей от монгольских земель на востоке до венгерских земель на западе. Почему именно на этих нижегородских землях обосновались представители татарского народа? Случайно это или нет?

Дело в том, что традиционные занятия тюрок (и их части – татар) – это, прежде всего, скотоводство (разведение коней, крупного и мелкого рогатого скота) и земледелие. На юго-востоке области можно успешно заниматься и выпасом скота, и обработкой земли и получать от этих занятий все необходимое для жизни.

Нижегородских татар часто называют «мишари», либо «сергачские татары». Что касается названия «сергачские татары», то над ним не приходится ломать голову. В Нижегородской области есть город под названием – Сергач, вокруг которого и расположена значительная часть селений нижегородских татар. Если же говорить о самоназвании «мишари», то среди ученых нет единого взгляда на происхождение этноса с таким названием. Некоторые из них полагают, что предки мишарей принадлежали к древнему финно-угорскому народу мещера, который потом смешался с тюрками и принял ислам.

Тюркские племена обитали в европейской части современной России задолго до походов Батые. В XIII веке они, вместе с русскими оказались под властью ханов Золотой Орды.

Со второй половины XIV века Золотая Орда погрузилась в пучину междоусобных войн, приведший к ослаблению некогда сильного государства, а, в конечном итоге – к его распаду в середине XV столетия. В условиях кризиса произошел масштабный выход десятков и сотен тысяч тюрок с традиционных мест обитания: на земли Руси и в Литву. Приходя на Русь, они оседали на слабо заселенных территориях, в том числе на Нижегородчине. Яркое подтверждение тому – появление на

нижегородской земле таких татарских селений, как Сафаджай (Красная Горка) и Петряксы (ныне оба села в Пильнинском районе).

Согласно мусульманской традиции в мечетях велись записи основных событий в жизни мусульманских общин. Эти записи говорят, что начало татарской деревни Сафаджай относится к 1451 году, а на рубеже XV–XVI веков рождаются Петряксы. Эти две деревни – самые ранние из сохранившихся до сего дня татарских селений Нижегородчины.

Что касается ордынской знати, то ее представители также, как и простые люди, искали лучшей доли и, уходя за пределы Орды, поступали на службу к московским великим князьям. Некоторые из них меняли веру, переходя из ислама в православие, некоторые оставались мусульманами. В XV веке московские князья приняли под свое подданство большую группу выходцев с ордынских территорий под предводительством Касима, сына одного из основателей Казанского ханства хана Улу-Мухаммеда. Касим получил из рук Москвы Мещерскую землю и город Городец Мещерский, который получил имя Касимов (сейчас это Рязанская область).

Касимовские татары находились на военной службе у Московского государства. Участвовали они и в походах Ивана Грозного. К 1570 годам служилые татары по инициативе властей Российского государства с целью защиты его юго-восточной границы расселяются на нижегородских землях. Сначала татарские селения появляются под Арзамасом. В дальнейшем происходит движение служилых татар на восток, на алатырские и курмышские земли. Служилые татары, получая от государства землю, достойно несли службу по охране границы России, защищая ее население от набегов Ногайских и Крымских правителей.

Одним из видных военачальников начала XVII века являлся татарский мурза Баюш Разгильдеев. Он возглавил отряд алатырских служилых мурз и татар, отразив в 1612 году набег ногайцев на арзамасские и алатырские места. В битве при деревне Чуколы (близ реки Пьяны) он разбил врагов, захватил их знамя и освободил значительное число пленных, за что впоследствии был пожалован княжеским достоинством. Таким образом, в тяжелые для России Смутные времена служилые татары оберегали границы государства, стремясь не допустить вражеских набегов на его территорию.

Последним селением, основанным служилыми татарами, является родившаяся в 1674 году деревня Медяна (ныне Краснооктябрьский район).

Верой и правдой служили своему государству, государству Российскому, татары-мишари Нижегородчины. Только в XVIII веке в связи с реформами, проводимыми в российском обществе, они изменили свой социальный статус, став государственными крестьянами. Одной из повинностей, которую теперь несли татары в пользу государства, стала работа по заготовке строевого леса, необходимого для строительства флота. Татары продолжали служить в российской армии, но теперь не в качестве поместных конников, а в рамках рекрутской системы.

В последующие времена татары Нижегородчины, как и другие российские мусульмане, подданные империи, вносили свой вклад в укрепление Отечества. Они не только трудились как землепашцы, скотоводы, служили в армии, но и активно торговали. Активно занимаясь торговлей, нижегородские татары, особенно с конца XIX века, выезжали из своих селений в другие регионы России, создавая там общины и религиозные приходы. Поэтому неудивительно, что сегодня малой родиной многих татар из Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Пензы, Ярославля, Финляндии, Польши, других уголков земного шара является юго-восток Нижегородчины. Ислам помог татарам сохранить свою культуру: язык, традиции, обычаи, где бы они ни оседали на жительство.

Культурное наследие в татарской среде передавали из поколения в поколение исламские религиозные деятели – имамы: они проповедовали ислам, обучали в религиозных школах (мектебе и медресе), решали спорные вопросы внутренней жизни общин и регулировали отношения с властью. Из нижегородских татар происходил один из

муфтиев России Абдулвахид Сулейманов. Он родился в селе Большое Рыбушкино, ныне Краснооктябрьского района.

На Нижегородчине широко известны имена братьев Хусаина и Абделгалляма Фаизхановых, уроженцев села Сафаджай (ныне Красная Горка Пильнинского района). Старший брат – Хусаин, известный татарский общественный деятель, педагог, историк, востоковед, археограф, каллиграф. Младший, Абделгаллям – экономист, просветитель.

Ярким представителем народной татарской культуры, целителем, а также философом, преподавателем медресе был Садек Абдулжалилов, из семьи потомственных имамов деревни Овечий Овраг (ныне Краснооктябрьского района). Известным улемом (богословом), чье имя имело не только российское, но и международное звучание, являлся Хамидулла Альмушев (из села Петряксы ныне Пильнинского района).

Мусульманские приходы в ряде городов Российской империи возглавляли нижегородцы. В Твери – Хусаин Сеид-Бурханов, уроженец села Пица (ныне Сергачского района). В Финляндии – Вали-Ахмет Хакимов из Большого Рыбушкино. В Санкт-Петербурге – Мухаммад-Зариф Юнусов из селения Овечий Овраг. В Севастополе – Юсуф Рахимов из селения Новый Мочалей (ныне Пильнинского района). В Москве – Абдулвадуд Фаттахетдинов из Красного Острова (ныне Сеченовского района) и Ахметжан Мустафин, уроженец с. Шубино (ныне Сергачского района).

В самом Нижнем Новгороде в начале XX века много усилий направили на укрепление мусульманских приходов Мухаммад-Фатих Соколов из села Пошатово (ныне Краснооктябрьского района) и Шахимардан Ильясов из села Татарское Маклаково (ныне Спасского района).

Один из нижегородских татар, из села Красный Остров – Абдулла Нежеметдинов являлся депутатом II Государственной Думы в 1907 году.

Татары помнят этих людей, берегут свою национальную культуру, гордятся тем, что вместе с русскими шли под знамена Минина спасать Россию и выводить ее из Смуты, тем, что защищали родную землю от врага в годы Великой Отечественной войны.

Героизм проявляли тогда жители всех городов и селений Советского Союза, не ожидая за это каких-либо особых наград. Даже отдельные примеры подтверждают сказанное. Только жители татарской деревни Красный Остров с первых дней войны приняли в свои семьи 150 эвакуированных граждан, обогрив их теплом и заботой. Часто, от-

рывая от себя, посылали на фронт вещи в подарок бойцам, продукты и пр. К тому же колхоз «Новый путь» в течение войны отправил на фронт 300 отборных лошадей. За период 1941–1945 годов собрал и вывез в помощь фронту 2 000 тонн картофеля, 4 500 тонн зерна, 1 500 тонн мяса и масла и другую сельскохозяйственную продукцию. И это в условиях собственного недоедания...

Общее количество татар Нижегородчины, погибших и пропавших без вести в военные годы, насчитывает около 7 тысяч человек. Практически каждый десятый житель татарских районов области отдал свою жизнь за Отечество. Жители татарских деревень области наряду со всеми советскими людьми собирали деньги на эскадрилью «Валерий Чкалов», на танк «Чембилеевский колхозник» и др. 1 020 лучших коней из татарских колхозов было отправлено на фронт. Председатель передового колхоза «Алга» М. Саберов из личных сбережений внес на строительство боевых самолетов 110 тысяч рублей. Подавляющее большинство татар, живших тогда на Нижегородчине, отдавало все свои силы, средства для достижения Победы. Имена Садека Абельханова и Якуба Шакурова можно видеть на мемориальной доске Памяти в списке Героев Советского Союза.

Среди нижегородских татар много профессионалов своего дела: учителей, врачей, механизаторов, юристов, инженеров, спортсменов. Например, Талгат Сейфи с 1957 по 1969 год работал главным инженером Горьковского авиационного завода. При его деятельном участии было налажено серийное производство самолета МиГ-25. Этот выдающийся сын татарского народа был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. Далеко за пределами Нижегородской области известно имя Раиса Рахматуллина. Он многократный чемпион мира и Европы по борьбе самбо. С гордостью вспоминает о своих предках – нижегородских татарах – знаменитый актер театра и кино Марат Башаров.

Татары берегут свой родной язык, свои народные традиции. В Нижегородской области действует 25 школ, где ведется преподавание на татарском языке. Все они расположены в селах – местах компактного проживания татар. Татарский язык преподается в Нижегородском медресе, воскресной религиозной школе при соборной мечети Нижнего Новгорода. Издается ежемесячная газета на татарском языке, а также книги – в основном поэтические и краеведческие сборники. В Нижнем

Новгороде с недавних пор проводятся специальные татарские дискотеки, действует и своя, татарская, служба знакомств.

Изучая историю нижегородских татар, понимаешь, что татары – давно укоренившийся на землях Восточно-Европейской равнины этнос, имеющий свою богатую интересную историю, тесно переплетающуюся с историей русского народа и других народов России.

Л. Ю. Варенцова

ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ: АРЗАМАС, ГОРОДЕЦ, ЛЫСКОВО, БОР

Мастерство ручной вышивки было давно известно на Руси. О нем упоминают летописи и старинные документы. Оно вызывало восхищение иностранных путешественников. Жемчугом, камнями, золотыми и серебряными нитями украшали пышные одежды бояр и князей, церковные облачения, расшивали плащаницы, пелены, хоругви, которые часто служили дорогими вкладышами в монастыри. До XVIII века это искусство развивалось среди женщин из боярских и княжеских кругов, в монастырских мастерских.

В XVI–XVII столетиях особую ценность женской и мужской одежды представляли отделки с нашивками, ожерельями и запястьями, унизанных жемчугом и драгоценными камнями, золотыми и серебряными нитями. Шелк и бархат украшались золотыми узорами и фигурами, изображениями в виде чешуи, больших и малых кругов, рек, трав, листьев, птиц. Золотное платье считалось атрибутом достоинства у бояр и думных людей, окружавших царскую особу. Когда принимали иноземных послов, то всем, не имевшим таких платьев, раздавали их на время из царской казны.

Сапоги, чеботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего – красные и желтые, иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета. Они расшивались золотом, особенно в верхних частях на голенищах, с изображениями единорогов, листьев, цветов, унизывались жемчугом. Женские башмаки украшались так густо, что не видно было сафьяна.

В XVI веке золотошвейный промысел пришел в Арзамас. Одним из его центров стал Николаевский женский монастырь. Его основал

около 1580 года житель Арзамаса Феофилакт Яковлев, который построил за свой счет церковь во имя Николая Чудотворца. Со времени появления Николаевского женского общежитильного монастыря и зародилось в Арзамасе золотошвейное дело. Впоследствии именитая нижегородская гражданка Анна Игнатъевна Башкирова постоянно благотворила обители, оказывая ей большую помощь крупными заказами на монастырские рукоделия. Работа по чистоте своей высоко ценилась покупателями.

Лавры первенства в золотошвейном искусстве держал Алексеевский женский монастырь, основанный в Арзамасе в 1634 году. В этой обители особенно были развиты художественные рукоделия и ремесла. Общежитильницы занимались шитьем золотом и серебром плащаниц, облачений, украшали образа золотым шитьем, жемчугом, фольгой и цветами.

Золотные изделия, изготовленные в Арзамасе, были широко известны в России и за рубежом. В 1882 году в память освящения храма Христа Спасителя в Москве в обители изготовили плащаницу, хоругви. Руководительница общины Е. И. Страгородская была награждена на золотой на Александровской ленте медалью, учрежденной в память освящения этого храма, а старшая из мастериц – серебряной.

За фольговые и мелкие золотошвейные работы комитетом Нижегородской кустарно-промышленной выставки-ярмарки в 1885 году община была награждена бронзовой медалью.

Сбыт изделий арзамасские мастерицы производили местному купечеству, от которого товар поступал на Нижегородскую и малороссийские ярмарки.

В самых отдаленных местах России можно было встретить церковные вещи здешней работы. Сохранившиеся в музеях старинные облачения Арзамаса вышиты по вишневному бархату стеблями и гроздьями винограда, гирляндами роз, пучками цветов и колосьев, вензелями. В них введен жемчуг, камни, бисер. Их работа удивительна по точности и изяществу. Золотошвейные изделия арзамасских мастериц выглядели необыкновенно пышно. Заказы на золотое шитье приходили в Арзамас со всей России, из Молдавии, Греции, Константинополя, Иерусалима.

В XIX веке нарядное золотое шитье стало распространяться и среди зажиточных крестьян и горожан. Вот как писал уроженец из Выездной

слободы, расположенной близ Арзамаса, Николай Шапов о свадебной одежде своей невесты: «Смотрение невесты было в 1820 году. Невеста была в шелковом вышитом золотом сарафане, в белой как снег рубашке. На шее было ниток 40 разной величины жемчуга. В ушах жемчужные серьги. На голове жемчужная повязка, и в косе целый пучок алых лент. Перед обедом надели на молодую жемчужный кокошник».

Писатель А. М. Горький в 1896 году отмечал виртуозность арзамасских золотошвейцев, чьи изделия были представлены на XVI Всероссийской промышленно-художественной выставке. В Арзамасском историко-краеведческом музее представлены золотошвейные изделия, выполненные местными рукодельницами в XIX веке.

С XVII века золотошвейное дело процветало в старообрядческих скитах Нижегородского Поволжья. Скитницы традиционно растили овощи, занимались рукоделиями как «белоручными», так и «черными». К «белоручным» работам относилась вышивка по канве шерстью, синелью, шелком, золотошвейное и бисерное дело, тканье шелковых поясов и кошельков. Все это продавалось, но больше всего дарилось богатым старообрядцам, подававшим в скиты милостыни. Черными работами считались прядение льна, приготовление холстов, пестряди на продажу.

В середине XIX века золотошвейные изделия получили широкое распространение в Нижегородском Поволжье. Город уже отошел от применения золотого шитья в костюме, а деревенские модницы находили его современными. Им украшались разнообразные виды женских и девичьих головных уборов: кокошников, шапочек, головок. Оно находило место на кафтанчиках и плечах женских рубаш. Особенно любили щеголять такой роскошью поволжские крестьяне середины XIX века. Зажиточные крестьянки особо ценили роскошные наряды с золотым шитьем. Старообрядки богатых сел Чернухи и Коваксы в Арзамасском массиве Муромских лесов носили по праздникам диковинную «обряду», в которой алая шелковая рубашка имела на плечах шитые золотом вставки – «полики», а на головах залитые той же канителью и гранью вишневые бархатные шапочки.

В поволжских селах – на Бору, в Городце и Лыскове – носили шитые золотом кафтанчики, имевшие чисто декоративную цель в костюме. Они состояли из сборчатой куртки без рукавов на проймах и сплошь зашивались золотыми узорами.

Ценились «дородоровые платки». Такой платок плотного черного, синего, вишневого, реже белого шелка был сравнительно редким явлением в деревенском быту. О владелице «дородорового плата» знала вся округа. Он сразу поднимал престиж невесты.

Значительно чаще встречались шитые золотом повязки – «головки», где шитый узор приходился на лбу владелицы и эффектно украшал концы платка на спине. Большую коллекцию головок и платков собрал нижегородский Д. В. Сироткин. Узоры их очень красивы и варьируют букеты, пучки цветов, сетки, ленты, завитки.

Сложная техника золотного шитья требовала специального обучения, поэтому была достаточно редко распространена.

Крупным промысловым центром золотной вышивки являлся Городец. Лучшие мастерицы знали более 100 усложненных вариантов вышивки, а также старинный петельный шов, состоявший из золотых или упругих серебряных петель, густо заполнявших основные мотивы орнамента.

Великолепная коллекция одежды с золотым шитьем ныне находится в «Доме графини Паниной» – филиале «Городецкого историко-художественного комплекса».

Из дальних семеновских деревень приходилось ездить в Городец, где жили «магистки» (от слова «модистки»), вышивавшие такие платки. Городецкие мастерицы принимали заказы со всего Нижегородского края. Городецкие купчихи любили фотографироваться в старинных костюмах с золотым шитьем.

Однако все желавшие купить золотошвейные изделия, съезжались на базары и ярмарки Бора и его окрестных сел. Сюда из Городца привозили уникальную продукцию.

Городецкий платок «Дорогая моя столица». Художник Д. Белова

В пору расцвета спроса и выработки золотошвейных изделий, в середине XIX века, выделялось и Лысково, где некоторые женщины с большим вкусом вышивали платки и косынки серебром и золотом. Позднее промысел жил в Варнавине на Ветлуге, где вышивались головные уборы для женщин, причем заготовки материала привозились из Москвы.

Орнаментика и техника золотошвейного дела связываются с преданиями византийской культуры, поддерживаемыми церковью. Изделия ремесла находили применение в церковных облачениях. Золотое шитье в народном быту украшало головные уборы женщин и девушек – «головки» и «платы», кафтанчики, различные детали наряда, обувь роскошного старинного наряда.

Применяя настил из веревочки, подложки бересты или крашеной бумаги, мастерицы застилали узор золоченой или серебряной ниткой разного кручения, толщины и тона, и таким образом добивались «барельефного» впечатления вышивки. Металл блестел и переливался, оттененный темным фоном вишневого бархата, круглыми блестками, разнообразием сверкающих или матовых – трунцала, мишуры, бити, грани, – составляющих выбор золотошвейного материала.

Мотивы вышивок состояли из виноградных гроздей, звезд, букетов, фигурок птиц, розеток, спиралей, фигурок птиц. Мастерица сначала составляла рисунок будущей вышивки. Для этого бралась толстая белая бумага. Готовый узор прокалывался по контуру и клался на материю, чтобы сделать «припорошку» мелом и получить слабый отпечаток проколотых точек. Бумага красилась в желтый цвет отваром шафрана, и, по высыхании, из нее вырезались все крупные части узора и наклеивались на материю. Эта «карта» затем зашивалась металлической нитью. Последнюю сквозь ткань не пропускали, а оставляли только на поверхности, прикрепляя простой ниткой через проколы. Эффектны большие плоскости шитья, сделанные в узор: цветочками, шариками, углами, в развод. Главные части рисунка, получавшие при экономном расходе материала эффектный рельеф, дополняли мелкими завитками, усиками и разброской кусочков канители и блесков по фону. Мимолетная фантазия мастериц получала тут полную волю потому, что ветки и разброски шились без всякого узора.

Работа проходила в пляцах, без какого-либо разделения труда. Среди золотошвей были мастерицы, искренне любившие свое рукоделие. Их занимала каждая деталь работы, усик или завиток рисунка. К мелочам своего мастерства они относились как к чему-то живому, дававшему пищу уму, удовлетворявшему их творческие потребности.

Золотом шили и строчили (например, в три строки, в одну петлю) по атласу, бархату, тафте.

Золотная вышивка – один из самых старинных и уникальных видов высокохудожественного народного искусства в Нижегородском крае. Богато украшенная золотой вышивкой одежда и платки были обязательными элементами гардероба состоятельных женщин. Сверкающий узор украшал праздничный женский костюм, который являлся гордостью семьи. Его бережно хранили и передавали по наследству от матери к дочери как надежный, никогда не обесценивающийся капитал. О владелице золотного плата или душегреи знала вся округа. В экспозиции Государственного Русского музея хранится коллекция нижегородских изделий: платок-«головка», городецкие платки с золотым и серебряным шитьем по коричневому фону, душегрея вишневого цвета с золотными узорами.

Для нижегородского золотного шитья характерен крупный густой узор. Центр его – вазон, с выходящими из него листьями и цветами, виноградными гроздьями, а также лентами, бантами. Здесь шили на бархате и шелке вишневого, синего, коричневого, малинового и лилового цветов.

Продолжателем традиций древнерусского золотошвейного искусства является предприятие «Городецкая золотная вышивка». Городецкие мастерицы по сей день сохраняют традиции орнамента сказочных «разметных трав» или растительных мотивов, раскрывающих красоту окружающей природы и проникнутых тонкой поэзией.

Роскошные шали из шелка и шерсти с растительными орнаментами, вышитыми золотой и серебряной нитями, создают и вышивальщицы Борской строчевышивальной фабрики.

Л. Ю. Варенцова

БАЛАХНИНСКОЕ КРУЖЕВО

«Балахнинские кружевницы плести мастерицы», – говорила старинная нижегородская поговорка. Женский промысел – плетение кружев существовал здесь с XVII столетия. В Балахне не было дома, где бы ни слышался однообразный звук перебираемых в руках коклюшек.

На развитие промысла, формирование самобытной местной школы кружевоплетения большое влияние оказала Макарьевско-Нижегородская ярмарка. Она являлась не только местом сбыта балахнинского кружева и закупки ниток. Здесь мастерицы имели возможность познакомиться с образцами кружевных высокохудожественных изделий из Западной Европы.

По мнению крупнейшего исследователя в области русского плетеного кружева В. А. Фалеевой, слово «кружево» имеет два значения. Во-первых, оно происходит от слова «окружать». Им в России определялись самые разные отделки в виде кайм на подолах, полах и рукавах одежды. Эти отделки могли быть ткаными, например, из ткани другого сорта или цвета, или нашитыми из различной тесьмы, или вышитыми. Когда в России появилось первое кружево, его использовали именно в виде нашивок. Во-вторых, кружевом считалось ажурное изделие, вид украшения одежды или предметов убранства.

В понятие «кружево» включается 3 различных вида техники: шитое иглой, плетеное на коклюшках и вязаное на прутках и крючком. Собственно кружевом может считаться только два первых вида – шитое и плетеное. Третий тип представляет собой особый технический вид – вязку.

Плетеное кружево – разновидность европейского декоративно-прикладного искусства, которое развивается с XVI столетия. Плетение кружев было изобретено в Италии, но вскоре французские кружева превзошли изяществом работы и филигранностью рисунка итальянские. Кружева черного цвета были изобретены и традиционно считались модными в Испании.

Воспринятое из Западной Европы в XVII веке, русское кружевоплетение не только сохранило и развивало лучшие традиции мастериц европейских стран, но и стало подлинно национальным явлением. Его самобытность выражается в богатстве колорита, разнообразии технических приемов, изобразительном характере орнамента, свой-

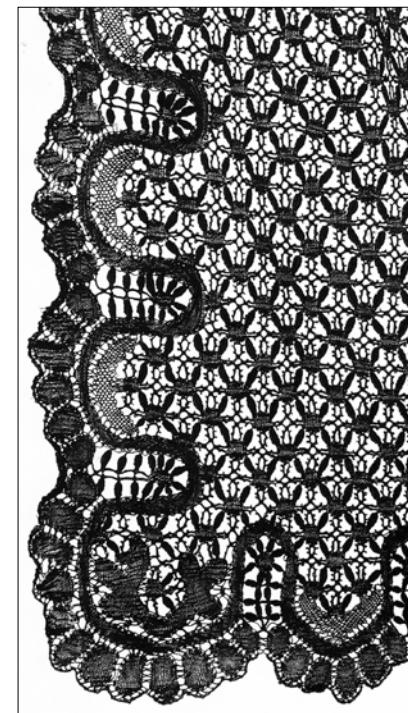
ственным всему русскому народному искусству. Творческие находки русских мастериц настолько самобытны, что вошли в историю культуры под названием «русского кружева».

В XVIII столетии существовали такие центры кружева как Галич, Ростов Великий, Калязин, Торжок, Рязань, Михайлов, Балахна, Орел, Елец.

В Балахне был создан особый тип кружева – «балахонский манер». Своеобразная прелесть «балахонского манера» заключалась в легкости тюлевых решеток, на которые клались густые букеты цветов. Это кружево характеризуется обилием растительных травчатых мотивов. Основа промысла – многопарная техника плетения. Она сочетала в себе элементы изысканного западноевропейского стиля кружев с русскими народными традициями.

Плетение кружев требовало художественной одаренности, терпения, сноровки. Плели кружево в жилых комнатах. Использовали следующие принадлежности: подушка, приготовленная самими плетящими, столик, на который ставилась подушка в виде буквы «X», сколок (узор), коклюшки, булавки и сновальничек, на который наматывались нитки или шелк. На подушку прикладывались рисунки кружева, исполненные булавками (сколок), затем начиналось заплетание с помощью коклюшек. Их употреблялось от 15 до 200 пар, в зависимости от ширины кружева.

Коклюшки – это деревянные палочки с шейкой, на которую наматывалась пряжа. Нити связывались попарно, образуя основную единицу техники кружевоплетения – пару коклюшек. Плетение производилось

*Шарф из черного шелка (фрагмент).
Вторая половина XIX века (из фондов
Балахнинского краеведческого музея)*

путем переключивания и перекрещивания коклюшек с нитями согласно рисунку. От числа пар зависела сложность кружевного узора. При работе коклюшки издавали мелодичный перестук.

Подушка делалась кружевницами в виде валика, туго набитого сеном, соломой, реже – опилками. Она служила для закрепления рисунка и самого кружева по мере его изготовления. Чтобы плетее удобно было работать, подушку клали на раздвижную подставку. В деревнях ее помещали просто в корзинку или лукошко.

Булавки требовались для закрепления работы на подушке. Их толщина должна была соответствовать толщине нити. В деревнях вместо булавок нередко употреблялись шипы различных растений, заостренные деревянные спички.

Сколочек – технический рисунок кружева. Он наносился на плотную и достаточно эластичную бумагу в виде точек, которыми обозначались места, куда должны втыкаться булавки. В начале сколка узор прорисован, а дальше плетее руководствовалась одними точками или наколами.

Коклюшки приобретались сотнями. Комплект березовых коклюшек стоил дешевле можжевеловых. В конце XIX века общая стоимость всех приспособлений не превышала одного рубля.

На коклюшках можно было сплести длинную полосу с бесконечно повторяющимися элементами узора – мерное кружево и кружевные штучные изделия. К штучным кружевам относились как отдельные различные форм и размеров мотивы, которые вставлялись в ткань и использовались для отделки швейных изделий, так и предметы для украшения интерьера (занавеси, покрывала, скатерти, салфетки, длина и ширина которых могла достигать нескольких метров) и для оформления костюма (воротники, манжеты, косынки, шарфы, жилеты и др.).

Для изготовления коклюшечного кружева применялись льняные, шелковые, хлопчатобумажные и металлические нити.

Балахна была известна, прежде всего, своими шелковыми кружевами. Они выплетались преимущественно из черного шелка, и в значительном количестве – из кремового и белого.

Много плели из катушечных бумажных нитей высоких номеров и льняных. В основном – это бельевое кружево для домашнего употребления, а также предметы одежды, выплетаемые «под шелк», например, кофточки. Для производства более дешевых кружев охотно использовалась хлопчатобумажная нить. Выплеталось мерное

и штучное кружево. По данным Балахнинского краеведческого музея, ассортимент кружевных изделий был многообразен. В Балахне готовились кружева всевозможных сортов. Это концы полотенец, простынь, отделка для подушек, кружево на комоды, подносы, скатерти. Ряд изделий относились к женской и мужской моде: галстуки, пояса, каймы платков, накладки на прическу, головные уборы (шапочки), перчатки, кофты, платья, воротники, манжеты, накидки, шали, косынки и шарфы. Ценность кружевных изделий была весьма разнообразна, зависела от частоты плетения, их веса.

В Балахне сложились свои технические приемы плетения. «Балахонская роза» – своеобразный символ местного растительного орнамента кружев.

Особое место в промысле занимали «виноградные косынки, шали, шарфы». В старообрядческой среде они пользовались популярностью. Христианские мотивы вьющейся виноградной лозы со спелой гроздью винограда очень часто встречаются в Нижегородской губернии в резьбе по дереву, в набойке, росписи, вышивке. Виноград символизировал счастье и достаток в доме, дом – полную чашу.

Свои достижения искусницы не держали в секрете. «Балахонский манер» перешел в Вятку и до сих пор живет у мастериц Кировской области.

Делалось в Балахне и металлическое кружево из позолоченных и посеребренных нитей, но его употребление ограничилось нитяного и шелкового кружева.

Промысел прославил балахнинских кружевниц на всю Россию. Из кружевных рядов на Нижегородской ярмарке изделия попадали в Москву, Казань, Астрахань, Орел, Самару, Владимир, Харьков. Кружева отправлялись и за границу – Париж, Вену, Лондон.

В конце XIX века в Балахне не было женщины, которая, начиная с самого раннего возраста, не занималась бы плетением кружев. По мнению знатока кустарных промыслов Нижегородской губернии М. А. Плотникова, кружевной промысел давал занятие почти 2000 душам женского населения города.

Из Балахны старинный промысел распространился на уезд: в Кубенцовскую, Городецкую, Катунскую, Козинскую и Николо-Погостинскую волости. В общей сложности в окрестностях Балахны насчитывалось 225 мастериц. Промысел из мещанской среды распространился среди крестьянства, захватил соседние волости и Арзамасский уезд.

На Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года в Нижнем Новгороде было отправлено 62 кружевных изделия из Балахны. Это были мастерски выполненные шарфы, косынки, платки из черного и кремового шелка, с листовым, виноградным рисунками, с клонелевыми краями, салфетки и воротники, всевозможные отделки. Особо выделялась коллекция кружевных изделий Елизаветы Павловны Скугориной.

Лучшими мастерицами считались представительницы 25 семей. Среди них – Александра Ивановна Чеснокова, Екатерина Александровна Паромова, Прасковья Николаевна Удалова, Александра Яковлевна Луковникова, Марья Ивановна Курочкина, Аграфена Андреевна Карнакова, Павла Яковлевна Новожилова.

Труд кружевниц был очень тяжелым. Они работали с раннего утра до поздней ночи. Большинство женщин занимались плетением кружев по заказу торговков или скупщиц, которые продавали кружевной товар по всей России.

В 1912 году Балахне открылась школа кружевниц. Располагалась она на улице Верхней Христорождественской. Возглавляла школу выпускница Санкт-Петербургской Мариинской практической школы кружевниц Дарья Ивановна Сергеева.

В конце 1960-х годов по инициативе работника городской администрации Надежды Ивановны Вахаевой было принято решение возродить кружевоплетение в Балахне.

В 1968 году был организован цех кружевоплетения – филиал Городецкой строчевышивальной фабрики. Из Кирова приехали Лидия Федоровна Васильева и Галина Васильевна Антипова, окончившие Вятскую школу кружевниц. Они прекрасно владели техникой выполнения вятского, вологодского, елецкого кружева. Вскоре Л. Ф. Васильева стала художественным руководителем и технологом цеха кружевниц. Старые искусницы Балахны делились секретами кружевоплетения. В цехе выросло новое поколение замечательных мастериц, таких как Н. Родюшкина, Т. Кожохина, Т. Гораздова, Л. Лебедева.

Итогом их деятельности стало то, что балахнинские кружева вновь увидел мир. Их изделия экспонировались на многих всероссийских и международных выставках.

18 января 2008 года в городе Балахне открылся музей кружев, и профессиональная кружевница Г. А. Котова не только проводит

экскурсии, но и демонстрирует, как рождаются на свет дивные узоры.

Таким образом, на протяжении почти четырех столетий Балахна является крупным и оригинальным центром русского кружевоплетения. Промысел прославил балахнинских мастериц. Сегодня он вызывает интерес не только у искусствоведов и историков. Балахнинское кружево снова в моде.

Ф. А. Селезнев

ПАВЛОВО: ЛЮДИ И ЖЕЛЕЗО

Сначала Павлово было острогом (маленькой крепостью) у перевоза через Оку. По преданию от имени легендарного перевозчика, Павла, оно и получило своё название. Принято считать датой возникновения Павлова острога 1566 год. Защищали его стрельцы и казаки. Стрельцы не получали постоянного жалования. Зато они жили с семьями и могли в свободное время беспопытно заниматься ремеслами и торговлей.

Павлово в конце XIX века

Постепенно граница отодвинулась далеко на юг, и острог превратился в село Павлово. В 1621 году оно было пожаловано царем Михаилом Фёдоровичем князю Ивану Борисовичу Черкасскому. С этого времени начался быстрый рост Павлова. К середине XVII века названное село по числу дворов превосходило многие города. Здесь процветали разные ремесла. И среди них – кузнечное. Число кузниц непрерывно увеличивалось. В 1621 году их было 11, а в 1677 – 38.

Сначала местные ремесленники специализировались на ружьях. О высоком авторитете здешних мастеров говорит тот факт, что их продукция поставлялась в Оружейную палату. Затем стали делать замки и ножи. Самое раннее упоминание о Павловских замках относится к 1621 году. Ну а первое известие о здешних ножовщиках – это 1642 год.

За пресечением мужской линии Черкасских, Павлово перешло к графам Шереметевым (1742), которые перевели местных крестьян с барщины на оброк, дав им тем самым возможность больше времени уделять промыслам. Новые владельцы всячески способствовали созданию благоприятных условий для продажи павловцами свои изделий на рынках страны и содействовали обучению местных мастеров передовым приемам металлообработки.

В эпоху Шереметевых особенно больших успехов искусства достигли павловские оружейники. Замечательным памятником их искусства является нарядное ружье с ложем из ореха, украшенное золотом, которое хранится в Государственном Эрмитаже в Петербурге. На нём есть подпись мастера: «Иван Овсяников, Павлово, 1798».

Не отставали и замочники. В 1762 в селе в год производили пять тысяч замков разных сортов. К этой эпохе относится и самый ранний из сохранившихся павловских замков. Он сделан в виде сказочной птицы и датирован 1767 годом (хранится в Государственном историческом музее).

Многие павловские замки (и ключи к ним) были настоящими произведениями искусства. Украшением музейных коллекций являются павловские медные замочки в виде зверей, птиц, насекомых. Современников особенно восхищали миниатюрные замочки из Павлова, величиной с горошину. Их изготавливали с XVII – по середину XIX века. Известны имена нескольких авторов этих шедевров. Самым знаменитым из них был Михаил Михайлович Хворов.

В начале XIX века в Павлово расцвело производство ножей. Около 1816 года Иван Игнатьевич Калякин (1795–1856) крепостной крестья-

нин графов Шереметевых, начинавший как кустарь-замочник, открыл в Павлово предприятие по изготовлению столовых и перочинных ножей, ножниц, бритв. С 1820 в Павлово известна мастерская Теребиных. Позднее ещё один известный замочник, Фёдор Михайлович Варыпаев (1818–1900) тоже освоил выпуск ножей разного назначения (столовых, буфетных, кухонных, садовых, охотничьих, складных, перочинных, бритв, кинжалов). Его изделия были настолько красивыми и добротными, что Варыпаев получил привилегию изображать на них государственный герб России и стал официальным поставщиком Императорского Двора.

Из Павлова ножевое дело перешло в соседнее село, Ворсму, где на этом поприще прославились семьи Шмаковых и Завьяловых. Николай Фёдорович Шмаков (1775 – ок. 1840) владел в Ворсме двумя сталелитейными заводами (основаны в 1780 и 1832), занимался скупкой и торговлей слесарными изделиями. Его дело продолжил сын Зиновий (1811–1891), также раздававший заказы кустарям и выпускавший складные, перочинные и «крестьянские» ножи со своим клеймом.

Иван Гаврилович Завьялов (ок. 1804–1872) в 1827 учредил предприятие, получившую известность как «Фабрика стальных изделий И. Г. Завьялова». Под этой маркой выпускались перочинные, складные, столовые, садовые ножи, бритвы, ножницы. За их высокое качество император Николай I пожаловал Завьялову кафтан с золотыми позументами, шейную серебряную медаль «За полезное» на Аннинской ленте (1835) и золотую медаль на Александровской ленте (1836). В 1837 заведение посетил наследник российского престола цесаревич Александр Николаевич, одаривший владельца за преподнесенные ему ножи золотым перстнем с бриллиантами.

Перочинные ножи из Ворсмы и Павлова в XIX в. отличались особой изысканностью отделки. Для плашек их черенков использовались самые разные материалы, в том числе моржовая, слоновая, мамонтовая, оленья, буйволовая кость. Эти ножи предназначались для того, чтобы стоять вертикально (или лежать горизонтально) на письменном столе в качестве украшения. Тонкие стальные лезвия открывались в разные стороны с боков. Черенок представлял скульптуру из кости. Некоторые из этих произведений искусства украшают коллекцию Государственного Эрмитажа.

Чрезвычайно важную роль в это время играет фигура скупщика. Скупщик забирал себе львиную долю от рыночной стоимости

произведенных кустарями изделий. Для борьбы со скупщиками приехавший в Павлово просветитель А. Г. Штанге в 1890 году создал артель из кустарей. В период расцвета она представляла собой производственный кооператив с фабричным характером производства.

В Павлове возникают и другие металлообрабатывающие «фабрики». Однако чаще всего под этим названием скрывалась так называемая «рассеянная мануфактура»: её хозяин раздавал полуфабрикаты кустарям на дом, а потом забирал готовые вещи. Или просто скупал

у кустарей уже готовые изделия, ставя на них своё клеймо. Таким образом, кустарь-единоличник по-прежнему являлся главной фигурой промысла.

В конце XIX века Павловские металлообрабатывающие промыслы начали испытывать сильную конкуренцию со стороны фабричной промышленности. Особенно тяжело пришлось замочникам, чья работа была наиболее трудоёмкой и, следовательно, отличалась высокой себестоимостью. Однако благодаря помощи государства и земства местные промыслы устояли.

Новый импульс для развития они получили в годы Первой мировой войны. В 1915–1916 году Павловские кустари оказались загружены военными заказами. Они начали производство ножниц для резки заграждений из колючей проволоки, саперных и пехотных лопат, хирургического инструмента.

После Октябрьской революции военные заказы прекратились, и Павловские металлисты вернулись к выпуску изделий бытового назначения. Усиливается замочное и ножевое производство. Осваиваются новые

виды продукции: плуги, грабли, вилы, лопаты, столовые весы. Раньше всё это выпускали крупные заводы, теперь находившиеся в кризисе. Отчасти же указанные товары поступали из-за границы (Германия, Австро-Венгрия), торговля с которой фактически прекратилась.

В 1930-е годы в Павловском сталелесарном районе была осуществлена коллективизация кустарей. Их объединили в промколхозы, где люди работали в общественных мастерских. Тогда же было создано несколько крупных предприятий, можно сказать всероссийского значения. В 1929 на базе бывшей фабрики Тереевина открылся инструментальный завод. Там выпускались разные виды слесарно-монтажного инструмента, поставлявшиеся во все концы СССР. В ноябре 1932 года вступил в строй действующих Павловский завод автотракторных инструментов им. А. А. Жданова, тоже работавший на всю страну. В 1952 году на его базе был создан Павловский автобусный завод. Его продукция, трудяги-«пазики» получила уже всемирное признание – от холодного севера до тропиков.

Кроме того, в 1930-е годы было решено построить в Павлове крупное предприятие для производства традиционных для здешних мастеров металлоизделий бытового назначения. Уже стали возводить корпуса для нового завода. Однако близилась война, и в октябре 1940 года строящийся завод был передан Наркомату авиационной промышленности. Здесь развернули высокотехнологичное производство систем управления самолетов, а позднее космических аппаратов (включая ракету-носитель «Протон» и космический корабль много-разового использования «Буран»).

А основной объем традиционных металлоизделий по-прежнему производила Павловская кустарная артель. С 1932 года она носила имя своего основателя, А. Г. Штанге, а с 1942 года – С. М. Кирова. В 1920–1950 годы Павловская артель была главным замочным предприятием страны. В 1956 артель имени Кирова превращается в государственный завод. С этого времени предприятие все большее внимание уделяет выпуску подарочных столовых наборов.

А как теперь в Павлове передают секреты кузнечного и слесарного искусства?

Хранителем традиций старых мастеров ныне является Павловский техникум народных художественных промыслов России. Коллектив его студентов и педагогов в 2003 году под руководством

директора, заслуженного художника России В. С. Голубина изготовил «Царь-замок» (автор проекта – В. Ю. Михайлычев, автор идеи – глава администрации Павловского района В. В. Куренков).

Это чудо красоты – настоящая энциклопедия технологий художественной обработки металла. Его создатели использовали приёмы художественнойковки, рельефного и плоскостного гравирования, художественного травления, заливки цветными горячими эмалями, серебрения, никелирования, чернения. Вес изделия 415,5 кг. Оно занесено в книгу рекордов Гиннеса. Средства на изготовление этого шедевра предоставил К. Ю. Тувькин, владелец ресторана «Династия», интерьер которого выдержан в традиционном Павловском стиле. Там и находится сейчас «Царь-замок», ставший одной из достопримечательностей Павлова.

Не разучились делать в Павлове и миниатюрные замочки. В 1996 году мастер П. В. Куликов создал настоящий шедевр – замок «невидимку». Его размеры 1,85 миллиметра на 1,4 миллиметра на 1 миллиметр! Дужка проходит сквозь игольное ушко! Рассмотреть его можно лишь через увеличительное стекло. Это произведение искусства хранится в Павловском историческом музее. Нельзя не сказать, что в 2001 году этот Павловский умелец бросил вызов легендарному тульскому Левше, создав композицию «Механическая блоха-кузнец» из золота, титана и серебра, высотой 3 мм.

Ярчайшим примером кузнечного мастерства преподавателей и студентов Техникума является композиция «Павловский лимон» (2005), сегодня ставшая достопримечательностью этого города. В XIX веке лимонное деревце стояло на окошке у каждого Павловского кустаря. Когда-то давным-давно купцы привезли сюда ростки лимона из южных стран, и, что удивительно это южное растение здесь прижилось. Появился сорт «Павловский лимон», дававший ароматные плоды с особым вкусом. Поэтому, когда Павловская администрация поставила задачу, выполнить изделие, которое могло бы стать символом города, то решили воплотить в металле этот экзотический плод.

Композиция «Павловский лимон» выкована из стали. Её высота на постаменте около 4 метров. И для горожан, и для гостей этого чудесного города она символизирует ту красоту, которую творят уже четырёхста лет руки здешних мастеров.

Ф. А. Селезнев

РОЖДЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ХОХЛОМЫ

Зайдите в любой сувенирный магазин столицы – вы непременно увидите там деревянную посуду с хохломской росписью. Эти нижегородские изделия известны по всей стране и за рубежом. Ничего удивительного! С хохломской росписью не сравнится никакая другая. Исключительность ей придают два секрета. Это секрет закалки и секрет золотого блеска. Особая закалка позволяет подавать в хохломской посуде горячие кушанья и напитки. Золотой блеск делает её вид необычайно красивым и богатым.

Название «хохломская роспись» происходит от села Хохлома Семеновского уезда (теперь – Ковернинский район). В самой Хохломе росписью не занимались. Это было торговое село с еженедельным базаром, куда свозили полуфабрикат и уже готовые изделия. Оттуда деревянная посуда большими партиями шла в Городец и на Нижегородскую ярмарку, а затем продавалась в другие губернии и за границу. Очевидно в обиходе скупщиков и мастеров XIX – начала XX вв. этот товар назывался «хохломским» или «хохломой». Однако чаще эти изделия именовались «семеновскими». Термин «хохломская роспись» начал широко употребляться с 1936 года.

Древнейшие из дошедших до нас хохломских вещей датируются концом XVIII – началом XIX века. В основном это большие сосуды для питья – братины. Они хранятся в Государственном историческом музее (Москва) и Российском этнографическом музее (Петербург).

Классическая технология хохломской росписи сложилась к середине XIX века. Роспись тогда осуществлялась в особом помещении – красильне. Обычно в ней устраивались две печи. Работали в красильне человек пять «красильников», во главе с хозяином. Сначала хозяин закупал неокрашенные («белые») деревянные чаши и блюда. Они назывались «бельё». «Бельё» вытачивали из осиновых заготовок – баклуш. «Бельё» подсушивали, грунтовали глиной, промасливали, наносили особое покрытие и только потом приступали к росписи.

Раскрашенную посуду называли «баской» («красивой»). «Баские» изделия закалывали печи, после чего их фон приобретал нежно-золотой цвет.

Описанная выше технология применялась в деревнях, расположенных в Скоробогатовской волости Макарьевского уезда Костромской губернии и Хохломской волости Семеновского уезда Нижегородской губернии. (Ныне это Ковернинский район Нижегородской области). Но очагом промысла, видимо, стала деревня Бездели Балахнинского уезда. Она находилась на правом, нижегородском, берегу речки Ройминой (ныне – это северо-восток Городецкого района).

Само название этой деревни подсказывает, что её жители добывали хлеб насущный не обычным мужицким трудом. Ведь для крестьян соседних деревень, занятых тяжелой мужской работой, орудовать кисточкой, а не топором, значило бездельничать, заниматься безделушками.

Часть мастеров из Безделей (скорее всего в начале XIX века) переселилась на другой берег Ройминой. Там уже начиналась Скоробогатовская волость. Здесь возникла деревня Новописцево или Большие Бездели. Соответственно Бездели Балахнинского уезда стали называть «Малыми Безделями».

Конечно, подобные названия не могли нравиться жителям этих деревень. Поэтому впоследствии Малые Бездели начали именовать «Виноградово» (по фамилии местного купца). А деревня Большие Бездели со времени возведения здесь Храма Покрова Пресвятой Богородицы (заложен в 1901 году) стала селом Покровским. В 1910 оно сгорело, но заново отстроилось и поэтому стало называться «Новопокровским».

Из Больших Безделей промысел перешёл в соседние деревни Скоробогатовской волости: на юг, в Мокушино (вниз по левому берегу Ройминой) и на север (по торговой дороге Городец – Ковернино) в Большие и Малые Хрящи.

Параллельно дороге Городец – Ковернино, к востоку от неё, вилет лесная река Узолы. По её правому берегу, примерно от широты Хрящей и вниз до устья Ройминки расположились несколько деревень Скоробогатовской волости, также получившие известность как средоточия посудокрасильного дела. Это Семино, Рассадино, Воротнево, Трутнево, Язвицы.

Напротив них, на левом берегу Узолы, стояли деревни Хохломской волости, также славившиеся росписью – Глибино и Шебашово.

Южнее Шебашова в Узолу впадает речка Хохломка. В некоторых деревнях по ней, расположенных в направлении села Хохлома (Брындино, Сивцево), тоже имелись красильни. За Хохломой в Хохломку впадает речка Шишинка. Вдоль неё в XIX веке шла проселочная дорога

Хохлома – Ермилово. На этой дороге стояли деревни Пискама и Вихорево. Они тоже славились своими красильниками. Ещё более оживленная дорога соединяла Хохлому с большим селом Пафнутово Семеновского уезда. На ней раскинулась деревня Кошелево. Расписывали деревянную посуду и здесь.

Отличительной особенностью Пискамы и Вихорева было то, что в этих деревнях в большом количестве имелись как красильни, так и токарни. Однако крупнейшим в волости центром токарного дела была следующая после Вихорева деревня – Ермилово. Одно время (середина XIX века) целых 25 токарен делали здесь «бельё» для мастеров росписи. Существовал токарный промысел и в граничащих с Хохломской волостью деревнях на дороге Хохлома – Пафнутово: Митюшине, Зубове, Большой Дуброве, Малой Дуброве. Они уже принадлежали к Чистопольской волости Семеновского уезда.

Практически вся точеная в этих деревнях посуда свозилась в Хохлому, где закупалась хозяевами красилен.

Если технология хохломской росписи с XIX века остается по сути неизменной, то узоры постепенно изменялись.

В развитии хохломского письма можно выделить несколько этапов. Сначала для нанесения узора использовали трафарет – «прорези» из бересты. Орнамент представлял собой последовательность «солнышек», «ромбиков», «ромашек», «горошин», «колокольчиков». Кроме трафарета, для нанесения отдельных элементов орнамента (преимущественно геометрических) использовали штампики (по другому – «печатки»). Они изготовлялись из кусочка фетра или шляпки гриба-дождевика и нашивались на «куколку», надеваемую на палец. Мастер макал печатку в черную краску и прикладывал к поверхности изделия. Среди получаемых таким образом орнаментов были наиболее распространены «рыжик», «карнез», «елочка и ягодка», «крапка и кирпичик», «кирпичик с крестиком».

Ещё один вид орнамента создавали черные и красные мазки кисти, напоминающие травинки – т. н. «травка». «Травка» состояла из разных по толщине линий, наносимых кистью. Самая тонкая линия называлась «осочка», линии потолще – «сестричка», «галочка», «травинка». Разные их сочетания составляли элементы орнамента («сестрички по одной», «сестрички с ухватом», «веревочка с сестричками», «куриная лапка», «кустик» и т. п.). Постепенно к ним стали добавляться более

Набор из 9 предметов.

Форма: В. Дашкова, Роспись: Н. Солоницына, заслуженный художник России

сложные детали: «листок», «листок с рябиной», «яблочко».

Один из самых любимых хохломскими мастерами травяных орнаментов – это «пряник». Основой этого рисунка являлся квадрат или ромб. Он наносился толстыми красными линиями на донце чашки, блюда или тарелки. Внутри четырехугольника попеременно красной и черной красками клались стебли травы с изогнутыми концами. Вокруг пряника писалась «осочка» с гибкими, волнистыми удлинёнными листьями, изгибающимися по кругу. За ней следовали более крупные элементы, например «куриные лапки». На наружной стенке чашки создавался уже иной рисунок. Красным наносился сравнительно широкий пояс. По пояску производилась «разживка» черной краской с изображением ромбиков, рубчатых квадратов и спиралей.

Во второй половине XIX века серьезным конкурентом для расписной деревянной посуды стала подешевевшая фабричная посуда из металла и керамики. Кустарям пришлось приспосабливаться к новому положению и искать новые ниши на рынке. Лучше всего это удалось народным мастерам Скоробогатовской волости, которые в 1870-е годы приступили к росписи мебели. Это их начинание получило поддержку властей. У костромского губернатора Владимира Ипполитовича Дорогобужина несколько комнат были меблированы в русском стиле, руками и искусством скоробогатовских красильщиков. Видимо именно он представил Александру II мастера Красильникова из Больших Безделей вместе с его произведениями.

Эти изделия настолько понравились царю, что он подарил народному умельцу золотые часы.

Романовы и дальше оказывали знаки внимания Красильниковым. Но их мебель вызывала восхищение не только царской семьи. Она приводила в восторг знатоков искусства и в России, и за границей. Неоднократно посуда и мебель с хохломской росписью получали награды на международных выставках

Мастера из Скоробогатовской волости расписывали табуреты (в форме бочонка), кресла, столы, детские стульчики, буфеты, диваны, кровати, гардеробы, книжные шкафы. Поначалу для украшения мебели использовалась привычная «травка». Однако на широкой мебельной поверхности «травка» смотрелась мелко. Простовато на городском гарнитуре выглядел бы и геометрический орнамент, сделанный грибом-дождевиком. Для городского потребителя и на мебели, и на посуде требовался более изысканный рисунок. И вот в 1870-е годы появляется «круглое письмо» или «кудрина», когда по всему золотому фону черным рисовались большие круглые завитки листьев.

Впрочем, скоро стало ясно, что для мебели золотой фон – не самый подходящий, а вот черный и красный в сочетании с золотым узором наоборот создают обстановку торжественности и роскоши. И в росписи мебели стало прочно преобладать «фоновое письмо». В нём контур рисунка тоже наносился на поверхность черной (или красной) краской. Только, кроме контура, черным или красным заполнялись ещё достаточно большие участки фона. Сам золотой рисунок «разживлялся» какими-то дополнительными элементами. Его старались сделать сложным, способным удовлетворить взыскательный вкус городского покупателя.

Здесь на помощь деревенским мастерам пришли профессиональные художники. Их эскизы использовали в своем творчестве представители семьи Красильниковых. В итоге всех этих воздействий в хохломской росписи в 1880-е годы сложился новый стиль, который получил название «славянская вязь» или «переплет». Это была разновидность фонового письма. В основу названного орнамента были положены богатые элементы заставок древнерусских рукописных книг: сложные композиции из золотых переплетенных линий (отсюда и название «переплет»), иногда с добавлением растительных элементов. «Славянская вязь» использовалась преимущественно при окраске мебели. Этот орнамент увлеченно использовали Красильниковы и ряд других видных мастеров.

Одним из пропагандистов этого направления, как в общероссийском масштабе, так и на Нижегородчине был Александр Нилович Дурново. Он заведовал художественной частью на Первой Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Санкт-Петербурге (1902), принимал деятельное участие в устройстве русских отделов целого ряда международных выставок (США, Франция, Италия). Одновременно он неоднократно посещал «гнездовья» хохломской росписи, поддерживая тесные отношения с семьей Красильниковых и снабжая их своими рисунками. Кроме того, Дурново был художником Нижегородского губернского земства и художественным руководителем, организованной в Семенове в 1913 Инструкторской школы по токарно-посудному и мебельному промыслам.

Создание этой школы, а особенно организация в Семенове в 1916 году по инициативе и на средства нижегородского городского головы Д. В. Сироткина Школы художественной обработки дерева во главе с художником Г. П. Матвеевым открыли новую страницу в истории хохломской росписи. Отныне одним из её главных центров стал Семенов.

Георгий Петрович Матвеев (1875–1960) оказал определяющее влияние на искусство хохломы. А руководимая им Школа художественной обработки дерева (Школа ХОД) воспитала новое поколение хохломских художников, которое принесло промыслу всемирную славу. Сегодня их традиции продолжает известная во всей России фабрика «Хохломская роспись».

Л. Ю. Варенцова

ГОРОДЕЦКАЯ РОСПИСЬ

Искусство городецкой росписи – старинного промысла, бытовавшего в нижегородских деревнях вблизи Городца, берет свое начало с украшения прялочных донец. Донца (по-местному «денца») изготовлялись в деревнях Мокшино, Ахлабаиха, Курцево, Косково, Лебедево, Серково. Здесь же расписывали дуги, детские стульчики и каталки, мочесники, берестяные бураки, глиняные кувшины.

Причудливо извиваясь и петляя, катит мимо деревень свои прозрачные и быстрые воды речка Узола. В дни весеннего половодья

река подмывает крутые берега, на котором возвышаются березы, кряжистые дубы, ели и осины, выворачивает их с корнями. Падая в воду, деревья постепенно заносятся песком, погружаются в речной ил. Мягкие породы дерева быстро гнивают, дубы же от долгого пребывания в воде, наоборот, становятся еще прочнее и крепче.

Пролежавший многие десятки лет на дне реки дуб меняет цвет. Его красивую темную, «мореную» древесину мастера использовали в украшении донец.

Каждая крестьянская семья занималась выработкой донец самостоятельно. Не все располагали специальными мастерскими, многие работали прямо в избе. Возглавлял всю работу в семье старший мужчина в доме.

Изготовление белого полуфабриката – «белья» производилась из одного куска дерева. Вырезая широкую лопасть донца, мастер придавал ей плавные очертания и делал ее похожей на спинку плывущей птицы. К завершению лопасти эта форма заваливалась, становясь более узкой, и получала изящный переход в виде шейки птицы к ее головке – «копылку». Когда в головку вставлялся гребень, он торжественно украшал ее, как гребешок на голове птицы.

Зачинателями промысла местные предания называют семью Краснояровых. Их далекий предок Никита Емельянович Краснояров в XVIII столетии приехал в Заузолье из Сибири.

Доведя при помощи топора и ножа до нужной толщины дощечки дуба, мастер принимался вырезать из них вставки (коней, птиц, фраки солдат или кавалеров, юбки дам, их головные уборы). Делались заготовки во множестве, выполнялись фигурки и одинаковые, и разные по величине. Поверхность инкрустированного донца разделялась на два или три яруса. Мастер расставлял все основные фигуры по местам, очерчивал их по контуру слегка карандашом или острой палочкой, долотом и полукруглой стамеской ударял по их деревянному черенку деревянным же молотком – «киянкой». Дуб врезывался в углубления мягкой осины, закреплялся без клея мушечками, дополнялся нарезками узора, подрисовывался и слегка подкрашивался.

С середины XIX века возникла роспись донец. Под влиянием большей доступности красителей возрастала яркость товаров, пестревших на базарах и ярмарках. Легче стало создавать на донце подробные и затейливые рассказы. Подкраска донец начиналась с робкого применения соков ягод и кореньев: клюквы, черники, солодового корня, коры

Тарелка с сюжетом. Художник А. Соколова

ольхи, позднее мастера стали покупать краски. Появлялись сочетания желтого фона с черным дубом, с добавками синего, зеленого и красного. Постепенно научились более тонким способам живописи. Стали олифить поверхность, добываясь прочности краски. Подкраска донец была решительным шагом к освоению искусства живописи.

В 1870 году в Косково из Городца приехал опытный живописец Николай Иванович Огуречников,

впервые применивший в росписи донец приемы свободной кистевой росписи. От него мастера узнали, что краску надо готовить не на воде, а на жидком столярном клее, научились варить льняное масло. Н. И. Огуречников показал, как надо коней малевать беличьей кистью, как рисовать цветочный орнамент – розы, «купавки».

По данным 1880 года новым «красильным делом» занимались в семи деревнях 34 семьи с 68 мастерами. По 15–16 часов в день мастера сидели за «чебулашками» с краской. Работали преимущественно в осенне-зимний период.

Сами денца хорошо расходились с наступлением осенних посиделок. При покупке ценилась яркость красок и затейливость узора. Цена донца находилась в пределах от 8 до 17 рублей за сотню.

На берегу Волги в Городце размещался щепной ряд, где продавали сани, дровни, кадки, ушата, бочата, деревянные ведра, корзины, корыта и, конечно же, многочисленные донца. Они продавались и оптом, и в розницу. Много торговало скупщиков изделий, закупавших донца у мастеров.

Лучшим мастером был в то время Гавриил Поляков. Он мог изобразить чаепитие, барскую прогулку, сказочную сцену, застольную беседу.

В конце XIX – начале XX веков Федора Семеновича Красноярова по праву называют одним из самых ярких представителей городецкого живописного стиля. Почти всю жизнь он провел за росписью простых донец, продававшихся на базарах. Он любил писать на донцах барынь, коней, котов, даже коров. Одна из интереснейших его работ – «Чаепитие с хозяйством» (1936 год).

Красок для росписи было не больше пяти: красный – сурик и фуксин, желтый – крон, синий – кобальт, белила и сажа. Добавлялась иногда зелень. Все краски покупали в Городце и разводили на клею. Готовые денца покрывались льняным маслом и олифой, сушились в печи. Два мастера делали в неделю 40 донец, один был столяром, другой живописцем.

В старейших промысловых селениях Савино и Репино расписывались и глиняная посуда. Большим уважением пользовалось и мастерство росписи дуг. Многие расписывали солонки, детские коляски, стульчики из тала, вальки для колочения белья, мочесники.

В живописи городецких мастеров было много наивного, грубоватого, но она подкупала искренностью, яркостью, затейливостью. Городецкий орнамент с пышными розами – купавками, бутонами, листьями дополнял сюжетные и символические картинки.

Донца городецких мастеров можно разделить на три группы: рядовые, предназначенные для продажи по более дешевым ценам (их изготовлялось больше всего), дорогие, а также особые, уникальные, подарочные, которые выполняли только в одном экземпляре.

В 1920–1930-е годы в жизни городецких красильщиков наступили трудные времена. Спрос на расписные прядельные донца почти полностью прекратился.

Возрождение промысла в XX веке было очень сложным делом. Чтобы поддержать ценнейшие виды народного творчества, Советское правительство обратилось к помощи специалистов: искусствоведов, художников, организаторов промысловой кооперации. Для помощи мастерам городецкой росписи летом 1935 года в Горьковскую область был направлен художник Иван Иванович Овешков. Ему было поручено организовать при промколхозе имени С. М. Кирова художественную мастерскую и привлечь в нее местных живописцев. В мастерской начали изготавливаться берестяные бураки, шкатулки, настенные шкафчики для посуды, детские столярные стульчики, складные ширмы.

Для возрождения городецкой росписи большое значение имела организованная в 1937 году в здании Государственной Третьяковской галереи Москвы выставка «Народное творчество». Из мастеров деятельное участие в ней приняли И. А. Мазин и И. И. Овешков.

После Великой Отечественной войны старшее поколение мастеров уже ушло из промысла, Аристарху Коновалову пришлось принять заботы мастера, старшего в промысле. Он стал организатором цеха росписи при местной артели «Стахановец», начал разработку первых образцов, взял на себя труды учителя и воспитателя коллектива молодых мастеров.

В марте 1951 года учреждена артель, выросшая на основе артели «Стахановец». Более 30 лет Аристарх Евстафьевич Коновалов возглавлял художественное руководство этого предприятия. Потомственным мастером городецкой росписи были разработаны детская мебель, декоративные тарелки, расписанные цветами и птицами в традициях городецкой росписи.

В 1960 году артель «Стахановец» была преобразована в фабрику, получившую название «Городецкая роспись».

А. Е. Коновалов – постоянный участник отечественных и зарубежных выставок искусства художественных народных промыслов. Его произведения находятся в коллекциях крупнейших музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. За возрождение промысла городецкой росписи он награжден орденом «Знак почета».

Продукцию городецких мастеров узнали в 30 странах мира, в числе во Франции и Германии, Швеции и Канаде, Бельгии и Италии.

На предприятии «Городецкая роспись» развиваются лучшие традиции крестьянского промысла. Работы современных ведущих мастеров получили всемирное признание.

Ученицы А. Е. Коновалова замечательные художницы Т. М. Рукина, Л. А. Кубаткина, Л. Ф. Беспалова, А. В. Соколова и Ф. Н. Касатова стали вместе со своим учителем лауреатами Государственной премии им. И. Е. Репина.

Такие сюжеты росписи как «застолье», «гулянье», «влюбленные пары», «лихие всадники» – их смысл общечеловечен, понятен любому народу, в любую эпоху. Это мечта о счастье, любви, веселом празднике, дружеском общении людей, восхищение молодостью, удачью и красотой.

Городецкая роспись – один из самых известных художественных промыслов России, ярчайшее явление народного искусства.

Л. Ю. Варенцова

ГОРОДЕЦКИЕ ПРЯНИКИ

Издавна старинный русский город Городец на Волге славился пряничным производством. Городецкие пряники и коврижки были любимым лакомством детей и взрослых.

Фигурные пряники с самой различной начинкой и хрустящей сахарной поливой, не черствеющие долгие месяцы, производились в Городце с XVII века. С этого времени городчане вели активную торговую деятельность. На еженедельные субботние торги в Городец приезжало немало продавцов и покупателей. В удобном для стоянки судов городецком затоне весной, летом и осенью стояло множество лодок, ладей и дощаников, прибывавших по Волге из самых разных российских селений. Огромным спросом на городецком торгу пользовался хлеб, привезенный из Волжского Понизовья, из плодородных арзамасских и курмышско-запьянских земель. Вероятно, в связи со значительным хлебным привозом и торговлей зерном, пшеничной и ржаной мукой и развился пряничный промысел. Городецкие бортники сполна обеспечивали местных пряничников медом, необходимым для выпечки сладкого товара.

Умению выпекать хлебное лакомство на меду и патоке с разными пряностями, городчане научились у своих соседей – жителей Васильевой слободы (ныне г. Чкаловск Нижегородской области). Старинные документы сохранили имена «знатных прянишников» из Васильевой слободы: «Фадейко Михайлов с детьми с Полункой и Пашкой» «да Куземка Михайлов». Секрет изготовления пряников быстро переняли крестьяне и бобыли городецких селений.

К XVIII веку в Городце уже насчитывалось 75 мастеров-прянишников. В описях XVIII столетия читаем: «Некоторые городчане делают пряники и развозят оные по разным городам и селам». Поступление городецких пряников на рынок стало массовым, по ярмаркам развозилось тысячи пудов сладкого товара.

Согласно официальным отчетам, в это время в Городце ежегодно выпускалось 8000 пудов пряников медовых и разводных. Продавался каждый пуд пряников первого сорта по 4 рубля, второго по 3 рубля 80 копеек, третьего сорта разводные – по 2 рубля 50 копеек.

В Городец изготавливали пряников до 30 сортов, которые различались по величине и по вкусу. Они бывали одномерные, медовые, сусляные, сахарные битые (до пуда весом), коврижки, жемки, жемочки, ореховые, фигурные, печатные, фруктовые, вишневые, малиновые. Различались пряники и своими размерами. По величине их подразделяли на много видов – от самых мелких – «закусочных» до «аршинных».

Городецкие сладости являлись настоящими произведениями народного искусства. Они выпекались в виде рыбок, птиц, фантастических зверей, а к престольным храмовым праздникам содержали еще и евангельские сюжеты. Для семейных торжеств и событий изготавливались подарочные печатные пряники, огромные, пышно украшенные, весом на несколько пудов.

Пряники были любимы всеми, ими не гнушались и состоятельные люди, и детвора, и взрослые из простонародья. Пряник считался как хорошим подарком, так и замечательным угощением во время приема гостей. На свадьбах свахи обменивались пряниками и пивом. По обычаю, на второй день свадьбы, молодые шли с подарочным пряником на поклон к родителям невесты. Гостям же раздавали особые печатные пряники, они назывались «разгонные» и служили символом завершения праздника.

В старой русской жизни пряники играли большую обрядовую роль. Были пряники свадебные, поминальные, подносимые в так называемое «прощёное воскресенье», в дни именин, в десятках других случаев. Подносились пряники в качестве дорогого подарка на особых больших деревянных резных блюдах. В коллекции Городецкого историко-художественного комплекса сохранилось такое блюдо.

На городецком торгу имелся особый пряничный ряд. Пряничники и пряничницы приносили свой товар в специальных лубяных коробках, при этом кричали, зазывая покупателей: «Ой, пряники медовые, мягкие, фунтовые! То и малым ребятишкам, то и старым старикам! Сами печем, отдаем нипочем – с пылу, с жару, алтын за пару!»

В XVII–XVIII веках городецкие пряники преимущественно сбывались на Макарьевской ярмарке, откуда расходились по всей России.

Городчане пряничничали в особых небольших пекарнях, помещавшихся обычно при жилых домах. Наиболее состоятельные из мастеров имели до 5–6 человек наемных работников. Пекарня оснащалась следующим образом: обычная большая русская печь, несколько широких

столов для раскатки теста, кадки для его приготовлений, формы «манеры», противни.

Пряничное тесто готовили двумя способами: сырцовым и заварным. Тесто замешивалось вручную из следующих компонентов: просеянная мука, вода, молоко, сметана, мед, патока, яйца, масло, дрожжи. Обязательно в тесте присутствовала смесь пряностей – «бу-кет» или «сухие духи»: корица, гвоздика, перец, кардамон, имбирь.

Муку, как правило, смешивали пшеничную и ржаную, что улучшало качество пряников и уменьшало их усушку при длительном хранении. Иногда в пряники добавляли варенье, фруктовые начинки – вишневые, малиновые (сухие ягоды или сок).

При сырцовом способе из-за большого содержания меда тесто получалось рыхлое и вязкое. Заварной способ включал в себя три стадии: заваривание муки в медовом или паточном сиропе, охлаждение заварки в ларях или противнях, смешивание заварки со всеми остальными компонентами.

Готовое тесто выкладывали на разделочные столы, проминали, ровно раскатывали скалками, наносили рисунок. Для формования изделий использовались специальные металлические выемки, в сочетании с ними применяли деревянные формы.

Перед выпечкой поверхность пряников смачивали холодной водой или яйцом, прокалывали в нескольких местах ножом во избежание вздутий. Прежде чем пряники погрузить на смазанные жиром противни, иногда их поверхность посыпалась орехами или изюмом. Продолжительность выпечки зависела от толщины изделий.

Вынутые из печи, пряники смазывались яйцом, протирались мягкой щеточкой для придания блеска.

Охлажденные пряники глазировались в особом котле с помощью сахарного сиропа. Затем их подсушивали, раскладывая в решетках в один ряд.

Пряники считались качественно изготовленными, если тесто было пористое, хорошо пропеченное, изделия приобретали хорошую форму, удачно глазировались, поверхность блестела на изломе.

Вкусные, прекрасно пропеченные пряники привлекали покупателей красотой и замысловатостью форм. Городецкие изготовители пряничных досок – «пряниц», «пряничных изложниц», «манер» – создавали оригинальные штампы для «печатания» пряников. Отсюда и название «печатные пряники».

*Набор резной
4-предметный.
Художник
М. Логинов*

Пряничные доски являлись замечательными произведениями народного изобразительного искусства. Печатные доски изготовлялись с особой старательностью и выдумкой. Резчики создавали на «манерах» как отдельные фигуры (людей, животных, птиц, рыб), но и целые композиции (образ райского сада, сказочные дворцы и храмы), натурные объекты из живой природы (лебеди, гуси, павлины, раки, стерляди, петухи, лошади). Это были своеобразные деревянные картины, на которых с поразительной виртуозностью мастера-резчики создавали сотни различных сюжетов. Они отличались большим декоративным богатством, совершенством мелкоузорной выемчатой резьбы. Пряничные доски всевозможных размеров и различной сложности резались из хорошего материала – липы или березы.

Нередко на «манерах» изображались вымышленные образы, например, драконы или райская птица Сирина. Этот сюжет был особенно популярен среди городчан-старообрядцев.

Специфическая форма резьбы существовала в ряде городов и местечек Центральной России, но только в Городце она стала подлинным искусством. Городецкие мастера поставляли свои пряничные доски в те селения, где промышленляли пряничным делом. Отправлялись доски-штампы, прежде всего, в Васильеву слободу.

К XIX веку пряничное производство в Городце стало еще более развитым. Сложились династии пряничников – это семьи Бахаревых, Гуняковых, Синцовых.

Фактически каждое судно, отправлявшееся из Городца, грузилось пряниками. Весной из городецкого затона уходили баржи и ладьи с пряниками по всему Поволжью, от Рыбинска до Астрахани. В 1870 году известный нижегородский краевед А. С. Гациский писал: «Село Городец приобрело давно уже славу своими знаменитыми пряниками».

Особо значимые партии пряников поставлялись городчанами на Нижегородскую ярмарку. Ни один побывавший с родителями на торгу ребенок не уходил ярмарки без красочного сладкого подарка, ставшего как бы символом русского народного гулянья. Нижегородская ярмарка – место розничной и оптовой торговли тульским и городецким сладким товаром. В 1902 году здесь было его продано 8000, а в 1907 году – 11000 пудов. Тульские пекари выпекали пряники прямо на ярмарке. Городецкие сладости доставлялись на всероссийское торжище в готовом виде. Высшие сорта тульских пряников закупались бакалейными торговцами из Поволжья и Пермско-Вятского края. Городецкие изделия требовались в Новгородскую губернию, на север России. Оптовики платили за тульские пряники 6–16 рублей, а за городецкие сорта – от 4 до 12 рублей за пуд. В начале XX столетия городчане поставляли на ярмарку, прежде всего, «фруктовые» и «номерные», пряники «с начинкой» и «в кандаре», а также коврижки.

Появились новые династии городецких пряничников: Беляевы, Волжанкины, Глазуновы, Гороховы, Лемеховы, Романычевы, Щербакковы. Большинство из них были старообрядцами.

1920–1930-е годы стали временем образования промысловых артелей. 30 марта 1930 года образовалась артель «Красный пряничник». В 1960 году пряничники вошли в состав Городецкого пищекомбината. В 2004 году на его основе образовано ООО «Городецкие пряники». 26 июля 2008 года в Городце на Волге открылся музей «Городецкий пряник». Он стал одной из самых посещаемых достопримечательностей Городца.

Современные умельцы-пряничники добиваются возрождения былых традиций и славы городецких пряников. Таким образом, городецкое пряничное производство существует уже более 400 лет. Это яркая страница в истории культуры Нижегородского Поволжья XVII – начала XXI столетий.

Л. Ю. Варенцова

ТАЙНЫ БОРНУКОВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

В 40 км от районного центра Бутурлино в живописной местности, в бывшем Княгининском уезде Нижегородской губернии, расположилось старинное село Борнуково.

Село знаменито уникальным природным явлением – карстовой пещерой, расположенной на правобережном склоне долины реки Пьяны, в 1,5 км на северо-восток от Борнукова.

«А какое незабываемое зрелище дает Борнуковская пещера! Вход в нее находится внизу отвесной скалы и сложен из белого гипса и белорозового алебаstra; высота его около 4 м и ширина до 6 м. Через это отверстие вы вступаете в коридор, дно которого – белый гипс, прикрытый толстым слоем наносной глины. В 2–3 местах кровля коридора подпирается естественными белорозовыми столбами – колоннами из чистого алебаstra. По коридору, имеющему в длину около 6–8 м, вы входите в большой зал до 12 м высоты, стены которого сложены из чисто-белого гипса...», – такой представлялась пещера С. С. Станкову в 1936 году.

О ней писали все, кому доводилось касаться природных достопримечательностей Нижегородского края, например знаменитые ученые П. С. Паллас и В. В. Докучаев.

Эта 50-метровая гора с ее пещерными залами – место необычайной красоты. Причудливые гроты, подземные озера с прозрачной и холодной водой привлекали сюда многочисленных посетителей. Гордостью пещеры были каменные своды. Розовые, желтые, ослепительно белые, зеленые, прозрачные и дымчатые камни поражали и восхищали многообразием расцветок. Очень интересны и окрестности пещеры: здесь можно увидеть четко выраженные уступы террас, россыпи валунов на склонах, карстовые озера.

Известна миру Борнуковская пещера и своим поделочным камнем, который в старину называли «леденец» за его искристую нежную окраску. Академик Лев Владимирович Даль об этом камне писал, что он «чистый, как сахар, местами волокнистый, местами прозрачный как стекло».

Нижегородский краевед А. С. Гациский отмечал, что здесь следовало бы устроить место для туристских и экскурсионных осмотров, осветить пещеры внутри, сделать их удобными для обозрения.

Издавна из Борнукова камень отправлялся на отделку дворцов в Москву и Санкт-Петербург. Торговали каменными изделиями борнуковских ремесленников на Нижегородской ярмарке.

Местный ангидрит находился возле пещеры и в ней. Он тверд и красив, с золотистыми прожилками, иногда зеленоватый, часто голубой. Кроме молочно-белого тона, он имеет легкие подкраски: сероватого, желтого, изредка бледно-розового цветов. Камень поддавался ручной обработке. Из него выполнялись шкатулки и вазы, фигурки людей и животных. Он чудесно просвечивал. Абажур для ночника, высеченный из ангидрита, имел какую-то успокоительную белизну. Иногда в нем был виден ажур жилоч. Его называли нижегородским мрамором. Он стал популярным материалом для художественных изделий.

Нижегородское губернское правление в 1896 году сообщало: «В Княгининском уезде добывается особой породы мрамор (в Борнуковской пещере), из которого выделяются различные безделушки».

Его использовали на доски для столов и подоконников, на выточку ваз, масленок, пепельниц, пресс-папье и значительно реже – на резьбу фигур людей и животных. Одним из лучших мастеров-камнерезов считался Иван Герасимов.

На Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года были привезено 19 видов продукции из камня. Их выполнили мастера Н. А. Лабазин, Я. И. Тимошкин. Гипсовые изображения имели названия: «всадник с конем», «собака на охоте», «корова с теленком», «купидон раковиной», «собака с оленем».

Доски для столов из борнуковского мрамора экспонировались на Парижской выставке 1900 года.

В 1930 году по предложению приехавшего с Урала мастера Павла Леонтьевича Шальнова здесь, при местной артели, созданной под руководством Федора Ивановича Мельникова годом раньше, было открыто художественное камнерезное производство. Вместе с П. Л. Шальновым с Урала приехали братья Бочкаревы, И. М. Батраков. П. Шальнов набрал в бригаду местных детей и стал обучать камнерезному делу по уральским образцам скульптуры малых форм. С его помощью здесь было налажено художественное камнерезное производство. Под стать уральцам стали трудиться Александр и Константин Егорушины, Василий Дикушев. Их произведения отличались красотой отделки, правильностью обработки камня.

«Пума на дереве». И. Евстифеев

С той поры и закрепилась слава борнуковских мастеров как скульпторов-анималистов. Фигурки самых разных животных – домашних, диких, водившихся в окрестных лесах и экзотических – львов и слонов – стали визитной карточкой камнерезной фабрики «Борнуковская пещера».

В 1930-е годы правление артели направило трех молодых мастеров учиться в Московское художественное училище. Так в артели появились талантливые дипломированные художники. Среди них П. И. Гусев и П. В. Курышев.

В 1937 году семь изделий борнуковских камнерезов экспонировались на Всемирной выставке в Париже. Тигр из ангидрита, с розовыми полосами, группа пеликанов молочной белизны, медведь из голубоватого камня и целая медвежья семья – вот сюжеты этих красивых вещей, имеющих также практическую значимость пепельниц и письменных приборов. Образ медведя особенно удачен в борнуковской резьбе. Пятнистый иссеченный камень хорошо передает цвет и поверхность его шкуры.

Особым талантом в изготовлении анималистической скульптуры обладали братья Александр и Павел Егорушины, Александр и Иван Долговы, Василий Полесов.

В 1940 году здесь трудились 120 камнерезов и 65 шлифовальщиц. Производство и ассортимент быстро расширялись. Из Перми борнуковские умельцы вернулись с дипломом Всесоюзной выставки камнерезного мастерства. В годы Великой Отечественной войны производство не прекращалось. В 1944 году в Борнукове выпускали 28 разновидностей чернильных приборов, 29 пепельниц, 48 фигур и статуэток. На Всесоюзную выставку 1947 года из лучших сортов камня светло-голубых и палевых оттенков П. В. Курышев, Ф. И. Рубцов, П. А. Егорушин изготовили вазы, барельефы, фигурки животных.

После Великой Отечественной войны на производство пришло много женщин. Среди них – Т. И. Пилясова, А. А. Куликова, С. П. Лапшина, З. Н. Недугова, В. Д. Пименова, Р. П. Недугова, Т. П. Гришина и другие. Формировалось новое поколение камнерезов. Художники П. В. Курышев и П. М. Минеев подбирали лиричные сюжеты и образы для изделий. Появились каменные иллюстрации к сказкам «Серая шейка», «Золотая рыбка».

Складывались династии камнерезов – талантливых мастеров: Рубцовых, Курышевых, Карасевых, Верхолетовых, Евстифеевых, Долговых, Егорушиных, Мельниковых.

В 1951 году художественный руководитель артели «Борнуковская пещера» П. В. Курышев создал образ коня из камня. В 1955 году работы камнерезов демонстрировались в Лондоне. В 1958 году знаменитый «курышевский конь» был представлен на Всемирной выставке в Брюсселе. Затем он покорял посетителей выставочных залов в Англии, Франции, Японии, США.

В 1957 году из-за нерасторопности, незнания горного дела при взрывных работах борнуковцы лишились своей пещеры-кормилицы. Вход в нее был завален, а сама пещера пришла в аварийное состояние. Добывать камень стало опасно. Его пришлось завозить из Куйбышевской области, из Краснодарского края.

С 1965 года Борнуковская пещера относится к особо охраняемым природным территориям Нижегородской области. Памятник природы занимает площадь 2,7 га, а охранный зона – 95 га. Это заброшенный гипсовый карьер, расположенный на правом коренном склоне долины южной ветви реки Пьяны с уникальным геологическим обнажением и остатками пещеры, некогда известной как крупнейшая подземная полость Русской равнины. Место летнего обитания и зимовки летучих мышей.

В 1960-е годы артель «Борнуковская пещера» превратилась в фабрику. Борнуковская игрушка успешно выставлялась на различных международных выставках. Изделия борнуковских мастеров покупали в Японии, Германии, Англии, США, Франции, Финляндии, Швеции.

Резьба по камню – не простое ремесло. И дается оно не каждому. При помощи немудреных инструментов – рашпиля, стамески – каменный осколок превращается в руках мастеров в белогривого скакуна или сказочную жар-птицу.

Кусок ангидрита-сырца мастер тщательно осматривал. Для обработки подходил только твердый материал, «со звоном», не годился «камень в треску» (с трещинами). Электропилами разрезаются только монолиты. Каждый мастер, взяв такую заготовку, режет из нее фигурку от начала и до конца. Деления процесса резьбы на операции не существует. Требуется приложить немало стараний, терпения, физических сил, чтобы произвести что-то стоящее. Затем скульптурки шлифуются наждачной бумагой, зубным порошком, нагреваются в специальных шкафах и погружаются в расплавленный парафин.

Резьба по камню одна из наиболее сложных областей современного декоративного искусства, и среди камнерезных промыслов России мастера предприятия «Борнуковская пещера» обладают индивидуальным творческим лицом, продолжая традиции анималистического жанра в русском народном творчестве.

При обработке камня используются токарная обработка в сочетании с объемной и рельефной резьбой, гравировкой.

В 1970–1980-е годы наблюдался невиданный расцвет промысла, число камнерезов на фабрике достигло 200 человек. Немало продукции шло на экспорт. Появились каменные изделия, украшенные металлом. Широко применялся орнамент, инкрустация, сочетание различных сортов камней.

В Бутурлинском краеведческом музее целый зал посвящен борнуковской игрушке и искусным мастерам-камнерезам, который называется «Сказы древнего камня».

Самый известный среди мастеров – народный художник России Павел Гусев, начинавший свой трудовой путь в Борнукове и прославившийся в большой скульптуре. Среди его работ – памятник Н. А. Добролюбову в Нижнем Новгороде, скульптурная композиция – памятник морякам Волжской военной флотилии.

Знаменитая игрушка выпускается в Борнукове и поныне. Опытный мастер И.В. Евстифеев руководит бригадой камнерезов. Камень добывают с поверхности, причем он попадает разных цветов, не только белый, но и розовый, голубой, зеленый.

Промысел пришел на Нижегородскую землю с каменного Урала, и существует у нас не один десяток лет благодаря редкому камню, найденному на берегу реки Пьяны неподалеку от Борнукова. Фигурки из камня, созданные талантливыми и добрыми мастерами, радуют нас,

напоминая о детстве, волшебных сказках и о старом уральском промысле. В каждом изделии видна душа мастера, его индивидуальное видение «нутра камня». Можно гордиться тем, что у нас были и пока еще есть мастера не хуже уральских.

С. М. Ледров

КОЖЕВЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА: АРЗАМАС, ПАВЛОВО, БОГОРОДСК, БОЛЬШОЕ МУРАШКИНО, ГОРОДЕЦ, КАТУНКИ, ТУБАНАЕВКА

Выделка шкур домашних и диких животных – одно из древнейших занятий человечества. Объяснение этому простое. Из чего, как не из натуральной кожи и меха наши предки могли изготовить для себя непромокаемую, теплую и медленно изнашиваемую верхнюю одежду и обувь? Ведь искусственных материалов тогда не существовало. Да и сейчас, в XXI веке, при наличии всевозможных кожзаменителей мы предпочитаем дубленки, куртки, ботинки и сапожки из натуральной кожи. Ведь они более качественные, хотя и стоят дороже.

По мере развития кожевенного ремесла в средневековой России сложились крупные районы этого производства, обслуживавшие не только местные рынки, но и всю страну. Одним из таких районов было Нижегородское Поволжье. Значительным центром кожевенного ремесла еще в XVII веке стал сам Нижний Новгород. С конца XVIII века главная роль в кожевенной промышленности Нижегородской губернии перешла к Арзамасу. Здешние мастера научились выделывать особо ценный сорт выделанных кож – красную юфть (из шкур коров). Чем и прославили свой город далеко за пределами России. В первой половине XIX века под началом местных купцов-промышленников из семей Поповых, Бебешиных, Подсосовых и других в Арзамасе действовали кожевенные предприятия с наемными рабочими, выделывавшими ежегодно до 140 тысяч штук кож. А в 1830-е годы П. И. Подсосов один из первых в кожевенной промышленности России установил на своем заводе паровую двигатель.

В то время качественную юфть, нигде в мире, кроме как в России, выделывать не умели, поэтому арзамасская кожа высоко ценилась на

западноевропейских рынках. Экспорт юфти приносил местным заводчикам огромные барыши. Так продолжалось до середины XIX века. После чего из-за падения спроса на российскую юфть за границей, выделка кож в Арзамасе значительно сократилась: уже в 1860 году их здесь было обработано лишь 40 тысяч штук. Причем выпускалась теперь в основном черная юфть для изготовления обуви, расходившейся внутри России.

В других городах края кожевенно-меховая промышленность не получила значительного развития. А вот в сельской местности промыслы по обработке кож и мехов, наоборот, распространились довольно широко. Кожевенные мастера упоминаются еще в писцовых книгах XVII века по селам Лысково, Большое Мурашкино, Павлово, Катунки, Городец, Спасское. В конце же XIX века в 10 уездах Нижегородской губернии (кроме Ардатовского) действовало почти 1100 кожевенно-меховых предприятий: от небольших кустарных мастерских (где трудились лишь сами хозяева да члены их семей) до заводов, владельцами которых являлись разбогатевшие крестьяне, нанимавшие десятки рабочих.

Эта отрасль местной промышленности объединяла мастеров всех трех основных видов кожеобработки: собственно кожевенного, овчинно-мехового и скорняжного производств.

Под собственно кожевенным производством понимается выделка «голых», т. е. без сохранения волосяного покрова кож крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец. В целом сельские мастера умели обрабатывать 17 основных сортов таких кож. Использовались они для изготовления обуви, рукавиц, ремней и упряжи. Всего в конце XVIII – начале XX века в Нижегородской губернии насчитывалось семь сельских центров кожевенного производства: села Павлово и Богородское Горбатовского, Катунки и Городец Балахнинского, Большое Мурашкино Княгининского, Тубанаевка и Юрино Васильсурского уездов.

Павлово открывает данный список неслучайно. В краеведческой литературе это село (современный город) упоминается лишь как крупный центр металлообрабатывающей промышленности. Однако вплоть до начала XIX века многие крестьяне-предприниматели этой вотчины помещиков Шереметевых помимо металлообработки активно занимались выделкой кож. Например, в 1797 году здесь было зарегистрировано 40 кожевенных заводов (таким термином тогда называли любое, даже самое мелкое, кожевенное предприятие, независимо от

наличия в нем парового двигателя и числа рабочих), но которых было выделано 98 тысяч штук кож. Для сравнения: в соседнем селе Богородском, также принадлежавшем Шереметевым, и традиционно считающимся самым крупным центром сельской кожевенной промышленности Нижегородской губернии, заводов было на 6 больше, но их ежегодная производительность определялась лишь в 61 тысячу штук кож. Павловские мастера выделяли преимущественно шкуры овец и... тюленей. Из тех и других тут же шили голицы – рукавицы без меха и с одним пальцем. Однако в последующий период в Павлово приоритет окончательно был отдан металлообрабатывающей промышленности. В 1830-е годы в Павлово в больших объемах выделялись только тюленьи кожи (до 30 тыс. штук). К слову, в Нижегородской губернии такой сорт больше нигде не вырабатывали. Самым крупным поставщиком тюленьих кож тогда являлся павловский крестьянин, записавшийся в нижегородское купечество Н. А. Акифьев. Однако 1842 году помещик выслал его из села. А к началу 1850-х годов в Павлово были закрыты последние три кожевни.

Главная роль в кожевенном производстве не только Горбатовского уезда, но и всей губернии перешла к селу Богородскому (современный город Богородск). До сих пор это один из самых знаменитых центров отечественной кожевенной промышленности. В 1858 году на 120 богородских заводах было обработано 157 тысяч штук кож. До середины XIX века местные мастера, как и павловчане, выделяли, главным образом, «голые» овчины и шили из них голицы. Часть крестьян-предпринимателей выделяла сыромятные кожи и шила из них конскую упряжь. Однако после отмены крепостного права в 1861 году богатые богородские промышленники стали отдавать предпочтение выделке белой (неокрашенной) и черной юфти, телячьих, бычьих, конских и даже верблюжьих кож, торговля которыми приносила более значительную прибыль, по сравнению с овчинами. В Арзамасе, напомним, к тому времени производство крупных кож переживало упадок. Все это позволило Богородскому окончательно утвердиться в роли лидера кожевенной промышленности Нижегородской губернии. В 1890-е годы ведущие богородские промышленники начали оснащать свои заводы паровыми двигателями, которые приводили в действие специальные машины, ускорявшие и улучшавшие выделку кож. А в 1913 году в Богородском заработала электрическая

станция, позволившая начать техническое перевооружение не только крупных, но и небольших заведений. К этому времени число кожевенных предприятий здесь достигло 210 с 1804 рабочими, а объем выделанных кож составил 3 млн. штук. Кроме того, существовало еще 180 промышленных единиц, в которых шились готовые кожаные изделия – до 1 млн. пар голиц, десятки тысяч пудов хомутов, уздечек, гужей, деталей обуви.

За длительный период существования кожевенного производства в селе сложилось немало династий кожевенных промышленников. Наибольших успехов добились семьи Александровых (А. В. Александрову принадлежал самый крупный кожевенный завод в Нижегородской губернии), Хохловых, Русиновых и др. Кроме них в начале XX века одним из ведущих местных предприятий владел двинский, затем нижегородский купец 1-й гильдии И. Я. Равкинд.

В 1899 году именно в Богородском была открыта низшая ремесленная школа, через год преобразованная в ремесленное училище, готовившее подмастерьев по кожевному производству. При училище действовал учебный завод. Выделяемые на нем кожи отмечались золотыми медалями на международных выставках в Льеже (Бельгия), Санкт-Петербурге и Казани. В 1923 году на базе училища был создан кожевенный техникум, существующий до сих пор.

В селе Большое Мурашкино (современный районный центр) до конца XVIII века велась выделка коровьих, конских и овечьих кож. Однако в 1-й половине XIX века сохранилась лишь выделка овчин на голицы. Но и она постепенно уменьшалась и, в конце концов, была вытеснена овчинно-меховым производством. В этом виде промышленной деятельности у мурашкинцев в губернии не было сильных конкурентов. Он-то и принес селу всероссийскую известность.

Крестьяне-предприниматели села Городца (современный город) специализировались на выделке юфти и особенно бычьих (подошвенных) кож: в 1797 году – 11 заводов (3 тысячи штук кож), в 1915-м. – 12 заводов (30 тысяч штук кож). Наиболее известные представители местных кожевенных промышленников – Пугины, Кожевниковы, Василевкины, Галактионовы.

Своеобразие кожевенного производства в селе Катунки (в современном Чкаловском районе) заключалось в его узкой специализации – преимущественно на выделке опойков (телячьих кож). Выбор

этого сорта во многом обосновывался химическим составом воды из местных источников, которая идеально подходила для обработки тонких телячьих шкур и была слишком мягка для выделки шкур взрослого скота. В 1790-е – 1860-е годы в Катунках действовало около 30 кожевенных предприятий. Пик производства опойков пришелся на 1860-е годы – до 500 тысяч штук (ведущее место в России по этому сорту кож). Однако в последующие десятилетия кожевенное производство в Катунках пережило упадок. В 1913 году общий объем производства на оставшихся 5 кожевенных заводах сократился до 20 тысяч штук кож. Причинами упадка стали техническая отсталость местных предприятий и стремительное вытеснение опойков заграничным хромом. Наиболее известные представители катунских кожевенных промышленников – Самарины, Беловы, Сатунины.

В государственном (принадлежало не частному лицу, а Министерству государственных имуществ) селе Тубанаевка (в нынешнем Спасском районе) выделялись коровьи (белая юфть) и конские кожи. Известность это село приобрело в первой половине XIX века. И по значимости сразу стало вторым центром в губернии по производству кож крупных сортов: сначала после города Арзамаса, а потом после села Богородского. В 1827 году в Тубанаевке насчитывалось 27 кожевенных заведений, еще 10 кожевен располагалось в окрестных селениях. Общая производительность составляла 14 тысяч штук кож. В начале XX века – уже 250 тысяч штук. А кожевенных заведений стало около 60. Среди них выделялись наиболее крупные заводы Копашиных, Токаревых, Ильичевых – в самой Тубанаевке, Туриловых – в селе Монастырский Ватрас, Сусленниковых – селе Латышихе.

В конце 1820-х годов богородский помещик Шереметев переселил часть крепостных крестьян в свою новую вотчину на Волге, село Юрино (современный районный центр в Республике Марий Эл). Так в Нижегородской губернии возник еще один центр кожевенного производства. Специализировались юринцы исключительно на выделке овчин для голиц.

Овчинка выделки не стоит – говорят, когда хотят подчеркнуть, что затраты труда или средств на что-либо пропадут даром, не окупятся. Возникла такая поговорка среди ремесленников, обрабатывавших дешевые овечьи меха. Оказавшаяся в руках мастера овчина иногда была

настолько плохого качества, что даже жалко было тратить усилия на ее выделку.

Под овчинно-меховым производством подразумеваются выделка шкур взрослых овец (собственно овчина) и ягнят (мерлушка) с сохранением шерсти и изготовление из них предметов верхней зимней одежды – шуб, воротников, шапок, рукавиц. С XVII века такое производство развивалось в Нижнем Новгороде, а также в крупных торгово-промышленных селах, в частности в Лыскове и Большом Мурашкине. В последующем именно Большое Мурашкино стало самым известным центром овчинно-мехового производства в Нижегородской губернии и в России в целом. В первой половине XIX века выделка мехов в этом селе окончательно вытеснила собственно кожевенное дело.

Наибольшее же распространение овчинно-меховое производство в губернии получило во второй половине XIX – начале XX века. В 1897 году, например, им занимались жители 216 селений 9 уездов. Общее число овчинных заведений составляло 849, а объем выделки овчин – 1,97 млн. штук. Однако 86 %, или 1,7 млн. штук тогда было выделано в Большом Мурашкине, где действовало 385 овчинных заведений. Перед Первой мировой войной мурашкинцы ежегодно выдывали уже 3,5 млн. овчин, из которых изготовлялось около 30 сортов мехов, тулупов, шапочной и воротниковой мерлушки. Самые известные представители местных овчинно-меховых промышленников – Панышевы, Моневы, Оленичевы, Балины.

В 1899 году именно в Большом Мурашкине по инициативе губернского земства началась организация учебной скорняжной мастерской по подготовке мастеров по окрашиванию овчин и мехов других животных. Образцы мехов, обработанных мастерами и учениками мастерской, были отмечены золотой медалью на Санкт-Петербургской кустарной выставке 1902 года и малой серебряной медалью на выставке в Казани. В 1910 году единственная в стране скорняжная учебная мастерская была преобразована в правительственную школу инструкторов скорняжного производства, которая просуществовала до 1932 года.

Вторым, по значимости, центром овчинно-мехового производства в Нижегородской губернии было село Монастырский Ватрас Васильсурского уезда (современное село Красный Ватрас в Спасском районе). В конце XIX – начале XX века здесь действовало около 80 заведений,

на которых выдывалось до 100 тыс. овчин. Наибольшую известность на этом поприще приобрел род крестьян Серяковых.

Ещё один вид кожевенного дела – скорняжное производство. Под ним подразумевается выделка меха мелких домашних и диких животных. Наибольшее развитие оно получило в Арзамасе и его округе. Наряду с выделкой кож скорняжное производство уже в конце XVIII века являлось основой арзамасской промышленности. В 1835 году в этом городе было выделано 1 млн. штук заячьих, 350 тыс. штук кошачьих, 150 тыс. штук беличьих и хорьковых шкур. Со второй половины XIX века скорняжное производство, по мере угасания местной кожевенной промышленности, приобрело еще большую значимость в экономике города. В 1860-е годы в Арзамасе проживало 583 ремесленника-скорняка. В конце XIX – начале XX века городе также существовало около 8 крупных скорняжных «фабрик» и «раздаточных контор», принадлежавших купцам Будылиным, Муравиным, Щегольковым и др.

Центрами сельского скорняжного производства являлись селения Кирилловка, Березовка, Ямская Слобода и Ивановское Выездновской волости и Морозовка Вадской волости Арзамасского уезда. Сельские мастера в основном выдывали зайчину (до 1,6 млн. штук в год), в меньшем количестве – кошачьи и беличьи шкурки, иногда и мерлушку. В целом же в конце XIX века в Арзамасе и окрестных с ним селениях обрабатывалось 3,2 млн. шкур различных животных.

В советский период кожевенно-меховая промышленность в Нижегородской губернии значительно сократилась. Крупные кожевенные заводы сохранились только в городе Богородске. Мурашкинские и ватрасские овчинники, скорняки Арзамасского уезда добровольно-принудительно были объединены в единые промысловые артели. После Великой Отечественной войны все они были преобразованы в государственные фабрики, из которых впоследствии сохранилась только Большемурашкинская.

Л. Ю. Варенцова

«ЗЛАТОКУЗНЕЦЫ» И СЕРЕБРЕНИКИ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА И КАЗАКОВА

Ювелирное искусство расцвело в Нижегородском крае в XVII столетии. Замечательные ювелиры – «златокузнецы» жили и трудились тогда в Арзамасе, Городце и Лыскове. Имелись такие мастера и среди посадских людей Нижнего Новгорода. В 1665 году серебряным делом здесь занималось 26 человек.

Нижегородские серебряники славились как прекрасные чеканщики. В 1652 году царским указом из Нижнего Новгорода были вызваны в Москву и зачислены в Серебряную палату пять мастеров для работы в Успенском соборе в Кремле. Это братья Михаил и Григорий Игнатьевы, Елизарий Иванов, Михаил Федоров и Тимофей Петров. Им было поручено чеканить в верхнем ярусе иконостаса у икон «пророческого чина» серебряные изображения херувимов и серафимов.

Один из нижегородцев, Тимофей Петров, мастер чеканного и резного дела, в Нижний Новгород больше не вернулся, а остался с семьей в Москве. В 1658 году он сопровождал царя в поход под Ригу, где вместе с серебряником Василием Карповым сделал оклад на икону «Полоцкой Богоматери». В 1669 году Тимофей Петров вместе с выдающимся чеканщиком Серебряной палаты Гаврилой Овдокимовым участвовал в изготовлении сосудов для «вселенских патриархов». В 1680 году сын Тимофея, Трофим, «за работу отца его» был принят в число мастеров Серебряной палаты. Остальные же серебряники вернулись в родной город.

Кроме посадских серебряников были еще монастырские мастера при Нижегородском Печерском монастыре.

Для серебряников Нижнего Новгорода в XVII веке характерна резьба по серебру и чеканные работы с пышным густым орнаментом.

Большая ежегодная ярмарка, проводившаяся у стен Макарьев-Желтоводского монастыря, ставила нижегородских серебряников в невыгодные условия. В XVII–XIX веках на ярмарку привозили в большом количестве серебряные изделия различных художественных центров России – черное серебро из Великого Устюга, ювелирные мелочи из сел Костромской губернии, работы серебряников Москвы и Петербурга. Выдержать конкуренцию нижегородским мастерам было не под силу,

и серебряное дело не получило развития, а заняло в Нижнем Новгороде в XVIII веке лишь очень скромное место в ряду других промыслов.

В 1840-х годах в Нижнем Новгороде жили и работали 12 мастеров серебряного и золотого дела, преимущественно изготовлявших ювелирные мелочи и церковную утварь. Московские фабриканты заполняли городские и ярмарочные лавки своими товарами – столовыми и чайными сервизами, всевозможными ювелирными украшениями. Нижегородские купцы Я. М. Болотов, Ф. А. Брызгалов, М. Я. Коротнев, С. И. Переплетчиков, И. М. Сачев, М. А. Губин, Д. Я. Пондрин, А. Е. Ламонов торговали этими золотыми изделиями. Все крупные заказы купечества в XIX веке выполнялись в Москве и Петербурге.

Но и в провинции имелись свои мастера. Есть сведения, что в Балахнинском уезде в 1848 году некоторые крестьяне занимались золотым и серебряным мастерством.

Для употребления в крестьянском быту в селе Лысково вырабатывали «игольный товар»: кольца, запонки, пуговицы, наперстки. Товар стоил крайне дешево: пуговицы – от 1 до 2 рублей за тысячу, женские наперстки – от 3 рублей 50 копеек до 5 рублей за тысячу. В десятках домов в Лыскове производилась эту немудреная продукция. Сбывался товар на Нижегородской ярмарке. В Лыскове изготовлялись также кадилницы, лампадки, тельные кресты для старообрядцев. Лили кресты и иконы также в селах Мурашкино и Маресево Нижегородской губернии.

В 1883–1885 годах по Нижнему Новгороду значилось 18 ювелиров. В начале XX века владельцами мастерских по изготовлению золотых и серебряных изделий в Нижнем Новгороде И. А. Михельсон, А. М. Потехин, А. Н. Тихановский, А. А. Хохлов, А. М. Хохлов, А. Е. Шеронов. Две ювелирные мастерские имелись в городе Арзамасе, которыми владели М. А. Вейнтрауб и А. Н. Тихановский.

В XX столетии центром ювелирного искусства в Нижегородском крае стало старинное село Казаково. Стоит Казаково на широком взгорье, как бы оглядывая раздольные просторы, где у горизонта синеют знаменитые Муромские леса. В былые времена село входило в Муромский уезд Владимирской губернии. Ныне крепко связало свою судьбу, историю, легенды и славу с Нижегородским краем, породившись с ним в 1929 году.

Зарождение казаковского ювелирного промысла связано с именем Ольги Ивановны Таракановой. Она приехала в Казаково в 1939 году

Шкатулка «Конек-Горбунук». Б. Тупичкин

с костромской земли, из села Красного – одного из центров ювелирного промысла в России. Председатель артели металлостроителей М. И. Зинцов принял решение поддержать начинания О. Таракановой по организации изготовления филигранный в Казакове.

13 августа 1939 года Ольга Иванова с 12 работницами взялась налаживать новое производство. Первым изделием казаковских филигран-

ниц стал подстаканник под названием «Паращют».

Из села Красного перебрались в Казаково и другие даровитые рукодельницы. В 1953 году появилась Казаковская промысловая артель металлостроителей по производству металлических и филигранно-художественных изделий. В 1956 году образован Казаковский завод художественных изделий.

Название «филигрань» происходит от двух латинских слов: «филюм» – нить и «гранум» – зерно. Слово «скань» – древнеславянское и означает «свить», «скрутить». Скань изготавливают из чистых металлов – золота, серебра, меди, обладающих хорошей вязкостью, пластичностью. Эти качества способствуют волочению и вальцеванию проволоки, ее кручению и набору скани. Вещи, выполненные в технике скани, почти всегда включают зернь – шарики, иногда в 5–6 раз меньше булавоочной иглолки.

Издrevле практиковали два различных способа набора: напайную филигрань, при которой набор напайвается на основу, и ажурную, когда проволоочные элементы спаиваются между собой. Для искусства скани характерно и сочетание ее с разнообразными техниками – чернью, чеканкой, литьем, а также с другими материалами – самоцветами, резным камнем и костью.

Свитая, скрученная проволока позволяет составлять узоры из разных элементов: «травки», «колечка», «головочки», «репейника», «звездочки», «жучка». В конечном счете, получается необыкновенный ажур – сквозной, кружевной, сетчатый.

Инструментарий сканщика с древности и до сегодняшнего дня остается неизменным. В руках «златокузнецов» – простые и фигурные наковальни, молотки, чеканки, кусачки, клещи, зубила, зажимы, напильники, сверла, паяльники, волочильные доски.

С первых лет своего существования казаковская филигрань отличалась своеобразием орнамента, сложным изящным узором, по-особому закругленным завитком.

Казаковский завод выпускает самые разнообразные художественные изделия: декоративные вазы и чаши, сухарницы, подстаканники, конфетницы, ложки для заварки чая, браслеты, карандашницы, разнообразные украшения. С 1998 года «Казаковское предприятие художественных изделий» выпускает церковную утварь – оклады к иконам, пангии с финифтью, наперсные кресты, висячие и настольные лампы.

Казаковскую чудо-филигрань знают в 12 странах мира, в том числе в Японии, Голландии, Чехии, Германии, США и Канаде.

Сегодня Казаково – широко известный ювелирный центр России. Его узорчатые шкатулки, солонки, браслеты, броши, ожерелья, серьги, украшенные самоцветными камнями, известны повсюду. Художники в своем искусстве стремятся выразить изящество скани, раскрыть тонкость и своеобразие этой техники. Работы ведущих художников радуют посетителей многих отечественных и зарубежных выставок, украшают музейные коллекции.

Восторженные слова оставляли в книге отзывов предприятия высокие гости и многочисленные посетители. В 1979 году герой Советского Союза, летчик-космонавт В. Зудов отметил: «Сердечно благодарим за труд, за прекрасное мастерство, искусство и талант народных умельцев, которые приносят людям чувство гордости за русский народ».

В настоящее время в России выделяют несколько школ в ювелирном искусстве, среди которых Московская, Петербургская, Уральская, Красносельская. Казаковские мастера более всего тяготеют к своему «родному» Красному селу.

ЧТО ЕЩЕ ПОЧИТАТЬ

- Агафонов С. Л.* Нижегородский кремль. – Нижний Новгород, 2008.
- Варенцова Л. Ю., Филатов Н. Ф.* Борское лесное Заволжье в XVII веке: Очерки истории, документы. – Нижний Новгород, 2001.
- Вдовин М. Н., Горева А. М.* Всё для победы! Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. – Нижний Новгород, 2010.
- Города нашей области: география, история, экономика, население, культура. – Горький, 1969.
- Города нашей области: география, история, экономика, население, культура. – Горький, 1974.
- Городская Дума Нижнего Новгорода. История и современность. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2009.
- Емельянова Т. И.* Хохломская роспись. – Нижний Новгород, 2009.
- История города Горького. – Горький, 1971.
- Кирьянов И. А.* Старинные крепости Нижегородского Поволжья. – Горький, 1961.
- Коновалов А. Е.* Городецкая роспись. – Горький, 1988.
- Красильников А. В.* Золотая хохлома. – Горький, 1979.
- Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII. – Нижний Новгород, 2006.
- Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. – М., 1939.
- Мельников А. П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917). – Нижний Новгород, 1993.
- Морохин А. В.* Архиепископ Питирим: Церковный деятель эпохи перемен. – Нижний Новгород, 2009.
- Наумова О. И.* 100 биографий домов Нижнего. – Нижний Новгород, 2008.
- Нижегородский край: факты, события, люди /под ред. *Н. Ф. Филатова* и *А. В. Седова*. – Нижний Новгород, 1997.
- Орлов А. М.* Мещера, мещеряки, мишаре. – Казань, 1992.
- Пудалов Б. М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). – Нижний Новгород, 2003.
- Пудалов Б. М.* Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). – Нижний Новгород, 2004.

- Путешественники. – Нижний Новгород, 2009.
- Седов А. В.* Глядя с откоса. Рассказы о родном крае. – Нижний Новгород, 2009.
- Седов А. В.* Кержаки – история трех поколений купцов Бугровых. – Нижний Новгород, 2005.
- Селезнев Ф. А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). – Нижний Новгород, 2001.
- Сенюткин С. Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XV до начала XX вв. – Нижний Новгород, 2001.
- Смирнов Д. Н.* Нижегородская старина. – Нижний Новгород, 1995.
- Смирнов Д. Н.* Очерки истории и быта нижегородцев начала XX века. 1900–1916. – Нижний Новгород, 2001.
- Трубе Л. Л.* Как возникли географические названия Горьковской области. – Горький, 1962.
- Федоров В. В.* Нижегородская домовая резьба. – Нижний Новгород, 2008.
- Федоров В. В.* Павловские замки. Пурехские колокольчики. – Нижний Новгород, 2009.
- Федоров В. В.* Оружие победы. – Нижний Новгород, 2010.
- Филатов Н. Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История, архитектура. – Горький, 1989.
- Филатов Н. Ф.* Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. – Нижний Новгород, 2009.
- Филатов Н. Ф.* Нижний Новгород. Архитектура XIV–XX вв. – Нижний Новгород, 1994.
- Филатов Н. Ф.* Нижний Новгород пушкинской поры. – Горький, 1983.
- Филатов Н. Ф.* Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. – Нижний Новгород, 2006.
- Филатов Н. Ф.* Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. – Нижний Новгород, 2003.
- Храмцовский Н. И.* История и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998.
- Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI вв.: внутреннее устройство и система управления. – Нижний Новгород, 2004.
- Чуянов С. П.* Городецкая роспись. – Нижний Новгород, 2009.
- Шубин И. А.* Волга и волжское судоходство. – М., 1927.

ОБ АВТОРАХ

- Д. А. Антонов**, ассистент кафедры истории России и краеведения исторического факультета им. Н. И. Лобачевского.
- Н. А. Богородицкая**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и краеведения Исторического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Л. Ю. Варенцова**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и краеведения Исторического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- Алексий Горин**, протоиерей.
- Ф. Б. Дроздов**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России и краеведения Исторического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
- С. М. Ледров**, кандидат исторических наук, заместитель по научной работе директора НФ института бизнеса и политики.
- А. В. Медведев**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и краеведения Исторического факультета.
- М. В. Медоваров**, аспирант кафедры методологии и исторической информатики Исторического факультета ННГУ.
- А. В. Морохин**, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения ННГУ исторического факультета.
- Е. И. Подрепный**, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Исторического факультета ННГУ.
- О. Н. Сенюткина**, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета.
- Ф. А. Селезнев**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и краеведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть 1. СЕДАЯ СТАРИНА (от древности до начала XVII века)	4
Наш край в глубокой древности (Ф. А. Селезнев)	4
Юрий Долгорукий и его дети в истории Городца (Ф. А. Селезнев)	12
Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович (Ф. А. Селезнев)	24
Время Александра Невского и его сыновей (Ф. А. Селезнев)	32
Нижегородское княжество (Ф. А. Селезнев)	39
Кремль – Нижегородская твердыня (Д. А. Антонов)	55
Подвиг Минина (М. В. Карташова, Ф. А. Селезнев)	62
Часть 2. ДВА ВЕКА БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН (XVII–XVIII века)	69
Нижегородские мастера XVII века (Л. Ю. Варенцова)	69
Нижегородское старообрядчество XVII–XVIII вв. (А. В. Морохин)	74
Огнепальный Аввакум (Л. Ю. Варенцова)	78
Макарьевская ярмарка (Л. Ю. Варенцова)	80
Афанасий Олисов: человек-удача (Ф. А. Селезнев)	85
Промышленная Балахна в XVII веке (Л. Ю. Варенцова)	90
Пушниковы, или умение держать удар (Ф. А. Селезнев)	95
Строгановы: именитые люди (Ф. А. Селезнев)	100
Пётр I и Нижегородский край (Л. Ю. Варенцова)	109
Братья Баташovy – создатели нижегородской металлургии (Ф. А. Селезнев)	115
Иван Кулибин: нижегородский кудесник в Академии Наук (Ф. А. Селезнев)	123

Николай Лобачевский: нижегородская тайна и мировой успех (Ф. А. Селезнев)	130
Часть 3. КАРМАН РОССИИ (XIX век)	136
Нижний Новгород в Отечественную войну 1812 года (Ф. Б. Дроздов)	136
Нижегородская ярмарка – карман России (Н. А. Богородицкая)	140
Малые ярмарки и базары Нижегородчины (С. М. Ледров)	148
Как Николай I благоустроил Нижний Новгород (Ф. А. Селезнёв)	153
Нижегородские мукомолы (Ф. А. Селезнёв)	159
Адреса милосердия: нижегородские благотворители (Ф. А. Селезнев)	170
Так начинался славный путь Сормовского завода (Н. А. Богородицкая)	177
Андрей Карелин: мастер «светописи» (Н. А. Богородицкая)	183
Фотолетописец Максим Дмитриев (Н. А. Богородицкая)	188
Преподобный Серафим Саровский (протоиерей Алексей Горин)	191
Общественная жизнь после великих реформ (Ф. А. Селезнёв)	197
Дмитрий Сироткин: миллионер из деревни (Ф. А. Селезнёв)	203
Часть 4. XX ВЕК: ИСПЫТАНИЯ И ПОБЕДЫ	212
Алексей Максимович Горький (А. В. Медведев)	212
Нижегородский край в первой российской революции (Ф. А. Селезнёв)	218
Нижегородский край после революции 1905 года: партии, профсоюзы, кооперативы (Ф. А. Селезнёв)	225
П. Н. Нестеров: прорыв в небо (Ф. А. Селезнев)	230
Красный Октябрь (Ф. А. Селезнёв)	238
Нижегородский государственный университет: путь длиною в столетие (М. В. Медоваров)	243
Нижегородская радиолaborатория – колыбель отечественной радиотехники (Ф. Б. Дроздов)	252
Крылья нижегородского «Сокола» (Е. И. Подрепный)	259

Валерий Чкалов (Ф. Ф. Селезнев)	265
Горьковский автозавод: машины для России (Ф. А. Селезнев)	271
Горький – прифронтовой город (Ф. Б. Дроздов)	284
Подвиги воинов-горьковчан на фронтах Великой Отечественной (Ф. Б. Дроздов)	290
Горьковский край – кузница победы (Ф. Б. Дроздов)	297
Взлеты нижегородской науки (Ф. А. Селезнев)	305
Сормовская подводная рать (Е. И. Подрепный)	321
Крылатые суда из Нижнего Новгорода (Е. И. Подрепный)	326
Звезды нижегородского спорта (Ф. А. Селезнев)	332
Часть 5. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ	344
Красоты Нижегородской земли (Ф. А. Селезнев)	344
Славный город Арзамас (Л. Ю. Варенцова)	350
Нижегородские татары (О. Н. Сенюткина)	354
Золотное шитьё: Арзамас, Городец, Лысково, Бор (Л. Ю. Варенцова)	359
Балахнинское кружево (Л. Ю. Варенцова)	365
Павлово: люди и железо (Ф. А. Селезнёв)	370
Рождение золотой хохломы (Ф. А. Селезнёв)	376
Городецкая роспись (Л. Ю. Варенцова)	381
Городецкие пряники (Л. Ю. Варенцова)	386
Тайны Борнуковской пещеры (Л. Ю. Варенцова)	391
Кожевенных дел мастера: Арзамас, Павлово, Богородск, Большое Мурашкино, Городец, Катунки, Тубанаевка (С. М. Ледров)	396
«Златокузницы» и серебряники из Нижнего Новгорода и Казакова (Л. Ю. Варенцова)	403
Что еще почитать	407
Об авторах	409

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края

Редактор	<i>Яков Гройсман</i>
Компьютерная верстка	<i>Светлана Сорувка</i>
Корректор	<i>Лев Зелексон</i>
Ответственная за выпуск	<i>Анастасия Пономарева</i>

Подписано в печать 00.03.2013.

Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «AdonisC».

Печать офсетная. Физ. печ. л. 26. Тираж экз.

Заказ №

ООО «Издательство ДЕКОМ»,

603000 Нижний Новгород, ул. Горького, 107.

E-mail: izdat@dekom.nnov.ru <http://www.dekom.nnov.ru>

Текст отпечатан в ООО «Фактор-Друк»

61030, Украина, г. Харьков, ул. Саратовская, 51.